БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В 1953-1985 ГОДЫ

Сборник научных статей по материалам
VIII Всероссийской научной конференции
(19–21 октября 2023 г., г. Пермь, Россия)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ
Государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края
Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий «Пермь-36»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»

12+

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг.

Сборник научных статей по материалам
VIII Всероссийской научной конференции

(19–21 октября 2023 г., г. Пермь, Россия)

Пермь
2024

УДК 94.470
ББК Т3(2)61
Б799

Б799 **Большая** перемена: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг. : сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научной конференции (19–21 октября 2023 г., г. Пермь, Россия) / редакционная коллегия : М.Г. Нечаев (научный редактор), Н.Ю. Семакова, Н.С. Пашкова, С.А. Шевырин, П.С. Аликин ; Музей-заповедник «Пермь-36» ; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2024. – 384 с. : ил. – Текст (визуальный) : непосредственный.

ISBN 978-5-907675-95-7

Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» – один из исследовательских центров изучения советского прошлого. Ежегодно организуемая и проводимая музеем научная конференция, посвященная «сложным страницам» отечественной истории XX в., является важной частью исторического просвещения в рамках реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий на территории Пермского края.

В настоящем сборнике публикуются статьи участников VIII Всероссийской научной конференции «Большая перемена: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг.», состоявшейся в октябре 2023 г.

Авторы освещают различные аспекты социальной, общественно-политической и культурной истории СССР. Представлены исследования по широкому спектру проблем, связанных с динамикой общественного сознания в «доперестроечное» тридцатилетие.

Материалы сборника адресованы историкам, архивистам, музейным работникам и всем интересующимся отечественной историей XX в.

Редакционная коллегия:
М.Г. Нечаев (научный редактор, канд. ист. наук),
Н.Ю. Семакова (руководитель проекта),
Н.С. Пашкова (канд. экон. наук),
С.А. Шевырин (канд. ист. наук),
П.С. Аликин (составитель)

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Издание осуществлено по заказу администрации губернатора Пермского края
в рамках реализации государственной программы
«Общество и власть»

ISBN 978-5-907675-95-7

© Государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края Мемориальный музей заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», 2024
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Шевырин С.А.
Предисловие 8

Раздел I. Социально-политические процессы в Советском Союзе 16

Кантор Ю.З.
«Теперь можно быть спокойным за дело Сталина». Общественные настроения в Москве и Ленинграде в начале марта 1953 г. (по рассекреченным документам ЦА ФСБ РФ и УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области) 16

Корнеев В.А.
«Австрийские товарищи»: становление Альпийской республики как «ледокола» в холодной войне 25

Полынов М.Ф.
Обострение отношений «Восток – Запад». Ухудшение международного положения СССР. Вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг. 33

Лысенко М.Р.
Влияние реформ Советской армии 1950–1960-х гг. на развитие Вооруженных сил СССР 44

Шевырин С.А.
Заглянуть за «железный занавес». Зарубежный туризм во второй половине 1950-х – 1960-х гг. 55

Бекленищева М.В.
Трансформация восприятия визитов иностранцев в СССР в 1955–1985 гг. на примере Свердловской области 66

Леонов Д.Е.
Учреждение званий почетных граждан в СССР в 1960–1970-е гг. и практика их присвоения (на материале г. Ростова Ярославской области) 75

Елтышева Л.Ю.
Отражение эпохи развитого социализма в материалах фондовых коллекций Кунгурского музея-заповедника 86

Ревенко Л.В.
В поисках мира на земле.....96

Хаярова П.В., Голдобин А.В.
Изменения в повседневности спецпереселенцев после смерти И.В. Сталина на примере спецпоселка Сергеевский 105

Раздел II. Советское общество: идеология и инакомыслие 119

Белоногов Ю.Г.
Пересмотр «сталинской» политики по укреплению трудовой дисциплины в период «оттепели»: причины отмены указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. 119

Липатов А.В.
Стирая имя Сталина: к вопросу о переименовании Сталинграда в 1961 г. 129

Богдашина И.В.
Социальный оптимизм и надежда на лучшее будущее в женской памяти: новые идеалы и стремления горожанок Сталинграда/Волгограда в 1950–1960-е гг. 139

Дементьев Б.П.
«Застой» («развитой социализм») в СССР: мифы и реальность 148

Черепанова Р.С.
«Развитой социализм» как большая «большая сделка» 155

Жамалутдинов А.Р.
Идеологические тупики «развитого социализма» и их роль в распаде СССР 162

Беляев Д.А.
Самонасильственные акции протеста против советской власти в период с «оттепели» до «перестройки»: феномен и его причины 168

Анисимов К.Г.
«Ильич, вставай, мы голодаем!»: выборы в Советы как условие выражения несогласия (протестные настроения в Кировской области в 1970-е гг.) 173

Юдкина Е.С.
История политических колоний для «особо опасных государственных преступников» в 1960–1980-е гг. в трудах российских и зарубежных исследователей.....188

Александров А.А.
Феномен Порфирия Иванова как инакомыслящего и проблема свободы совести в послесталинском Советском Союзе 201

Раздел III. Духовный мир и культурное пространство советского человека 207

Нечаев М.Г.
«Безбожная семилетка»: к восприятию «хрущевских гонений» на религию.....207

Савкин А.А.
Русская церковь в период гонений в годы правления Н.С. Хрущева (1958–1964) 241

Гореликов А.И.
Шаманство как фактор социально-медицинской практики у коренных малочисленных народов Дальнего Востока во второй половине XX в. 251

Ахметов Д.Р., Мерзляков М.А., Николенко Д.А.
Отражение деятельности И.В. Сталина в советских школьных учебниках постсталинского периода (1953–1985 гг.) 251

Кашина Е.М
Два нарратива об истории Древней Руси в публикациях журнала «Знание – сила» (1965–1985 гг.) 268

Ярмолич Ф.К.
Тема современности и культурное пространство советского горожанина 1950–1960-х гг. 278

Михалишин А.В.
Ревизионизм имиджа: переосмысление городов Западной Сибири как места ссылки (кейс г. Сургута) 286

Негатина А.В.
Перемены в советском обществе на примере города Богдановича Свердловской области (1953–1970).....295

Раздел IV. Литература и искусство в послесталинский период.....304

Гаврилов Д.М.
Феномен метафизического в постсталинской культуре 304

Нарский И.В.
«Не превращайтесь в советских, оставайтесь русскими»: реакции поклонников ансамбля «Березка» 1950-х – начала 1960-х гг. на преобразование репертуара 315

Сергеев С.А.
Ангелы и выродки: советские писатели-фантасты 1960-х гг. о сопротивлении тоталитаризму.....323

Мошник Ю.И.
Три путешествия в Выборг. Изменение образа новых советских территорий в прозе и поэзии ленинградских авторов 1960-х гг. 332

Галиев Р.Ф.
Неформальные литературные сообщества Ленинграда в 1960–1980-е гг.: от ЛИТО до «Клуба-81» 343

Казанцева Е.Д., Подледнов Д.Д.
Неофициальное искусство, или Неоромантизм
по-советски: на примере графических и живописных
работ Бориса Свешникова 352

Аликин П.С.
«Большая перемена»: служители исторической науки
на советском телеэкране 363

Хафизова Д.Д.
Война как экзистенциальное переживание индивида
на примере игрового кино эпохи «оттепели» 367

Исакова Е.Е.
Маргинальный герой в советском кинематографе эпохи
«застоя» 377

ПРЕДИСЛОВИЕ

19–21 октября 2023 г. состоялась VIII Всероссийская научная конференция «*Большая перемена*: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг.». Конференция была организована Мемориальным музеем-заповедником истории политических репрессий «Пермь-36» совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН при поддержке Администрации губернатора Пермского края, Министерства культуры Пермского края, Уполномоченного по правам человека в Пермском крае и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Время проведения конференции традиционно приурочено ко Дню памяти жертв политических репрессий (30 октября). Мероприятия конференции состоялись в городе Перми и на территории Музея-заповедника «Пермь-36» (Чусовской городской округ, д. Кучино) и включали в себя не только научную, но и мемориальную часть – возложение цветов к памятнику жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище Перми, открытие новых выставок в Музее-заповеднике – «История одного барака», «Самиздат/Тамиздат» и презентацию нового экскурсионного маршрута «Время и судьбы».

Участниками конференции стали 56 исследователей – историков, филологов, социологов, культурологов, религиоведов, музеологов и архивистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Витебска (Республика Беларусь), Екатеринбурга, Челябинска, Омска, Казани, Тюмени, Волгограда, Ростова-на-Дону, Кирова, Перми, Кунгура.

Вопросы, рассмотренные на конференции, охватили широкий круг историко-культурных проблем и процессов, происходивших в СССР после смерти И.В. Сталина и последовавшей затем политической «оттепели», сменившейся эпохой «застоя», официально обозначенного как «развитой социализм». Публичное осуждение культа личности Сталина и признание массовых незаконных политических репрессий на XX съезде КПСС привели к серьезным изменениям в обществе, в первую очередь в общественном сознании. Студенты Пермского университета так описывали свои ощущения: «*А время было странное… Преподавателей и студентов собрали сразу в двух актовых залах для ознакомления с тезисами доклада нового лидера*

партии и государства Н.С. Хрущева о культе личности Сталина. Подлинник доклада был засекречен и опубликован в полном объеме лишь в перестроечное время. Но и того, что мы услышали, хватило с избытком. Большинство присутствующих пережили настоящий шок. <…> Нечего и говорить, что молодняк, студенчество держали в крепчайшей узде. <…> Но, безусловно, семена некоторой вольности начали проникать в наши души»[1]. «Семена вольности» проросли в творчестве «шестидесятников», появлении первых диссидентов. Власть, почувствовав угрозу в этом движении, инициировала гонения на писателей: Бориса Пастернака (1958), Иосифа Бродского (1964), Юлия Даниэля и Андрея Синявского (1965). В это же время события в Венгрии (восстание 1956 г., подавленное войсками), расстрел рабочих в Новочеркасске (1962), жестко подавленная «Пражская весна» (1968) давали наглядно понять, что обещанная свобода имеет строго определенные границы.

Сменившая «оттепель» эпоха «застоя» характеризовалась прекращением открытой критики Сталина и его репрессивной политики, усилением цензуры и преследованием инакомыслящих. Но вернуть общественное сознание к временам Сталина было невозможно: «*Мы уже не были просоветскими, не были и аполитичными, думали, рефлексировали. Искали недоступные, и потому особенно вожделенные, книги: Библию и Зигмунда Фрейда. Ловили каждое новое слово о Великой Отечественной войне у В. Быкова, В. Некрасова, В. Кондратьева, Д. Гранина, Г. Бакланова, ревниво следили за двумя оппозиционными журналами «Новый мир» и «Октябрь». Именно в литературе мы находили крупицы правды о жизни. <…> “Из-под полы” доставали запрещенные “Реквием” А. Ахматовой, стихи из романа “Доктор Живаго” (сам роман прочли лет через 15)*»[2]. Именно этим сдвигам, трансформациям в общественном сознании и были посвящены доклады конференции.

---

[1] «Взойди, звезда воспоминанья!»: Страницы воспоминаний выпускников филологического факультета Пермского университета / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 80 (из воспоминаний Г.М. Лебедевой, выпускницы Пермского государственного университета 1958 г.).

[2] «Взойди, звезда воспоминанья!». С. 251 (из воспоминаний С.Г. Ляпустиной, выпускницы Пермского государственного университета 1971 г.).

В своих выступлениях докладчики осветили различные аспекты социальной, общественно-политической и культурной истории второй половины XX в. Это широкий спектр проблем, связанных с динамикой общественного сознания в «доперестроечное» тридцатилетие. Среди тем, обсуждавшихся на конференции: партийно-государственная идеология и реакция на нее, восприятие советской модернизации, конфессиональные, исследовательские и творческие практики советских граждан, советское общество после смерти вождя (от шока до эйфории), переоценка ценностей и осмысление идеалов, религия в постсталинское время и проблема свободы совести, инакомыслие периодов «оттепели» и «застоя», советские гуманитарии, практика и преподавание общественных наук в СССР, «оттепель» в искусстве и литературе, изменения во внешнеполитическом курсе Советского Союза.

В настоящем сборнике все публикуемые доклады разделены на четыре тематических раздела в соответствии с секциями работы конференции. В раздел «Социально-политические процессы в Советском Союзе» вошли доклады об общественных настроениях в Москве и Ленинграде в начале марта 1953 г. (Ю.З. Кантор), изменениях в повседневности спецпереселенцев после 1953 г. (А.В. Голдобин, П.В. Хаярова), трансформациях восприятия визитов иностранцев в СССР (М.В. Бекленищева) и зарубежном туризме советских граждан во второй половине 1950-х – 1960-х гг. (С.А. Шевырин), влиянии реформ Советской армии 1950–1960-х гг. на развитие вооруженных сил (М.Р. Лысенко), становлении Альпийской республики как «ледокола» холодной войны (В.А. Корнеев), отражении эпохи «развитого социализма» в фондах регионального музея (Л.Ю. Елтышева), учреждении и практике присвоения званий почетных граждан в СССР в 1960–1970-е гг. (Д.Е. Леонов), обострении отношений между СССР и США в 1970-е – начале 1980-х гг. (М.Ф. Полынов), судьбе М.И. Шаляпиной-Шацкой (Л.В. Ревенко).

В разделе «Советское общество: идеология и инакомыслие» представлены статьи о выборах в Советы как выражении несогласия (К.Г. Анисимов); причинах пересмотра «сталинской» политики по укреплению трудовой дисциплины (Ю.Г. Белоногов); феномене «самонасильственных» акций протеста (Д.А. Беляев); «развитом социализме» как «большой сделке» (Р.С. Черепанова), восприятии феноме-

на «развитого социализма» (Б.П. Дементьев) и его «идеологических тупиках» (А.Р. Жамалутдинов); дискуссиях вокруг переименования Сталинграда/Волгограда (А.В. Липатов), новых идеалах и стремлениях жительниц этого города в 1950–1960-е гг. (И.В. Богдашина); проблеме историографии «политических» колоний позднесоветского периода (Е.С. Юдкина); П.К. Иванове как инакомыслящем (А.А. Александров).

Раздел «Духовный мир и культурное пространство советского человека» включает в себя публикации об отражении деятельности И.В. Сталина в советских школьных учебниках (Д.Р. Ахметов, М.А. Мерзляков, Д.А. Николенко); представлении истории Древней Руси на страницах журнала «Знание – сила» (Е.М. Кашина); переосмыслении Западной Сибири как места ссылки (А.В. Михалишин); переменах в советском обществе на примере отдельного небольшого города (А.С. Негатина); «безбожной семилетке» 1950–1960-х гг. (М.Г. Нечаев); Русской церкви в период «хрущевских» гонений (А.В. Савкин); современности и культурном пространстве горожанина (Ф.К. Ярмолич).

В разделе «Литература и искусство в послесталинский период» публикуются работы об образах исторической науки на советском телеэкране (П.С. Аликин); феномене метафизического в постсталинской культуре (Д.М. Гаврилов); неформальных литературных сообществах Ленинграда (Р.Ф. Галиев); «маргинальных» героях советского кинематографа эпохи «застоя» (Е.Е. Исакова); искусстве неофициального художника Бориса Свешникова (Е.Д. Казанцева, Д.Д. Подледнов); изменениях образа новых советских территорий в прозе и поэзии ленинградских авторов (Ю.И. Мошник); танцевальном ансамбле «Березка» в 1950–1960-е гг. (И.В. Нарский); советской фантастической литературе 1960-х гг. (С.А. Сергеев); отражении войны в игровом кино эпохи оттепели (Д.Д. Хафизова).

Во всех этих исследованиях, так или иначе, рассмотрены процессы, происходившие в СССР после смерти И.В. Сталина и последовавшей за ней политической «оттепели», сменившейся «застоем». Уделяется внимание социальным факторам, повлиявшим на изменения в общественном сознании, социальной рефлексии на изменения политического климата в стране, отражению этой рефлексии в литературе и искусстве, а также изменениям на международной арене, вы-

званным *переменами* в СССР. Так, в статье Ю.З. Кантор на основе рассекреченных документов Центрального архива ФСБ России анализируются общественные настроения в Москве и Ленинграде. Реакция отдельных людей на смерть Сталина хорошо изучена в постсоветской России, а вот массовые общественные настроения, реакция «простых» советских граждан изучены в постсоветской историографии фрагментарно. Общественные настроения в Москве и Ленинграде начала марта 1953 г. в этом отношении представляют особый интерес. Они позволяют увидеть векторы рефлексии москвичей и ленинградцев на судьбоносное политическое событие, вербализованное как на официальных мероприятиях, так и в узком, «приватном», кругу. Люди искали связь между смертью Сталина и печально известным «делом врачей», многие полагали, что смерть вождя – дело рук «убийц в белых халатах». Сводки фиксировали и внешнеполитические прогнозы граждан: многие опасались, что начнется война, и главным врагом называли США.

М.В. Бекленищева и С.А. Шевырин рассмотрели изменения в изоляционной политике советского государства в 1950-е гг. Статья М.В. Бекленищевой рассматривает посещения Советского Союза иностранными гражданами. С середины 1950-х гг. происходит значительный рост числа визитов иностранных граждан в Советский Союз. В 1955–1985 гг. Средний Урал посещают иностранные гости со всех континентов Земли: официальные делегации, в том числе во главе с первыми лицами зарубежных стран, ученые, спортсмены, деятели культуры, развиваются контакты по линии побратимских связей, на постоянной основе проходят обучение иностранные студенты в учебных заведениях региона. Страна становится все более открытой, даже создается Бюро международного туризма, с помощью которого не только въезжали иностранцы, но и советские граждане могли заглянуть за «железный занавес». С.А. Шевырин на основе архивных документов рассматривает историю зарубежного туризма послесталинского времени. Выехать за границу и сравнить условия жизни в других странах до середины 1950-х гг. было фактически невозможно. Информацию об окружающем страну мире советский человек получал из тщательно цензурированной прессы. В итоге большинство советских людей было твердо уверено, что на Западе есть только «потогонная

система эксплуатации» и разве что сумасшедший мог бы «добровольно променять подлинно свободную жизнь в Советской стране на жалкое существование в капиталистическом мире». Тем не менее граждане СССР знали о товарном изобилии и значительной личной свободе за рубежом. Многим советским людям хотелось увидеть совершенно иной – капиталистический – мир и приобрести дефицитные товары. Пройдя через многоуровневую фильтрацию – профсоюзных и партийных органов, КГБ и доказав свою лояльность партии и правительству, советские граждане попадали за границу, где скупали дефицитные в СССР товары, выражали восхищение устройством жизни за рубежом.

Тема путешествий и изменения образа посещаемых территорий в трудах писателей на примере Выборга продолжена в статье Ю.И. Мошник. Советские писатели и поэты послевоенного периода сознательно не акцентировали внимание на «чужеземном» облике города, подчеркивая лишь узнаваемые приметы нового быта. Такая стратегия способствовала вливанию произведений о Выборге в советский литературный канон 1940–1950-х гг. Однако в период «оттепели», с открытием Выборга для свободного посещения в 1958 г., литературный образ города постепенно начал трансформироваться. Выборгская архитектура и градостроительный ландшафт, казавшиеся «заграничными», оказались притягательными для авторов, стремившихся преодолеть рамки официоза. В поэзии и прозе 1960-х гг. Выборг приобретает образ города с тайной, романтически-гофманианским сюжетом, который может быть обнаружен только при пристальном всматривании.

Изменение художественного языка в эпоху «оттепели» рассматривается в статье Е.Д. Казанцевой и Д.Д. Подледнова. На примере творческой судьбы одного художника – Бориса Свешникова отчетливо видны значительные изменения в творческой жизни страны. В 1950-е гг. на волне политических и идеологических, социальных и культурных изменений творческие устремления и эстетические эксперименты художников совпадают с запросом публики на «другое» искусство. На институциональном уровне также происходили расширение границ привычного, легитимация новых визуальных приемов, в том числе на примере зарубежного искусства: яркой иллюстрацией служит организованная в 1956 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина выставка

Пабло Пикассо, ставшая, по выражению И.А. Антоновой[3], «неожиданным ударом по консерваторам через три года после смерти Сталина». Однако в то же время в общественном дискурсе превалирует критика нового типа искусства: в прессе выходит множество разгромных публикаций, особенно после знаменитой выставки в Манеже в 1962 г. Позиция власти выражалась в необходимости борьбы с «буржуазными» проявлениями в искусстве и отступлениями от социалистического реализма. Тем не менее новые веяния в творчестве продолжали развиваться.

Тему цензуры, борьбы с религией анализирует М.Г. Нечаев. Именно это время вошло в историю как «хрущевские гонения на религию и церковь». В этот период в кругах правящей советской элиты господствовало мнение, что религия в Советском Союзе потеряла «питательную среду» и отмирает по мере развития образования и науки, а полет в космос спутника, научно-техническая революция, повышение образовательного уровня населения и отсутствие эксплуатации в советском обществе приведут к «гибели Богов» и «отмиранию религиозных предрассудков». Методы борьбы с религией не повторяли суровые методы эпохи «красного террора», «безбожных пятилеток» и «большого террора», они были в основном направлены на пропаганду, воспитание научного мировоззрения, начиная со школьной парты. «Штурм небес» новыми средствами не привел в конечном итоге к победе «коммунистического мышления», однако такое целенаправленное и систематическое наступление на религиозные организации способствовало вытеснению религии на «периферию» общественного сознания и созданию сегрегационной модели государственно-конфессиональных отношений.

Тема международных отношений рассматривается в статьях В.А. Корнеева и М.Ф. Полынова. В.А. Корнеев на примере «австрийского вопроса», возникшего по окончании Второй мировой войны, рассмотрел процесс урегулирования этого вопроса после смерти Сталина. Добровольный вывод советских войск, невмешательство во внутриполитические процессы, отказ от установления режима «народной демократии», мягкая оккупационная политика, установле-

[3] Ирина Александровна Антонова (1922–2020) – академик Российской академии образования и Российской академии художеств, в 1961–2013 гг. – директор, в 2013–2020 гг. – президент Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

ние прочных экономических связей в этот период, а также закрепленный нейтральный статус послевоенной Австрии позволили руководству этой страны выстроить прагматичные и благожелательные взаимоотношения с СССР и взять на себя роль «ледокола» в отношениях между Москвой и Западной Европой, что во многом позволило заложить основы политики «разрядки» в Европе для ФРГ и других стран континента. В статье М.Ф. Полынова рассматривается более поздний период – вторая половина 1970-х – первая половина 1980-х гг. В этот период крайне обострились международные отношения. В статье выявляются причины, спровоцировавшие этот кризис: ввод советских войск в Афганистан, события в Польше в 1978–1991 гг., политика президента США Р. Рейгана, направленная на конфронтацию с СССР с целью ее экономического изматывания через гонку вооружений, подрывная деятельность США по снижению цен на энергоносители, особенно на нефть, на мировом рынке. В итоге статьи сборника охватывают период с начала 1950-х до середины 1980-х гг. и дают детальный анализ нескольких периодов истории СССР в послесталинское время.

Всероссийская научная конференция является частью плана мероприятий по реализации концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий на территории Пермского края. Конференция – событие уникальное для исторических музеев России – ежегодно аккумулирует усилия многих авторов, занимающихся изучением «сложных страниц» отечественной истории. Важно, что интерес к общему прошлому объединяет как заслуженных исследователей, работников образования и культуры, так и студентов, только делающих первые шаги в науке. Выход в свет настоящего сборника имеет большое просветительское значение, способствует сохранению исторической памяти, противодействию попыткам фальсификации истории, позволяет читателю оценить степень научной проработанности различных аспектов истории второй половины XX в.

Кандидат исторических наук,
доцент Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
Сергей Шевырин

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

УДК 94(47).084.8

«ТЕПЕРЬ МОЖНО БЫТЬ СПОКОЙНЫМ ЗА ДЕЛО СТАЛИНА». ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ В НАЧАЛЕ МАРТА 1953 г. (ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ ДОКУМЕНТАМ ЦА ФСБ РФ И УФСБ РОССИИ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Кантор Юлия Зораховна
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
г. Санкт-Петербург
juliakantor@yandex.ru

Аннотация. Рассекреченные в 2023 г. по запросу автора доклада документы ЦА ФСБ РФ и Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области позволяют рассмотреть реакцию на болезнь и смерть главы государства жителей двух крупнейших городов СССР, принадлежавших к самым разным социальным стратам: от домохозяек и рабочих до артистов и академиков (раскрыв и такой малоизученный сюжет, как отношение к этому событию верующих). Реакция единиц, носителей индивидуальной, в то время зачастую потаенной рефлексии на смерть Секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина, воспринимавшегося большинством едва ли не как божество, достаточно хорошо изучена в постсоветское время. Реакция же «простых людей», советских граждан на смерть И.В. Сталина представляет существенный интерес для исследователей и, как ни парадоксально, изучена в постсоветской историографии фрагментарно. Общественные настроения в Москве и Ленинграде начала марта 1953 г. в этом отношении представляет особый интерес. Они позволяют увидеть векторы рефлексии москвичей и ленинградцев на судьбоносное политическое событие, вербализованное как на официальных мероприятиях, так и в узком, «приватном»,

© Кантор Ю.З., 2024

кругу. Материалы, на которых основан доклад, впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: рассекреченные документы, И.В. Сталин, типичные высказывания, общественные настроения, «врачи-убийцы», сталинский курс, война, агентурное сопровождение.

‘NOW YOU CAN BE CALM FOR STALIN'S CAUSE’: PUBLIC MOOD IN MOSCOW AND LENINGRAD AT THE BEGINNING OF MARCH 1953 (ACCORDING TO DECLASSIFIED DOCUMENTS OF THE FEDERAL SECURITY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DEPARTMENT OF THE FSB OF RUSSIA FOR ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION)

Kantor Yulia Z.
Doctor of Historical Sciences,
Chief Researcher at the St. Petersburg
Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg
juliakantor@yandex.ru

Abstract. ‘Now you can be calm about Stalin's case’ Public sentiment in Moscow and Leningrad in early March 1953. (According to declassified documents of the Central Federal Security Service of the Russian Federation and the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and LO). Declassified in 2023 at the request of the author of the report, the documents of the Central Office of the FSB of the Russian Federation and the Office of the FSB of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region allow us to consider the reaction to the illness and death of the head of state of residents of two largest cities of the USSR belonging to a variety of social strata: from housewives and workers to artists and academics, to the death of the head of state (revealing and such a little-studied plot as the attitude of believers to this event). The reaction of units, carriers of individual, at that time often secret reflection on the death of the Secretary of the Central Committee of the CPSU(b), Chairman of the Council of Ministers of the USSR I.V. Stalin, who was perceived by the majority almost as a deity, was well studied in the post-Soviet period. The reaction of ‘ordinary people’, Soviet citizens to the death of I.V. Stalin, is of significant interest to researchers and, paradoxically, has been studied in the post-Soviet historiography of Germany in a fragmentary way. The public mood in Moscow

and Leningrad at the beginning of March 1953 is of particular interest in this regard. They allow us to see the vectors of reflection of Muscovites and Leningraders on a fateful political event, verbalized both at official events and in a narrow, 'private' circle. The materials on which the report is based are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: declassified documents, I.V. Stalin, typical statements, public sentiment, 'killer doctors', Stalin's course, war, agent support.

Первая декада весны 1953 г. стала для советского народа временем судьбоносных перемен. 4 марта страна впервые узнала о тяжелом заболевании Сталина. Дважды в день начинают выпускаться бюллетени о состоянии здоровья советского лидера. В газете «Правда» от 4 марта 1953 г. говорилось: «В ночь на 2 марта 1953 г. у И.В. Сталина произошло внезапное кровоизлияние в мозг, захватившее жизненно важные области мозга, в результате чего наступил паралич правой ноги и правой руки с потерей сознания и речи. Второго и третьего марта были проведены соответствующие лечебные мероприятия, направленные на улучшение нарушенных функций дыхания и кровообращения, которые пока не дали существенного перелома в течение болезни. К двум часам ночи четвертого марта состояние здоровья И.В. Сталина продолжает оставаться тяжелым» [6].

5 марта 1953 г. в 21 час 50 минут врачи констатировали смерть вождя. Советские граждане узнали о кончине главы государства утром следующего дня, когда об этом было объявлено по радио и напечатано в газетах. 6 марта 1953 г. «Правда» сообщила: «Дорогие товарищи и друзья! ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин» [7].

Из официальных источников и документов личного происхождения, а также из публицистики известно, что смерть вождя вызвала в стране общее оцепенение и скорбь. Страна погрузилась в трехдневный траур. Для миллионов граждан СССР это событие стало шоком. Ведь за почти три десятилетия практически единоличного правления «вождя всех народов» сама фигура Сталина в глазах большинства людей

приобрела почти сакральное значение. Общий шок, о котором вспоминают современники, был понятен и вполне легко объясним. В сознании миллионов советских людей Сталин был единственной защитой и надеждой. Многие родились и выросли при Сталине, не представляя, что занимать высший пост в государстве может кто-то другой. Что касается массовой реакции, то, как ни покажется удивительным, ее олицетворением может служить стихотворение Ольги Берггольц, которая в нашем восприятии по праву является символом ленинградской блокадной гражданственности, человеком, который и на протяжении довоенного времени вел честнейший, очень острый, скрупулезный «Запретный дневник», чудом сохраненный в ее семье и опубликованный впервые только в 2010 г., с довольно критическими замечаниями о ситуации в стране в довоенное, военное и последующее время [3]. Тем не менее Берггольц пишет: «Обливается сердце кровью – наш любимый, наш дорогой, обхватив твое изголовье, плачет Родина над тобой» [8].

Реакция простых людей, представителей различных групп населения и социальных страт на смерть Сталина представляет существенный интерес для исследователя социальной истории. Эта реакция изучена фрагментарно. Пробел в известной мере может быть заполнен благодаря анализу ранее неизвестных документов из архивов ФСБ России. Объем рассекреченных по запросу автора данного доклада материалов, касающихся реакции населения СССР на болезнь и смерть И.В. Сталина, довольно велик. Остановлюсь на происходившем в двух крупнейших городах страны.

Надо сказать, что реакция единиц, носителей индивидуальной, зачастую потаенной рефлексии на смерть воспринимавшегося большинством населения как едва ли не божество главы государства, – именно реакция этих единиц – достаточно хорошо изучена в постсоветское время. А вот реакция простых людей, советских граждан, представителей различных групп населения и социальных страт на смерть Сталина исследована в историографии не только фрагментарно, как уже было сказано, но и довольно эмоционально. Следовательно, она в определенной мере мифологизирована.

Что касается самой проблематики: колоссальным шоковым событием для советского общества стала болезнь и смерть главы госу-

дарства. Надо понимать, что до того, как это произошло, была огромная массированная кампания, связанная с разоблачением «врачей-убийц», а значит, последующая реакция на болезнь и смерть главы государства была связана в массовом сознании с разоблачением и деятельностью «врачей-убийц». И это очень ясно и подробно прослеживается практически во всех аналитических информационных материалах советских спецслужб.

Надо подчеркнуть, что первая реакция была абсолютно драматичной, абсолютно личной и у представителей интеллектуальной элиты, и у простых людей. Судя по изученным документам, никакой детерминированности реакции уровнем образования, социальным статусом, возрастом не просматривается. Основная масса населения, естественно, реагирует остро, трагично, сверхэмоционально, воспринимая смерть главы государства как фатальный крах, личное горе. Однако есть и важная страта, на которую обращают внимание спецслужбы: отрицательное отношение, вернее, отношение, прямо противоположное массовому, – это надежды на какие-то перемены, в частности, на освобождение со спецпоселений, из лагерей и вообще смягчение государственной внутренней политики. Не следует считать, что это единичные проявления, но, конечно, они не массовые.

Документы, безусловно, специфические, но, вероятно, отражающие реальную ситуацию – с учетом количественного охвата и «проникновения» в сугубо частную жизнь: значительная часть высказываний «сканирована» не на собраниях или совещаниях, даже не на рабочих местах, а в домашних условиях, что весьма симптоматично, – на кухнях коммунальных квартир, на домашних вечеринках, на дачах и пр. Их можно воспринимать, как представляется, именно как своего рода «закрытый» социологический опрос. Отмечу, что, читая этот массив документов, можно сделать вывод о том, насколько тотальным было «внутреннее наблюдение» за советским обществом. Становится очевидно, насколько тщательно анализировалась поступающая информация и насколько она отражала подлинные настроения граждан. Квинтэссенция этих материалов рассылалась высшему руководству страны – Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, Н.А. Булганину, Н.С. Хрущеву и в 5-е Управление МГБ СССР. Пятое управление – оперативное, занималось наружным наблюдением, предварительной разработкой [5].

Как говорилось выше, подавляющее большинство граждан было в шоке от известий о тяжелой болезни Сталина. Приведу наиболее типичные цитаты: «Потеря такого гения – это страшная утрата для всего человечества. Себе не мыслю жить без него» [6. Л. 97], «Я выбит из колеи, целый день не мог работать» [9. Л. 107]. Очень многие воспринимают смерть вождя как личную трагедию, готовы отдать жизнь за то, чтобы он выздоровел [9. Л. 174]. (Речь идет о 4–5 марта, когда только пришло известие о тяжелой болезни вождя).

В изученных документах есть информация о том, как люди искали связь между смертью Сталина и печально известным «делом врачей» – в материалах отражен всплеск антисемитских настроений: многие полагали, что это дело рук «убийц в белых халатах» [9. Л. 107; 7. Л. 278]. «Это без евреев не обошлось, всех их надо перестрелять» [1. Л. 205]. Мягкий вариант таких умозаключений – выселить [9. Л. 107]. Речь идет, естественно, об аллюзиях с «делом врачей», которое только-только раскручивается на всех уровнях и в разных регионах. Причина такая и наиболее частая, что это дело рук «врачей-вредителей» и нужно «глядеть в оба» [9. Л. 102, Л. 176]. Вторая причина гораздо менее частотная – это то, что нужно было беречь вождя, поскольку он на себе нес огромную ответственность в военное и в послевоенное время и нужно было как-то разгрузить его от работы, что эта причина – переутомление [9. Л. 96–97].

Сводки фиксировали и внешнеполитические прогнозы граждан – и москвичи, и ленинградцы очень опасались начала третьей мировой войны [7. Л. 231]. Главным врагом называли США [1. Л. 207]. (При этом делались и бытовые выводы – о необходимости запасаться продуктами [1. Л. 207]). Это принципиально важная мотивация для единения. «Сейчас американцы поднимут вой, что у нас все развалится. Пусть посмотрят, как мы сплотимся» [9. Л. 173]. Основной враг – это Америка, и нужно сплотиться перед лицом внешней возможной агрессии. Соответственно, нужно внимательно следить за вредителями, которые поднимут голову, тут же вспоминаются в Ленинграде и в Москве «троцкисты и бухаринцы, которые говорили, что будут сначала выкорчевывать дубки в партии, а потом старые дубы, то есть старых членов партии» [9. Л. 102, 176].

7 марта в газетах появилась информация об итогах совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором в целях «обеспечения бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны» было осуществлено перераспределение высших государственных постов. Председателем Совета Министров СССР был назначен Георгий Маленков. Пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР – формально высший в стране – занял К.Е. Ворошилов. Министром иностранных дел вновь стал В.М. Молотов. Л.П. Берия возглавил объединенное ведомство, в которое вошли МВД и МГБ [5]. (Заседание началось в 20 часов 5 марта – к моменту принятия данных решений Сталин был еще жив). Тем не менее этот документ, направленный официально на сплочение советского народа, вызвал среди населения разноречивые отклики. Есть еще и весьма любопытные аналитические наблюдения – люди и в Ленинграде, и в Москве обращают внимание – еще не похоронили Сталина, а уже «делят портфели»: «В ЦК нет единодушия, и в случае смерти товарища Сталина начнется междоусобица, возможны события типа имевших место после 1942 г. (имеется в виду смерть В.И. Ленина. – Ю.К.)» [9. Л. 102, 178]. Делаются и выводы: «Слишком поспешно, даже неприлично – точно боялись, что их места другие захватят... С переменами могли бы подождать – не показывать сразу, что не все ладно» [1. Л. 236].

Обеспокоены москвичи и ленинградцы, будет ли сохранена верность сталинскому курсу. И, судя по материалам, большинство, узнав состав «коллективного руководства», было уверено, что – да. Этот вопрос – о коллективном руководстве и вообще о том, как реорганизуется вся система управления страной, доминирует в сводках. И в основном превалируют положительные оценки: «Маленков собрал вокруг себя сталинскую гвардию» [1. Л. 225; 2. Л. 5], – и это как-то успокаивает население.

Встречаются и критические оценки деятельности только что почившего вождя и выстроенной им социально-политической системы. Причем даются они как представителями интеллигенции (вузовская профессура, сотрудники НИИ и др.), так и людьми с низким образовательным цензом (грузчики, работники артелей и др.). Например: «Двадцать девять лет его руководства отличались большой жестоко-

стью. Он во имя своей идеи пролил много крови. Коллективизация стоила много человеческих жизней… В вопросах борьбы за торжество идеи Сталин… репрессировал целые народы», «Сталин заболел, хватит ему кровь пить» [9. Л. 178, Л. 179]. Разумеется, в документах уделяется пристальное внимание этим «нетипичным» высказываниям – «злобным», «антисоветским», «клеветническим». И их авторы, это тоже видно по документам, как говорится, «брались на карандаш». В отношении людей, в высказываниях которых органы госбезопасности фиксируют вот такого рода настроения, в материалах, связанных с ними, есть такие пометки об их неблагонадежности – либо это уже «разрабатываемые» лица, либо они «обеспечиваются агентурным наблюдением», либо арестовываются [1. Л. 199, 206; 2. Л. 278, 295; 9. Л. 181].

Любопытно, что в отношении Ленинграда есть информация о реакции верующих. В материалах о Москве такой не встречается. Обращается внимание, что в Ленинграде в разных церквах проведены службы, в том числе в день, когда умер глава государства, проведены панихиды, и, например, в Спасо-Преображенском соборе – это один из известных и пользовавшихся популярностью храмов – до тысячи поминовений после сообщения о кончине главы государства. В Никольском соборе 8 марта – это день похорон – была панихида, и верующих пришло в 5–6 раз больше, чем обычно [1. Л. 303]. А высказывание, процитированное в названии доклада, – «Теперь можно быть спокойным за дело Сталина» [1. Л. 240] – прозвучало из уст церковного старосты Смоленской церкви Ленинграда. Причем он мотивирует это тем, что «дело Сталина теперь в руках старых большевиков, это тот костяк, который собрал товарищ Сталин» [1. Л. 240].

Таким образом, можно сказать, что первоначальная реакция населения двух крупнейших городов СССР в массе своей была острой, трагической и затронула все практически слои населения и различные возрастные группы. Процесс дальнейшей рефлексии, становившейся все более многомерной и сложной, – это тема для отдельного исследования. Поскольку я начинала свое выступление с фрагмента стихотворения Ольги Берггольц марта 1953-го, позволю себе и закончить ее же стихотворением, написанным в январе 1954-го. Коннотация здесь уже совершенно иная: «О, не твои ли трубы рыдали четыре ночи, че-

тыре дня, с 5 марта в Колонном зале над прахом, при жизни кромсавшим меня» [4].

Список литературы и источников

1. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 21/12. Оп. 25. Д. 32.
2. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 21/12. Оп. 25. Д. 38.
3. Берггольц О.Ф. Запретный дневник. – СПб. : Азбука-классика, 2010.
4. Берггольц О.Ф. О, где ты запела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.culture.ru/poems/41474/o-gde-ty-zapela (дата обращения: 09.01.2024).
5. Лазарев В.И. Деятельность органов государственной безопасности в послевоенный период (1945–1954 гг.) [Электронный ресурс] // Исторические чтения на Лубянке, 2001 год / Федер. служба безопасности РФ ; редкол. : А.А. Зданович [и др.]. – М. ; Великий Новгород, 2002. – С. 3–19. – Режим доступа: http://www.fsb.ru/fsb/history/author/ single.htm%21id%3D10318067%40fsbPublication.html (дата обращения: 09.01.2024).
6. Правда. – 1953. – 4 марта.
7. Правда. – 1953. – 6 марта.
8. Правда. – 1953. – 13 марта.
9. ЦА ФСБ РФ. Ф. 4ос. Оп. 11. Д. 29.

УДК 94(436).093.2

«АВСТРИЙСКИЕ ТОВАРИЩИ»: СТАНОВЛЕНИЕ АЛЬПИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК «ЛЕДОКОЛА» В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Корнеев Виталий Алексеевич
аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН,
корреспондент ТАСС, г. Санкт-Петербург
isvitkor@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются внешняя политика Австрии в 1940–1960-х гг. в отношении Советского Союза в контексте системы международных отношений периода холодной войны и основные факторы, приведшие к установлению в этот период особых отношений между двумя странами. После смерти Сталина в рамках переговорного процесса в середине 1950-х гг. «австрийский вопрос», возникший по окончании Второй мировой войны, удалось урегулировать на взаимовыгодных для Австрии и бывших стран-союзниц условиях. Добровольный вывод советских войск, невмешательство во внутриполитические процессы, отказ от установления режима «народной демократии», мягкая оккупационная политика, установление прочных экономических связей в этот период, а также закрепленный нейтральный статус послевоенной Австрии позволили руководству этой страны выстроить прагматичные и благожелательные взаимоотношения с СССР и взять на себя роль «ледокола» в отношениях между Москвой и Западной Европой, что во многом позволило заложить основы политики разрядки в Европе для ФРГ и других стран континента.

Ключевые слова: Австрия, СССР, холодная война, Вторая мировая война, разрядка, Европа, международные отношения, энергетическая безопасность.

© Корнеев В.А., 2024

‘AUSTRIAN COMRADES’: THE ALPINE REPUBLIC BECOMING AN ICEBREAKER IN THE COLD WAR

Korneev Vitaly A.
Postgraduate Student at the St. Petersburg Institute of History RAS,
TASS Correspondent, Saint-Petersburg
isvitkor@yandex.ru

Abstract. The article examines Austria's foreign policy in the 1940s-1960s towards the Soviet Union in the context of the system of international relations of the Cold War period and the main factors that led to the establishment of special relations between the two countries during this period. After Stalin’s death, as part of the negotiation process in the mid-1950s, the ‘Austrian question’ that arose at the end of World War II was resolved on terms mutually beneficial for Austria and the former allied countries. The voluntary withdrawal of Soviet troops, non-interference in internal political processes, refusal to establish a ‘people's democracy’ regime, a soft occupation policy, the establishment of strong economic ties during this period, as well as the established neutral status of post-war Austria allowed the government of this country to build pragmatic and benevolent relations with the USSR and take on the role of an ‘icebreaker’ in relations between Moscow and Western Europe, which largely made it possible to lay the foundations for the policy of détente in Europe for Germany and other countries of the continent.

Key words: Austria, USSR, Cold War, World War II, Détente, Europe, international relations, energy security.

Результатом Второй мировой войны для Австрии стало освобождение от нацизма и частичное восстановление государственности, утерянной после аншлюса в 1938 г. В отличие от Германии, Австрия, согласно решениям конференций союзников, не считалась ответственной за развязывание войны страной, и уже в апреле 1945 г. на ее территории, разделенной союзниками на четыре зоны по аналогии с Германией, было сформировано первое центральное временное правительство, в ноябре прошли первые национальные выборы, а в декабре официально восстановила свое действие конституция 1920 г. Таким образом, практически сразу после окончания войны Австрия стала активно восстанавливать свою политическую субъектность, а основ-

ные политические решения внутри страны принимались не оккупационными администрациями, а вновь сформированными национальными органами власти.

Тем не менее Австрия продолжала оставаться занятым войсками союзников государством, не имеющим полного суверенитета. По мере обострения противоречий между бывшими союзниками в Восточной и Центральной Европе переговорный процесс о послевоенном статусе Австрии зашел в тупик: контрольные органы союзников решали оперативные проблемы, но стороны фактически заморозили активные переговоры по главным вопросам устройства региона на фоне установления режимов «народной демократии» в других оккупированных советскими войсками странах [7, с. 86]. Противоречия практически сразу возникли у советской стороны и с новым австрийским руководством, прежде всего по так называемой германской собственности – 300 крупным предприятиям и их собственности, принадлежавшим до войны юридическим лицам из Германии [1].

Важно обратить внимание на два направления взаимоотношений Австрии и СССР в период до 1953 г. – внутриполитическое и экономическое. В экономической сфере советская оккупационная администрация через Управление советским имуществом в Австрии (УСИА) в этот период активно интегрировала бывшие немецкие предприятия в советскую экономику, включая их продукцию в собственные хозяйственные планы. Австрийские экономические институции относили эти хозяйственные отношения к категории «неконтролируемых», так как эти поставки проходили помимо воли австрийских властей и юридических лиц [2]. Тем не менее в этот период закладываются основы тесных экономических отношений между Австрией и СССР посредством привязки ряда предприятий обрабатывающей промышленности к советскому рынку сбыта продукции. Вопрос «германской собственности» при этом оставался ключевым противоречием в отношениях Советского Союза и Австрии, препятствовавшим обретению последней суверенитета, – Москва настаивала на передаче части предприятий в собственность советских структур, а также на репарационных выплатах в размере 150 млн долларов [1].

Что касается внутриполитического участия советской стороны в жизни Австрии, то для СССР основным контрагентом на территории

страны выступала Коммунистическая партия Австрии. На фоне постепенного установления подконтрольных Москве просоветских режимов в других пострадавших от войны странах, в которых находились советские войска, ВКП(б) поддерживала плотный контакт с австрийскими коммунистами во главе с Йоханном Копленигом и не отказывалась полностью от участия во внутриполитических процессах. Как показывают архивные документы ВКП(б), австрийские коммунисты активно обсуждали с Москвой советские планы на Австрию и вариант разделения Австрии на две части по аналогии с Германией рассматривался [5, с. 147]. Тем не менее после выборов ноября 1945 г., когда коммунисты получили немногим больше 5 % голосов, инструментов для влияния внутри страны у КПА и ВКП(б) было не так много. Более того, разделение Австрии на две части представлялось в Москве опасным вариантом, так как позволило бы соучредительнице НАТО Италии иметь общую дружественную границу с Западной Германией. Показательными стали события октября 1950 г., когда стачечное движение в Австрии, подогреваемое КПА, достигло пика. В отличие от других стран, в которых присутствовали советские войска, СССР повел себя крайне сдержанно и ощутимой поддержки движению не оказал, после чего оно сошло на нет [3, с. 214].

Относительно мягкая оккупационная политика в период фактической стагнации переговоров стала благоприятным фактором для их активизации в 1953 г. Руководство сменилось сразу в трех странах: на смену Сталину в Москве пришел более гибкий во внешней политике коллектив партийных руководителей, в США президентом был избран Дуайт Эйзенхауэр, а в Австрии новый канцлер Юлиус Рааб сформировал коалиционное правительство, сразу поставившее себе основную цель – обретение страной суверенитета на основе закрепления нейтрального статуса. Новое московское руководство положительно отнеслось к идее нейтрального компромисса и уже в 1955 г. на переговорах в Москве удалось достичь соглашения, позволившего Австрии вернуть себе суверенитет и стать официально внеблоковым нейтральным государством, после чего советские войска с территории страны были полностью выведены [6, с. 79].

За 10 лет оккупационной политики Австрия стала тесно связанным с СССР в экономическом отношении государством. К обретению

суверенитета также прилагались передача Австрии «германской собственности», но на условиях денежных и товарных выплат, а также торговый договор. Австрийская сторона обязалась ежегодно поставлять в СССР товары на сумму 1,2 млрд шиллингов в счет платы за немецкие предприятия, а также направлять в Советский Союз на коммерческих условиях груза на 650 млн шиллингов. В свою очередь, СССР поставлял преимущественно сырьевые товары также на 650 млн шиллингов ежегодно. Уже на 1956 г. товарные отношения с СССР составили 12 % австрийского экспорта и 4 % импорта – недостижимые цифры для довоенной Австрии [2].

В совокупности все эти факторы для страны с нейтральным статусом, лежащей непосредственно на границе двух противоборствующих блоков, создавали особые возможности, которые можно было либо проигнорировать, либо использовать для собственного блага. В конце 1950-х британский посол в Вене писал следующее: «Австрия имеет собственный вес только потому, что находится на границе железного занавеса и подобно острию вклинивается в советский блок. В остальном она непримечательна, мила и хороша для туристов, ценителей музыки и поклонников центральноевропейского барокко» [7, с. 38].

Оставаясь строго западно ориентированной капиталистической страной, Австрия практически сразу стала извлекать выгоды из своего политико-географического положения, лоббируя свой особый дипломатический статус. В 1957 г. австрийцы добились того, что стали центром «ядерной дипломатии»: здесь разместилась штаб-квартира МАГАТЭ, здесь же в 1961 г. прошла встреча Никиты Хрущева и Джона Кеннеди, что заложило основы для дальнейшего развития особого положения Вены в качестве дипломатической площадки и посредника в контексте холодной войны в Европе.

В этом же контексте Вена стала использовать инструменты «народной дипломатии» и общественных инициатив, первой из капиталистических стран проведя на своей территории в 1959 г. ориентированный на Москву Всемирный фестиваль молодежи, что вызвало крайне позитивную реакцию в странах восточного блока [4, с. 536].

В условиях высокой политизированности экономических отношений между социалистическим и капиталистическим блоками Австрия, с ее тесными хозяйственными связями с СССР, также имела особые возможности в сравнении со странами НАТО для совершения

стратегически важных сделок, непосредственно связанных с вопросами безопасности.

Основным вопросом для Вены стала энергетическая политика. На фоне бурного экономического роста и нараставшей напряженности на Ближнем Востоке Австрия и другие страны Европы нуждались в дешевых энергоносителях, естественным географическим поставщиком которых мог выступать СССР. Первые переговоры о поставках в Западную Европу стартовали в 1966 г. с итальянской компанией Eni, однако они зашли в тупик по политическим причинам – опасениям зависимости энергетики в стратегически важной сфере от противоборствующей стороны. Преследуя собственные экономические интересы, Австрия фактически играла роль «ледокола» в сфере выстраивания европейской политики энергетической безопасности [4, с. 593].

Именно австрийский государственный концерн OMV стал первой западной компанией, заключившей в 1968 г. договор на поставку советского газа и строительство магистрального газопровода. Это соглашение стало прологом к так называемой сделке века 1970 г. между СССР и ФРГ («газ в обмен на трубы»), а также контрактам на поставку газа с Италией, Францией и другими странами. С договора с австрийской OMV началось выстраивание системы завязанных на советский газ магистральных газопроводов в Европе, тесно связавших СССР и страны НАТО в энергетической сфере, а самой Австрии соглашение позволило стать ключевым газотранспортным хабом выстраивавшейся системы и закрепить свое особое положение посредника и «шлюза» в отношениях между двумя противостоящими блоками, а также заложить экономические основы для дальнейшей политики разрядки в Европе в 1970-е гг. [4, с. 612].

При этом важно учитывать особую роль австрийского руководства во всех этих процессах, позиции которого зачастую входили в противоречие с общественным мнением внутри самой страны. Кабинет Юлиуса Рааба (1953–1961), а затем правительства Альфонса Горбаха (1961–1964), Йозефа Клауса (1964–1970) и Бруно Крайского (1970–1983) вне зависимости от принадлежности к оппозиционным друг другу политическим силам последовательно проводили линию на выстраивание прагматичных и неконфликтных взаимоотношений с Советским Союзом, осторожно обходя ряд чувствительных для Моск-

вы вопросов, таких как нарушение прав человека в СССР и странах соцблока и подавление оппозиционных правящим компартиям движений в восточноевропейских государствах [4, с. 486]. В 1956 г. Австрия осудила подавление народного восстания в Венгрии, но не в части противоправности подобных действий как таковых, а в части нарушений прав человека во время этих событий, при том что австрийская пресса выражала куда более резкие оценки действий СССР [3, с. 247]. Проведение Всемирного фестиваля молодежи в Вене и вовсе столкнулось с фактическим бойкотом большей части австрийской прессы в части освещения этого мероприятия [7, с. 716].

Наибольшим испытанием для проведения в жизнь прагматичного курса для австрийского правительства стали события «Пражской весны» в Чехословакии, которые по времени накладывались на переговорный процесс по заключению соглашения о поставках советского газа в Австрию. В своих официальных заявлениях представители австрийского правительства ссылались на нейтральный статус Австрии и ограничивались выражением «озабоченности» в отношении введения советских войск и контингентов других стран Варшавского блока на территорию Чехословакии для подавления народного движения. На этом фоне австрийская пресса была куда менее сдержанной в освещении этих событий, что привело к резкой реакции со стороны Москвы и выражению последней требований к Вене в части смягчения риторики государственной телерадиокомпанией ORF и другими крупными медиа. Правительство в этих условиях вступало в переговоры с руководством СМИ и просило о более сдержанном поведении, ссылаясь в том числе на нейтральный статус страны [4, с. 614]. В конечном счете события «Пражской весны» не помешали заключению договора на поставку советского газа в Австрию, равно как не послужили препятствием для заключения последующих сделок в энергетической и других стратегически важных сферах, сыгравших большое значение в обеспечении экономической основы для политики разрядки в Европе в 1970-х гг., а также не оказали значительного негативного влияния на укрепление положения Австрии в качестве «ледокола» и посредника во время заключения серии соглашений между странами Восточного и Западного блоков, заложивших основу для системы международной безопасности на континенте в рамках «Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», центром которого также стала Вена.

Список литературы

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. Т. VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). – М. : Изд-во полит. лит., 1984.

2. Monatsberichte des Österreichischen Institutes für Wirtschaftsforschung // Wien. – 1957 (Jahrgang XXX). – 20 S.

3. Mueller W. Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945–1955 und ihre politische Mission // Wien: Böhlau Verlag. – 2005. – 300 s.

4. Senn M., Eder F., Kornprobst M. Handbuch Außenpolitik Österreichs. – Springer, 2023. – 794 s.

5. Sowjetische Politik in Österreich 1945–1955. Dokumente aus russischen Archiven / W. Mueller, A. Suppan, N.M. Naimark, G. Bordjugov // Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. – 2005. – 1119 s.

6. Stelzl-Marx B. Stalins Soldaten in Österreich. Innensicht der sowjetischen Besatzung. – München und Wien, 2012. – 874 s.

7. Suppan A., Stourzh G., Mueller W. Der österreichische Staatsvertrag 1955. Internationale Strategie, rechtliche Relevanz, nationale Identität/The Austrian State Treaty 1955. International Strategy, Legal Relevance, National Identity. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. – 1019 s.

УДК 327.54:94(47)

ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ «ВОСТОК – ЗАПАД». УХУДШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СССР. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1970-х – НАЧАЛО 1980-х гг.

Полынов Матвей Федорович
доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
mfistoria@mail.ru

Аннотация. Раскрываются основные причины отношений между Советским Союзом и США: ракетный кризис, ввод советских войск в Афганистан, события в Польше 1978–1991 гг., политика президента США Р. Рейгана, направленная на конфронтацию с СССР с целью его экономического изматывания через гонку вооружений. Важным методом борьбы с СССР была подрывная деятельность США по снижению цен на энергоносители, особенно на нефть, на мировом рынке. США использовали и такой рычаг давления на СССР, как санкции.

Ключевые слова: СССР, США, ракетный кризис, ввод войск в Афганистан, нефтяной рынок, санкции.

AGGRAVATION OF EAST–WEST RELATIONS. DETERIORATION OF THE INTERNATIONAL SITUATION OF THE USSR. THE SECOND HALF OF THE 1970s – EARLY 1980s

Polynov Matvey F.
Doctor of Historical Sciences, Professor of the St. Petersburg State University, Institute of History St. Petersburg State University, Saint-Petersburg
mfistoria@mail.ru

Abstract. The article reveals the main reasons for the aggravation of relations between the Soviet Union and the United States. It is shown that among these reasons, the missile crisis, the entry of Soviet troops into Af-

© Полынов М.Ф., 2024

ghanistan, the events in Poland in 1978–1981, the policy of U.S. President R. Reagan, aimed at confrontation with the USSR in order to exhaust it economically through an arms race. An important method of combating the USSR was the subversive activity of the United States to reduce energy prices, especially oil, on the world market. Such a lever of pressure on the USSR as sanctions was also used.

Key words: USSR, USA, missile crisis, deployment of troops in Afghanistan, oil market, sanctions.

После непродолжительной разрядки международной напряженности в первой половине 1970-х гг. между СССР и США начинается период конфронтации. Начало этому положил так называемый ракетный кризис, возникший в 1976–1977 гг., когда СССР приступил к замене ракет средней дальности РСД-4 и РСД-5 (по западной классификации – СС-4 и СС-5) на новые РСД-20 (СС-20).

Замену старых ракет на новые США и ее союзники использовали как повод для модернизации своего ядерного потенциала в Европе. Даже Г. Киссинджер вынужден был признать, что «СС-20 явились скорее предлогом для развертывания американских ракет, чем его причиной» [5, с. 708].

12 декабря 1979 г. на сессии НАТО было принято решение о развертывании в 1983 г. американских ракет средней дальности с ядерными боеголовками (108 ракет «Першинг-2» и 464 крылатых ракет «Томагавк» на территории Англии, Италии, ФРГ, Бельгии и Нидерландов) [10, с. 223].

В ноябре 1981 г. президент США Р. Рейган выступил с инициативой, получившей название «нулевой вариант». Он предусматривал ликвидацию размещенных советских ракет СС-20 в европейской части СССР за отказ разместить в Западной Европе «Першинг-2» и крылатые ракеты [16, с. 294, 297]. Однако, по мнению Г.М. Корниенко, последующие события показали, что это был всего лишь пропагандистский ход, рассчитанный на то, что Советский Союз никогда не согласится с таким вариантом [6, с. 301]. Инициатива Рейгана выносила за скобки ракеты Англии и Франции, а также ракеты морского базирования, и это сохраняло перевес сил потенциальных противников СССР в ядерных средствах средней дальности и не могло удовлетворить советскую сторону.

Это предложение Рейгана в Москве сразу же было встречено отрицательно. Трудно было согласиться на это, прежде всего по психологическим соображениям. Ведь СССР уже произвел ракеты, поставил их на вооружение, обучил офицеров, потратив значительные деньги в обмен лишь на обещание США не размещать в будущем свои ракеты (помимо пропагандистского выигрыша они сэкономили бы еще немалые средства).

Однако в тот период американцы, одержимые стремлением разместить свои ядерные ракеты на европейском континенте, не хотели обсуждать никакие предложения советской стороны, направленные на достижение компромисса. В частности, 15 марта 1982 г. Л.И. Брежнев объявил мораторий на размещение новых ракет средней дальности в европейской части СССР, что у США никакого интереса не вызвало.

За возникновение ракетного кризиса в конце 1970-х – начале 1980-х гг. ответственность несут обе сверхдержавы. СССР, разместив свои ракеты СС-20 в европейской части страны, дал повод США для размещения на территории своих европейских союзников еще более современных ракет, нацеленных против СССР и его союзников.

Еще более обострились отношения между СССР и США после ввода советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г. Коротко раскроем, какие обстоятельства этому способствовали.

27 апреля 1978 г. в Кабуле был совершен военный переворот, названный Саурской (Апрельской) революцией. К власти пришла народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) во главе с Тараки, провозгласившая строительство нового общества и объявившая СССР своим стратегическим союзником.

Известие о приходе к власти НДПА в Советском Союзе было воспринято оптимистично, так как на эту партию идеологи КПСС смотрели как на идейно близкую. Стремление видеть Афганистан в перспективе страной социалистической ориентации предопределило содержание политики СССР к Афганистану в последующий период. На июньском (1980 г.) пленуме ЦК КПСС о нем уже говорили как о стране социалистической ориентации [Источник 2. Ф. 89. Оп. 14. Д. 40. Л. 1].

Новые отношения между СССР и ДРА были закреплены в полномасштабном «Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудниче-

стве» сроком на 20 лет, подписанном 5 декабря 1978 г. в Москве Брежневым и Тараки.

Радикально-экстремистские реформы новой власти вызвали в Афганистане гражданскую войну, в ходе которой возникла реальная угроза свержения этой власти. Уже 20 марта 1979 г. на переговорах с Брежневым Тараки просил ввести советские войска в Афганистан, но получил отказ [Источник 2. Ф. 89. Оп. 34. Д. 25. Л. 3–4].

После захвата власти Амином в сентябре 1979 г. положение в стране еще больше ухудшилось. Кроме того, ему в СССР не доверяли. Существовало подозрение, что Амин, всячески демонстрировавший свою верность Советскому Союзу и забрасывавший Москву просьбами о военной помощи, намерен восстановить связи с США и несколько ослабить зависимость Афганистана от СССР [7, с. 457–459]. Советский посол в Афганистане в 1988–1989 гг. Ю.М. Воронцов говорил, что руководители СССР всерьез восприняли слухи о возможности ввода американских войск в Афганистан и создании на южных границах СССР военных баз, опираясь на ошибочную информацию разведслужб [4, с. 311].

К декабрю 1979 г. члены «афганской комиссии» Устинов, Андропов, Громыко приходят к окончательному мнению относительно ввода войск в ДРА. Оставалось «склонить на свою сторону Брежнева» [2, с. 379]. В начале декабря 1979 г. Андропов представил Брежневу записку, в которой он убеждал генсека в необходимости ввода войск: «Сейчас нет гарантий, что Амин, стремясь утвердить личную власть, не переметнется на Запад» [1, с. 454; 2, с. 379].

Последней каплей стало принятие 12 декабря 1979 г. Советом НАТО решения о размещении в пяти странах Западной Европы американских ракет нового поколения («Першинг-2» и крылатых ракет), нацеленных против стран Варшавского договора, прежде всего, конечно, Советского Союза. Неслучайно именно 12 декабря 1979 г. в Кремле принимается решение о вводе войск в Афганистан.

Но не менее важным основанием можно считать просьбы официального афганского руководства о вводе войск. По этому вопросу точных данных не существует. На заседании Политбюро ЦК КПСС 26 февраля 1987 г. А.А. Громыко говорил: «Они 11 раз просили нас о вводе войск» [11, с. 614].

Секретное решение было принято пятью членами Политбюро: Брежневым, Андроповым, Громыко, Устиновым, Черненко [Источник 2. Ф. 89. Оп. 14. Д. 32. Л. 1].

Таким образом, комплекс факторов оказал влияние на принятие решения о вводе войск в Афганистан. Но в оценке одних факторов были допущены ошибки, в оценке других – проявился чрезмерно идеологический подход. Г.М. Корниенко указывает, что «роковую роль играло идеологически обусловленное, по сути своей ложное представление, будто речь шла об опасности "потерять" не просто соседнюю, а "почти социалистическую страну"» [6, с. 111].

Это событие было использовано США для усиления борьбы с СССР и сплочения своих союзников на антисоветской основе. Уже 7 января 1980 г. по инициативе США действия СССР были осуждены на Совете безопасности ООН, а 14 января Генеральная Ассамблея ООН потребовала вывести иностранные войска из Афганистана (104 страны поддержали, 18 – против, 18 – воздержались). США также объявили санкции СССР: отказ от поставок продукции высоких технологий, запрет на вылов рыбы в американских территориальных водах (75 тыс. тонн в год) и продажу 17 млн тонн зерна, бойкотирование Олимпиады 1980 г. в Москве и др. [14, с. 47, 49]. Конгресс США отказался ратифицировать договор ОСВ-2. Администрация Картера пошла на резкое обострение отношений с СССР [1, с. 460].

Помимо Афганистана обострению отношений между СССР и США способствовали события в Польше в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Здесь реально к власти могла прийти оппозиция в лице профсоюза «Солидарность», превратившаяся в опасную антикоммунистическую и антисоветскую силу. Малопродуманные реформы, проводившиеся под руководством Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), привели Польшу к социально-экономическому кризису. Возникшей ситуацией пыталась воспользоваться антикоммунистическая оппозиция, поддерживаемая западными странами.

В докладе, подготовленном советником президента США по национальной безопасности Бжезинским в 1978 г., говорилось о планах Запада в отношении Польши: «Наиболее перспективной тактикой в настоящее время является ослабление коммунистической партии… Следует разжигать в поляках антисоветские и антирусские настроения» [9, с. 63–64].

В США прекрасно осознавали, что значение начавшихся событий выходит далеко за рамки Польши. Рейган подчеркивал: «То, что происходило в Польше, могло захватить и всю Восточную Европу» [15, с. 302].

Во многих городах Польши летом 1980 г. начались массовые забастовки рабочих, что еще больше ухудшило социально-экономическую ситуацию в стране. Советское руководство было серьезно напугано польскими событиями. Уже 25 августа на Политбюро ЦК КПСС было заслушано сообщение Брежнева о положении в Польше и принято специальное постановление «К вопросу о положении в Польской Народной Республике» [Источник 1, с. 84].

Между тем давление со стороны США на правительство Польши продолжало нарастать. Президент Р. Рейган потребовал от частных банков срочно востребовать ранее предоставленные Польше кредиты. Для того чтобы рассчитаться по долгам, не хватало уже 12 млрд долларов [18, с. 115].

На Польшу оказывалось огромное пропагандистское воздействие [12, с. 495]. Из-за рубежа в большом количестве поставлялись антикоммунистическая пропагандистская литература, газеты, журналы. Но и в самой Польше в 1970–1980-е гг. издавалось 2700 наименований информационных и политических газет и журналов, распространявшихся тайно [12].

Принципиально важным для ПОРП, сторонников социализма в Польше и всей мировой общественности было заявление Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС 23 февраля 1981 г. о том, что «социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим» [8, с. 9–10]. Одновременно это заявление звучало как предупреждение и для «Солидарности», и для западных лидеров.

18 октября 1981 г. на внеочередном IV пленуме ЦК ПОРП Первым секретарем был избран генерал Войцех Ярузельский. Он имел большой авторитет в польском обществе, в партии и огромное доверие в армии.

Политическая обстановка в Польше к тому времени еще больше обострилась. 3 декабря 1981 г. в г. Радоме на заседании президиума Всепольской комиссии «Солидарности» уже обсуждался план захвата власти в стране. Намечалась и конкретная дата выступления – 17 декабря.

В те тревожные дни в нескольких изданиях «Солидарности» тиражировалось открытое письмо членов профобъединения «Солидарность» из г. Тарнува, в котором, в частности, говорилось: «Мы призываем всех членов “Солидарности” в Польше быть в готовности к решительным действиям против коммунистов, незамедлительно приступить к их ликвидации, в первую очередь судей, прокуроров, функционеров ПОРП, милиционеров…» [17, с. 55].

Не собираясь вводить войска в Польшу, руководство СССР по просьбе Ярузельского взяло на себя обязательство расширить ей экономическую помощь. На заседании Политбюро ЦК КПСС 10 декабря 1981 г. было принято решение предоставить Польше в 1982 г. помощь на сумму примерно 4,4 млрд рублей» [Источник 1, с. 98].

Зная решение Москвы об отказе от введения войск в Польшу, Ярузельский в этих условиях не имел иной альтернативы, кроме как ввести военное положение и спасти свою страну от полного хаоса. 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение, согласно которому запрещались митинги и забастовки, на предприятиях назначались уполномоченные Военного совета национального спасения. Лидеры «Солидарности» и наиболее активные ее сторонники – 6309 человек – были интернированы; из них 1760 человек вскоре были освобождены [13].

Первый свой зарубежный визит Ярузельский 1 марта 1982 г. нанес в Москву. Здесь он говорил, что решение о введении военного положения он принял самостоятельно и суверенно, будучи глубоко убежден в том, что оно соответствует интересам социалистической Польши [14].

Благодаря быстрым и эффективным действиям военных властей кризис в Польше на определенный период был заморожен, но не преодолен. Военное положение было отменено в 1983 г. «Солидарность» продолжала действовать, но в подполье. Ее выживанию в значительной степени способствовала материальная помощь, оказываемая в разной форме ЦРУ и составлявшая, по данным П. Швейцера, примерно 8 млн долларов в год [18, с. 142].

С началом горбачевской перестройки в СССР антисоциалистическое и антисоветское движение в Польше развернется с новой силой, но на этот раз оно будет носить уже необратимый характер.

С приходом к власти Рональда Рейгана в 1981 г. интенсивность, воинственность и масштаб борьбы США против Советского Союза резко возрастают. Раскрывая суть политики Рейгана в отношении СССР, Киссинджер отмечает: «Целью Америки уже было не ослабление напряженности, а крестовый поход и обращение противника в свою веру» [5, с. 758].

Американская пропаганда формировала из Советского Союза образ врага. Пример в этом подавал сам Рейган. Уже в первом своем интервью в качестве президента 29 января 1981 г. он, как пишет Киссинджер, «заклеймил Советский Союз как империю вне закона, готовую “совершить любое преступление, солгать, смошенничать”, чтобы добиться своих целей» [5].

Принятая Рейганом в ноябре 1982 г. директива Совета национальной безопасности «NSDD-66» объявляла целью политики Соединенных Штатов подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», то есть на ее добывающие отрасли как основу советского народного хозяйства [18, с. 13–14].

17 января 1983 г. президент США подписал еще одну важную директиву «NSDD-75», озаглавленную «Отношения с СССР». В ней предусматривалось: «отбросить советскую экспансию повсюду на международной арене»; «содействовать созданию в СССР более плюралистической политической и экономической системы»; «не допускать субсидирования советской экономической системы»; «увеличить цену продолжения советского присутствия в Афганистане» и т. д. Реализация программы была рассчитана на 5–10 лет [3, с. 250–251; 18, с. 13–14].

Одним из направлений борьбы с Советским Союзом объявлялась гонка вооружений. В октябре 1981 г. Конгресс США принял шестилетнюю программу «довооружения» стоимостью 2 трлн долларов. В рамках этой программы огромное внимание уделялось модернизации стратегических вооружений. Кульминацией гонки вооружений должна была стать программа СОИ. Она была объявлена самим президентом Рейганом 23 марта 1983 г.: «…мы приступили к разработке программы, которая позволит противостоять существующей угрозе советского ракетного нападения при помощи оборонительных мер» [16, с. 569). На эти цели была выделена значительная сумма – 26 млрд долларов [18, с. 233].

Наряду с этим США, по существу, установили блокаду на приобретение Советским Союзом в странах Запада высокотехнологичной продукции. Если в 1975 г. высокотехнологичные изделия составляли 32,7 % советского импорта товаров из США, то в 1983 г. – только 5,4 %. Вашингтон внимательно отслеживал то, что закупает СССР, и на эти виды товаров накладывал запрет. Более того, пресекались попытки импорта соответствующих изделий и через третьи страны [18, с. 238].

Важным направлением борьбы США с Советским Союзом был мировой нефтяной рынок. По экспертным оценкам ЦРУ, от экспорта энергоносителей Советский Союз получал 60–80 % своих валютных доходов [18, с. 183]. В рамках комплексной программы борьбы с СССР США поставили перед собой задачу лишить нашу страну возможности получать такие доходы. Борьбу предполагалось вести по трем направлениям: добиться уменьшения цен на нефть и газ на мировом рынке; перекрыть Советскому Союзу доступ к мировым технологиям; способствовать недопущению подписания крупномасштабного соглашения между СССР и развитыми странами Западной Европы по строительству советского газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород».

Советскому Союзу непросто было компенсировать то, что он импортировал из США и некоторых стран Западной Европы. Машиностроители СССР оперативно перестроили свою работу и преимущественно собственными силами обеспечивали газопровод необходимым оборудованием, стальными трубами, агрегатами. Стройка, начавшаяся летом 1982 г., досрочно завершилась в середине 1983 г. Трасса протяженностью почти 4,5 тыс. километров была подготовлена к эксплуатации. Как и намечалось, сибирский газ во Францию поступил в начале 1984 г. Однако полностью в эксплуатацию газопровод был сдан только в 1987 г.

Таким образом, в рассматриваемый период отношения между СССР и США резко ухудшились. Этому способствовали не только внешнеполитические действия СССР, но и, в большей степени, политика США, стремящихся к установлению превосходства над Советским Союзом.

Список литературы

1. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). – М. : Автор, 1996. – 688 с.

2. Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. – М. : РОССПЭН, 2011. – 671 с.

3. История международных отношений. В 3 т. Т. 3 / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 552 с.

4. Карапетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. – М. : Междунар. центр Рерихов : Мастер-Банк, 2011. – 864 с.

5. Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. – М. : АСТ, 2018. – 896 с.

6. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельства ее участника. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 415 с.

7. Марчук Н.И. Война в Афганистане: «интернационализм» в действии или военная агрессия? // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). – М. : Междунар. отношения, 1995. – С. 453–479.

8. Материалы XXVI съезда КПСС. – М. : Политиздат, 1981. – 223 с.

9. Необъявленная война против Польши. Подрывная деятельность западных спецслужб (по материалам польской печати) : пер. с польск. – М. : Политиздат, 1984. – 220 с.

10. Орлов А.С. В поисках «абсолютного» оружия. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 268 с.

11. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. – М. : Весь мир, 2010. – 944 с.

12. Помяновский Е. Дорога к свободе // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 491–502.

13. Правда. – 1981. – 27 янв.

14. Правда. – 1982. – 2 марта.

15. Рабуш Т.В. Санкции США против СССР, их итоги и последствия (на примере антисоветских санкций 1980 года) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2016. – № 6. – С. 45–53.

16. Рейган Р. Жизнь по-американски : пер. с англ. – М. : Новости, 1992. – 752 с.

17. Фарина А.Я. «Обстановка в Польше буквально взрывоопасная» // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 6. – С. 51–58.

18. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск : Авест, 1995. – 464 с.

Список источников

1. Документы «комиссии Суслова». Выписка из протокола № 40 заседания Политбюро ЦК КПСС от 13 декабря 1981 года // Новая и новейшая история. – 1994. – № 1. – С. 84–105.

2. Российский государственный архив новейшей истории России (РГАНИ).

УДК 355.1(47)

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ 1950–1960-х гг. НА РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

Лысенко Марк Ростиславович
студент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
lysenkomark0@gmail.com

Аннотация. Рассматривается развитие Вооруженных сил СССР в послевоенное время, вплоть до 1964 г., выделяются события, которые коренным образом повлияли на Советскую армию и отечественную военную мысль. До 1953 г. армия СССР не соответствовала требованиям как современной войны, так и государства, поэтому ей была необходима реформа, которая бы сильно изменила организацию Вооруженных сил. Однако продолжающееся развитие ядерного оружия и его последующее внедрение, вкупе с политикой Н.С. Хрущева, заставило пересмотреть концепцию применения вооруженных сил и их строительства.

Ключевые слова: реформа Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг., отечественная военная мысль, Советская армия, оттепель, ядерное оружие.

IMPACT OF THE SOVIET ARMY REFORMS OF THE 1950–1960s ON THE DEVELOPMENT OF THE ARMED FORCES OF THE USSR

Lysenko Mark R.
Student of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don
lysenkomark0@gmail.com

Abstract. This article examines the development of the Soviet Armed Forces in the post-war period up to 1964, highlighting the events that fundamentally affected the Soviet Army and national military thought. So up to 1953 the USSR army did not meet the requirements of both modern warfare and the state, so it needed reform, which greatly changed the

© Лысенко М.Р., 2024

organization of the Armed Forces, but the continued development of nuclear weapons and its subsequent introduction, coupled with the policy of N.S. Khrushchev and in. S. Khrushchev's policy forced to reconsider the concept of the use of the Armed Forces and their construction.

Key words: reform of the Armed Forces of the USSR in 1953–1964, national military thought, Soviet Army, thaw, nuclear weapons.

В условиях прошедших и современных военных конфликтов все более актуальным становится вопрос стратегических и оперативных действий Вооруженных сил (далее – ВС) РФ. Однако для понимания принципов их работы, организации и вероятной стратегии необходимо знать, как складывалась современная армия, так как в последнем крупнейшем военном конфликте – Второй мировой войне ВС СССР значительно отличались по своей сущности от последователей. Существенное влияние на смену основных принципов построения и применения отечественных ВС оказали послевоенная политическая ситуация и конфронтация двух блоков, переросшая в холодную войну, которая и стала «двигателем» различных сфер Советского государства, в том числе ВС, перелом в развитии которых пришелся на 1953–1964 гг. В связи с этим необходимо понять причины смены основного вектора развития ВС и то, как это повлияло на военное строительство, доктрину Советской армии (далее – СА) и отечественную военную мысль в целом, а также узнать, по каким вопросам возникали дискуссии в военных кругах и почему.

В основе проведенного нами исследования лежит системный подход, который с помощью привлечения историко-генетического и историко-типологического методов позволяет изучить ВС СССР в указанный период как непрерывно развивающуюся структуру, с выделением основных событий и закономерностей. Также использовались ретроспективный и историко-сравнительный методы для анализа тех или иных решений, их соотнесения с опытом прошлого и формирования целостной картины изучаемого процесса.

Для изучения поднятой темы привлекались работы разных периодов отечественной историографии XX в. Советская литература представлена трудами военных теоретиков, мемуаристикой и воспоминаниями. Наиболее полные и полезные сведения содержатся в работах маршала В.Д. Соколовского, где он изложил свои взгляды на

характер будущей войны и выделил основные положения советской военной теории начала 1960-х гг., а также историка С.А. Тюшкевича, где он в целом описывает развитие ВС СССР [8; Источник 3]. Современная историография отличается свободой мысли и в большинстве своем полна негативных коннотаций. Крупные исследования по указанной теме начались с академика А.А. Кокошина, яркого представителя постсоветской военной литературы по хрущевскому периоду [5]. Следующим (более фундаментальным и современным) трудом однозначно можно назвать работу В.А. Золотарева, в которой всесторонне рассматривается развитие ВС в XX в. [3]. Некоторые авторы, хотя и не уделяют существенного внимания ВС, косвенно затрагивают поднятую тему. Помимо монографий использовались отдельные статьи, журналы и сборники материалов, затрагивающие изучаемую тему как косвенно, так и непосредственно.

В послевоенное время СА развивалась, опираясь в основном на опыт Второй мировой войны, совершенствуя уже выработанные концепты. Вплоть до 1949 г. ВС СССР представляли собой небольшую армию и флот, а так как основной мощью государства являлись сухопутные силы, в данной работе основное внимание будет уделено этому виду ВС [8, с. 391–392]. В условиях демобилизации и относительно спокойной внешнеполитической обстановки развитие СА проходило достаточно последовательно, однако новые «потрясения» внесли существенные коррективы. Начало холодной войны заставило руководство СССР существенно нарастить армию (до 5,7 млн чел.), а необходимость паритета с США породила в СССР ядерную бомбу [1, с. 20]. Первое восприятие ядерной бомбы было исключительно политическим, значительно позже задумались о его применении в войсках в качестве вспомогательного средства разового огневого поражения, происходило это в основном из-за большого количества «ретроградов» в армии, несовершенства носителей и дороговизны. Основной военной стратегией все еще оставалась «машинная война с применением массовых армий, концентрированных прорывов и глубоких операций» [3, с. 404–405]. Однако непрерывно развивающиеся технологии и противостояние с США подталкивали советских военных теоретиков к пересмотру концепции применения ВС, особенно в условиях всевозрастающего давления со стороны экономики.

Обеспечение массовой армии СССР в условиях гонки вооружений было дорогим удовольствием. Затраты на создание и дальнейшее наращивание атомного оружия, модернизацию военпрома и содержание армии были огромны и, главное, динамичны, по экспоненте дойдя до 11,5 млрд рублей к 1953 г., в относительных цифрах – до 17–20 % затрат бюджета СССР (по официальным данным, хотя многие историки говорят о действительных 31–45 %) [1, с. 26; 3, с. 382; 7, с. 86, 90, 113]. Помимо денежных затрат армия вследствие необходимости постоянного наращивания вооружений отрывала от государственной экономики большое количество людей, потенциальной рабочей силы, и это наносило существенный урон общему качеству и «новаторству» [Источник 2, с. 2–3]. Все эти экономические причины заставляли советское руководство задуматься над адаптацией армии под нужды внешнеполитической и экономической ситуации, которая претерпела невиданный переворот с приходом к власти Н.С. Хрущева.

Новый глава Советского Союза имел свои взгляды на строительство ВС. Начиная с 1953 г. Н.С. Хрущев, развивая политику в плоскости мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем, со всеобщим разоружением, преследовал цель высвободить ресурсы, затрачиваемые на армию, перенаправив их на развитие экономики государства, однако реализация данной идеи существенно повлияла на развитие ВС в целом [1, с. 26; 9, с. 50–54]. Начало разоружения и реформы следует отнести к 1955 г., когда ВС претерпели неоднократные сокращения, достигнув к 1958 г. цифр в 2 140 000 чел., причем основной урон пришелся на сухопутные войска [Источник 1, с. 127–128; Источник 5, с. 273, 290, 295]. По мере уменьшения общей численности СА находилась в стадии «лиминальности», когда общая численность была недостаточна, чтобы называть ее массовой, а ракетное вооружение и количество ядерных боеголовок еще не позволяли решать все стратегические задачи.

Несмотря на всеобщее сокращение ВС, главенствующим и самым многочисленным родом войск оставались сухопутные силы. Изначально строительство СА опиралось на теорию «концентрации сил и средств», но в связи с сокращением численности жизнеспособность теории подрывалась, так как невозможно массировать заведомо меньшее количество частей и соединений, а в случае затягивания

конфликта и начала всеобщей мобилизации ситуация грозила вылиться в до боли знакомое «22 июня 1941 г.» – упреждение противником в мобилизации и развертывании. В связи с этим встал вопрос даже не реформирования, а «переформатирования» армии под задачи основной теории применения ВС.

Началось «переформатирование» сразу после первых волн сокращений. В частности, были исправлены атавизмы организационной структуры, сохранившиеся после Великой Отечественной войны: ликвидировались устаревшие структуры – кавалерийские, зенитно-прожекторные и механизированные части; за счет ликвидации последних удалось переформировать стрелковые войска в мотострелковые и создать новые танковые части, сделав всю армию мобильной и более мощной [8, с. 207–208, 392]. Однако существовала и темная сторона реформы – это игнорирование спецвойск: в 1956 г. ликвидировалась морская пехота, горнострелковые войска сократились с 12 до 2 дивизий, а наиболее подготовленные части СА, воздушно-десантные войска, неоднократно расформировывались и менялся их штат. К 1960 г. ВДВ стали блеклой тенью по сравнению с 1953 г. [2, с. 138, 143]. Всего к началу 1960-х гг. в СА осталось 8 дивизий ВДВ вместо 15 в 1953 г. [2, с. 239]. Однако, какими бы деструктивными реформы спецвойск ни казались, в действительности они определялись целями унификации армии или объективными причинами, как с ВДВ, так как воздушно-транспортных средств СССР хватало лишь для единовременной переброски всего двух дивизий [2, с. 235]. Несмотря на существенные коррективы в войсках спецназначения, СА становилась полностью мобильной при относительно малой численности, воплощая свою огневую мощь и возможности прорыва не в подавляющем превосходстве общей численности, а в повсеместной механизации войск, представляя собой стальную лавину вкупе с высокими огневыми возможностями. Однако изменение оснащения и структуры армии не меняло концепцию ее применения, актуальность которой в условиях активно развивающегося ядерного вооружения существенно падала.

Актуализация ядерного оружия на фоне создания более совершенных ракет к 1950-м гг. происходила все стремительнее. К 1959 г. ракетные войска и ядерные бомбы перешли в отдельный вид ВС – РВСН. На боевое дежурство разворачивались межконтинентальные

баллистические ракеты и ракеты средней дальности, которые решали проблему доставки ядерного боеприпаса на другие континенты. Так как появлялось оружие, способное достигать всех целей войны в кратчайшие сроки при минимальных людских потерях со стороны атакующего, советские военные теоретики решили пересмотреть концепцию применения ВС. Инициатором выступил Н.С. Хрущев, а воплотил его идеи в жизнь начальник генерального штаба маршал В.Д. Соколовский в докладе «О характере современной ракетно-ядерной войны» [3, с. 405; Источник 1, с. 124–125]. В своем выступлении он выдвинул тезис об отсутствии необходимости уничтожения вражеской армии и захвата территорий, так как возможности ракетно-ядерного оружия позволяют поражать приоритетные цели: промышленность, средства ядерного нападения, пункты управления и коммуникации [Источник 4, с. 296–297]. Позже, уже в 1970-х гг., путем подсчетов выяснили, что подобный удар по противнику уничтожит 87 % его боевого состава, 80–90 млн мирных жителей и 68–72 % промышленного потенциала [3, с. 406]. Роль классического применения ВС сводилась на нет, сухопутные войска переходили в «подчиненные» [3, с. 298; Источник 4, с. 368–369].

Новая концепция «неограниченной ядерной войны», одобренная Н.С. Хрущевым, вызвала резонанс у военных теоретиков из-за отрицания всех канонов классического военного искусства. В советской военной мысли пошла волна дискуссий. В первую очередь поднимались вопросы организации сухопутных войск и их применения. Используемая до этого стратегия «концентрации сил и средств на решающем направлении», которая применялась еще на заре военного искусства, отныне становилась пережитком, так как сконцентрированные на одном участке силы представляли собой мишень для ядерного удара. В связи с этим были пересмотрены основные принципы не только стратегии, но и тактики. В тактическом отношении доктрина «концентрирования войск» сменялась «огневым маневром», то есть определением места, наиболее боеспособного в отношении огневых возможностей противника, и его уничтожением с учетом сил и средств [3, с. 402]. «Огневой маневр» позволял, при относительном рассредоточении войск, наносить противнику существенные удары, снижая его способность к сопротивлению и создавая предпосылки для

его последующего разгрома, не подставляя собственные войска, однако на момент 1960-х гг. данная доктрина не работала в отрыве от стратегии «ядерной войны». До этого догмированный принцип войны *«сумма тактических успехов ведет к определенному оперативному успеху, а совокупность последних дает конечный стратегический результат»* в условиях всеобщего ядерного конфликта отходит на второй план, во главу угла ставится новый принцип – *«победа достигается путем одноактивного приложения всей мощи государства, накопленной до войны»*, на чем и строилась стратегия противостояния с США. Роль оперативного искусства сводилась к завершению успеха, достигнутого стратегией. Исходя из вышеизложенных тезисов, теорию «неограниченной ядерной войны» следует считать переворотом в отечественной военной мысли.

Следующий немаловажный вопрос – принцип построения новой армии в условиях «неограниченной ядерной войны». Одним из первых данный вопрос затронул Н.С. Хрущев, предложив свои уникальные идеи [5, с. 140]. Первый его «прожект» – принцип построения территориальной армии (милиции), которая по мобилизации формируется в дивизии и, ни много ни мало, перебрасывается на самолетах в необходимую точку СССР [9, с. 65]. Второй, более поздний «прожект» – малая высококвалифицированная армия с ядром в виде РВСН и мобильная группировка защиты ракет [3, с. 416; Источник 6, с. 427–428]. Реакция военных кругов на подобные теории была довольно резкой, проявившись в том числе в решении об отставке Хрущева. В высшем составе армии велись дискуссии по куда более жизнеспособным проектам. В частности, решался вопрос массовой или малой армии. Автор теории «неограниченной ядерной войны» маршал Соколовский в своей теории, хотя и не отдавал решающей роли сухопутным войскам, малую армию вовсе отрицал, рассматривая необходимость массовой армии в связи с тем, что с началом ядерного конфликта, вследствие больших потерь и разрушений, потребуется большое количество резервистов, в то время как сама армия должна быть готова многомиллионными силами достичь определенного успеха, а по окончании мобилизации завершить конфликт [Источник 4, с. 300–301]. Большинство, конечно же, выступало за массовую армию, однако и здесь было раздробление, но уже в принципе применения – или решающая роль наземных операций массовых армий с применением

ядерного оружия, или стратегическое уничтожение противника и завершение войны сухопутными войсками. Если начальник генерального штаба Соколовский выступал за «подчиненные сухопутные силы», то такие военачальники, как маршал Малиновский и генерал-полковник Штеменко, утверждали, что для достижения победы наравне с ядерными ударами необходимо применять многомиллионную СА, так как, хотя ядерное оружие и изменило коренным образом подход к стратегии, в тактике по-прежнему действуют классические принципы [3, с. 407; 5, с. 142; Источник 7, с. 25].

Помимо споров о построении и применении армии велись дискуссии касательно принципа «экономии сил», то есть эскалации и продолжительности военных действий. Если в довоенной и послевоенной стратегии предусматривались планы мобилизации и развертывания, а также принцип постепенного наращивания сил, то с появлением ядерного оружия подобный подход, по объективным причинам, был пересмотрен [8, с. 130]. Данный вопрос был особенно актуален в связи с тем, что именно характер войны определял планы развертывания и мобилизации сил и средств государства для достижения победы. Большинство военных в данном вопросе склонялось к скоротечной войне и ее завершению одной решающей операцией, другие же колебались в данном вопросе, апеллируя к непредсказуемости ядерного удара [3, с. 397; 8, с. 429; Источник 3, с. 12]. Появление совершенных носителей ядерного оружия, способных с высокой точностью попасть в любую точку государства, поставило под вопрос проведение мобилизационных мероприятий и переориентацию производства на военные нужды, поэтому более актуальным стал план предвоенной мобилизации, а в отношении производства – ориентации на накопленные довоенные ресурсы [3, с. 396]. Исходя из этих планов, СА не нуждалась в «мобилизационном» периоде, так как могла самостоятельно развивать успех ядерного-стратегического удара, однако данные мероприятия не отменяли самой мобилизации, так как организация СА подразумевала содержание лишь ограниченного количества частей постоянной боевой готовности по полному штату, остальные же должны были, пройдя «отмобилизование» и вступив в войну в последующих эшелонах, либо развить первоначальный успех, либо восполнить и сменить потрепанные части [2, с. 142; Источник 4, с. 301].

Позже начали рассматривать вопросы эскалации военного конфликта и его поэтапного развития, которые допускали применение тех или иных средств поражения или начало мобилизации. О чем можно говорить точно, это о том, что с появлением теории «неограниченной ядерной войны» планы по обеспечению военных действий и первоочередным действиям СА стали куда более решительными, однозначными, с четким стремлением одномоментного разгрома противника, привлечением всех доступных средств государства, без каких-либо полумер. В подобном духе дискуссия велась вплоть до 1989 г., и по мере ее развития концепция применения ВС, роль сухопутных войск и в целом военная доктрина СССР существенно менялись.

Таким образом, можно сказать, что в послевоенное время советские ВС развивались по вполне намеченному пути с уже разработанными эталоном и концепцией, однако приход к власти волюнтаристской личности, а также экономическое несовершенство Советского государства вынужденно сбавили темпы развития армии. Отечественная военная мысль адаптировалась к подобным тенденциям, вследствие чего была проведена реорганизация армии под стандарты «машинной войны», к которым стремились еще в послевоенное время. Однако кроме идей общего сокращения армии в замыслах нового главы государства Н.С. Хрущева было собственное «соломоново решение» – концентрация ВС в основном на ракетно-ядерном оружии, которое, по его мнению, должно было достичь всех целей, поставленных перед существующей армией. Повсеместное внедрение ядерного оружия в ВС стало поворотным моментом, коренным переломом в развитии не только советской, но и в целом отечественной военной мысли, когда были пересмотрены основные принципы ведения войны, строительства ВС, стратегия, тактика и роль оперативного искусства. С момента перехода к концепции «ядерной войны» основной упор отечественной военной школы делался на развитие ядерного оружия и средств его доставки. Это полностью нивелирует искусство ведения боя, построения планов, выработки доктрин. В полной мере подобную тенденцию можно назвать деградацией отечественной военной мысли и ВС, которые сошли с этого пути лишь с приходом к власти Л.И. Брежнева, перейдя в стадию стагнации, а окончательно положение выправилось лишь с возникновением в 1980-е гг. теорий «поэтапной войны» и «ограниченной/неядерной войны».

Список литературы

1. Абрамова Ю.А. Незавершенная реформа Н.С. Хрущева: преобразования Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011.– № 4.– 33 с.

2. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской (ч. 1: Сухопутные войска) / В.И. Феськов, В.И. Голиков, К.А. Калашников, С.А. Слугин ; под науч. ред. В.И. Голикова. – Томск : НТЛ, 2013. – 640 с.

3. История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. – М. : Кучково поле : Полиграфресурсы, 2000. – 592 с.

4. Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы. – М. : Междунар. отношения, 1995. – 288 с.

5. Кокошин А.А. О революции в военном деле в прошлом и настоящем // Отечественные записки. – 2005. – № 5.

6. Побежимов И.Ф. Устройство Советской армии. – М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны Союза ССР, 1954. – 143 с.

7. Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / под ред. А.В. Минаева. – М. : Воен. парад, 1999. – 624 с.

8. Советские Вооруженные силы. История строительства / под ред. С.А. Тюшкевича. – М. : Воениздат, 1978. – 516 с.

9. Соловьев Р.А. Реформа Вооруженных сил СССР 1953–1964 гг.: Основные направления и противоречия реализации : дис. ... д-ра ист. наук. – Брянск, 2018. – 250 с.

Список источников

1. Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. – М. : Вагриус,1998. – 368 с.

2. Лобов В.Н. Военная реформа: исторические предпосылки и основные направления // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 11.

3. Малиновский Р.Я. Бдительно стоять на страже мира. – М. : Воениздат, 1962. – 72 с.

4. Соколовский В.Д. Военная стратегия. – М. : Воениздат, 1963. – 504 с.

5. Сокращение Вооруженных сил СССР в середине 50-х годов // Военные архивы России. – 1993. – № 1.

6. Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты: взгляд изнутри. В 2 т. Т. 2. – М., 1994. – 534 с.

7. Штеменко С. Научно-технический прогресс и его влияние на развитие военного дела // Коммунист Вооруженных сил. – 1963. – № 3.

УДК 327.5

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС». ЗАРУБЕЖНЫЙ ТУРИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – 1960-х гг.

Шевырин Сергей Андреевич
кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь;
заведующий научно-методическим отделом Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», г. Пермь
shewirin@mail.ru

Аннотация. История выездного туризма в СССР претерпела несколько этапов – от первых пропагандистских путешествий ударников производства в 1930-е гг. до тщательно регулируемого потока в послесталинское время. Каждый путешественник должен был пройти через многоуровневую фильтрацию профсоюзных и партийных органов, КГБ, чтобы доказать свою лояльность партии и правительству, соответствие образу «строителя коммунизма». Тем не менее за границей тщательно отобранные советские граждане скупали дефицитные в СССР товары, ходили на стриптиз, выражали восхищение устройством жизни за рубежом.

Ключевые слова: СССР, туризм, путешествие, заграница, советский человек, валюта, КГБ.

TO LOOK BEHIND THE ‘IRON CURTAIN’. FOREIGN TOURISM IN THE SECOND HALF OF THE 1950s – 1960s

Shevyrin Sergey A.
PhD, Associate Professor at Perm State University University of Humanities and Education, Perm;
Head of the Scientific and Methodological Department The Memorial Museum-Reserve Stories of political repression ‘Perm-36’, Perm
shewirin@mail.ru

Abstract. The history of outbound tourism in the USSR has undergone several stages of development – from the first propaganda trips of

© Шевырин С.А., 2024

production strikers in the 1930s to a carefully regulated flow in the post-Stalin period. Each traveler had to go through a multi-level filtration – trade union and party bodies, the KGB, in order to prove his loyalty to the party and the government, compliance with the 'builder of communism'. Nevertheless, carefully selected Soviet citizens abroad bought goods that were scarce in the USSR, went to striptease, and expressed admiration for the way of life abroad.

Key words: USSR, tourism, travel, abroad, Soviet man, currency, KGB.

Во второй половине 1950-х гг. изоляционистская позиция Советского Союза ослабла. Лидеры государства начали активно ездить за рубеж, расширялись экономические и культурные связи со странами народной демократии, социалистическими, развивающимися и даже капиталистическими странами. Одним из результатов этого процесса стало оживление выездного иностранного туризма. Советские граждане получили возможность побывать за «железным занавесом». Несомненно, что развитие советского зарубежного туризма в этот период связано с начавшейся десталинизацией и декларированнным на XX съезде партии принципом мирного сосуществования двух мировых систем – капитализма и социализма [5, с. 6].

Опыт организации зарубежного туризма в СССР уже был. Созданный в конце 1920-х гг. «Интурист» должен был в основном заниматься организацией туров для иностранцев, которым было интересно и крайне волнительно (экстрим) увидеть экзотическую страну строящегося социализма. Главной задачей «Интуриста» была следующая: «иностранный туризм должен стать мощным рычагом политического влияния Союза ССР на трудящиеся массы капиталистических стран и значительным источником притока валюты» [1, с. 32]. Небольшое число советских граждан все же могло попасть в путешествие за границу. В первую очередь это были ударники и стахановцы, из которых специально формировали туристские группы для пропаганды социалистического строя. Такой поездкой стало путешествие 257 ударников 1-й пятилетки на теплоходе «Абхазия» вокруг Европы, организованное «Обществом пролетарского туризма». Главные цели этого путешествия – «своими глазами увидеть проявления экономического кризиса в капиталистических странах» и «лишний раз убедиться в преимуществах советского строя и в правоте нашей коммунистической партии» [5, с. 33–34].

Конечно, кроме энтузиастов-ударников в те времена за границу ехали и простые граждане. Их поведение описал в своем очерке 1930-х гг. Валентин Катаев: «На рассвете его вдруг будит жена. – Петя, говорят, надо везти шоколадные конфеты. В Берлине наши конфеты полтораста рублей фунт. И изюм… факт… Петя вскакивает и на полях газеты начинает спешно производить сложнейшие вычисления: фунты множит на килограммы, делит на конфеты, вычитает икру, извлекает корни из папирос. Руки у него дрожат… В Венгрии он менял доллары на лиры в отделении сомнительной банкирской конторы и потом, озираясь по сторонам, прятал в особый внутренний карман штанов остальные доллары. В Неаполе он ломился в магазин за фетровой шляпой фабрики «Борсалино». В Вене метался на плохом таксомоторе из одного универсального магазина в другой…» [4, с. 199–204]. В предвоенные годы путешествия за границу фактически прекратились.

Послевоенное время – а именно середину 1950-х гг. – многие исследователи истории туризма называют мировой «туристской революцией», когда жители Европы, немного отойдя от кровопролитной войны, начали путешествовать. Эта «революционная» тенденция не обошла и СССР. Уже в марте 1954 г. специальная комиссия, составленная из представителей трех министерств (иностранных дел, торговли и внутренних дел), начала работу над проектом об иностранном туризме в СССР [5, с. 40]. В 1955 г. проект о возобновлении иностранного туризма в СССР был направлен первому заместителю председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну. Проект содержал серьезные ограничения для путешественников – «только в страны народной демократии и в пределах 1500 человек в год».

Выехать за границу и сравнить условия жизни в других странах до середины 1950-х гг. было фактически невозможно. Информацию об окружающем страну мире советский человек получал из тщательно цензурированной прессы. Например, о жизни на Западе пермяк мог узнать из заметок в газете «Звезда»: «Социализм и демократия», «Расистские беспорядки в США», «У нас и у них» и др. В заметке о демократии сравнивались «подлинная демократия» в Советском Союзе и «продажная демократия» в США, далее говорилось: «Буржуазия не жалеет сил и средств для того, чтобы представить капиталистический мир неким “западным раем”. Но буржуазная пропаганда не в силах

скрыть того, что в странах капитала существует классовый гнет и расовая дискриминация, что там миллионы безработных и обездоленных людей, не имеющих приюта и лишенных возможности послать своих детей в школу» [7]. В итоге большинство советских людей было твердо уверено, что на Западе есть только «потогонная система эксплуатации», и разве что сумасшедший мог бы «добровольно променять подлинно свободную жизнь в Советской стране на жалкое существование в капиталистическом мире» [3]. Тем не менее граждане СССР знали о товарном изобилии и значительной личной свободе за рубежом. Многим советским людям хотелось увидеть совершенно иной – капиталистический – мир и приобрести дефицитные товары.

Постановление ЦК КПСС «Об организации поездок советских людей за границу» от 3 января 1956 г. предписывало создавать комиссии по выезду при обкомах и крайкомах для отбора «политически проверенных и устойчивых в морально-бытовом отношении передовых рабочих и служащих». И это был не последний уровень фильтрации. Будущий советский турист должен был преодолеть несколько уровней. Первый уровень – местком – низовая (цеха, предприятия, организации) профорганизация. Местком принимал заявление от претендента и давал «характеристику-рекомендацию», в которой должны быть раскрыты «все стороны деятельности будущего туриста, его моральные качества» [6. Ф. 8209. Оп. 1. Д. 274. Л. 118]. Естественно, деятельность и качества должны быть безупречными. Например, такие: «Товарищ С. в общественной жизни принимает самое активное участие. Избирался в члены заводского комитета комсомола… Политически грамотен, морально устойчив, в быту скромен и дисциплинирован, среди работников пользуется авторитетом и уважением» [6. Ф. 8209. Оп. 1. Д. 274. Л. 25]. Эта характеристика подписывалась руководителем предприятия, секретарем парторганизации, председателем профорганизации и заверялась печатью.

Далее характеристика (и человек вместе с ней) поступала на рассмотрение и согласование в районный или городской комитет КПСС. И, наконец, утверждала «персональный состав лиц» высшая разрешительная инстанция – комиссия при обкоме КПСС в составе секретаря обкома, завотделом административных и торгово-финансовых органов обкома, начальника управления КГБ, председателя облпрофсовета [6. Ф. 105. Оп. 23. Д. 28. Л. 15].

Желающим побывать в капиталистических странах и Югославии уделялось особое внимание. Для них была разработана специальная анкета, в которой перечислялись все родственники (живущие и умершие), а рекомендующие инстанции должны были более тщательно рассматривать «политическую зрелость, моральную устойчивость и поведение в быту» [6. Ф. 8209. Оп. 1. Д. 274. Л. 34].

Далеко не все проходили такой тщательный отбор. Так, из отчета Пермского областного совета профсоюзов за 1960 г. можно узнать, что почти половине претендентов на загрантур было отказано – «в основном по политическим и моральным качествам».

Тем не менее в середине 1950-х гг. тщательно отобранные советские туристы, пусть и в небольшом количестве, поехали за границу. Имеются данные о количестве туристов, выезжающих за рубеж из Пермской области: в 1960 г. – 657 туристов[1], распределенных на 36 групп, в 1961 г. – 761 турист [6. Ф. 848. Оп. 1. Д. 3004. Л. 9, 13].

Уже в 1956 г. бюро Молотовского обкома КПСС рассматривало вопрос о недостатках в организации туристских поездок за границу: «…установлено, что отдельные туристы в зарубежных странах увлекаются посещением ресторанов, ведут разговоры и фотографируются со случайными людьми. Ряд лиц в зарубежных странах занимались в спекулятивных целях скупкой различных вещей… Подобное поведение дискредитирует советских туристов, порождает у зарубежных жителей превратное представление о советских людях, наносит ущерб престижу нашей страны» [6. Ф. 105. Оп. 23. Д. 68. Л. 49].

Вероятно, до конца 1950-х гг. особого механизма и порядка отчетности не было или он был напрямую в КГБ и до сих пор недоступен исследователям. Первые развернутые отчеты о загранпутешествиях пермяков появляются в фонде Облсовфпрофа в 1959 г. Наверное, в основе эти отчеты имели шаблон, так как все имеют похожую структуру и состоят из девяти пунктов:

1) состав группы (социальный, профессиональный), срок поездки, маршрут;

[1] Данные неполные, ограничены только туристами, отправленными за границу Облсовпрофом, который организовывал путешествия по линии профсоюза и сотрудничал с «Интуристом». Дополнительно существовало бюро молодежного туризма «Спутник».

2) программа путешествия и ее выполнение;
3) качество гостиниц, экскурсий, ресторанов;
4) характеристика транспорта;
5) описательная часть путешествия;
6) характеристика гидов;
7) замечания по обслуживанию группы;
8) дисциплина туристов;
9) общая оценка поездки.

Из содержания пункта 8 можно узнать, что считалось отклонением от нормального поведения советского туриста. Одной из часто встречающихся была следующая характеристика – «легкомысленное поведение». Под «легкомысленным поведением» понимались самые разные поступки: «…ходила в брюках», «…заводила ненужные знакомства, на замечания товарищей не реагировала», «…выражали ненужные восторги», «…завела знакомство с шофером автобуса, самовольно дважды на несколько часов отлучалась с ним в город, обменивалась адресами», «Туристка П. в Праге за ужином в ресторане громко хохотала, на мое замечание вести себя скромней ответила грубостью: “Я же не на поминках” – и продолжала громко хохотать. В этот же день вечером долго не ложилась спать» и т. д.

Еще одним распространенным замечанием было «недостойное поведение» – в основном злоупотребление спиртными напитками и хулиганство: «…излишне увлекались ресторанами», «А. и П. после обеда в гостиницу явились пьяные, в невменяемом состоянии. В момент моего прихода в палату вместе со старостой П. сидя спал, облокотившись на стол, а А. в туалетной с рассеченным виском в крови, стена в крови», «Ш. сумел за время пребывания в Софии пропить более 30 левов и доставил немало хлопот, особенно при его транспортировке на аэродром». В итоге в отчете могла появиться запись: «Считаю, что Б. не следует рекомендовать в туристическую поездку за границу, водку и пиво можно пить, не выезжая за пределы СССР» [6. Ф. 848. Оп. 1. Д. 2768. Л. 75].

Одним из самых опасных нарушений правил поведения считались одиночные прогулки. Почти в каждом отчете описываются следующие случаи: «…преподаватель вуза при посещении группой художественно-исторического музея Австрии проявила беспечность, недисциплинированность – самовольно оставила группу и отсутствовала 28 минут. Свой странный поступок А. объяснила примерно так:

“Я изучала произведения Тициана”. Почти вся группа была возмущена поведением А., а что пережил за 28 минут руководитель группы, просто кошмар. В Будапеште, когда было предоставлено свободное время, А., вопреки совету с моей стороны пойти по городу хотя бы с кем-то вдвоем, категорически отказалась и пошла гулять опять одна… Ее реплики были: “Мы не репрессированные”. Мое мнение: впредь А. ни в коем случае рекомендации о выезде за границу не представлять» [6. Ф. 848. Оп. 1. Д. 2765. Л. 98]. Руководитель группы мог вечером проверить, в номерах ли туристы: «В этот же вечер я предупредил всех туристов из гостиницы не выходить, а лечь раньше спать. Вечером, когда пошли со старостой посмотреть, все ли на местах и кто как себя чувствует, то не обнаружили в своей комнате М.». Несмотря на постоянный контроль, некоторые наши земляки терялись и отставали от группы. Так, в 1973 г. две пермячки в Болгарии отстали от автобуса. Пытаясь догнать группу, остановили автомобиль гражданина Турции, объяснение велось с помощью жестов. В итоге девушки оказались на совершенно другой границе и были высажены болгарскими пограничниками. Хорошо, что пограничники сумели разобраться в ситуации и отправили путешественниц не в кутузку, а в Софию. Резонанс от этого события отразился даже в публикации газеты «Звезда» [2].

Были случаи, когда туристы оставались на Западе. Так, в 1961 г. из группы рабочих-ударников, в качестве поощрения отправленных в Италию, сбежал работник жилищно-коммунального отдела одной из шахт Кизела. Он пришел в американское посольство в Риме и попросил политического убежища. После допросов в контрразведке и пребывания в лагере беженцев бывший турист получил жилье и работу в немецком городе Золинген. Вероятно, для человека, с детства окруженного тотальным вниманием разного уровня, в том числе и социальной заботой, свобода и одиночество Запада оказались невыносимыми. Через пять месяцев заграничной жизни В. пришел в советское посольство и попросился на родину. В Кизеле был суд, на котором шахтеры кричали из зала: «Говори начистоту, что выдал американской контрразведке?», а газеты писали: «Добровольно променять подлинно свободную жизнь в Советской стране на жалкое существование в капиталистическом мире? Сама мысль об этом показалась бы дикой и неестественной… Но именно так и случилось. За внешней скромностью и добропорядочностью В. скрывалось отвратительное мурло

обывателя, зараженного ядом частнособственнической психологии. Этот человек, исправно выполняющий свои обязанности на производстве, на самом деле презирал общественно полезный труд…» [3].

Абсолютное большинство путевок было в соцстраны и страны народной демократии – ЧССР, ГДР, ВНР, БНР, СФРЮ, ПНР, РНР-СРР (Румынская Народная Республика (РНР) в 1965 г. стала Социалистической Республикой Румыния (СРР)). Со временем особенно популярными стали путевки в Болгарию с отдыхом на море. Так, с 1960 по 1974 г. количество групп, организованных пермским Облсовпрофом для поездки в эту страну, увеличилось в 10 раз, а в народе появилась поговорка: «Курица не птица, Болгария не заграница». В 1960 г. группа пермяков посетила еще дружественную тогда Народную Социалистическую Республику Албания, две группы – Китайскую Народную Республику. В 1961 г. эти страны были исключены из советских туристских маршрутов, зато в 1964 г. появился авиатур на Кубу. Выбор капиталистических стран для турпоездки был небольшим: ежегодно отправлялось несколько групп в Финляндию, особо избранные – в морской круиз «Вокруг Европы» или «По Средиземному морю», туристы попроще – в круиз «По Дунаю», одну-две группы в год направляли во Францию или Англию, Австрию, Канаду, США. Иногда были экзотические туры: например, в 1961 г. – «По странам Африки», в 1962 г. – «Индия», в 1969 г. – «Тунис, Алжир, Куба», в 1972 г. – круиз вокруг Японии.

Внешнеполитические события всегда влияли на развитие туризма и определяли туристские маршруты. Так, венгерский кризис, несомненно, снизил турпоток в эту страну. Но в дальнейшем наблюдался рост туристских поездок в Венгрию. Несомненно, это помогало нормализовать, сглаживать отношения между странами. К тому же туризм в СССР признавался не только видом отдыха, но и «средством коммунистического воспитания» [6. Ф. 8209. Оп. 1. Д. 309. Л. 43]. Если в 1959 г. пермским Облсовпрофом в Венгрию была отправлена всего одна группа, то в 1960 г. – три группы, а в 1961 г. – десять. Чехословацкие события 1968 г. снизили поток туристов, но не прервали совсем. Конечно же, пермякам было крайне неуютно в это время в Чехословакии. Так, осенью 1968 г. пермская группа читала на заборах во всех городах ЧССР надписи на русском языке: «Враги, уходите до-

мой», «Русак, уходи в Москву». В ресторане на просьбу помыть яблоки официантка заявила: «Мойте дома, русские враги. И мы хотим вас видеть под землей». Весной 1969 г. в Карловых Варах группу окружила молодежь и выкрикивала «ругательства и русский мат» в адрес советского правительства и ЦК КПСС, называла пермяков «советскими контрреволюционерами».

Программы путешествий обязательно включали посещение заводов, фабрик, сельскохозяйственных предприятий. Так, пермская группа в Венгрии в 1959 г. посетила и осмотрела не только Будапешт, полуостров Тихань и древние монастыри, но и металлургические комбинаты в новом городе Сталинварош и в городе Чепель. После трехдневного отдыха на курорте Балатонфельдвар состоялось посещение сельскохозяйственного кооператива в Эгере. Осмотр производства часто заканчивался обедом с тостами и речами, взаимными поздравлениями, танцами или, как в Эгере, дегустацией местных вин. В Чехословакии особой популярностью пользовались посещения пивзаводов.

Разрешенной к обмену иностранной валюты хватало только «на папиросы и мелкие расходы, даже не остается на сувениры», как заметил в 1960 г. один из руководителей групп. Но все же многие хотели приобрести что-нибудь существенное – одежду, обувь, ткань. Так, руководитель группы, посетившей Египет, предлагал «предусмотреть организованное обеспечение туристов во время экскурсий прохладительными напитками, и лучше, если к столу будут подавать не воду, а также прохладительные напитки. Все это сделать за счет уменьшения выдачи валюты на руки туристам. 17,3 египетского фунта – это много. Такая сумма, хотели бы мы или нет, начинает увлекать туристов купить как можно больше не сувениров, а различных товаров, имеющих определенные ценности (костюмы, джерси, обувь, золотые вещи и т. д.). В этой обстановке проявляется у большинства скопидомство, боязнь израсходовать даже 5–6 пиастров на сок, лимонад или мороженое» [6. Ф. 848. Оп. 1. Д. 2764. Л. 12]. Чтобы привезти какие-нибудь вещи из-за границы, советский человек продавал там вещи, привезенные с собой из СССР. Уже в 1960 г. руководство Облсовфпрофа писало: «Некоторые туристы продавали свои фотоаппараты и часы и на вырученные деньги покупали различные вещи». Что обычно покупали за границей? То, чего не было в СССР, – джинсы. В 1970-е повезли

мохер, крестики и иконки, библию. «При возвращении на советской границе у одного туриста были изъяты пограничниками две порнографические ручки», «На таможне в Чопе был изъят портмоне с порнографической открыткой» [6. Ф. 848. Оп. 1. Д. 2768. Л. 161]. Конечно же, изымалось не все, кое-что попадало в Пермь и вызывало зависть и восхищение. Турист ходил по знакомым и друзьям, собиралось все семейство и завороженно слушало удивительное повествование. Взрослые разглядывали красочные открытки и фирменные джинсы, а дети пробовали по глоточку пепси-колу.

Понимая всю опасность этих рассказов о путешествиях, идеологические работники пытались контролировать и их. Бюро тогда еще Молотовского обкома КПСС рекомендовало в 1956 г.: «Предложить горкомам, райкомам КПСС после возвращения туристов из зарубежных стран беседовать с ними в партийных органах и оказывать им помощь в правильном освещении своих впечатлений при проведении бесед среди рабочих и служащих».

Проявившие и зарекомендовавшие себя верными последователями советских идей, наши земляки за границей, вне пермской и советской действительности, начали проявлять вполне человеческие желания и интересы – к покупкам, стриптизу, храмам и моде. Оказалось, что для многих следование идеологическим установкам было всего лишь механизмом приспособления и выживания в сложившемся мире. Хотя необходимо отметить, что чаще большинство группы «вело себя правильно. Участники поездки держали себя скромно, с достоинством советских людей». И всегда находилось много товарищей, готовых «сделать замечание», «провести профилактическую беседу». Иногда же характеристики туристов были такими: «…проявляли повышенный интерес к работающим соборам и ночным барам, вечерами отлучались из гостиницы, охотились за порнографией». Встречались и вовсе субъективные характеристики: «Турист Г. – меркантильный человек, взгляд на девушек циничный, что-то в нем скользкое, хотя поведение в целом на вид как будто бы и порядочное. Надо будет впредь рекомендации как туристу не давать» [6. Ф. 848. Оп. 1. Д. 2765. Л. 100].

Список литературы и источников

1. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Шнайдген Й.Й. Советское зазеркалье: иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. – М., 2007. – 256 с.

2. Вахлаков Ю. По путевке за границу // Звезда. – 1973. – 28 дек.

3. Володин Е. Изменник вкушает «свободу» Запада // Звезда. – 1961. – 4 окт.

4. Катаев В. Наши за границей // Одесская плеяда. Сатирические произведения 20-х – 30-х годов. – Киев, 1990. – С. 199–204.

5. Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. – М., 2016. – 351 с.

6. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ).

7. Социализм и демократия // Звезда. – 1957. – 5 дек.

УДК 327.8:94(470.5)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ВИЗИТОВ ИНОСТРАНЦЕВ В СССР В 1955–1985 гг. НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Бекленищева Мария Владимировна
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
bekmv88@yandex.ru

Аннотация. С середины 1950-х гг. происходит существенная интенсификация визитов иностранных граждан в Советский Союз, в рамках которых организовывались поездки по стране. В работе представлен опыт приема иностранных делегаций в Свердловской области в 1950–1980-е гг., являвшейся промышленным регионом. Прием иностранных гостей на постоянной основе требовал выработки механизмов, создания отдельных структур. Регулярные визиты представителей зарубежных стран способствовали трансформации восприятия иностранцев жителями региона.

Ключевые слова: иностранцы в Свердловске, побратимские связи, иностранные студенты, зарубежные гости, международные связи Свердловской области.

TRANSFORMATION OF THE PERCEPTION OF FOREIGN VISITS TO THE USSR IN 1955–1985 ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION

Beklenishcheva Mariia V.
Ural Federal University
Named after The First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg
bekmv88@yandex.ru

Abstract. Since the mid-1950s, the number of visits of foreign citizens to the Soviet Union has increased significantly. The guests organized trips all over the country. The paper presents the experience of receiving foreign delegations in the Sverdlovsk region in the 1950–1980s, which was an industrial region. The reception of foreign guests on a permanent basis

© Бекленищева М.В., 2024

required the development of mechanisms, the creation of new separate structures. Regular visits of representatives of foreign countries contributed to the transformation of the perception of foreigners for residents of the Sverdlovsk region.

Key words: foreigners in Sverdlovsk, twinning relations, foreign students, foreign guests, international relations of the Sverdlovsk region.

С середины 1950-х гг. значительно возрастает число визитов иностранных граждан в Советский Союз. Деловая и культурная программа визитов иностранных делегаций не ограничивалась посещением Москвы. Зарубежным делегациям стремились показать именно страну, а не столицу [7, с. 93]. При организации приема иностранцев каждый из регионов СССР имел определенную презентационную «специализацию» [14, с. 142]. У Свердловской области это была индустрия. В 1955–1985 гг. Средний Урал посещают иностранные гости со всех континентов Земли: официальные делегации, в том числе во главе с первыми лицами зарубежных стран [5], ученые [4], спортсмены [3], деятели культуры [1], развиваются контакты по линии побратимских связей [6], на постоянной основе проходят обучение иностранные студенты в учебных заведениях региона [2]. Значительная часть визитов широко освещалась в прессе, что не могло не сказаться на восприятии этого феномена жителями Среднего Урала.

Организация встреч иностранных делегаций в Свердловской области на системной основе предполагала создание структур, занимающихся их приемом. Так, в структуре партийных органов на областном уровне, а также в городах и районах, где иностранцы становятся частыми гостями, секретари по идеологии начинают координировать международные связи. В структуре комсомола помимо освобожденных комсомольских работников приемом иностранцев занимается Свердловское отделение бюро международного молодежного туризма «Спутник», созданное в Свердловске в 1966 г. Со временем филиалы «Спутника» открылись в нескольких городах Свердловской области. Программа пребывания традиционно включала посещение промышленных предприятий: Уралмаша, Нижнетагильского металлургического комбината, Первоуральского новотрубного завода, – где также определялись ответственные за прием гостей.

С 1946 по 1960 г. в Свердловске учились студенты из Албании, Болгарии, Венгрии, КНДР, КНР, Монголии, Польши, Румынии, Чехо-

словакии, Югославии (рис. 1), с 1961 по 1991 г. – из Вьетнама и Монголии (рис. 2).

Опыт обучения иностранных студентов привел к тому, что с середины 1970-х гг. в вузах стали появляться деканаты по работе с иностранными студентами (рис. 3).

Рис. 1. Китайские выпускники
Уральского политехнического института, 1960 г.
Фото из фондов Музейно-выставочного комплекса УрФУ

Рис. 2. Выпуск монгольских студентов УПИ 1965–1970 гг.
Фото из фондов Музейно-выставочного комплекса УрФУ

По воспоминаниям декана по работе с иностранными студентами Уральского государственного университета им. А.М. Горького Л.П. Мироновой, помимо учебных приходилось решать и бытовые вопросы, в том числе заниматься поиском зимней одежды для целой группы вьетнамских студентов (рис. 4) [10].

Рис. 3. Монгольские студенты Уральской государственной консерватории с деканом по работе с иностранными студентами Ириной Габдулловной Стояновской (в первом ряду в центре). Из личного архива И.Г. Стояновской (1980-е гг.)

Отметим также, что во время обучения иностранные студенты проходили практику на предприятиях Свердловской области, во время каникул путешествовали по стране либо отдыхали в санаториях. Продолжительное пребывание зарубежной молодежи, ее системное взаимодействие с преподавателями и однокурсниками, безусловно, способствовали трансформации восприятия иностранцев свердловчанами. В 1960–1980-е гг. в городе обучалось более тысячи монгольских студентов. Это способствовало созданию в Свердловске в 1984 г. отделения Общества советско-монгольской дружбы.

Рис. 4. Вьетнамские студенты Уральского государственного университета им. А.М. Горького с деканом по работе с иностранными студентами Людмилой Павловной Мироновой (в первом ряду в центре). Из личного архива Л.П. Мироновой (1970-е гг.)

Другим ярким примером системного международного взаимодействия являются побратимские связи. С 1966 г. до распада СССР Свердловская область поддерживала побратимские связи с Западно-Чешской областью Чехословакии, 10 городов региона имели город-побратим в Западной Чехии. Во время визита первой делегации из Западной Чехии 5 июля 1966 г. состоялась учредительная конференция по созданию Свердловского регионального отделения Общества советско-чехословацкой дружбы. Ячейки ОСЧД открывались на предприятиях, в школах, вузах региона. К 1980 г. в Свердловской области насчитывалось 175 коллективных членов ОСЧД. В рамках развития побратимских связей ежегодно обкомом КПСС утверждались планы по развитию сотрудничества. Происходил обмен партийными, комсомольскими делегациями. Предприятия Среднего Урала и Западной Чехии обменивались опытом работы: появился новый формат взаимодействия «от станка к станку».

С 1971 г. практикуется новая форма сотрудничества между регионами – обмен пионерами. 15 человек из Западной Чехии посетили Свердловскую область, а 15 пионеров Среднего Урала побывали в ре-

гионе-побратиме в Чехословакии. С 1974 г. отдых пионеров был организован по городам-побратимам. Ежегодно число обменных групп пионеров и школьников, направлявшихся в лагерь русского языка, увеличивалось. К концу 1980-х гг. по обмену Свердловскую область посещали ежегодно 500–700 школьников из Западно-Чешской области.

Визиты чехословацких пионеров требовали подготовки и оставили множество воспоминаний у участников событий. Так, например, В.Я. Бекленищева, являвшаяся в начале 1980-х гг. секретарем по учащейся молодежи Первоуральского горкома ВЛКСМ, участвовала в приеме пионеров из города-побратима Пльзень-Север: «Удивляло, что когда в столовых детям выдавали вилку и ложку для еды, чехословацкие дети попросили ножи, так как привыкли ими пользоваться. На следующий год к приему чехословацких пионеров были готовы, ножи выдавались вместе с остальными приборами» [9]. Л.С. Панфилова, член правления городского Общества советско-чехословацкой дружбы г. Полевского, вспоминает: когда школьники из города-побратима Клатовы приезжали в пионерский лагерь, они привозили с собой сухую смесь, которую разводили водой, получалось что-то вроде газировки. Это было удивительно, так как в СССР это было на тот момент редкостью [11]. М.В. Кирсанова из Первоуральска рассказала, что в 1983 г. она работала в пионерском лагере «Огонек» Первоуральского новотрубного завода, они принимали группу пионеров из Чехословакии: «Однажды в разговоре я спросила: кем, ребята, вы хотите стать? Поразило, что ребята выбрали профессию не космонавта, не врача, не артиста. Один мальчик ответил: «хочу стать механиком сельскохозяйственных машин», а другой сказал: «хочу стать сыроделом» (рис. 5) [12].

Другим примером развития побратимских связей стало создание на базе Уральского политехнического института (УПИ) интеротряда. С 1974 г. до конца 1980-х гг. группа чехословацких студентов работала в одном из стройотрядов УПИ, а студенты УПИ ехали в Западную Чехию. Как вспоминает С.В. Дюкин, бывший командиром Свердловского областного студенческого отряда в 1983–1989 гг., «когда наши студенты ехали в стройотряд, они работали не по восемь часов, а по десять, иногда даже больше. Труд был довольно интенсивный. И когда чехи к нам приезжали, для них это было неожиданно, потому что

они так работать не привыкли. И мы вынуждены были как руководители студенческого движения ограничивать наши отряды – делать сокращенные рабочие дни на период работы чехов здесь. Потому что они первые день-два пытались угнаться за нашими ребятами. Появлялись мозоли, они не знали, что такое портянки, что сапоги нужно надевать с портянками, и были не готовы к такой тяжелой трудовой деятельности. За первые два дня они очень сильно уставали, и они просили, чтобы им труд делали полегче» [13]. Сохранились и критические воспоминания бойцов интеротряда УПИ. Так, например, Н. Зайцев, работавший в интеротряде в 1975 г., отметил: «Работали западно-чешские студенты по своим правилам – с выходными и строгим соблюдением режима труда и отдыха, не понимая, зачем нужно бежать с полными носилками там, где можно идти мерным шагом. В общем, работали никак... Иногда хотелось прямо со стены пришибить кирпичом одного-другого» [8].

Рис. 5. Чехословацкие школьники в пионерском лагере «Орленок» (г. Первоуральск). Крайняя справа во втором ряду – Марина Владимировна Кирсанова. Из личного архива М.В. Кирсановой (1983 г.)

Подводя итоги, отметим, что трансформации восприятия визитов иностранцев в Свердловскую область способствовали три фактора: регулярное появление информации о приеме иностранных делега-

ций в периодической печати, формирование в регионе структур, ответственных за прием иностранных делегаций, и относительно массовое участие жителей области, начиная со школьного возраста, в приеме иностранцев. Впечатление об иностранцах могло быть как позитивным, так и негативным, тем не менее узнавание другого опыта расширяло кругозор свердловчан и влияло на их восприятие.

Список литературы

1. Бекленищева М.В. Иностранные деятели культуры в Свердловске 1955–1965 гг. // Двенадцатые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.). – Екатеринбург : Квадрат, 2020. – С. 151–153.

2. Бекленищева М.В. Иностранные студенты в советских вузах в 1940–1980-е гг.: проблемы адаптации и взаимодействия (на материалах Свердловской области) // Человеческий капитал. – 2021. – № 4 (148). – С. 42–57.

3. Бекленищева М.В. Периодическая печать как источник изучения международного сотрудничества в области физкультуры и спорта (на примере Свердловской области в 1955–1965 гг.) // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-архив. форума, посвящ. 50-летию ист.-архив. специальности в Урал. ун-те (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 691–695.

4. Бекленищева М.В. Региональный опыт международного научного сотрудничества в СССР в 1950-е гг. (на материалах Свердловской области) // Документ в современном обществе: соединяя пространство и время : материалы XIV Всерос. студенч. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 9–10 апреля 2021 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 156–160.

5. Бекленищева М.В. Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // Historia provinciae – журнал региональной истории. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 529–570.

6. Бекленищева М.В., Шихова О.Н. Практики дружбы: коллективная память о побратимских связях Свердловской области СССР и

Западно-Чешской области Чехословакии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 26, № 2. – С. 148–160.

7. Болтунова Е.М. Державность по-советски: Имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 123. – С. 89–103.

8. Вспоминает Николай Зайцев [Электронный ресурс] // Студенческий строительный отряд УПИ-Мезон. – Режим доступа: http://www.upi-mezon.ru/um_1975.html (дата обращения: 29.10.2023).

9. Интервью В.Я. Бекленищева [Электронный ресурс] // Символы дружбы. – Режим доступа: https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/ index.html?ysclid=loch4b0sd1585506668#/9/17 (дата обращения: 29.10.2023).

10. Интервью Л.П. Миронова // Из личного архива М.В. Бекленищевой. Записано 27.04.2021. Продолжительность записи 30 мин 51 с.

11. Интервью Л.С. Панфилова [Электронный ресурс] // Символы дружбы. – Режим доступа: https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/ index.html#/10/11 (дата обращения: 29.10.2023).

12. Интервью М.В. Кирсанова [Электронный ресурс] // Символы дружбы. – Режим доступа: https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/ index.html?ysclid=loch4b0sd1585506668#/9/20 (дата обращения: 29.10.2023).

13. Интервью С.В. Дюкин [Электронный ресурс] // Символы дружбы. – Режим доступа: https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/ index.html?ysclid=loch4b0sd1585506668#/2/16 (дата обращения: 29.10.2023).

14. Попов А.Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. – Симферополь : Антиква, 2019. – 272 с.

УДК 94(47).084.9

УЧРЕЖДЕНИЕ ЗВАНИЙ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН В СССР В 1960–1970-е гг. И ПРАКТИКА ИХ ПРИСВОЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ г. РОСТОВА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Леонов Дмитрий Евгеньевич
старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль», г. Ростов
demetriosrost@yandex.ru

Аннотация. На основе неопубликованных источников и материалов периодической печати показана история учреждения званий «Почетный гражданин города Ростова», «Почетный гражданин Ростовского района», представлен анализ практики присвоения указанных званий. Хронологические рамки работы охватывают период с 1967 г. (год учреждения изучаемых званий) по 1991 г. (распад СССР). Сделаны выводы о том, что изучаемые звания были учреждены Ростовским городским комитетом КПСС совместно с районным и городским исполкомами Советов депутатов трудящихся 25 августа 1967 г. в рамках подготовки к празднованию 50-летия советской власти. В Ярославской области впервые установление подобных званий произошло именно в Ростове и Ростовском районе. За период с 1967 по 1991 г. в источниках были выявлены сведения о 25 награжденных званием «Почетный гражданин города Ростова» и 21 награжденном званием «Почетный гражданин Ростовского района».

Ключевые слова: почетный гражданин, почетное гражданство, 50-летие Октября, КПСС, общественное признание.

THE ESTABLISHMENT OF TITLES OF HONORARY CITIZENS IN THE USSR IN THE 1960–1970s (BASED ON THE MATERIAL OF ROSTOV, YAROSLAVL REGION)

Leonov Dmitry E.
Senior Researcher, The Rostov Kremlin State Museum-Preserve, Rostov
demetriosrost@yandex.ru

Abstract. In this paper, based on unpublished sources and periodical press materials, the history of the establishment of the titles ‘Honorary Citi-

© Леонов Д.Е. 2024

zen of the city of Rostov', 'Honorary Citizen of the Rostov region' is shown, an analysis of the practice of awarding these titles is presented. The chronological framework of the work covers the period from 1967 (the year of the establishment of the studied titles) to 1991 (the collapse of the USSR). Conclusions are drawn that the titles under study were established by the Rostov City Committee of the CPSU together with the district and city executive committees of the Soviets of Workers' Deputies on August 25, 1967 in preparation for the celebration of the 50th anniversary of Soviet power. Within the Yaroslavl region, the establishment of such titles for the first time took place in Rostov and the Rostov region. During the period from 1967 to 1991, the sources revealed information about 25 awarded the title of 'Honorary Citizen of the city of Rostov' and 21 awarded the title of 'Honorary Citizen of the Rostov region'.

Key words: Honorary citizen, honorary citizenship, 50th anniversary of October 1917, CPSU, public recognition.

В духовной жизни страны периода 1953–1985 гг. были переосмыслены и вновь введены в оборот некоторые ранее считавшиеся устаревшими формы общественного признания, награды. В настоящей работе речь идет о почетном гражданстве – одной из форм выражения общественного признания, которая ныне существует, наверное, в каждом российском городе. Хотя сам термин «почетный гражданин», безусловно, позаимствован из законодательства Российской империи, суть данной формы общественного признания в современном ее понимании сложилась в СССР в 1960-е гг.

Тема о почетном гражданстве в целом не относится к числу глубоко и всесторонне изученных, особенно если иметь в виду региональный материал. Изучение понятия «почетный гражданин» в значении звания, присвоенного лицу за определенные заслуги, началось в последние десятилетия. Дореволюционная историография уделяла внимание почетному (до 1832 г. – «имянитому») гражданству как категории городского населения (сословию) [8; 12; 13; 16], хотя уже в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона автор статьи «Гражданство почетное» А. Яновский упоминал о том, что «города нередко предоставляют звание почетного своего гражданина лицам, известным своими заслугами» [20]. Советская и современная отечественная историческая наука продолжили изучение почетного гражданства в контексте социальной структуры городов Российской империи [4; 10; 11; 17; 18]. По-

четное гражданство как награда за заслуги изучено в работах А.В. Чечулина и М.М. Решетникова [19], И.Н. Беляева [6], А.М. Белокрыса [5], А.Н. Лушина [9], И.В. Акуленко [1; 2; 3].

В настоящей работе на основе неопубликованных источников и материалов периодической печати показана история учреждения званий «Почетный гражданин города Ростова», «Почетный гражданин Ростовского района», представлен анализ практики присвоения указанных званий. Хронологические рамки работы охватывают период с 1967 г. (год учреждения изучаемых званий) по 1991 г. (распад СССР).

В 1967 г. в СССР широко праздновали 50-летие Октябрьской революции. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» от 4 января 1967 г. было отмечено: «В дни подготовки и проведения празднования 50-летия Октября всенародно отметить память павших в борьбе за дело революции, за установление и упрочение Советской власти, провести на собраниях чествования: старых большевиков, активных участников революции, Гражданской и Великой Отечественной войн; ветеранов труда, героев пятилеток, активных участников строительства социализма» [Источник 1, с. 137]. И.В. Акуленко пишет: «В советском периоде российской истории решили вернуться к званию почетный гражданин города со следующей официальной формулировкой: «В ознаменование пятидесятилетия Советского государства и в целях поощрения трудящихся, показывающих высокие образцы гражданского долга и трудовой доблести…» [1, с. 270]. И.В. Акуленко сообщал, что в СССР первыми почетными гражданами многих городов стали летчики-космонавты Ю.А. Гагарин и В.В. Терешкова [3, с. 146]. Кроме того, по его данным, исполком Совета депутатов трудящихся г. Кемерово принял решение об установлении звания «Почетный гражданин» еще 7 декабря 1966 г. [1, с. 144].

В г. Ростове Ярославской области введение званий «Почетный гражданин города Ростова» и «Почетный гражданин Ростовского района» относилось к 1967 г. и было связано с подготовкой к пятидесятилетнему юбилею Октябрьской революции. 20 августа 1967 г. в горкоме партии состоялась встреча ветеранов КПСС, бывших партийных и советских работников города и района. Перед ветеранами выступил Г.П. Куприянов, первый секретарь Ростовского горкома. Он озвучил

цель встречи – «посоветоваться по некоторым вопросам, связанным с подготовкой к славному юбилею – 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», а также рассказать собравшимся о том, «как готовятся трудящиеся нашего города и района к этой знаменательной дате». Одним из пунктов повестки собрания стало знакомство с проектом положения «О почетном гражданине города Ростова»; по этому вопросу выступил секретарь горкома В.П. Шадрин. После доклада Шадрина слово взял ветеран сельского хозяйства В.Н. Титов: он внес предложение разработать положение о присуждении звания «Почетный гражданин Ростовского района». Предложение В.Н. Титова было принято, поскольку труженики Ростовского района также нуждались в аналогичном поощрении [Источник 2. 1967. 24 авг. С. 2].

25 августа 1967 г. вопрос рассматривался на заседании бюро Ростовского горкома КПСС. Решение о создании званий было оформлено постановлением № 401 бюро горкома КПСС и исполкомов городского и районного Советов депутатов трудящихся [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 24. Д. 9. Л. 176–177, 203]. Было решено утвердить звания «Почетный гражданин города Ростова» и «Почетный гражданин Ростовского района», а также положения о присуждении данных званий. В постановлении № 401 отмечено, что присвоение званий «Почетный гражданин» (города и района) следует производить «один раз в год – в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции» [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 24. Д. 9. Л. 203].

Звание «Почетный гражданин города Ростова» присваивалось лицам, имевшим «особые заслуги в развитии промышленности, культуры и городского хозяйства». Шесть пунктов положения раскрывали требования, которым должен был соответствовать кандидат в почетные граждане города. Во-первых, звание могло быть присвоено «за активное участие в борьбе за установление Советской власти в городе Ростове», «за укрепление и развитие городского хозяйства» в первые годы советской власти. Во-вторых, почетного гражданства мог удостоиться активный член КПСС с более чем 40-летним стажем, проживавший в городе не менее 30 лет. В-третьих, званием награждались обладавшие авторитетом в коллективе труженики городских предприятий и организаций, имевшие трудовой стаж от 30 лет. В-четвертых, награды могли быть удостоены лица, «особо отличившиеся в борьбе с

немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны». В-пятых, основанием для награждения могла служить активная общественная работа, способствовавшая «развитию экономики и культуры города». Шестую категорию кандидатов в почетные граждане могли составить лица, не проживающие в Ростове, но внесшие «особый трудовой вклад в развитие города Ростова, его промышленности, хозяйства, культуры, здравоохранения».

Звание «Почетный гражданин Ростовского района» присваивалось гражданам, «имеющим особые заслуги в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры района». Под особыми заслугами понималось «активное участие в борьбе за установление Советской власти, проведение коллективизации, укрепление и развитие хозяйства Ростовского района в первые годы советской власти». Кроме того, звание могло быть присвоено гражданам, имеющим не менее 40 лет партийного стажа, из которых 30 лет нужно было постоянно проживать на территории района и активно участвовать в жизни партийной организации. Получить звание можно было и за более чем тридцатилетнюю безупречную работу на одном из предприятий района, результатом которой должен был стать «особый вклад» в развитие отрасли. Присуждалось это звание и ветеранам Великой Отечественной войны (за особый вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками). Звание «Почетный гражданин Ростовского района» могло быть присвоено и лицу, которое уже не проживает на территории района, однако «в свое время» внесло существенный вклад в развитие его промышленности, сельского хозяйства, культуры.

Звания почетного гражданина города и района давали определенные преимущества: награжденным жителям района предоставлялись первоочередное право на получение жилой площади, льготы по медицинскому и культурно-бытовому обслуживанию, а жителям города – «право на первоочередное улучшение жилищных условий и коммунально-бытовых услуг» и на «внеочередное медицинское обслуживание».

Решение о присуждении званий принимал Ростовский горком КПСС совместно с исполкомами городского или районного Советов. Инициатива в выдвижении кандидатов на звание почетного гражданина принадлежала трудовым коллективам предприятий и учреждений города и района, их общественным организациям.

Положение о звании «Почетный гражданин Ростовского района» не предусматривало процедуры лишения лица присвоенного звания. Звания же «Почетный гражданин города Ростова» можно было лишиться: п. 10 соответствующего положения указывал, что таковое лишение может быть произведено совместным постановлением «бюро горкома КПСС и исполкома Ростовского городского Совета депутатов трудящихся» [Источник 2. 1967. 15 сент. С. 1. Путь к коммунизму. 10 сент. С. 1].

27 октября 1967 г. бюро Ростовского горкома КПСС рассмотрело вопросы о награждении званиями «Почетный гражданин города Ростова» и «Почетный гражданин Ростовского района». В протоколе заседания бюро горкома награждения оформлены фразами: «бюро горкома КПСС и исполком городского Совета постановляют», «бюро горкома КПСС и исполком районного Совета постановляют». Председатель райисполкома П.В. Нестеров присутствовал на заседании как член бюро горкома КПСС; председатель горисполкома Ф.С. Истратий на заседании бюро горкома отсутствовал [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 24. Д. 10. Л. 106].

Звание «Почетный гражданин города Ростова» в 1967 г. было присвоено 14 человекам, 10 из них – члены КПСС с многолетним стажем. На первом месте указана Александра Ивановна Морева, «первый депутат Ростовского Совета, делегатка I Всероссийского съезда работниц и крестьянок», состоявшая в партии с 1917 г. Ветеранами партийной работы также являлись Валентина Алексеевна Лебедева, Елена Александровна Фролова (в КПСС – с 1919 г.), Николай Аристархович Костырев, Анна Ивановна Щенникова (в партии – с 1920 и 1921 г. соответственно). Четверо награжденных были беспартийными; среди них – Вера Дмитриевна Титова, заслуженный учитель РСФСР, проработавшая учителем математики более 40 лет, Екатерина Алексеевна Малова, главный врач Ростовского дома ребенка с 38-летним стажем в системе здравоохранения, Иван Константинович Еремин, 45 лет трудившийся на фабрике «Рольма», а в 1917 г. служивший в Волынском полку в Петрограде [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 24. Д. 10. Л. 106, 184, 185].

Званием «Почетный гражданин Ростовского района» «за развитие сельского хозяйства, культуры» в 1967 г. было решено наградить

12 человек, среди которых председатели колхозов и совхозов (Николай Александрович Абросимов, Николай Петрович Пилкин, Зинаида Дмитриевна Косарева), колхозники (Михаил Дмитриевич Мольков, Николай Александрович Соков), доярки (Феоктиста Федоровна Журавлева, Елизавета Ивановна Абрамова), учителя и врачи (Анна Александровна Дьяконова, Апполинария Ефремовна Михайлова). Следует отметить, что из 12 почетных граждан Ростовского района членами КПСС были лишь четверо [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 24. Д. 10. Л. 186]. Награждение званиями «Почетный гражданин города Ростова», «Почетный гражданин Ростовского района» производилось ежегодно лишь в 1967, 1968, 1969, 1970 гг. [Источник 2. 1967. 2 нояб. С. 1; Источник 4. Ф. 1749. Оп. 24. Д. 31. Л. 113; Источник 2. 1968. 25 февр. С. 1; 1968. 6 нояб. С. 1; 1969. 12 нояб. С. 1; Источник 3. Ф. Р-1. Оп. 9. Д. 135. Л. 155, 157, 172, 173]. Затем, с перерывами, награждения были произведены в 1973 г. [Источник 2. 1973. 7 нояб. С. 1; Источник 2. 1973. 7 нояб. С. 3; Источник 4. Ф. 1749. Оп. 28. Д. 9. Л. 48], 1975 г. [Источник 2. 1975. 7 нояб. С. 1; Источник 4. Ф. 1749. Оп. 30. Д. 10], 1977 г. [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 32. Д. 6. Л. 202, 212], 1982 г. [Источник 4. Ф. 1749. Оп. 42. Д. 8. Л. 28, 58], 1987 г. [Источник 2 1987. 22 авг. С. 1]. Если в 1967 г. званиями были награждены 26 человек, то в последующие годы численность награждаемых существенно снизилась: звания присваивались, как правило, 1–2 человекам в год. Награждение 1987 г. не получило отражения в документах Ростовского горкома КПСС: по-видимому, полномочия по данному вопросу были полностью переданы в руки советских органов. Кроме того, награждение 1987 г. было произведено не к юбилею Октябрьской революции, а к юбилею города, в августе 1987 г.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы.

Звания «Почетный гражданин города Ростова», «Почетный гражданин Ростовского района» были учреждены Ростовским городским комитетом КПСС совместно с районным и городским исполкомами Советов депутатов трудящихся 25 августа 1967 г. в рамках подготовки к празднованию 50-летия советской власти.

На территории Ярославской области, по-видимому, впервые именно в Ростове (в советский период) были учреждены звания почетных граждан (известно, что звание «Почетный гражданин города

Ярославля» «возрождено» в 1978 г. [7], «Почетный гражданин города Рыбинска» – в 1972 г. [14], «Почетный гражданин Ярославской области» установлено решением VII сессии 17-го созыва областного Совета народных депутатов от 23 сентября 1981 г.) [15]. В других городах и районах Ярославской области, по данным, размещенным на их официальных сайтах, подобные звания были созданы в 1980-е, 1990-е и 2000-е гг. Данный вывод подтверждается и материалами областной периодической печати. Таким образом, в 1967–1971 гг. (до учреждения в 1972 г. звания «Почетный гражданин города Рыбинска) звания почетных граждан присваивались в Ярославской области лишь на территории Ростова и Ростовского района.

Специфика Ростова и Ростовского района заключалась в том, что звания почетных граждан были учреждены и присваивались в 1967 г. – первой половине 1980-х гг. при активном участии горкома КПСС и оформлялись совместным постановлением горкома и городского (или районного) исполкома Советов. В других городах и районах области данный вопрос изначально находился в ведении советских органов. Влияние коммунистической партии в данном вопросе уменьшилось вместе с общим снижением ее роли в СССР.

Анализ повесток заседаний бюро Ярославского обкома КПСС за 1967 г., протокола и стенограммы VIII пленума Ярославского областного комитета КПСС, прошедшего 18 августа 1967 г., показал, что никаких централизованных решений по поводу учреждения званий почетных граждан на уровне обкома партии не принималось; более того, данный вопрос вообще не затрагивался[1]. В то же время соотнесение результатов данной работы с опубликованными И.В. Акуленко сведениями свидетельствует о том, что впервые в СССР звания почетных граждан начали присваиваться именно в 1966–1967 гг.

За период с 1967 по 1991 г. в источниках были выявлены сведения о 25 награжденных званием «Почетный гражданин города Ростова» и 21 награжденном званием «Почетный гражданин Ростовского района». Из 46 награжденных 22 человека (48 %) были членами КПСС. Среди почетных граждан города членов КПСС было 15 человек (62,5 %), а среди почетных граждан района – 7 человек (33 %).

[1] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 229. Д. 252. 57 л.

Среди награжденных званием «Почетный гражданин города Ростова» – 15 женщин и 10 мужчин (60 и 40 % соответственно), а среди награжденных званием «Почетный гражданин Ростовского района» – 10 женщин (48 %) и 11 мужчин (52 %). Профессиональный состав награжденных лиц был более разнообразным в городе, нежели в сельской местности. Среди почетных граждан Ростова – партийные работники, руководители, учителя, врачи, рабочие, один военнослужащий. Почетные граждане Ростовского района в основном были тружениками сельского хозяйства (колхозники, доярки, агроном), хотя встречались и рабочие, и представители интеллигенции (врач, учитель), и партийные работники. Все эти люди получили награду за многолетний труд на благо города и района.

Список литературы

1. Акуленко И.В. Почетное гражданство в истории Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 140–151.

2. Акуленко И.В. Почетное гражданство в истории Москвы // Вестник РУДН. Серия «Государственное и муниципальное управление». – 2017. – Т. 4, № 3. – С. 266–281.

3. Акуленко И.В. Почетное гражданство в российской политической истории // Вестник РУДН. Серия «Политология». – 2015. – № 4. – С. 141–149.

4. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – 2-е изд. – Л., 1926.

5. Белокрыс А.М. Почетное гражданство в дореволюционной России [Электронный ресурс] // Московский журнал: история государства Российского. – 2005. – № 3. – Режим доступа: http://newknowledge.ru/articles/pochetnoe-grazhdanstvo-v-dorevolyucionnoy-rossii/ (дата обращения: 17.09.2023).

6. Беляев И.Н. Два века почетного гражданства России: История. Право. Современность. – Смоленск, 2001.

7. Григорьев А.В. Почетные граждане города Ярославля [Электронный ресурс] // Ярославская википедия (Яркипедия). – Режим до-

ступа: https://yarwiki.ru/article/1202/pochyotnye-grazhdane-goroda-yaroslavlya (дата обращения: 10.09.2023).

8. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – СПб., 1875–1877.

9. Лушин А.Н. Именитые и почетные граждане в России в XVII – начале XX в.: становление и развитие правового статуса // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 18. – С. 23–27.

10. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1760-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990.

11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999.

12. Муллов П. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. – СПб., 1864.

13. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. – СПб., 1852.

14. Почетные граждане города Рыбинска [Электронный ресурс] // Ярославская википедия (Яркипедия). – Режим доступа: https://yarwiki.ru/article/1203/pochyotnye-grazhdane-goroda-rybinska (дата обращения: 10.09.2023).

15. Почетные граждане Ярославской области [Электронный ресурс] // Ярославская википедия (Яркипедия). – Режим доступа: https://yarwiki.ru/article/1200/pochyotnye-grazhdane-yaroslavskoj-oblasti (дата обращения: 10.09.2023).

16. Пригара А. Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. – СПб., 1868.

17. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

18. Стрекалова Н.В. Социальная стратификация и социальная мобильность городских средних слоев в 1907–1917 гг.: на материалах Тамбова : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2003.

19. Чечулин А.В., Решетников М.М. Общественное признание: опыт поощрения лучших и признания заслуг в дореволюционной и современной России. – СПб., 2001.

20. Яновский А. Гражданство почетное [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Режим доступа: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/38356-Гражданство%20почетное (дата обращения: 12.09.2023).

Список источников

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1983–1990. – Т. 11: 1966–1970.

2. Путь к коммунизму. Орган Ростовского городского комитета КПСС, Ростовских районного и городского Советов депутатов трудящихся.

3. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РсФ ГАЯО).

4. Центр документации новейшей истории – Филиал Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО).

УДК 069.5(470.53):94(47).084

ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА В МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КУНГУРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Елтышева Лариса Юрьевна
заведующая отделом истории
Кунгурского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника, г. Кунгур
Larisa-1408@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, методы комплектования фондовых коллекций музея по теме «Кунгурский район в эпоху развитого социализма».

Ключевые слова: комплектование фондовых коллекций, развитой социализм, музейные экспозиции.

REFLECTION OF THE ERA OF DEVELOPED SOCIALISM IN THE MATERIALS OF THE KUNGUR MUSEUM-RESERVE

Eltysheva Larisa Y.
Head of the History Department Kungur Historical,
Architectural and Art Museum-Reserve, Kungur
Larisa-1408@yandex.ru

Abstract. The article tell us about the issues and methods of acquisition of the museum's stock collections on the topic ‘Kungursky district in the era of developed socialism’.

Key words: acquisition of stock collections, developed socialism, museum expositions.

Без музеев вся история останется немой. Музей – это храм, в котором бережно собираются и сохраняются памятники материальной и духовной культуры, созданные на разных исторических этапах развития общества. В фондах Кунгурского музея-заповедника находится

© Елтышева Л.Ю., 2024

124 тыс. единиц хранения. Из них фотодокументальный фонд составляет 62 тыс. единиц хранения основного и вспомогательного фонда.

Фондовые коллекции по советскому периоду истории в Кунгурском краеведческом музее начали формироваться в 50-е гг. XX в. Так, в 1955 г. по согласованию с горкомом партии и отделом культуры горисполкома г. Кунгура планировалось открыть новые экспозиции в музее, который только что переехал в новое здание. Предполагаемая тематика экспозиций: «Промышленность и сельское хозяйство», «Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в крае». После назначения в 1957 г. директором музея А.Н. Щеколдина начинается активное формирование фондовых коллекций по советскому периоду. Был разработан план по комплектованию и составлены схемы для каждого промышленного предприятия и колхоза пригородной зоны. Обратились к руководителям этих предприятий и колхозов помочь собрать материалы и изготовить макеты. Письма о сборе материалов отправлялись за подписью председателей горисполкома и райисполкома. Обратился директор музея к жителям Кунгурского района и города и через местную газету «Искра»: «Это общее, глубоко патриотичное дело, которое способствует достойной встрече славного юбилея Советского государства и дальнейшим успехам в претворении в жизнь задач, поставленных коммунистической партией… » [1, с. 3]. За период 1953–1963 гг. в фонды музея поступило около 3 тыс. единиц хранения основного и вспомогательного фонда. В основном это материалы по советскому периоду истории: фотодокументальный материал с промышленных и сельскохозяйственных предприятий – фотографии цехов, производственного оборудования, передовиков производства, а также образцы продукции промышленных предприятий, макеты, модели крупных образцов продукции – буровые установки, механизмы при заготовке леса, образцы зерновых и кормовых культур сельского хозяйства [1, с. 9]. Надо заметить, что в этот период не были скомплектованы фонды по теме «Освоение целинных земель», фонды по этой теме начали формироваться уже в 70-х гг. XX в. Поступили материалы по данной теме: фотографии целинников, медали «За освоение целинных земель» и удостоверения к ним, материалы о погибших на целине кунгуряках. Были скомплектованы личные фонды участников освоения целинных земель И.И. Крутикова [5, с. 1],

С.И. Титова [6, с. 1], В.К. Кузнецова [7, с. 1], Ю.Д. Солуянова, его жены В.Ф. Лежниной-Солуяновой [8, с. 1]. Юрий Дмитриевич замерз во время вспашки целинных земель [9, с. 1].

25 октября 1957 г. после перерыва вновь открылся Краеведческий музей, уже с обновленной экспозицией. Увеличилось число его посетителей. Всего в течение 1957 г. музейные экспозиции посетило более 21 тыс. кунгуряков. В последующие годы фонды музея активно пополнялись. За пять лет (1963–1968) фонды музея выросли более чем на 3 тыс. единиц хранения. На основе собранных материалов продолжала совершенствоваться экспозиция отдела истории. Почти ежегодно в экспозицию вводились новые комплексы: «Кунгурский экскаваторный завод», «Восстановление сельского хозяйства», «Перспективы развития нефтяной промышленности в Кунгурском районе» и др. [2, с. 4]. На основе новых экспозиций в музее стал работать университет культуры по изучению истории и культуры края. Регулярно начали проводиться краеведческие чтения. Новой формой работы с экспозициями музея стали дни открытых дверей. Кроме обзорных экскурсий проводились тематические. Сотрудники музея читали лекции в школах и на предприятиях города, в колхозах и совхозах, устраивали передвижные выставки. Периодически печатались статьи в местной газете «Искра» на краеведческие темы на основе вновь поступивших материалов, вышло первое печатное издание музея «Из летописи земли Кунгурской» (автор – А.Н. Щеколдин). При музее была создана историческая секция, члены которой активно пополняли музейные фонды своими личными материалами (рис. 1).

При содействии Краеведческого музея стали открываться ведомственные музеи на промышленных предприятиях, в школах, селах. Фондовые коллекции этих музеев формировали и ставили на учет сотрудники Краеведческого музея. На основе скомплектованных фондовых коллекций через музейные экспозиции посетители могли познакомиться с советским образом жизни. Основные темы: «Руководящая роль КПСС», «Развитие промышленности и сельского хозяйства Кунгурского района», «Социалистическое соревнование и движение за коммунистический труд», «Ударные вахты», «Рапорты навстречу съезду КПСС», «Пионерские и комсомольские организации», «Новый быт», «Советские обряды и обычаи», «Советский спорт», «Культуру

в массы» [10, с. 96]. Активное пополнение фондовых коллекций продолжилось и при следующем директоре музея – Ф.С. Братиловой. В 1967 г. музей г. Кунгура в честь 50-летия советской власти за активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся был награжден дипломом II степени Министерства культуры РФ [9, с. 98].

Рис. 1. Заседание исторической секции музея

В годы девятой пятилетки главное внимание при комплектовании фондов уделялось отражению истории советского общества. Формирование фондовых коллекций музея в то время шло по нескольким основным направлениям: Великая Отечественная война и революционное прошлое Кунгурского края, развитие промышленности и сельского хозяйства. Фонды Кунгурского музея-заповедника насчитывают более 7 единиц хранения основного и вспомогательного фонда по теме «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». Это личные фонды кунгуряков – участников Великой Отечественной войны, общие материалы военного и послевоенного времени. В результате большой собирательской работы в экспозиции музея появились новые разделы, характеризующие историю здравоохранения, культуры и спорта в крае.

60–70-е гг. XX в. ознаменовались для музея переходом от случайного пополнения фондов к планомерной собирательской работе. Особое внимание в собирательской, научной, экспозиционно-выставочной деятельности музея было уделено идейной направленности, пропаганде решений очередных партийных съездов КПСС, разви-

тию советского общества, возрастающей роли партии в коммунистическом строительстве. Вторая половина 70-х гг. была ознаменована «активизацией работы по идейному, трудовому, эстетическому и нравственному воспитанию трудящихся и подрастающего поколения, углублению содержания экспозиции и совершенствование ее структуры на основе материалов съездов КПСС и постановлений ЦК КПСС», а также «повышением эстетического уровня экспозиции, насыщением в большей степени подлинными памятниками, осуществлением комплексно-тематического принципа экспонирования материалов, использованием современных технических средств. В экспозиционных материалах должно найти свое место отражение торжества национальной ленинской политики, возрастающей роли КПСС, воспитание подрастающего поколения на революционных, боевых и трудовых традициях старшего поколения и современников, в духе советского патриотизма, интернационализма и любви к прекрасному…» [3, с. 24]. Музейщики призваны были работать по сбору материалов «по горячим следам». С 1977 г. стали регулярными выставки «Город и район в … пятилетке». На основе новых экспозиций продолжала развиваться научно-просветительская работа. В 1980-е гг. музейная собирательская работа шла в свете решений XXVI съезда КПСС «по улучшению музейных экспозиций». Центральное место в них отводилось показу «неуклонно возрастающей роли КПСС во всех сферах коммунистического строительства, ведущей роли рабочего класса, роста благосостояния советского человека в развитом социалистическом обществе» (рис. 2) [4, с. 4].

Проходило планомерное комплектование фондов по теме развитого социализма. В советский период в г. Кунгуре работали несколько крупнейших предприятий союзного, областного и местного значения: машиностроительный завод, обувной комбинат, мотороремонтный завод, ремонтно-механический завод, лесозавод, трикотажная, швейная фабрики, пивоваренный завод, предприятия нефтяной отрасли, железнодорожная станция Кунгур, завод художественных изделий, алебастровый завод, леспромхоз, баянная фабрика, хлебокомбинат, молкомбинат, мясокомбинат, ведомственные предприятия. За каждым научным сотрудником музея закреплялся ряд предприятий, совхозов, колхозов, где следовало вести комплектование фондов. При этом со-

ставлялись официальные письма за подписью директора музея, которые утверждались в горкомах партии. Обычно в шапках писем указывались руководители предприятий, партийных и комсомольских организаций, профкомов. Затем, после согласования, намечались ответственные лица в помощь сотруднику музея, определялись кандидатуры передовиков для сбора личного фонда, общие материалы по предприятию, совхозу. Вот общие направления, которые прошли через комплектование фондовых коллекций по теме развитого социализма: «Руководящая роль КПСС через все сферы жизнедеятельности советского человека. Комсомол», «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Строительство», «Образование», «Культура», «Спорт», «Советский образ жизни».

Рис. 2. Открытие экспозиции отдела истории. 1985 г.

Основные темы комплектования и тематические разделы экспозиций (раз в 5 лет) «Город и район в … пятилетке»:

1. Материалы о деятельности КПСС и комсомола. Они комплектовались через первичные партийные организации промышленных и сельских предприятий. Это – деятельность завкомов, профкомов, партийных и комсомольских организаций, личные фонды делегатов партийных и комсомольских съездов, активистов партийных и комсомольских организаций.

2. Производственные показатели предприятия в цифрах, награды, грамоты, дипломы различных соревнований и т. д. Личные фотодокументальные материалы руководящего состава предприятия. Ком-

мунистическое движение. Комплектовались фотодокументальные материалы – фотографии производственных помещений, оборудования, грамоты, дипломы, знамена, вымпелы, награды и удостоверения к ним. Экспонаты – фотографии, грамоты, свидетельства, мандаты, благодарственные письма, рапорты о досрочном выполнении производственных планов, экспортные документы на выпускаемую продукцию, вымпелы, знамена, ленты (рис. 3, 4).

Рис. 3. Вымпел Кунгурского машиностроительного завода

Рис. 4. Заказ-наряд на поставку Кунгурского машиностроительного завода

3. Продукция предприятия. У предприятий легкой промышленности – пальто, шубы, полупара обуви, трикотажные изделия (рис. 5). Если продукция объемная, то макеты, фотографии данного вида продукции. Например, в фойе Краеведческого музея представлена часть бурового агрегата и долота турбобура, выпускаемых на Кунгурском машиностроительном заводе.

Продукция пищевых предприятий комплектовалась в виде упаковки, тары, фотографий продукции. Почти каждый год в музее проходили выставки «Товары народного потребления кунгурских предприятий». На выставках можно было увидеть и изделия пищевой промышленности: колбасу, хлеб, масло, сыр, молоко, пряники, конфеты. После выставки пищевая продукция возвращались на предприятия.

4. Передовики производства. Кандидатуры определялись руководством предприятия. Материал собирался по направлениям: работа, общественные нагрузки, дом, семья, увлечения. Нужно было показать всесторонне развитого советского человека, его роль в обществе, его семейные традиции. Комплектовались фотодокументальные материалы, награды, личные вещи, материалы семейной истории передовиков производства.

Рис. 5. Продукция Кунгурского обувного комбината. 1970-е гг.

5. Ведомственные Дома культуры, детские сады, профилактории, больницы. Аналогично по колхозам и совхозам. Фотодокументальные материалы, личные материалы артистов, воспитателей детских садов, медицинского персонала.

6. Общие материалы по году и району – культура, образование, спорт, новые обряды и обычаи (регистрация брака, имянаречение, проводы в армию и т. д.) Общие городские праздники, спортивные мероприятия, субботники по благоустройству городской среды, регистрация браков, детей, деятельность творческих коллективов. Кунгуряки на крупнейших стройках страны, БАМ, Олимпиада-80 (личный комплекс материалов спортсмена, судьи В.К. Костицина, более 200 экспонатов), XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1985 г.): путевки, рекламная продукция, фотографии, одежда, личные вещи участников. Своевременно были собраны материалы о кунгуряках – участниках войны в Афганистане, материалы о пяти погибших земляках.

Сбор других материалов по истории развитого социализма Кунгурского края начался уже в 90-х гг. XX в., после «перестройки». Основные темы комплектования: политические репрессии 30–40-х гг., трудовые армии, военнопленные в годы Второй мировой войны и т. д.

Но время было упущено, ушли участники тех событий. В результате собирательской работы в фонды музея все же поступили кое-какие материалы – личные комплексы бывших узников сталинских лагерей, тех, кто работал в трудовых лагерях в годы Великой Отечественной войны (в основном это немцы), военнопленных. Очень мало материалов поступило по периоду развитого социализма. В фондах музея нет материалов о диссидентах, политических заключенных, изданий самиздата, материалов о фарцовщиках, нелегальных организациях того периода. Да и вряд ли фонды провинциального музея могли пополниться такими материалами даже в постперестроечное время.

В 2008–2010 гг. шло строительство новых экспозиций по отделу истории, с начальной истории Кунгурского края до Великой Отечественной войны. Некоторые материалы, собранные в постперестроечное время, вошли в новые экспозиции.

Рис. 6. Выставка «День 7 Ноября – красный день календаря»

В Кунгурском музее-заповеднике нет экспозиции по советскому периоду после 1945 г., как, впрочем, и во многих российских краеведческих музеях. Не хватает экспозиционных площадей. Музеи стали тематическими. Фондовые коллекции используются на временных выставках: «Мы родом из детства», «Здравствуй, школа», «День 7 Ноября – красный день календаря», «100 лет военкомату г. Кунгура», «Красные и белые. К 100-летию Гражданской войны», «Афганистан.

Наша память и боль», «Музей встречает юбилей», «Кунгур настоящий и уходящий в прошлое», «Олимпиада-80», «75 лет Победы», «Поехали!.. К юбилею полета в космос Юрия Гагарина», «100 лет газете “Искра”», «100 лет пионерии», «Кунгурское техническое, Губкина, училище. 145 лет истории». «80 лет УДТК», «Кунгур спортивный» «Кунгур литературный» (рис. 6).

В проекте музея – строительство новых экспозиций по условной теме «Кунгур фабрично-заводской». Музей получил новое здание – памятник архитектуры, увы, в аварийном состоянии. Сейчас здание реконструируется.

Список литературы

1. Годовой отчет Кунгурского краеведческого музея за 1957 год // Научный архив ККМ. Д. 9. Л. 1–13.
2. Годовой отчет Кунгурского краеведческого музея за 1966 год // Научный архив ККМ. Д. 12. Л. 1–18.
3. Годовой отчет Кунгурского краеведческого музея за 1974 год // Научный архив ККМ. Д. 21. Л. 1–32.
4. Годовой отчет Кунгурского краеведческого музея за 1982 год // Научный архив ККМ. Д. 12. Л. 1–38.
5. Кунгурский краеведческий музей. Основной фонд ИК-2747.
6. Кунгурский краеведческий музей. Основной фонд ИК-8276/5.
7. Кунгурский краеведческий музей. Основной фонд ИК-1462.
8. Кунгурский краеведческий музей. Основной фонд ИК-8276/5.
9. Кунгурский краеведческий музей. Основной фонд ИК-8276/2.
10. Мушкалов С.М. Наш музей: материалы к истории Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (1909–2009). – Пермь, 2009. – 175 с.

УДК 327.5

В ПОИСКАХ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Ревенко Людмила Васильевна
Ильинский краеведческий музей, пос. Ильинский
lyudmila.revencko@yandex.ru

Аннотация. Матрена Игнатьевна Шаляпина-Шацкая родилась в 1936 г. в Белоруссии. Училась в Киеве. Работала в Казахстане. В настоящее время живет в Перми. Ее трудовая биография связана с геологоразведочными партиями. Стране нужен был уран, и поисками его занимались партии, в которых она работала. Учеба в техникуме и последующее освоение профессии пришлись как раз на время «большой перемены». Выбор профессии был определен послевоенными детскими годами, прошедшими без отца, пропавшего без вести, с матерью-инвалидом.

Ключевые слова: белорусская послевоенная деревня, Киев, учеба в геологоразведочном техникуме, трудовая биография, уран, работа в Казахстане, Пермская земля.

IN SEARCH OF PEACE ON EARTH

Revenko Lyudmila V.
Ilyinsky Museum of Locsl Lore, Ilyinsky
lyudmila.revencko@yandex.ru

Abstract. Matryona Ignatievna Chaliapina-Shatskaya was born in 1936 in Belarus. Studied in Kiev. She worked in Kazakhstan. Currently lives in Perm. Her work biography is connected with work in geological exploration parties. The country needed uranium, and the parties in which she worked were searching for it. The years that fell to study at the technical school and the subsequent development of the profession fell just at the time of the ‘big change’. The choice of profession was determined by the post-war childhood years that passed without a missing father and a disabled mother.

Key words: belarusian post-war village, Kyiv, studying at the geological exploration college, labor biography, Uranium, work in Kazakhstan, Perm land.

© Ревенко Л.В., 2024

Матрена Игнатьевна Шаляпина-Шацкая – обычная женщина с необычной в наше время сердечностью и чутким вниманием. Детство ее прошло в белорусской деревне, которая в 1941 г. была занята немецкими солдатами. После окончания школы Матрена поступила в Киевский геолоразведочный техникум. Трудовая биография женщины выпала на время «большой перемены», поэтому ее воспоминания представляют особый интерес. Для нее с ровесниками не существовало границ между Белоруссией, Украиной и Россией, это было одно пространство, которое они помнят и хранят в душе. Жизнь Матрены Игнатьевны была трудной, несмотря на то что репрессии ее не коснулись. В годы «перестройки» М.И. Шаляпина-Шацкая с мужем приехали в Пермь, оставив в Казахстане квартиру, сад. На стене в ее жилище висят белорусские домотканые рушники, выполненные матерью. Матрена Игнатьевна запомнила полет Ю.А. Гагарина в космос, VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве.

«Я родилась 12 августа 1936 года в Белоруссии. В 1941 году началась война. Школа сгорела. Сама я это не видела, наша мама потерялась, и дедушка забрал меня к себе. Слышала, что немцы там устроили баню.

Мама нашлась сильно пострадавшей в бомбежке. Я помню, снег еще не выпал, мы ехали на телеге по застывшей дороге, и я держала мамину голову на своих коленях, ей было и в таком положении больно, она вся была изранена. Дедушка лечил ее всю зиму, намазывал скипидаром, оборачивал в овечью шкуру и сверху накрывал периной. Я кормила ее с чайной ложечки, по капельке меда капала в рот, а сама боялась его попробовать, ведь дедушка достал его для мамы. А весной дед сказал, что война будет долгой, надо посадить огород. Он нанял лошадь, я даже помню и теперь фамилию этого мужчины – Пархоменко, он был единоличником, у него была лошадь, но не было коровы. Дедушка посадил нас с мамой на телегу и повез в наш домик.

Мама не могла доить коровы, у нее руки не поднимались даже чтобы завязать на затылке платок. Поэтому корову доила тетя Дуня, и молоко мы делили на три части – нам, тете Дуне и Пархоменко.

Вот так потихоньку возвращалась жизнь. Мне было 6 лет, воду я носила сама в ведрах, в каждом по полведра, ведра были длиннее, чем мои ноги.

В сентябре 1952 года я закончила 7 классов в деревне Тереничи Гомельской области. Восьмой класс находился в деревне Телеши, расположенной в десяти километрах от нашей деревни. Лилечка, моя подружка, после медицинского техникума попала в Телеши работать акушеркой.

Я хотела быть педагогом. У меня не было выбора: в педагогическом техникуме не было общежития. Мама хотела, чтобы я поступила в медицинский, но и там общежития не было, а снимать квартиру не было денег.

Ходить в Телеши не было валенок. Состояние было депрессивное; я садилась за стол, плакала и говорила: «Когда же я умру...»

Я пасла колхозных телят. Когда надо было сдавать экзамены, брат не пришел меня подменить. Пока на жаре телята не взбрыкнули, тогда я их закрыла на ферме и только затем поспешила к школе. Раньше писали не сочинение, а изложение. Меня, как и телят, напекло, пошла из носа кровь. Пока учительница принесла воду, умыла меня, все одноклассники уже ушли.

Учительница Лидия Филипповна, она же и директор школы, сказала мне позже: «У тебя была одна ошибка, ты не поставила запятую, я ее сама поставила синими чернилами», – и я получила пятерку.

Мама была больная, ее даже считали сумасшедшей, потому что, когда она в 1941 году попала под бомбежку и вернулась домой не сразу, она сказала: «Я воскресла», – а воскрес только Господь.

Дед Анисим Ипполитович в начале войны понимал, что война будет долгой и потому надо посадить огород. Он нашел чем вспахать огород, повесил туесок, идет и сеет – кусочек пшеницы, кусочек льна, кусочек проса. Просо очень трудно полоть, да и лен тоже.

В школе была пионервожатая, которая училась в педагогическом техникуме, но ей захотелось романтики, она решила поступить в геологоразведочный техникум и позвала меня с собой.

Мама сказала: «Если ты не поступишь, я тебя никогда не упрекну» (пятьюдесятью рублями, что надо было собрать в дорогу). Она продала петуха, несколько полотенец, скатерть, заняла денег.

После ранения мамы в бомбежке всю тяжелую работу в доме делала я, а мама – всю по дому. Зимой заготовили с братом Иваном дрова. Нашли возчика. Едем, а воз развалился. Пока собирали, прово-

зились дотемна. Голодные. Плачем. Приехали, а дома плачет мама, что нас до сих пор нет.

Приехали в Киев, Валя моя бегает по городу и смотрит достопримечательности, а я сижу, готовлюсь. В результате она не поступила, а я поступила. Сдавала русский письменно и устно и математику.

В педагогическом и медицинском техникумах стипендия была 140 руб., а в геологоразведочном – 280 руб. Это помню, потому и поступила, что там больше.

После экзаменов мы вернулись домой.

Копаю картошку. Мама ушла продавать вещи, чтобы собрать мне в дорогу. А я при уборке картошки нашла 50 рублей, они пролежали, видимо, долго, прихвачены плесенью. Я их очистила, высушила, прогладила раскаленным в печи утюгом. И бежит подружка, кричит: танцуй. У меня подкосились ноги: что в письме? Подружка вскрыла конверт, только выхватила фразу: привезите с собой подушку.

Сразу же дали общежитие, которое еще было недостроенное. Одно крыло заняли мы, а второе строилось. Нас сразу закрепили по территории, и мы ходили убирали мусор.

Мне во многом не везло: у меня было пальто с искусственным каракулевым воротником, и завитушки стали отваливаться, а белые нитки торчали, и я стеснялась его носить в Киеве. Купила туфельки, они были парусиновые, а носки – из свиной кожи. Выскочила крыса и погрызла их, я так плакала. Чтобы идти на занятия, кто-то из девочек дал обувь.

Купила васильковую красивую кофточку... из гнилого шелка – она тут же расползлась.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам –
Вся портновская работа
Расползается по швам. *(С. Михалков)*

Жили пять человек в комнате.

Мне стыдно было перед девчонками: некоторые были детдомовские, но их одели – платьица, нижнее белье, а у меня все домотканое, поэтому получишь стипендию, идешь на Владимирский рынок, купишь картошки, морковки и что-то из одежды.

На каникулы едешь – мама наварит яиц полтора десятка, даст банку сметаны, везёшь картошку».

Снижение в стране цен на продовольственные и непродовольственные товары (в 1947–1953 гг.) не оставило в памяти деревенской девочки особых воспоминаний.

Дальше она рассказывает: «В первый год, 1953-й, первокурсников селили со старшекурсниками, чтобы они учили нас жить.

В марте 1953 г. умер любимый мой дедушка, проститься с которым я не могла. Было такое состояние, что позже я завалила математику. В это же время болел Сталин. Никто нас не загонял в красный уголок, но мы ежедневно шли туда послушать сообщение о его здоровье: там было радио. И похороны Сталина я особенно не запомнила. Помню, что из нашего техникума ребята ездили в Москву, но вернулись благополучно, они и близко не могли подойти. Не помню, чтобы плакали. Очень переживали, потому что каждый год снижали цены, а дальше не знали, что будет. Ему верили. Все поэты его восхваляли:

И в год твоего семидесятигодья
Еще тесней еднаем мы ряды,
До коммунизма мы с тобой пойдем,
На подвиги готовые завжды.

Дедушка, пока был живой, сплетет лапти из лыка вяза, мама сделает белые портянки. Дедушка сплетет веревочки, и это была основная обувь: по стерне не пойдешь босиком, особенно после ржи.

Я сдавала кровь, потому что давали 1 кг гречки, 1 кг сахара, 0,5 кг масла и какое-то количество деньгами, я уже не помню. Тогда в продаже были не куры, а кролики. В столовой возьмешь суп из ножек кролика, на ужин салат, купишь кильку и чай. Котлету себе я не могла позволить».

Несмотря на то что компания по развитию кролиководства была начата И.В. Сталиным, Н.С. Хрущев десятилетия спустя, будучи секретарем ЦК КПСС, вспоминал: «Я очень большой сторонник кроличьего мяса. Если ко мне кто-либо придет сейчас в гости, то я обязательно угощу кроликом, потому что по воскресным дням это деликатес, я кушаю только кролика. Я говорю это не для агитации. Для меня кролик лучше, чем курица. Если мне предложат курицу и кролика, то я

возьму кролика». Потому и застала в общепите кроликов наша рассказчица.

«Детства у меня не было. Носила воду на коромысле. У нас коромысла прямые, а на концах засечки, на которые надо было зацеплять ведра. Но сначала я пасла волов. А ты знаешь, кто такие волы? Это кастрированные быки. А деркач знаешь что такое? Это веник. А полы были некрашеные, их при мытье натирали деркачом или кирпичом.

В 7-м классе я пасла телят, мыла полы в колхозной конторе и дома продавала щавель. Собирали его на островке среди болота. Мешок принесёшь, навяжешь пучками, а потом босиком пешком несешь продавать в деревню за 10 км. Если по прямой через это же болото, то 7 км.

Поэтому я хотела уехать из деревни.

На последнем, третьем, курсе вышла замуж.

С мужем познакомилась так: шла из магазина, у меня вытащили кошелек. Я шла и плакала. Иду и нюхаю веточку сирени, а он протянул мне белую розу. Роза та оказалась отломанной, и он ее воткнул в стебель. Он потом стал приходить на танцы в общежитие, хотя я не танцевала.

Он жил с мачехой и отцом, в семье было пятеро детей: он, родной брат, на два года его моложе, и у мачехи два мальчика и дочь Галя. Чем жили? Мачеха покупала офицерские брюки, распарывала их, выкрашивала в черный цвет, нанимала портних – они ей настрачивали «дудочки» – и продавала их. Поэтому в ванне нельзя было мыться, она вся была в краске.

Купит мачеха кусок мяса или петуха, бросит его в кастрюлю – особых деликатесов не было. Все внимание уделялось дочери Гале.

Продаст «дудочки», накупит сладости детям, Гале что-нибудь – платьице там, игрушки.

Вначале мы расписались, а потом стали жить вместе. Снимали четыре месяца квартиру, потому что женатых из общежития отселяли.

Он был согласен ехать со мной, куда ни пошлют, а остаться в городе рассчитывать было нельзя. Кто заканчивал с красным дипломом – имел право выбора. Остальные – куда кого. Распределение бы-

ло в три направления – Север, Казахстан и – избранным – Кировская экспедиция. Мне попался Казахстан.

Муж выучился на шофера, и зарплата шла только от работы. Я положила его в больницу – трепанация черепа.

Сама падала в обмороки, потому что ему варила пельмени и несла в больницу, а в этом бульоне себе варила картошку – это и была моя еда. С группой пошли в музей, где я упала в обморок.

Брат мужа Валентин (ему было 15 лет) плакал, когда мы уезжали. Я дала ему слово, что, когда ему исполнится шестнадцать лет, вышлю деньги, он приедет к нам. Слово свое я сдержала.

На практике была в Донецке – июль и август. Купила себе пальто демисезонное.

В 1955 г., в декабре, приехала домой на каникулы уже вместе с мужем. Встретили новый, 1956-й, год, а в конце января уехали в Казахстан.

...Приехали мы на станцию Акмола, ее потом переименовали в Акмолинск, а сейчас это город Астана. С этой станции мы на автобусе доехали до Макинска, это все неасфальтированная дорога. Меня определили в 43-ю партию. Мы дождались, когда оттуда пришла машина, меня зачислили в техникум – геофизиком, а мужа – шофером-водовозом.

На кухне поставили раскладушку, и мы спали на ней вдвоем, а утром повели в двадцатиместную палатку, там жили восемнадцать ребят, рабочих. Нам отгородили уголок. В центре стояла печка, и по очереди дежурили у нее – топили. Это был февраль.

В августе уехали солдаты, строившие поселок, нам дали комнату, и тут оказалось, что это был клоповник. В феврале Валентину исполнилось 16 лет, и он приехал. Потом он подружился с Галей, позже они поженились.

Я, будучи беременной, сама штукатурила стены. Мне муж с братом намешают раствор в корыте, я его разбросаю по стенам, они придут на обед, замесят вторую партию. Я штукатурила комнату, красила окна, двери… Начались схватки.

Муж отвез меня в роддом, который находился в 100 км от партии. Там родился мой сын 6 октября 1956 г.

Мы искали урановую руду, а раньше в 100 км был золотой рудник. Меня переводили из одной партии в другую, где было нужней. Когда идешь в поле, то по ТБ (технике безопасности) надеваешь кирзовые сапоги, потому что там были змеи. Порой идешь по одной стороне канавы, а на другой гадюка смотрит на тебя. Топографы разбивают сеть на 50 м. В каждом этом отрезке через каждые пять метров делаешь замеры радиометром СРП, они уже были лёгкие, килограмма два. А до них была 8-килограммовая «Застава». Если прибор учует, что увеличивается радиация, то замеры делаешь чаще. Потом замеры выносишь на карту. Где повышенный фон, там закладывают канаву.

Где в канаве повышенный фон, там делают шурф, а если в шурфе – тогда закладывают шахту».

В июле 1957 г. в Москве открылся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

«В 1957 г. поехали в отпуск вместе с друзьями, у которых в Москве была проходная комната. Приехали мы в момент проведения первого молодёжного фестиваля. Ходили, гуляли по Москве, на улицах большинство молодежи нерусской.

Из Гомеля приехали в Киев, пошли на пляж, а там были непальцы, они фотографировали нас, особенно сына Сашу. Сказали, когда могут нам передать фотографии, но мы уехали. Фотографии сейчас где-то в Непале.

Самой мне не очень везло, но зато мужу... Получил три года за превышение самозащиты».

В 1954 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Госпланом СССР было намечено распахать в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других районах страны не менее 43 млн гектаров целинных и залежных земель. Программа была рассчитана на 10 лет.

«Летом 1958 г. я отвезла Сашу к маме. Вернулась «свободная», и меня отправили на сушку зерна, где я пробыла с августа до декабря. Урожай в тот год был небывалый, и вышло обращение к организациям помочь в его сушке. Когда же выдавали медали за освоение целины, ее получила партийная, которая и близко там не была, а я была беспартийная, но активная.

В августе 1961 г. ездила в Павлодар, чтобы купить продукты и отметить свой первый юбилей – 25-летие, но меня не пустили в ресторан, потому что я была в брюках. Дала деньги швейцару, и он купил мне продукты.

Ракеты поднимались в Джезказганской области с космодрома Байконур, за ними шлейфом тянулась белая полоса и спускалась над нами. Павлодарская область, где работали мы, была рядом.

Десять с половиной лет в партиях (с февраля 1956-го по август 1966-го). Магазина там не было. У нас была повариха, она получала продукты, варила на костре, потом подсчитывала расход, делила эту сумму на всех, и мы платили.

Изотопы получали из Ташкента и Новосибирска, а отработанные отправляли в Челябинск-7.

В августе 1966 г., в День шахтера, приехала в Кентау, где был свинцово-баритовый комбинат (его сейчас закрыли). Меня приняли сначала в изотопную лабораторию лаборантом, потом перевели геофизиком, и приходилось спускаться в шахты даже до 1000 м».

Слушаю воспоминания, удивляясь, сколько было пространства: Белоруссия, Украина, Казахстан, Россия. Но ведь еще и смена в стране руководства, и обустройство быта, и рождение детей. Жизнь – такая сложная и единственная!

УДК 94(47).084.9

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПОСЛЕ СМЕРТИ И.В. СТАЛИНА НА ПРИМЕРЕ СПЕЦПОСЕЛКА СЕРГЕЕВСКИЙ

Хаярова Полина Вазыховна
магистрант исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь
hartnet1@rambler.ru

Голдобин Анатолий Вольфрамович
старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь
goldman@nextmail.ru

Аннотация. Отражены результаты исследования, основанного на интервью и документах, содержащих сведения о повседневной жизни спецпереселенцев Белоруссии и Украины первой волны раскулачивания. Приведены предположения и наблюдения о влиянии смерти И.В. Сталина на повседневность спецпереселенцев в поселке Сергеевский Гайнского МО Пермского края.

Ключевые слова: спецпереселенец, повседневность, спецпоселок, комендант, донос, квартальный.

CHANGES IN THE DAILY LIFE OF SPECIAL SETTLERS AFTER I.V. STALIN ON THE EXAMPLE OF THE SERGEYEVSKY SPECIAL SETTLEMENT BASED ON THE TESTIMONIES OF SPECIAL SETTLERS

Khaiarova Polina V.
Master's Student of the Faculty of History of Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
hartnet1@rambler.ru

Goldobin Anatolii V.
Senior lecturer of the Department of National and Universal History, Archeology of Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
goldman@nextmail.ru

© Хаярова П.В., Голдобин А.В., 2024

Abstract. I In the article, the authors reflect the results of a study based on interviews and documents containing information about the daily life of special settlers of Belarus and Ukraine of the first wave of dispossession. The assumptions and observations about the influence of the death of I.V. Stalin on the daily life of special settlers in the village of Sergeyevsky of the Gaynsky MO of the Perm Region are given.

Key words: special settler, everyday life, special settlement, commandant, denunciation, quarterly.

Актуальность темы определена усилением интереса к истории повседневной жизни, в том числе жизни репрессированных, возможностью использования данных знаний для воспитания нового, более гуманного поколения.

Уральская область на начало 1930-х гг. была одним из центров сосредоточения спецпереселенцев нескольких волн раскулачивания из республик – регионов СССР (в будущий Пермский край спецпереселенцы прибывали с марта 1930 г.) [8, с. 69; 21, с. 62].

Раскулачивание для крестьянства – это внезапное, непонятное для данного социального слоя «ущемление, подрыв традиционных экономических и бытовых устоев и интересов» [26, с. 121]. Крестьянин был уверен в своем гражданском положении и своей невиновности: «Я был раскулачен и выселен… по неизвестной причине, не судим, и не было никаких допросов, каковое явление признаю в корне несправедливым» [15, с. 31]. Поскольку он, будучи представителем традиционного населения, не предполагал, что подлежит наказанию, преследованию, осуждению по инициативе государства, «к работе относился добросовестно, платил налог» [19, с. 1], для него логичным объяснением причины бед служили некомпетентность и предвзятость начальства на местах: «Бедняки давали подписку и говорили, что выселяли не мы, а только председатель, он… уничтожил все документы, и все дело осталось молчком» [Там же].

Раскулаченные, твердо убежденные в своей непричастности к чему-либо противозаконному, насильственно переселяются за тысячи километров от родного, но уже не их дома.

Последовательность действий властей на местах регламентировалась сверху системой документации относительно спецпереселенцев, определяла совокупность задач с момента выселения и до пребы-

вания в новой для них локации проживания, воплощалась в искаженном варианте. Внезапное ухудшение социального положения, принудительная передислокация, отсутствие элементарной, жизненно необходимой инфраструктуры в комбинации с рассеянным распределением спецпереселенцев по поселкам вызывали сопротивление, выражающееся в протестных настроениях и саботаже среди спецпереселенцев.

Часть прибывших спецпереселенцев определяли в уже существующие населенные пункты [25, с. 16–23], но идеальным решением для отделения от местного населения было создание спецпоселков [4, с. 1].

Сотрудники ОГПУ, занимающиеся спецпереселенцами, обладая существенным объемом распоряжений и алгоритмов, на местах зачастую не имели представления, как воплотить намеченные указания в отношении прибывающих людей, и были скованы узкими временными рамками, уложиться в которые было сложно. Во время заседаний руководителей ОГПУ и райисполкома поселений выявлялись дефекты точно определенных инструкций, не предполагавших влияния человеческого фактора и сложных реальных обстоятельств. Например, в Косинском РИКе, не имея возможности исполнить сразу несколько директив, выбирали вариант, самый безопасный для власти. Поэтому места для строительства спецпоселков определяли только по принципу удаленности от местного населения: «…расквартирование спецпереселенцев среди местного населения по населенным пунктам ни в коем случае не допустимо, а потому… в течение 3 дней… наметить места постройки поселков» [29, с. 2].

Строительство спецпоселков не укладывалось в установленные сроки не только по причине существования «различных норм и градаций воздвижения населенных пунктов» [28, с. 2], но и вследствие, как полагали сотрудники госорганов, «нежелания переселенцев строиться и отсутствия административного нажима на них» [Там же].

Вместо решения истинной проблемы в виде отсутствия продуктов питания, так как строителям «забрасывали одну муку» [Там же], для быстроты и удобства закрытия вопроса всегда находились виновные и отправлялись под суд: «Председателя Никонова М.И. за организацию кулацкого саботажа, выразившегося в умышленной затяжке хлебоуборки… снять с работы и отдать под суд» [27, с. 2].

То есть на местах сотрудники ОГПУ часто не совсем понимали, какое решение принимать в том или ином случае и как реагировать на протестные настроения, что вело к прагматичному вердикту.

Следует заметить, что для реконструкции повседневности недостаточно отчетов ОГПУ и сохранившихся материальных источников, которые позволяют определить бытовую сферу этой группы людей. Необходимо привлечь устные свидетельства очевидцев и их письменные воспоминания. Данная группа источников дает возможность проводить наблюдения за психологическим состоянием спецпереселенцев, без понимания которого картина их жизни будет раскрыта лишь фрагментарно.

Нами была разработана анкета для проведения интервью. В нее включены вопросы, связанные не только с бытом, инфраструктурой жизни спецпереселенцев – их вещного мира в новой локации, но и с их психологическим состоянием.

Ныне живущих спецпереселенцев первой волны остались единицы (два человека, записано видеоинтервью с одним из них), также мы располагаем письменными воспоминаниями пяти переселенцев.

Большей частью они были детьми на момент переселения. Созданная анкета предназначена для детей школьного возраста (вопросы были, например, такими: «Каким был день отъезда?»).

Елене Михайловне Чащиной (Тропышко) при выселении было шесть лет, на ее глазах сотрудник ОГПУ застрелил любимую собаку за «надоедливый лай». При прощании учительница дала ребенку в дорогу иконку, этот подарок отобрали. Смерть собаки и потеря символа веры стали самыми острыми моментами, оставшимися в памяти навсегда [9, с. 4].

Вопросы, относящиеся к жизни в новой локации, охватывают аспекты детской повседневности: «Какую школу вы посещали? За какой партой сидели?» Елена Михайловна первые два года жизни в спецпоселке ходила в школу соседней деревни, находящуюся в 12 км от Сергеевского: «Сидели мы в уголке класса на отдельном ряду. Обучение велось на коми-пермяцком языке. Если получишь 3, родителям выписывают штраф, снижают паек. Одежду донашивали, детям ее не выдавали, делали заплатки» [9, с. 2]

Нашей главной целью было раскрыть некоторые грани внутреннего мира спецпереселенцев, насколько возможно, эмоциональную сторону их повседневной жизни, объясняющую поступки как реакцию на происходящее вокруг них.

Территориально исследование основано на письменных воспоминаниях спецпереселенцев спецпоселка Сергеевский и видеоматериалах интервью, взятого у представительницы семьи Тропышко, сосланной в марте 1930 г. из Белоруссии.

Учет прибывающего населения в спецпоселок, контроль над размещением в новой локации, оцепленной кордонами (так как перемещения между населенными пунктами были под запретом), сбор сведений по вопросу выявления политических настроений выполняли местные органы ОГПУ (НКВД). Все настраивалось в спешном порядке. Хаос в документации периода размещения вызвал далеко идущие последствия.

Например, семья интервьюируемой Елены Михайловны Чащиной (Тропышко), родившейся 2 апреля 1924 г. в Могилевской области Белоруссии, по документам перевезена в Косинский район Уральской области в составе 12 человек. В списке присутствует ее отец Михаил Афанасьевич, хотя его увезли отдельно (семья с ним объединилась только через несколько лет), но отсутствует сестра матери Елизаветы Тарасовны, записанной Тимофеевной, Акулина, тоже переселенная с ними. Брата отца Семена Афанасьевича, имевшего техническое образование, с женой и детьми отправили в Нижний Тагил, тем самым разделив родственников [14, с. 12]. Через год ее дядя Елисей по документам объявляется Алексеем. В 1942 г. он был мобилизован и погиб уже с новым именем [30, с. 1].

Неразбериха на этапе размещения спецпереселенцев и позже, при жизни в определенном поселке, давала возможность некоторым из них совершить побег. Чаще всего они оправдывали такой риск личной жизненной необходимостью. В частности, тетя интервьюируемой «Акулина Тарасовна выкрала у свояка Михаила Афанасьевича Тропышко, дважды георгиевского кавалера Первой мировой войны, его наградные кресты, послужившие оплатой за пропуск. Она договорилась с одним из сотрудников, стоявших на кордоне у поселка, и до-

бралась до ближайшей ж/д станции Менделеево, пройдя более 200 км, проживала в Москве» [9, с. 3].

Крестьянам сложно решиться на столь неординарные поступки, им свойственна размеренность, обусловленная особенностями образа жизни и доминирующей сферой деятельности. Крестьян отличают патриотичность (по отношению к малой родине) и высокая религиозность, которая служит «одной из основ их духовно-нравственного развития» [24, с. 160–221]. Поход в церковь по выходным был еженедельным ритуалом семьи Тропышко до отъезда: «Мама к воскресенью всегда просфирки пекла и отливала свечи, а уже здесь ходить стало некуда, пекла позже для встреч в поминальные дни на кладбище, собирались у могил под присмотром, кто что нес…» [9, с. 4].

Характерно, что большинство после получения паспортов вернулось на свою малую родину либо просто уехало, что прослеживается в таблице.

Численность переселенцев в спецпоселке Сергеевский
в 1939–1951 гг. [2, с. 1; 3, с. 1; 5, с. 1; 6, с. 1]

Дата	Общее количество спецпереселенцев	Количество семей спецпереселенцев	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет
01.07.1939	218	57	51	70	97
01.07.1943	189	57	–	–	–
01.01.1945	145	51	36	54	55
01.01.1951	16	5	9	6	1

Повседневность спецпереселенцев можно соотнести с термином В.И. Лебедева «синдром аквариума»: корень проблемы лежит в «публичности одиночества», где «публичность» – это знание о постоянной наблюдаемости. Даже в лесу, работая по пояс в снегу, они знали, что конвой следит за ними. Поскольку каждый спецпереселенец, находившийся в поселке, состоял под ощущаемым наблюдением, «он все время старался удержаться в какой-то ролевой функции, что требовало от него определенного напряжения», так как проводился мониторинг политических настроений, тотальный просмотр личной пересы-

лаемой корреспонденции, принимались другие меры в условиях взаимного недоверия [18, с. 89]. Такая непреклонная регламентация спецпереселенческого социума неминуемо создавала почву для вторичных репрессий в локациях пребывания. Например, Антон Ильич Солоненко, сказавший о необходимости постройки хлебопекарни, был арестован по доносу спецпереселенки Репиковой «за антисоветскую агитацию» [20, с. 1].

Доносы не прекращались и после смерти Сталина, и позже [1, с. 1]. Так как в Гайнском районном архиве хранятся анонимки с датировкой 1959 г. [17, с. 288], можно утверждать, что смерть Сталина не кардинально и не сразу изменила психологический настрой населения. Полностью анонимки не пропали даже после того, как в 1962 г. отменили рассмотрение писем без подписи [22, с. 270–285].

Функционал местных госорганов состоял в том, чтобы организовать адаптацию по выведенному регламенту трудового и хозяйственного обустройства спецпереселенцев в новой для них локации. В сельской местности переселенцев (в теории) должны внедрить в колхоз, выдать приусадебные участки. Предполагалось, что при налаживании хозяйства переселенец проникнется симпатией к новому месту проживания и не будет думать о возвращении в родные пенаты. Однако реальность имела существенные различия с теорией.

Для обустройства необходимы сильные рабочие руки. Человеческий организм продуцирует энергию из пищи. Однако на протяжении длительного времени наблюдаются постоянные проблемы с обеспечением переселенцев элементарными продуктами питания: «Муку давали редко, и ее приходилось экономить, перетирать мох, добавлять в муку и печь хлеб. Голодное время было и в конце войны, когда случился недород на полях» [13, с. 2]. Часто хлеб переселенцы не получали из-за неправильно оформленных документов, бюрократических проволочек. Даже в начале 1950-х гг. переселенцы испытывали нехватку питания из-за плохо организованной логистики или неудачного урожая.

Нередко нехватка продовольствия вынуждала людей идти на преступления. Из воспоминаний Елены Михайловны Чащиной: «…везли каких-то людей и на ночлег разместили в конторе лесопункта. Они в выданном им хлебе финки попрятали для вскрытия сейфа, где была зарплата на весь колхоз» [9, с. 5].

Так как дети не были работающими, то есть не получали хлеб за трудодни, страдали в первую очередь они, также сказывалось отсутствие медобслуживания. Из письма заместителя Наркомлеса правительству в начале 1933 г.: «На почве недоедания у спецпереселенцев и, в особенности, у детей свирепствуют цинга, брюшной и сыпной тиф, принимая формы эпидемии с массовой смертностью. В одном только Гайнском леспромхозе за апрель месяц умерло 175 человек, и имеется больных цингой и опухших от голода 285 человек» [7, с. 33].

Безысходность подвигала жителей на нестандартные поступки, жалобы и протестные настроения. «В период с 1936 по 1945 г. по политическим мотивам по инициативе коменданта Денисова Ф., при содействии стукачей, арестованы и осуждены спецпереселенцы: Острейко А.П. (УССР), Ревенко П.С. Вернулись в поселок после пересмотра дел, отсидев по 4 года в лагерях: …Острейко А.П. Остальные 11 человек были расстреляны» [10, с. 2].

После возвращения Антон Павлович стал квартальным. По воспоминаниям М.М. Овчинниковой (Тропышко), «он любил мыть руки спиртом, был очень аккуратен, осуществлял бой домашнего скота с удовольствием» [12, с. 2]. «Острейко вылил молоко, которое мама Голикова (Ревенко), несла опухшим от голода детям. Он подтвердил, что после обыска у спецпереселенцев забирал золото и ценные вещи себе» [9, с. 6].

Показательна история отдаленного сателлита Сергеевского – поселка Коврижка, в котором произошла трагедия: «В 1933 году из п. Коврижка (в котором был массовый голод), что на Кайском волоке, были переведены в п. Сергеевский семьи Качанова Василия Федоровича… Ераценко Сергея Филипповича» [10, с. 2].

Необходимо отметить, что фамилия Ераценко С.Ф. звучит не только в воспоминаниях Е.М. Чащиной (Тропышко), но и во многих других.

Судя по описаниям, вполне схожий по уровню эмпатии с другими прибывшими в поселок, после выживания в Коврижке Сергей Филиппович внезапно изъявил желание перейти на противоположную сторону. Он так же, как и Острейко, становится одиозным квартальным.

Трагедия Коврижки – это синтез всех возможных ошибок планировки и организации повседневной жизни спецпереселенцев.

1. Этот поселок – показатель непродуманности порядка действий тех, кто создавал инструкции по адаптации, жизнеобеспечению спецпереселенцев, показатель некомпетентности в вопросах ведения хозяйства и т. д. Места строительства спецпоселков выбирали, исходя исключительно из постановлений о требованиях, уменьшающих вероятность побега (например, не менее 200 км до ближайшей ж/д станции), критерии со стороны качества хозяйствования и проживания в реальности, судя по всему, не принимали во внимание, так как на вопрос коменданта «Ну как, мужики, думаете насчет огородных участков? Весной надо уже будет посадить картофель и овощи, а земля еще не разработана» только старик-белорус Береснев промолвил: «Нет, гражданин комендант, в этом поселке огородов иметь не будешь и ничего не вырастишь… Почва здесь исключительно белый песок с галькой, на ней не будет ничего расти…» [16, с. 107].

2. Отличились сотрудники ОГПУ, «подрезавшие» пайки спецпереселенцам, экономившие ради своего собственного полноценного питания, о чем пишет в своей книге бывший комендант Коврижки А.М. Кривощеков: «По разрешению ПП ОГПУ райотдел ОГПУ вместе с милицией создали подсобное хозяйство за счет изъятого у раскулаченных крестьян скота и земли. Молоком обеспечивали всех сотрудников. Благодаря дополнительным продуктам стали лучше питаться, и я значительно поправился» [Там же].

3. На первый план выходят слепая исполнительность сотрудников ОГПУ и боязнь укорить в некомпетентности вышестоящих, разрабатывавших этот проект населенного пункта. На аргумент коменданта Кривощекова о том, что «поселок построен неудачно, очень далеко до населенных пунктов. Заработки работающих не обеспечивают содержание семей, остальные члены семей не могут иметь в поселке дополнительный заработок», окружной комендант ОСП ОГПУ Аргунов отвечает: «Неправильно ты говоришь. Коврижка находится в центре крупного лесного массива, работа обеспечена на многие десятки лет. А с побегами… нужно поставить на дорогах посты и задерживать бегущих» [16, с. 114].

4. Активная деятельность ОГПУ и желание некоторых сотрудников выслужиться вызывали озлобленность у спецпереселенцев и местных раскулаченных, протестующих уже не саботажем или словами о пекарне, а грабежами и убийствами для достижения некоего возмездия власти и собственного выживания [Там же].

В начале 1930-х гг. весь округ устрашала «банда Распутина». До периода коллективизации ее будущий главарь Григорий Никонов жил в деревне Прошиной, являлся «середняком», занимался прасольством в период НЭПа. Коллективизацию расценил, как любой «середняк», негативно. «За неуплату налогов в 1930 г. Никонова планировали судить и описывать его имущество. Григорий, прозвав себя Распутиным, убил доносчика соседа и стал скрываться. В 1932 г. убивали активистов-доносчиков в деревнях, обстреляли поселковую комендатуру в поселке Янчер» [16, с. 112].

По воспоминаниям спецпереселенцев, «Распутин» приезжал в спецпоселки и, не боясь, призывал противиться комендантам, но все вокруг молчали, чувствуя свою обреченность [11, с. 2]. Весной 1933 г. «собранная им банда ограбила ларек», судя по отчетам Кривощекова [16, с. 114], и вынесла всю муку со склада. Однако Антонида Андреевна Евдокимова (Тарасова) утверждает, что «были сняты замки, но мука не была вывезена, чтобы голодающие ею воспользовались, но мы ее не взяли» [11, с. 2].

Через несколько месяцев Кривощекова сменил комендант Г.П. Дедов, вызвавший своими действиями гнев населения: он зимой по ночам поднимал спецпереселенцев и гнал их, даже не успевших одеться, на рубку леса. Так поступать с людьми заставляли и Кривощекова. Тех, кто падал, отправляли ночевать в неотапливаемый подвал старой церкви. Муку не выдавали, так как ее снова «украли» [16, с. 114]. Голод тогда приобрел массовый характер.

Воспоминания коменданта Кривощекова написаны им уже после смерти Сталина, в 1954 г. Он дает информацию о своей якобы гуманной, насколько возможно, службе, но не скрывает, что у сотрудников госорганов были помощники по хозяйству: «Числа 13 декабря Нюру с сыном и прислугой Марфой отправил в Кочево» [Там же, с. 116].

Работающие на износ спецпереселенцы и жена коменданта, имеющая прислугу в голодающем поселке, – это явный контраст, который не может не вызвать либо чувства тщетности стараний и апатии, либо желания борьбы с угнетателями.

Необходимо добавить, что среди сотрудников ОГПУ была взаимная слежка, писались доносы: «Булатов ничего мне не сказал, а сразу же, видимо, написал в ПП ОГПУ донесение на меня…», – что было важнее чаяний чужих людей [Там же, с. 118].

И все же постепенно быт налаживался. Молодежи, показавшей лояльность к власти, после 1935 г. выдали паспорта. Также получили паспорта и сразу же были мобилизованы многие мужчины. Их жены впоследствии за участие мужей в войне тоже были восстановлены в правах. Однако в данном случае вместо удовлетворенности спецпереселенцы чувствовали обреченность.

Для всех потомков сосланных паспорт намного важнее денег, при этом, по представлениям респондентов, восстановление в правах – это не только получение паспорта, но и освобождение от налогов приусадебного хозяйства. Тем не менее налог на содержание коровы и другого скота спецпереселенцы продолжали платить даже после смерти Сталина. Часто мужья Елены Михайловны и ее сестры Марии Михайловны «покупали сливочное масло в ближайшем колхозе, чтобы так покрыть этот налог» [9, с. 7]. Ощущение пониженного социального статуса по сравнению с соседями по поселку, переселившимися в него по своей воле, «ограничивает удовлетворение ценностно-мотивационных устремлений, нарушает жизненные планы» [23, с. 4].

Опасение повторения пережитого и тревога ощущаются, если продолжают существовать элементы дискриминации, вызывающие перманентный дискомфорт. В начале 50-х гг. XX в., несмотря на запреты, установленные ранее, отношения с местным населением, с которым было запрещено контактировать, являются уже нормой. Коммуникация устанавливалась постепенно, хотя пистики белорусы и украинцы есть так и не научились, их дома еще долго оставались мазанками, поминали усопших они по субботам перед Троицей, в отличие от местного населения, детей тайно продолжали крестить женщины-мирянки, то есть традиции, обычаи, а также быт местного населения родными для них не стали.

Повседневность переселенцев – скрытая от чужих история. Психология переселенцев, как и их потомков, зиждется на лозунгах «Инициатива наказуема», «В этот раз тоже лучше промолчать», поэтому устные повествования свидетелей тех событий доступны чаще всего только родственникам.

Эти истории направляют исследование и объясняют реальные факты на местах, такую детализацию не дает информация из приказов и протоколов.

Свидетели во время повествования выражают трагизм внутренних переживаний, опасение, страх, чувство безысходности, постоянной тревоги и тоски, что характерно для депрессивных состояний. И это неудивительно: резкая смена социального статуса человеком, вдруг ставшим бесправным спецпереселенцем, не имеющим паспорта, вызывала недоверие к власти и неуверенность в будущем, приводила к психологическому надлому. Каждый из них сломался по-своему.

Судя по интервью и фактам, значительных изменений в своем повседневном существовании, происходивших постепенно, спецпереселенцы после смерти Сталина не ощутили.

Список литературы

1. Анонимка 1959 г. Гайнский районный архив.
2. Архив УВД Пермской области. Ф. 39. Оп. 3. Д. 4. Л. 31–36.
3. ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 724. Л. 1 об.
4. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 15. Л. 165–174 (постановление СНК СССР о спецпереселенцах от 16 августа 1931 г.).
5. ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 119. Л. 91–93.
6. ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 562. Л. 128.
7. Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31–49.
8. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. – М. : Магистр, 1997. – 285 с.
9. Из воспоминаний жительницы поселка Сергеевский Е.М. Чащиной (Тропышко) // Личный архив автора.

10. Из письменных воспоминаний А.А. Ничиперовича // Архив Сергеевской школы.

11. Из письменных воспоминаний Антониды Андреевны Евдокимовой (Тарасовой) // Архив Сергеевской школы.

12. Из письменных воспоминаний жительницы поселка Сергеевский М.М. Овчинниковой (Тропышко) // Личный архив автора.

13. Из письменных воспоминаний жительницы поселка Сергеевский Тамары Михайловны Терехиной (Шепель) // Архив Сергеевской школы.

14. Косинский районный архив. Списки репрессированных. Косинский район. Данные на 20 октября 1932 г.

15. Красильников С.А. Серп и Молох : Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М. : РОССПЭН, 2003. – 285 с.

16. Кривощеков А.М., Гудовщиков Г.Л. Места расселения и трудоиспользования спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа. 1929–1954 гг. – Кудымкар, 2006. – 68 с.

17. Куделко И.П. Гайнский район. Страницы истории : научно-популярное издание. Авторская рукопись. – 2006. – Т. 1. – 415 с.

18. Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. – М. : Медицина, 1972. – 335 с.

19. ПАСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 174. Л. 125 (заявление спецпереселенца Добрянского района Пермского сельсовета села Пермского Поздина Василия Ивановича секретарю ОК ВКП(б) 20 февраля 1930 г.).

20. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10891.

21. Полян П.М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. – М. : ОГИ, 2001. – 327 с.

22. Почтовые правила : утв. 26/XI 1962 г. / М-во связи СССР. Глав. почт. упр. – М. : Связь, 1966. – 367 с.

23. Сапогова Е.Е., Александрова Н.Ю. Стратегии совладания с психологическими последствиями возрастной дискриминации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sovladaniya-s-psihologicheskimi-posledstviyami-vozrastnoy-diskriminatsii-u-muzhchin-i-zhenschin (дата обращения: 15.11.2023).

24. Синякина Е.Г. Психологические характеристики русского крестьянства второй половины XIX – начала XX века : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Синякина Екатерина Георгиевна ; Ин-т психологии РАН. – М., 2012. – 264 с.

25. Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – нач. 1933 г. : сб. док. / Гос. арх. Рос. Федерации ; отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. – Новосибирск : ЭКОР, 1993. – 341 с.

26. Суслов А.Б. Реакция крестьян Пермского края на эскалацию репрессий в деревне в 1930 году // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 3. – С. 119–122.

27. Ф. 1. Оп. 1 (приложение к протоколу объединенного заседания бюро РК ВКП(б) и президиума РИКа от 19 сентября 1933 г. – постановление). – Кочевский районный архив.

28. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–13. – Косинский районный архив.

29. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 15 (протокол закрытого заседания президиума Косинского РИКа 17 мая 1931 г. Секретно). – Косинский районный архив.

30. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 9 (Алексей Афанасьевич Тропышко).

РАЗДЕЛ II. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕОЛОГИЯ И ИНАКОМЫСЛИЕ

УДК 94(47).084.9

ПЕРЕСМОТР «СТАЛИНСКОЙ» ПОЛИТИКИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»: ПРИЧИНЫ ОТМЕНЫ УКАЗА ПВС СССР ОТ 26 ИЮНЯ 1940 г.

Белоногов Юрий Геннадьевич
кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь
ugb78@mail.ru

Аннотация. На основании источников и научной литературы выделяются группы причин, по которым был отменен указ от 26 июня 1940 г. К таковым относится неэффективность реализации нормативно-правового акта для профилактики трудовых преступлений в послевоенном СССР вследствие нерешенности социально-экономических проблем. Сохранявшийся еще с довоенного периода высокий уровень трудовых преступлений актуализировал заинтересованность органов юстиции снять «бремя» организационных издержек от его реализации, а руководство предприятий за счет ряда практик пыталось всячески смягчить действие указа. Сформулирован вывод о том, что в период «оттепели» тенденция к ослаблению карательного законодательства получила логическое завершение.

Ключевые слова: указ от 26 июня 1940 г., трудовые преступления, самовольное оставление места работы, прогул по неуважительной причине, «оттепель».

© Белоногов Ю.Г., 2024

REVISION OF THE 'STALIN' POLICY TO STRENGTHEN LABOR DISCIPLINE DURING THE THAW PERIOD: REASONS FOR THE ABOLITION OF THE DECREE OF JUNE 26, 1940

Belonogov Yuri G.
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and History of the Perm National Research Polytechnic University, Perm
ugb78@mail.ru

Abstract. Based on sources and scientific literature, the author identifies groups of reasons why the Decree of June 26, 1940 was canceled. These include the inefficiency of the implementation of a legal act to prevent labor crimes in the post-war USSR due to unresolved socio-economic problems. The high level of labor crimes that had remained since the pre-war period actualized the interest of the justice authorities to remove the 'burden' of organizational costs from its implementation, and the management of enterprises at the expense of a number of practices tried in every possible way to mitigate the Decree. The conclusion was formulated that during the 'thaw' the tendency to relax punitive legislation only received its logical completion.

Key words: Decree of June 26, 1940, labor crimes, unauthorized abandonment of the place of work, absenteeism for a disrespectful reason, 'thaw'.

В 1956 г., в год проведения XX съезда КПСС и начала реализации его решений, произошло одно знаковое, по-своему символичное событие периода «оттепели»: 25 апреля был отменен указ Президиума Верховного Совета СССР (ПВС СССР) от 26 июня 1940 г. [10]. Упразднение уголовной ответственности за самовольное оставление места работы и прогул по неуважительным причинам означало пересмотр чрезвычайной политики по регулированию рынка рабочей силы и во многом возвращение к довоенным механизмам нейтрализации незапланированной текучести кадров и негативных трудовых девиаций. В определенной степени произошел возврат к нормативно-правовой практике 1930-х гг.: объем социальных благ ставился в прямую зависимость от добросовестного труда и продолжительности непрерывной работы на одном месте, а нарушения трудовой дисципли-

ны подлежали дисциплинарным взысканиям, а не уголовному преследованию.

Каковы же причины отмены указа? Тема представляется актуальной в силу того, что основное внимание исследователи, изучающие реализацию указа от 26 июня 1940 г., обращают на довоенный и военный этапы, а специальных публикаций по периоду «оттепели» сравнительно мало.

Динамика статистических данных: основные тенденции в реализации указа от 26 июня 1940 г.

В таблице указано количество индивидов, осужденных органами гражданского и военного правосудия по указу от 26 июня 1940 г. за время его почти 17-летнего существования. Интерес представляют не столько сами абсолютные статданные о масштабах привлечения к уголовной ответственности за трудовые преступления, сколько определенные тенденции в реализации указа.

Количество осужденных по указу ПВС СССР
от 26 июня 1940 г., чел. [подсчитано по: 3, с. 47; 4, с. 74–76, 79]

Период	Прогул по неуважительным причинам	Самовольное оставление места работы	Всего
1940 г.	1 769 790	321 648	2 091 438
1941–1945 гг.	5 666 484	1 080 921	6 747 405
1946–1952 гг.	3 699 117	1 424 052	5 123 169
1953–1956 гг.	318 728	566 404	885 132
Итого	**11 454 119**	**3 393 025**	**14 847 144**

Прежде всего, отчетливо прослеживается тенденция последовательного сокращения количества осужденных с 1940 г. (пик наказаний) до 1953–1956 гг. (минимум в репрессивной политике). Если только за первые полгода реализации рассматриваемого указа в 1940 г. было осуждено 2.091.438 человек, за 1941–1945 календарные годы – по 1.349.481 человек ежегодно, за период так называемого позднего сталинизма (1946–1952 гг.) уже в среднем 731.881 человек

ежегодно, то за начальный период «оттепели» (1953–1956 гг.) этот показатель составляет 221.283 человека. При этом выразим солидарность с имеющимся в историографии тезисом о том, что статистика наказаний за трудовые преступления не столько соответствовала реальному состоянию трудовой дисциплины на производстве, сколько отражала приоритеты государственной политики в сфере стимулирования труда, реализуемой с помощью усиления или ослабления карательных мер [7, с. 84].

Интерес представляет и соотношение осужденных по двум видам трудовых преступлений (прогул по неуважительным причинам и самовольное оставление места работы): за 1940 г. это соотношение выглядело как 5,5:1, в 1941–1945 гг. – 5,24:1, в 1946–1952 гг. – 2,6:1, а в 1953–1956 гг. – 0,56:1. Статданные позволяют отметить еще одну тенденцию: удельный вес самовольного оставления места работы в структуре трудовых преступлений постепенно повышался, и в начальный период «оттепели» данная разновидность оказалась главной. Для лучшего понимания сути и причин указанных тенденций необходимо обратиться к анализу эволюции в реализации указа от 26 июня 1940 г., в рамках которой следует выделить несколько этапов.

Пересмотр карательной политики в сфере регулирования трудовых отношений в «позднесталинский» период

Общее снижение количества осужденных за трудовые преступления констатировалось (по сравнению с довоенным периодом) уже в Великую Отечественную войну. Однако данная тенденция объясняется исследователями не только декриминализацией ряда преступлений по указу от 26 июня 1940 г. (сон на рабочем месте в случае отсутствия работы, невыход на работу вследствие необеспеченности работника спецобувью по вине работодателя, самовольная подмена работником своей смены перестают считаться прогулом по неуважительным причинам) или более тщательным соблюдением органами правосудия принципа законности (это предполагало вынесение судами оправдательных приговоров в случаях злоупотреблений руководства предприятий в отношении невиновных работников). Статистика осуждения работников за самовольное оставление места работы по указу от

26 июня 1940 г. имела тенденцию к снижению прежде всего за счет выхода указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г., предусматривавшего уголовное наказание за трудовое дезертирство с оборонных предприятий, и ряда аналогичных нормативно-правовых актов, распространивших наказание за трудовое дезертирство на работников ряда ведомств.

Пересмотр чрезвычайной политики в сфере укрепления трудовой дисциплины фактически начался в послевоенный период. Так, весной 1946 г. была декриминализована ответственность за уклонение от перевода на другую работу (кроме обязательных случаев) [4, с. 76]. А 31 мая 1948 г. был отменен указ от 26 декабря 1941 г.: отныне самовольный уход с предприятий военной и ряда отдельных отраслей промышленности наказывался по указу от 26 июня 1940 г., который предусматривал более мягкое наказание (от двух до четырех месяцев тюремного заключения) [8].

Пожалуй, самым известным нормативно-правовым актом в послевоенный период стал указ ПВС СССР от 14 июля 1951 г., который предусматривал замену уголовной ответственности рабочих и служащих за прогул (кроме случаев неоднократного и длительного прогула) мерами дисциплинарного и общественного воздействия. При этом в случае прогула без уважительной причины, совершенного неоднократно (более двух раз в течение трех месяцев) или продолжавшегося свыше трех дней, директор предприятия или начальник учреждения мог (а не был обязан, как ранее) передать дело в суд для привлечения виновного к уголовной ответственности. Важно подчеркнуть, что рабочие и служащие, виновные в самовольном уходе с предприятия или из учреждения, могли наказываться по приговору суда не только лишением свободы на срок от двух до четырех месяцев (как это было ранее), но и исправительно-трудовыми работами на срок до шести месяцев с удержанием из заработной платы до 25 процентов (что ранее полагалось за прогул по неуважительным причинам) [9]. Это логично привело к резкому сокращению количества осужденных за прогулы по неуважительным причинам и увеличению числа тех, кто самовольно оставлял места работы (данная тенденция отражена в таблице применительно к 1953–1956 гг.).

В целом уже в период «позднего сталинизма» отчетливо наблюдался пересмотр чрезвычайной политики в сфере регулирования трудовой мобильности и дисциплины труда: происходил отказ от наиболее одиозных нормативно-правовых актов, осуществлялась декриминализация ряда трудовых преступлений, одновременно смягчалось наказание за трудовые преступления. В этом отношении отмена указа от 26 июня 1940 г. в период «оттепели» выглядела логичным завершением данной тенденции.

А почему отмена оказалась возможной? Кто и почему предлагал пересмотреть (или отменить) положения указа?

Интересанты в пересмотре указа от 26 июня 1940 г. и их артикулированные интересы

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько властных групп, заинтересованных в пересмотре карательной политики в отношении трудовых преступников.

Безусловно, наиболее артикулированно данное требование исходило от органов правосудия и юстиции. В частности, в годы Великой Отечественной войны союзная прокуратура неоднократно предлагала вывести прогулы и опоздания из сферы действия указа от 26 июня 1940 г. и сосредоточить внимание народных судов на борьбе с самовольными уходами [6, с. 170]. Прокурорские работники, представители Наркомата юстиции и военных трибуналов жаловались на низкое качество присылаемых администрацией предприятий материалов для уголовных дел. Откровенные злоупотребления хозяйственных руководителей при передаче материалов в органы правосудия приводили к высокому проценту оправдательных приговоров и отмене приговоров при кассации. Так, по данным А.Я. Кодинцева, в послевоенный период ежегодно обжаловались 4–5 % приговоров, из них 46,7 % приговоров за прогулы и 56,9 % – за самовольный уход отменялись [4, с. 75].

В сочетании с большими организационными издержками на судебное следствие, судебное заседание и соблюдение необходимых процессуальных норм это закономерно приводило к «перегрузке» судов делами по указу от 26 июня 1940 г., и часть такой работы оказы-

валась проведенной «вхолостую». Поэтому с периода Великой Отечественной войны высокопоставленными работниками органов юстиции осторожно и завуалированно ставился вопрос о пересмотре чрезвычайных указов в сфере регулирования трудовой мобильности и укрепления трудовой дисциплины, о значительном сокращении процессуального участия прокуроров и судей в поиске и осуждении трудовых преступников. Необходимо отметить и низкую эффективность профилактической функции закона: более 50 % осужденных за самовольное оставление места работы были осуждены заочно, что обостряло проблему ненаказуемости трудовых преступников (например, дела по самовольному оставлению места работы составляли три четверти всех неоконченных дел на 1 января 1949 г.) [4, с. 76].

Другим интересантом в изменении указа от 26 июня 1940 г. можно назвать директорат предприятий и учреждений. Если органы юстиции четко артикулировали свои требования, то хозяйственное руководство зачастую поощряло практику скрытого саботажа в реализации указа для сохранения рабочей силы. Одна из причин «неявного» сопротивления носила чисто бюрократический характер: чем выше был уровень нарушений трудовой дисциплины, тем серьезнее могли быть последствия для «треугольника» предприятия (привлечение к партийно-дисциплинарной и даже уголовной ответственности за «пренебрежительное отношение к нуждам трудящихся»). Поэтому руководители небольших предприятий, представители среднего уровня управления крупных предприятий вместо составления материалов для передачи их в прокуратуру или суд объявляли нарушителям дисциплинарные взыскания, «не замечали» трудовых преступлений, выдавали «административные отпуска» или увольняли работников «по собственному желанию», даже брали под свою защиту наиболее ценных для производства нарушителей. Отдельно стоит упомянуть о широко распространенной практике приема работников из числа тех, кто незаконно ушел с предыдущего места работы. Несмотря на частые кампании по борьбе с «покровителями прогульщиков» и «укрывателями трудовых дезертиров», привлечение к судебной ответственности отдельных представителей хозяйственной администрации, проблема глухого сопротивления указу не была решена.

Наконец, после смерти И.В. Сталина обозначился еще один интересант – руководство региональных партийных комитетов. В частности, в статье Л.И. Вавуленко упомянуто письмо в ЦК КПСС от 1 сентября 1955 г. за подписью секретаря ЦК компартии Карело-Финской республики Л. Лубенникова о необходимости отмены указа ПВС СССР от 14 июля 1951 г. В частности, ссылаясь на резкое увеличение количества прогулов по неуважительным причинам и самовольного оставления места работы, партийный функционер делал вывод, что данный указ не сыграл положительной роли в укреплении трудовой дисциплины. Подчеркивались традиционные трудности в реализации указа от 26 июня 1940 г.: низкий процент рассмотрения дел о самовольном оставлении места работы (по тогдашним правовым нормам, такие дела должны были рассматриваться только в очном присутствии пойманного работника), высокий уровень оправдательных приговоров [1, с. 40–41]. В завуалированной форме ставился вопрос как о неэффективности карательных мер, так и о необходимости иных, близких к практике 1930-х гг., методов укрепления трудовой дисциплины и регулирования трудовой мобильности. Можно предположить, что региональный партийный комитет, уже не боясь наказаний за «смелость» в критике «сталинской» государственной политики по укреплению трудовой дисциплины, артикулировал ожидания органов юстиции и хозяйственников в отмене указа от 26 июня 1940 г.

Отмена указа от 26 июня 1940 г. в условиях политической «оттепели»: новые методы решения старых проблем

Существует ли связь между решениями XX съезда КПСС и отменой указа от 26 июня 1940 г.? На этот вопрос можно ответить утвердительно.

На протяжении довоенного, военного и послевоенного времени основными группами риска, демонстрировавшими высокий уровень негативных трудовых девиаций, являлись маргинальные категории работников: молодежь, попадавшая на производство из системы государственных трудовых резервов; индивиды, набранные в сельской местности по оргнабору или трудмобилизованные из других регионов. Традиционно высокий уровень нарушений трудовой дисциплины и

самовольного оставления места работы наблюдался на производстве с трудоемким процессом и низким уровнем механизации, а их причины были связаны с низким уровнем жилищно-бытовых условий, продуктового и промтоварного обеспечения, невысокая зарплата и ее задержки, слабо развитая социальная инфраструктура [5, с. 105].

После XX съезда КПСС государство обращает более пристальное внимание на решение проблемы социальной сферы как первопричины негативных трудовых девиаций. Во второй половине 1950-х гг. активизируется массовое жилищное строительство, улучшаются условия труда, происходит повышение заработной платы и общего уровня жизни работников, увеличивается объем социальных благ (подробнее об этом см.: [2, с. 14–15]). Данный способ повышения производительности труда и регулирования трудовой мобильности оказался намного более эффективным, чем уголовное преследование за нарушения трудовой дисциплины и самовольное оставление места работы.

Список литературы

1. Вавулинская Л.И. Политика Советского государства в сфере трудовых отношений в промышленности в послевоенное десятилетие // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 8. – С. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.54

2. Виниченко И.В. Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «оттепели» // Омский научный вестник. – 2011. – № 3. – С. 13–16.

3. Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года... (еще одна круглая дата) // Радуга. – 1990. – № 6. – С. 43–48.

4. Кодинцев А.Я. Осуществление правовой политики органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в военный и послевоенный период // Политика и общество. – 2008. – № 5. – С. 72–79.

5. Прибыткова К.П. Факторы текучести рабочих кадров в промышленности Алтайского края в 1940-е – первой половине 1950-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 5 (97). – С. 102–106.

6. Романов Р.Е. Стимулирование труда рабочих предприятий военпрома в сибирском тылу (1941–1945): механизмы и практики : моногр. / отв. ред. В.И. Исаев. – Новосибирск, 2023. – 514 с.

7. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 74–99.

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1948 г. «Об отмене Указа Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года “Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=49002&ysclid=loooe32gfa219534654#NiH1xuT98GqPrlBS (дата обращения: 07.11.2023).

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4435&ysclid=looorl6x1d309799350#bIv3xuT4gio2hWxi3 (дата обращения: 07.11.2023).

10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/ (дата обращения: 07.11.2023).

УДК 94(47).084.9

СТИРАЯ ИМЯ СТАЛИНА: К ВОПРОСУ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ СТАЛИНГРАДА В 1961 г.

Липатов Александр Вячеславович
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и экономики Волгоградской государственной академии физической культуры, г. Волгоград
elita_lee@mail.ru

Аннотация. В последние годы в обществе поднимается вопрос о возвращении Волгограду прежнего имени – Сталинград. 10 ноября 1961 г. Сталинград переименовали в рамках проведения «десталинизации» советского общества, новое название города вызвало общественный подъем и споры как среди сторонников, так и среди противников нового имени. Приводятся оригинальные сведения из периодической печати, характеризующие события ноября 1961 г.

Ключевые слова: И.В. Сталин, сталинизм, хрущевская «оттепель», Сталинград, Волгоград, десталинизация, советское общество.

ERASING STALIN'S NAME: TO THE QUESTION ON THE RENAMING OF STALINGRAD IN 1961

Lipatov Alexander V.
PhD in Hist., Associate Professor the Departmemt of Humanities and Economics, Volgograd State Physical Education Academy, Volgograd
elita_lee@mail.ru

Abstract. In recent years, the society has raised the question of returning Volgograd to its former name – Stalingrad. November 10, 1961 Stalingrad was renamed as part of the ‘de-stalinization’ of Soviet society, the new name of the city caused a public upsurge and controversy, both among supporters and opponents of the new name. The article provides original information from the periodical press describing the events of november 1961.

© Липатов А.В., 2024

Key words: Stalin, stalinism, khrushchev's ‘thaw’, Stalingrad, Volgograd, de-stalinization, soviet society.

2 февраля 2023 г. исполнилось 80 лет Победе советских войск в Сталинградской битве, в память о подвиге солдат Красной армии город Волгоград ровно на сутки был переименован в Сталинград. На фоне широких праздничных мероприятий на медиаплатформах волгоградского региона развернулась широкая дискуссия о роли И.В. Сталина в жизни советского общества, его вкладе в победу над немецким национал-социализмом и фашизмом, о правомерности возвращения Волгограду его героического имени времен Великой Отечественной войны [2].

В соответствии с решением Волгоградской городской думы от 30 января 2013 г. № 72/ 2149 город меняет свое название при проведении общегородских культурно-массовых мероприятий в Дни воинской славы и памятные даты: 19 ноября – день начала контрнаступления под Сталинградом, наступления войск в операции «Уран»; 23 февраля – День защитника Отечества; 8 мая – День присвоения Волгограду почетного звания «Город-герой» (1965 г.); 9 мая – День Победы, 22 июня – День памяти и скорби и др. [6]. Принятое решение местных властей о переименовании Волгограда в «город-герой Сталинград» было обусловлено глубокими патриотическими чувствами многих волгоградцев, однако не все жители разделяют взгляды о возвращении современному Волгограду топонима с корнем «Сталин». По данным ВЦИОМ, 67 % местных жителей поддерживают идею оставить городу название «Волгоград» [1].

Несомненно, имя Сталина, как и его деятельность в истории России, продолжают оставаться предметами острых дискуссий и споров.

В 1961 г. (17–31 октября) прошел XXII съезд КПСС, который определил новые экономические, идеолого-политические и социокультурные векторы развития в СССР, поставил крупные задачи для государства по дальнейшему коммунистическому строительству [13, с. 212]. Так, в резолюции съезда говорится о том, что «громадное значение для строительства социализма и коммунизма, для всего международного коммунистического движения имело открытое и смелое осуждение партией, ее Центральным Комитетом культа личности

И.В. Сталина. Партия сказала народу всю правду о злоупотреблениях властью в период культа личности и решительно осудила ошибки, извращения и чуждые духу ленинизма методы, порожденные в обстановке культа личности. Партия раскритиковала культ личности, преодолела извращения и ошибки прошлого, настойчиво проводит в жизнь меры, которые полностью исключили бы в будущем возможность повторения подобных ошибок» [13, с. 220]. Можно согласиться с мнением Е.А. Федосова, что Первый секретарь еще на XX съезде КПСС санкционировал процессы открытого обсуждения и осуждения сталинского времени среди всех партийцев и комсомольцев на закрытых собраниях [11, с. 121]. Доклад Н.С. Хрущева расколол ранее идеологически однородное и политически сплоченное советское общество, в котором духовной основой монолитности служило имя И.В. Сталина, его «великий» образ в искусстве.

Осенью 1961 г., после XXII съезда КПСС, состоялись «молчаливый» вынос тела И.В. Сталина из Мавзолея и захоронение праха И.В. Сталина без военных почестей возле Кремлевской стены; ряд городов Советского Союза, носящих имя «отца народов», теряют свое название; у творческой интеллигенции появилось новое направление для деятельности, в котором образ «великого Сталина» не находил себе места, а историки и публицисты уже не апеллировали в своих трудах к речам и трудам бывшего руководителя КПСС.

Города теряли не только прежние наименования, но и архитектурные объекты, связанные с И.В. Сталиным: в некоторых городах были снесены памятники (например, в Волгограде снесен памятник Сталину у входа в Волго-Донской канал, установленный еще в год его открытия, в 1952 г.; в 1961 г., после XXII съезда КПСС, снесены памятники в Минске, Вильнюсе, Ростове-на-Дону, Днепропетровске).

После XXII съезда КПСС прошли собрания и сессии Верховных Советов союзных республик, которые должны были принять новые планы развития народнохозяйственного комплекса, вместе с тем они принимали политические решения, ставшие историческими (а для волгоградцев – ставшие камнем преткновения в будущем).

Страницы местной периодической печати (газеты «Сталинградская правда» за 10–12 ноября 1961 г.) говорят о том, что решения XXII съезда КПСС не просто были радушно и единогласно приняты

в рабочей среде, но и дали толчок социальной активности – организации митингов и собраний, на которых рабочие и служащие выступали инициаторами о переименовании города.

В газете «Сталинградская правда» за 10 ноября 1961 г. помещена статья «Переименовать город – единодушно говорят трудящиеся», которая суммарно отражает высказывания рабочих о желании переименовать свой город, разорвать связь со сталинским прошлым. Из статьи видно, что инициатива рабочих носит политический характер, многие рабочие в своих высказываниях вторят принятым решениям, так, например, т. Токоренко из ремонтно-литейного цеха Сталинградского тракторного завода, говорил: «Сталин… злоупотребляя властью, допускал массовые репрессии против честных советских людей. Поэтому наш славный город не может носить его имя» [7, с. 3]. Но не только рабочие, но и руководители заводов активно включились в борьбу за переименование. Например, директор ремонтно-механического завода Облместпрома т. Заплетохин на митинге говорил: «Законно встает вопрос: может ли наш славный героический город носить имя человека, в период деятельности которого творились беззакония, нарушались ленинские нормы партийной жизни? Конечно, нет» [7, с. 3]. За переименование Сталинграда выступили рабочие и служащие и других крупных предприятий и трестов города: алюминпромстроя, судоверфи, металлургстроя, медицинского оборудования, маргаринового производства. Все работники подписывали петиции и обращения к вышестоящим органам власти с целью дать новое имя городу, «более достойное и созвучное делам и подвигам его жителей» [7, с. 3]. Также на страницах «Сталинградской правды» за 12 ноября есть упоминание о многочисленных письмах с подобным требованием в редакции районных и центральных газет области, общественные организации города.

Можно сказать, что в ноябре 1961 г., уже после завершения XXII съезда КПСС, Сталинград изобилует митингами и собраниями, посвященными важному вопросу – с чьим именем жить городу, идущему по пути коммунистического строительства. Заметно, что на страницах газет превалируют цитаты и высказывания рабочих города, при этом не публикуются высказывания колхозников и передовиков сельскохозяйственного труда, нет интервью с местной научно-

педагогической и творческой интеллигенцией, отсутствуют заметки или письма военных структур и героев Великой Отечественной войны, участников Сталинградской битвы, которые остались восстанавливать город.

Поверхностный анализ статей местной газеты «Сталинградская правда» того периода позволяет увидеть всеобщий подъем рабочих и служащих и их единение по вопросу переименования Сталинграда. Однако аргументы в пользу переименования, при всей своей конкретности, имеют глубокую эмоциональную окраску и вторят многим цитатам и лозунгам из появившейся в красных уголках после XX съезда КПСС разъяснительной литературы по преодолению культа личности И.В. Сталина. Так или иначе, обрисованные события укладываются в логику хрущевской «оттепели»: стояла задача «сверху» стереть в народной памяти имя Сталина, она решалась на местах существующим аппаратом государственно-партийных органов и общественными организациям предприятий и учреждений.

Надо отметить и тот факт, что проблеме выбора нового имени для города-героя были посвящены передовицы газет только в те дни, когда происходило само переименование, ни до 10 ноября, ни после него в газетах этот вопрос не актуализировался. Это дает возможность сделать предположение: вопрос о переименовании считался исчерпанным для государственных деятелей и местной партийной элиты, решенным, не требующим затяжных действий и нашедшим поддержку у населения города и области.

10 ноября 1961 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР было принято решение о переименовании города и области: «Учитывая пожелания и просьбы коллективов промышленных предприятий, строек, совхозов, колхозов и учреждений, а также ходатайства общественных организаций Сталинградской области, переименовать Сталинградскую область в Волгоградскую область и город Сталинград в город Волгоград» [10, с. 624, 645]. 9 ноября было принято подобное решение в соответствии с пожеланиями коллективов промышленных предприятий, шахт, строек, совхозов, колхозов, научных учреждений и учебных заведений в отношении славного своими трудовыми подвигами города горняков: Сталинская область и город Сталино были переименованы в Донецкую область и город Донецк [4, с. 1]. Цепочка

переименований затронула и другие города СССР: таджикистанский Сталинабад (Душанбе), грузино-осетинский Сталинири (Цхинвал), российский Сталинск (Новокузнецк). Череда переименований советских городов – это один из этапов выкорчевывания, искоренения и изживания имени Сталина из социальной памяти и культуры.

Город Сталинград получил новое имя – Волгоград, этимология которого относится к Волге и историческим событиям на великой русской реке. «Наследники и продолжатели героических традиций города и области хотели, чтобы в новом названии были воплощены гордость и слава народа, его великий труд и мужество. Вот почему они обратились к имени матушки Волги – реки народной славы» [8, с. 1] – такая официальная аргументация для выбора имени города бытовала на страницах региональной периодической печати. Новое имя города-героя уже не связывало его историю с деятельностью Сталина в годы Гражданской войны, не ассоциировало славу города с именем Сталина. В имени «Волгоград» соединились разные этапы существования города, в которых не была заметна лишь тень Сталина и его косвенное участие в жизни региона: р. Волга воспевалась Пушкиным, Некрасовым и Горьким; на берегах реки родился и вырос В.И. Ленин; на Юге России были разбиты военные силы белогвардейцев; был сломан хребет немецко-фашистским агрессорам [8, с. 1]. За каждым историческим обоснованием виднелся (и подчеркивался) народный характер всех произошедших событий, имеющих особое историческое значение для страны без привязки к жизни или деятельности политического лидера.

Новое имя должно было выполнить важную социально-психологическую функцию – повысить энтузиазм населения в деле строительства коммунистического общества, стимулировать активность и ответственность на производстве и сопутствовать формированию нового образа «строителя коммунизма». После XX съезда КПСС сложившаяся в стране идеолого-политическая система стала искоренять имя И.В. Сталина, меняя мировоззренческие установки; теперь люди должны были перейти от страха репрессий и идеализации Сталина к нормированной трудовой деятельности, открытому участию в партийных прениях и вере в скорейшее строительство коммунизма. Эти положения подтверждаются цитатами из газет того времени: «Го-

род-герой Волгоград, Волгоградская область! Сколько в этом света, радости, народной силы!» [8, с. 1]. Многие горожане также высказывали положительное отношение к произошедшему нововведению. Так, например, слесарь заготовительного цеха судоверфи П. Парамонов писал: «Я горячо одобряю новое название города – Волгоград. Это звучит гордо для каждого советского человека. Ведь Волга – исконно русская река, о которой в народе сложены песни и легенды» [8, с. 1]. При этом интересен тот факт, что не было писем, которые выражали протест против переименования или недовольство именем «Волгоград», нет никакой критики со стороны тех слоев населения, для которых образ И.В. Сталин остался в памяти и сердце.

С Волгоградом связаны были только положительные заголовки статей, которые пришли в редакцию газеты «Сталинградская правда»: «Это хорошо!», «Город на Волге», «Приумножим трудовую славу», «Правильное решение!». Содержание писем и живых откликов горожан говорило о всенародном одобрении нового имени города и стремлении связать с ним новые трудовые успехи. Официальная информация полностью отвечала идеологическим целям, политическим взглядам Н.С. Хрущева и решениям XXII съезда КПСС. Чуть позже, 15 ноября, появилась статья доцента М. Меньшикова «Город-герой Волгоград», которая подробно раскрывает исторические корни имени «Волгоград», суть и значение переименования для населения, причем статья пропитана идеологическими штампами и цитатами из собрания сочинений В.И. Ленина [9, с. 2].

Не пройдет и недели, как на страницах региональной печати появятся музыкальные произведения и стихи, воспевающие Волгоград и его архитектурную красоту, благоустроенность, радушное отношение горожан к своему городу и их любовь к советской Родине. В свет вышли музыкальное произведение Г. Широкова «Юность волгоградская» [9, с. 4] и стихотворение Вал. Леднева «Мой город меняет название» [5, с. 1].

Заметно, что газеты говорят об искреннем желании изменить наименование города, это выразилось в единодушной инициативе по присвоению городу-герою нового имени, одобренной Верховным Советом РСФСР. В статьях и очерках не встречается негативных сюжетов из общественной жизни города, связанных с отстаиванием назва-

ния «Сталинград» и неприятием общественного мнения. Однако существуют сведения из интервью местных жителей и архивных документов, относящихся к ноябрю 1961 г., свидетельствующие о том, что не все были единогласны с переименованием. Студенты-историки Сталинградского педагогического института на общевузовском собрании намеревались идти в редакции местных газет, чтобы выразить неприятие новости о необходимости переименования; рабочие крупных городских заводов на митингах вспоминали заслуги Сталина и открыто выступали против нового имени города [3, с. 214].

Позже, в последние годы существования СССР, в условиях роста плюрализма и «гласности», в местной газете «Вечерний Волгоград» за 8 февраля 1989 г. появляется статья «Откуда взялся Волгоград?» журналиста А. Чемонина. Автор указывает на то, что в центральных республиканских газетах «Труд», «Известия» письма о переименовании города были единичны и не из самого Сталинграда, пишет о «молчаливости» и пассивности сталинградцев к процессу переименования. Журналистский очерк А. Чемонина подчеркивает декларированный характер присвоения нового имени городу и заранее предсказанный исход этого вопроса в верхушке партийного руководства страны и области. «Да и когда было гражданам города-героя обсуждать название, если они, проснувшись утром первого, не то второго ноября, увидели на вокзале огромные буквы там, где вчера светилось Сталинград, – ВОЛГОГРАД. А попозже прочли соответствующий Указ Президиума… Волгоград мы не выстрадали, нам его навязали…» [12, с. 3].

Подводя итог, можно сказать, что переименование Сталинграда в Волгоград в 1961 г. стало для нашего города и области значимым событием в общественно-политической и культурной жизни региона за весь период хрущевской «оттепели». Новое имя города определило развитие Волгограда на долгие годы, а сам процесс переименования и искусственно созданная обстановка всеобщего ликования о новом имени показывает ключевую роль КПСС в жизни общества, ее ресурсы для поддержания намеченного политического курса уже без образа И.В. Сталина.

В новых политических реалиях курс КПСС на построение коммунизма должен был идти без имени И.В. Сталина и его идеологиче-

ского наследия, практик руководства и политических норм. Забвение имени «отца народов», начавшееся с доклада Н.С. Хрущева о культе личности И.В. Сталина, позже выразилось в сносе ему памятников и памятных досок, закрашивании силуэтов на картинах, вырезке кадров из кинофильмов и пр. Хрущевское время – это и новые имена советских городов как логическое продолжение политики «десталинизации». Однако проводимая политика не нашла единодушия, созданный после Сталина идейный вакуум Н.С. Хрущеву так и не удалось заполнить, а пересмотр сталинского времени не окончен до сих пор.

Список литературы

1. ВЦИОМ: две трети жителей Волгограда против переименования в Сталинград [Электронный ресурс] // KP.RU. – Режим доступа: https://www.volgograd.kp.ru/daily/27459/4714751/ (дата обращения: 04.08.2023).

2. Идея 33 года была игрушкой маргиналов: кто, зачем и почему хочет переименовать Волгоград в Сталинград [Электронный ресурс] // Новости Волгограда. V1.ru. – Режим доступа: https://v1.ru/text/gorod/2022/12/07/71875463/?ysclid=lpdyga7svb834920366 (дата обращения: 03.08.2023); Волгоград смотрит в прошлое [Электронный ресурс] // Коммерсант. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5900639?ysclid=lpdynjbgts753643903 (дата обращения: 04.08.2023).

3. Липатов А.В. Сталинград – Волгоград: история переименования города-героя 10 ноября 1961 года // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 10 (123). – С. 209–215.

4. Молодой ленинец. – 1961. – 11 нояб.

5. Молодой Ленинец. – 1961. – 19 нояб.

6. Решение Волгоградской городской Думы от 30 января 2013 г. № 72/2149 «Об использовании наименования “город-герой Сталинград”» (в ред. решений Волгоградской городской Думы от 23.12.2013 № 9/200, от 19.07.2023 № 91/1260) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/446504946?ysclid=lpcqgdf1f s491000671 (дата обращения: 04.08.2023).

7. Сталинградская правда (Волгоградская правда). – 1961. – 10 нояб.

8. Сталинградская правда (Волгоградская правда). – 1961. – 12 нояб.

9. Сталинградская правда (Волгоградская правда). – 1961. – 15 нояб.

10. Указ Президиума ВС РСФСР от 10.11.1961 «О переименовании Сталинградской области в Волгоградскую область и города Сталинграда в Волгоград» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 16.11.1961. – № 43.

11. Федосов Е.А. Борьба с культом личности: десталинизация посоветски // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции (18–20 апреля 2012 г.). – Томск, 2012. – Вып. 8. – С. 119–124.

12. Чемонин А. Откуда взялся Волгоград? // Вечерний Волгоград. – 1989. – 8 февр.

13. XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. – Т. III. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1962.

УДК 94(47).084.9

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ И НАДЕЖДА НА ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ В ЖЕНСКОЙ ПАМЯТИ: НОВЫЕ ИДЕАЛЫ И СТРЕМЛЕНИЯ ГОРОЖАНОК СТАЛИНГРАДА/ВОЛГОГРАДА В 1950–1960-е гг.[1]

Богдашина Ирина Владимировна
кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета, аспирант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Волгоград
i.bogdashina@volsu.ru; ira18bogdashina@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка выявить позитивные настроения в обществе 1950–1960-х гг., когда послевоенная повседневность, тяжелые условия быта переплетались с верой в лучшее будущее, строительством «нового общества» и воспитанием «нового человека». Провинциальный город Сталинград/Волгоград, разрушенный практически до основания в период Сталинградской битвы, обладал не только значительной военной историей, но и уникальными бытовыми условиями, а его жителям и жительницам буквально по крупицам приходилось восстанавливать инфраструктуру региона. Именно женская память позволяет в мельчайших подробностях представить бытовавшую тогда в городе обстановку, выявить личностные и коллективные устремления жителей, которые не только гордились своей «провинциальной столицей», но и любили ее.

Ключевые слова: Сталинград/Волгоград, социальный оптимизм, 1950–1960-е гг., женская память, повседневная жизнь.

© Богдашина И.В., 2024

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22–28–01428) «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

SOCIAL OPTIMISM AND HOPE FOR A BETTER FUTURE IN WOMEN'S MEMORY: NEW IDEALS AND ASPIRATIONS OF STALINGRAD/VOLGOGRAD CITY DWELLERS IN THE 1950s–1960s

Bogdashina Irina V.
Cand. Sc. (History), Assistant of the Department of History and International Relations at Volgograd State University, Postgraduate Student at the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Volgograd
i.bogdashina@volsu.ru; ira18bogdashina@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify positive sentiments in the society of the 1950s–1960s, when the post-war everyday life with harsh living conditions was intertwined with the belief in a better future, the construction and education of a 'new society and man'. Provincial and destroyed almost to the ground during the Battle of Stalingrad, the city of Stalingrad/Volgograd had not only a significant military history, but also unique living conditions, and its inhabitants and women literally had to rebuild the region's infrastructure piece by piece. It is women's memory that allows us to visualize in the smallest detail the situation in the city at that time, to reveal the personal and collective aspirations of the residents, who were not only proud of, but also loved their 'provincial capital'.

Key words: Stalingrad/Volgograd, social optimism, 1950s–1960s, women's memory, everyday life.

В настоящее время тема позитивного восприятия и социального оптимизма, уверенности в улучшении качества жизни является весьма актуальной. В частности, данной тематике посвящен исследовательский проект «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)», участники которого изучают женскую повседневность и особенности женской социальной памяти, ее роль в формировании положительного образа в исторической перспективе [1; 2; 5; 6; 7].

Женщины до сих пор остаются подавляющим большинством населения страны, а значит, именно они являются хранителями традиций и устоев, главными носителями социальной памяти. Во многом именно вера в лучшую жизнь, стремительные темпы строительства и

преображение Сталинграда/Волгограда в 1950–1960-х гг. создавали уникальную атмосферу для построения новых идеалов и устремлений в будущее. Несмотря на бытовые трудности, жители нестоличного города продолжали верить в то, что их ждет хорошее будущее, стремились изменить обстановку вокруг себя к лучшему, старались помогать родным и близким.

Женские эго-документы, а именно устные воспоминания и дневниковые записи, позволяют не только выявить мельчайшие детали быта, но и выяснить отношение самих женщин к бытовавшей тогда действительности. Источниковая база автора располагает архивными дневниковыми записями врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой. На наш взгляд, данный материал позволяет репрезентативно отразить повседневную жизнь изучаемого периода в реальном времени.

Очевидно, что повседневно-бытовая жизнь в практически до основания разрушенном во время войны городе доставляла множество неудобств его жителям, в особенности жительницам. Традиционно хозяйственно-бытовые заботы в большинстве семей являлись именно женской прерогативой, включая все домашние дела – от налаживания в доме элементарного уюта до приобретения продуктов питания, приготовления пищи. В 1950-е гг. Сталинград был городом, на восстановление которого съезжались люди буквально со всей страны, одной из таких жительниц стала разведенная врач-хирург Зинаида Сергеевна Седельникова (1920–2006) (далее – З.С.). В 1951 г. она переехала из Ульяновска в Сталинград и осталась в городе на всю жизнь. Ее подробные, практически каждодневные дневниковые записи стали ценнейшим источником в восстановлении повседневно-бытовой жизни страны (и в особенности региона) в 1950–1960-х гг.

Послевоенный период – время надежд и мечтаний, изменений и веры в лучшее будущее для себя и последующих поколений. Пережив тяготы войны, люди буквально заново строили свой быт и учились радоваться самым обычным вещам. Сталинград имел тогда (в 1950–1960-е гг.) особое значение, о своем трепетном отношении к городу женщина-врач написала в дневнике сразу по приезде: «Всюду следы поражающего размаха строительства на пустых еще местах – бывших улицах. Кажется, я полюблю этот город как родной – с его еще мно-

жеством развалин – которые говорят о его героическом прошлом» (И.Б. – 23.05.1951) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 47об].

Сталинград/Волгоград стремительно восстанавливался и восхищал своих горожан, однако жизнь в таком регионе требовала много рабочих рук, а постепенное коммунально-бытовое восстановление требовало от жителей много сил и терпения. Сталинградцы радовались каждому новому дому, парку, открытому кинотеатру, каждой новой улице. Для примера приведем развернутую и содержательную цитату из дневниковых записей З.С.: «Поражаешься быстроте восстановительных работ – всего неделю не была в Сталинском районе – а некоторые места не узнать. Закончили 2 км асфальтирование Сталинского проспекта, обсаженного с двух сторон деревьями. Выведен забор вокруг стройки планетария. Доасфальтируется Комсомольская улица, Курская улица, Театральная площадь (перед новым театром). Только вдоль набережной все еще заборы со строительной площадкой в центре. Раскинуты газоны перед к/т Победа, сдан в эксплуатацию большой дом по Коммунистической улице. Совершенно переоборудуется площадь у центральной остановки автобусов и трамваев. Вот это темпы! Такой стройки нет ни в одном городе мира. Что ни день, то новая перемена в облике города. Даже у нас в районе несколько дней не была на “левой” стороне улицы, идущей от больницы, и уже освободилось от лесов здание новой громадной бани, вокруг обнесенной оградой, с асфальтированными дорожками во дворе и газонами. Отделывается фасад двух новых зданий у трамвайной остановки по проспекту Сталина» (И.Б. – 06.11.1951) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 125]. Приведем еще одну запись, сделанную спустя 6 лет: «И какое удивление и восторг вызывает раскинувшаяся вокруг стройка! От поликлиники до школы по Гончаровой улице выросло целых два квартала домов, более половины которых уже эксплуатируется. И южнее вырос громадный пятиэтажный дом как раз у поворота к Аистовым, а к востоку от этого дома по пр. Металлургов идет подготовка фундамента под десяток домов, вот это темпы! Но быстрее всего (за год-полтора) вырос целый квартал 2–3-эт. домов, построенных собственными силами целыми семьями рабочих ЗКО. От остановки Библиотечная до Гвардейской» (И.Б. – 20.10.1957) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 20. Л. 157].

Конечно, хозяйственно-бытовые трудности, сопровождавшие практически каждую семью, омрачали восторг от успехов великой стройки. Несмотря на стремительное восстановление жилого фонда, многие жители продолжали нуждаться в жилье, и большой радостью было тогда получить собственную комнату в коммунальной квартире, в то время как отдельная квартира и вовсе являлась пределом мечтаний для большинства горожан. Отметим, что жилищная проблема в регионе стояла довольно остро вплоть до середины 1960-х гг. Важным шагом на пути разрешения проблемы жилищного обеспечения стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором подчеркивалось, что «проблема жилья продолжает оставаться одной из самых острых» [4, с. 195]. Несмотря на то что рост всей жилой площади в регионе к 1966 г. в сравнении с 1940 г. увеличился в 2,5 раза, все еще немногие горожане располагали собственным жильем, удовлетворяющим даже элементарные бытовые потребности [3, с. 172]. Например, З.С. сначала была вынуждена снимать жилье и проживать фактически в непригодных для жизни условиях (теснота, сырость, холод), а с получением собственной квартиры ей приходилось продолжать терпеть бытовую неустроенность, совместный быт с соседями, не соблюдающими элементарные правила общежития. Тем не менее женщина всегда искала положительные моменты во всех жизненных ситуациях. Приведем запись от 3 апреля 1952 г.: «Мне теперь понятно, что на квартиру рассчитывать нечего, а комната в 18 м – это все же лучше, чем моя квартира с гнилыми стенами и грязью по колено. Получила зарплату в санчасти (345 руб.), отдала долги, осталось всего 20 руб. на расходы. Но зато снижены цены... и все равно в кармане будет сэкономлено за месяц около 100 руб.; мы улучшим питание или будем иметь возможность кое-что купить» [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 10об].

З.С. старалась принимать бытовые трудности с терпением. Отметим, что женщина, родившаяся в 1920 г., знавшая жизнь еще до войны, проживая в различных регионах страны, в том числе столичных городах, и потому имевшая возможность сравнивать, продолжала верить в то, что рано или поздно быт будет устроен непременно в лучшую сторону. Однако состояние отчаяния все-таки иногда настигало женщину, и виной тому были в основном именно бытовые

неурядицы: «В комнате холодно, особенно сидеть неподвижно и писать. Ноги уже 2-й вечер в валенках, на плечах теплый шарф, а вот спина отмерзнет. Ех! И когда же доживем до того, когда народ не будет мучиться из-за необходимости как хлеб – удовлетворительных хотя бы условий быта! Верю, что все, что предусмотрено в 5-й пятилетке, будет исполнено, но ведь и тогда квартирный вопрос еще останется неразрешенным, а ведь это важнее, чем вырабатывать мебель, посуду или давать в сотни тысяч различным работникам искусства» (И.Б. – 16.10.1952) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 107об]. На протяжении 1950-х гг. женщина не раз указывала, что «все-таки трудно еще (дорого) с продуктами, да и ассортимент однообразный», а каждую весну все граждане страны непременно ждали понижения цен на различные товары [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 174об, 186]. Даже в столичных магазинах в 1950-е гг. было трудно найти вещи самые необходимые: «День заняла похождением по магазинам, купила перчатки, дом. туфли, резинки. Лаковых лодочек нет, и много необходимого – нет, например льняных полотенец, хороших шелковых чулок, трикотажного шелкового белья» (И.Б. – 28.07.1953) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 44об]. В таких ситуациях горожане старались друг другу помогать (выгодные знакомства в отделах магазинов или снабжение продуктами от собственного хозяйства). Взаимовыручка и помощь близким играли тогда очень важную роль, людей объединяли не только общие тяготы перенесенной войны, но и в целом позитивное мышление (старое поколение мечтало вернуться к тому, что было некогда разрушено, а молодое – было полно энтузиазма и сил для строительства нового).

«Конечно, жить лучше, но запасов нет, и это, конечно, плохо», – отмечала женщина в 1955 г. [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16. Л. 124об]. Спустя годы врач с ужасом вспоминает, как трудно ей жилось сразу по приезде в город: «С трудом накопила тысячу, а из них 350 надо отдать за починку пианино, а 500 вчера Дусе отдала на приемник (“Рекорд” с проигрывателем), который уступает мне Зиночка, покупая себе “Урал”. А как же быть с мечтой о весеннем пальто? Сто потребностей, а доходы одни и те же. Да, пожалуй, по сравнению с большинством врачей, это еще приличная зарплата. Даже мне с 2000 тыс. в месяц, да и не 2, а 1500. А как же жить остальным? Страшно

вспоминать, как жили мы втроем 51–53 гг. на мою нищенскую врачебную зарплату...» (И.Б. – 23.03.1956) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 18. Л. 15]. При этом отметим, что из года в год уровень доходов и качество жизни горожанки возрастали. Тем не менее жалобы З.С. на жизнь были перманентными на протяжении всего периода 1950–1960-х гг., но жительница всегда старалась отмечать какие-либо улучшения: «Моя зарплата номинально 1400 р., это как раз тот минимум, на который можно прожить небольшой семье, причем не позволить себе никакой роскоши. Тяжеловата и дороговата еще жизнь, а ведь прошло 40 лет после революции! И 11 лет после войны. Конечно, уже значительные улучшения есть, но жизнь торопит успеть хоть чуточку передохнуть без нужды!» (И.Б. – 20.09.1956) [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 18. Л. 187].

Инфраструктура города не жаловала своих жителей и в середине 1960-х гг., с трудом приходилось добираться даже в соседний район города. Так, в 1966 г. З.С. описала плачевную ситуацию с трамвайным транспортом: «Снова и снова мучение с транспортом по утрам и вечерам. У всех работяг нарастает внутренняя злость на организацию дела обслуживания пассажиров. И сколько можно так жить – нигде и ни в чем нет порядка, транспорт работает и в хорошую-то погоду плохо, а сейчас отвратительно. Значит, для народа это необходимо сделать, решать, как проблему. Так надо ее решать: разве у нас нет сотни автобусов, которые необходимы для Волгограда, для решения проблемы? Да они сходят с конвейеров десятками в день, не меньше, так где же они?.. велика Россия и богата, но порядка в ней нет, хотя и скоро 50 лет народной власти» [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 33. Л. 116].

В 1960-е гг. жить, конечно, стало лучше, город все больше восстанавливался после войны, налаживались быт и хозяйство, однако действительно хорошо жилось лишь тем, у кого был более или менее стабильный заработок. З.С., совмещая работу оперирующего хирурга и преподавателя в университете, позволяла себе иметь накопленные средства и достигать задуманных целей. Женщина хотела и стремилась жить лучше. Например, в 1962 г. ей удалось купить телевизор, который в то время могли себе позволить немногие жители города. Копила женщина и на машину, даже получила водительские права, однако приобрести тогда (в 1950–1960-х гг.) желанное средство пере-

движения в Сталинграде/Волгограде было очень сложно. Зато в 1960-е гг. уже можно было без проблем принести домой «полную сумку продуктов: консервы мясные, гороховые, карбонат, печенье…» [Источник. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 27. Л. 53].

В условиях нехватки практически всего (от продуктов питания до предметов одежды и быта) уже привычным делом становились перешивка новой одежды, запас продуктов впрок, жизнь в долг – и в то же время ежегодный отпуск на курорте, отоваривание в столичных регионах, покупка предметов для создания уютной и комфортной обстановки (телевизор, холодильник, ковры); такой «двойственной» была жизнь интеллектуальной элиты, женщины-врача, кандидата медицинских наук. Возможно, З.С. жила немного лучше остальных горожан Сталинграда/Волгограда, но и ее действительность не была лишена трудностей. Насущной проблемой для горожанок оставались строительство нового быта и налаживание домашней обстановки. С одной стороны, все эти действия были наполнены надеждой и энтузиазмом, а с другой – сопровождались ностальгией по прошлой (довоенной), некогда благоустроенной жизни. Однако отличительной особенностью многих людей тогда было позитивное мышление, которое диктовалось усталостью от перенесенной войны, стремлением жить лучше, умением радоваться, казалось бы, элементарным вещам: белому хлебу, платью, которое не нужно перешивать, новому ковру.

Список литературы

1. Белова А.В. Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели»: практики самоанализа академика П.Я. Кочиной // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2023. – № 2 (66). – С. 5–20.

2. Жидченко А.В. Дом, семья и быт как факторы социальной памяти советского города в 1950–1960-е гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веременко. – Т. 2. – СПб. : Медиапапир, 2022. – С. 62–68.

3. Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. – 263 с.

4. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 9. 1956–1960. – М. : Политиздат, 1986.

5. Пушкарева Н.Л., Белов С.И., Жидченко А.В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. – 2022. – № 3-1. – С. 95–100.

6. Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В. «Лучшее украшение женщины – чистота» (нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц нестоличного советского города 1950–1960-х гг.) // Женщина в российском обществе. – 2022. – № 4. – С. 119–133.

7. Пушкарева Н.Л. «Работать больше других»: повседневность российских научных работниц и мотивация отрицания успеха // История повседневности. – 2022. – № 2 (22). – С. 10–20.

Источник

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО).

УДК 94(47).084.9

«ЗАСТОЙ» («РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ») В СССР: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Дементьев Борис Петрович
профессор, доктор исторических наук,
профессор Пермского государственного национального
исследовательского университета, г. Пермь
b-demen@yandex.ru

Аннотация. Анализируются термины «застой» и «развитой социализм», состояние в исследуемый период промышленности и сельского хозяйства, демографии, образования, науки, искусства, литературы, физкультуры, спорта, попытки реформирования, причины консервативного поворота в управленческих структурах, причины отказа от реформ, «нефтяной шок», нарастание негативных явлений в социально-экономической и социально-политической сферах.

Ключевые слова: застой, развитой социализм, мифы, реальность, реформирование, консерватизм.

‘STAGNATION’ OR ‘DEVELOPED SOCIALISM’ IN USSR: MYTHS AND REALITY

Dementiev Boris P.
Professor, Doctor of the History Sciences, Professor Perm
State National Exploratory University, Perm
b-demen@yandex.ru

Abstract. In article are analyzed term ‘stagnation’ and ‘developed socialism’; the condition to industry and agriculture at under investigation period, demographies, formation, sciences, art, literature, physical cultures, sport; the attempts reformation, reasons of the conservative tumbling in management structure, cause of failure from reforms, ‘oil shock’, growth of the negative phenomenas in social-economic and social-political sphere.

Key words: the stagnation, developed, socialism, myths, reality, reformation, conservatism.

© Дементьев Б.П., 2024

Считается, что термин «застой» ввел в общественно-политический оборот М.С. Горбачев в 1986 г., на XXVII съезде КПСС. Это не совсем точно. Он говорил о «застойных явлениях» в стране [10, с. 59]. Но термин «застой», характеризующий середину 1960-х – середину 1980-х гг., остался как в публицистической, так и в научной литературе.

Что же такое «застой»? По всем словарям, это отсутствие движения, развития. Так был ли застой в СССР в период с середины 1960-х до середины 1980-х гг.? Обратимся к статистике, фактам.

Промышленное производство, сельское хозяйство к 1980 г. по объему были первыми в Европе и вторыми в мире. Доля СССР в мировой промышленности составляла 20 %, ВВП – 10 %. СССР был первым в мире по производству стали, чугуна, нефти, угля, железной, марганцевой и хромовой руд, калийных солей, хлопка, льна, тракторов, тепловозов, электровозов и мн. др. Тяжелое машиностроение, нефтедобыча и нефтепереработка, космонавтика и ракетостроение, атомная энергетика, лазерные технологии, оптика и самолетостроение (причем и гражданское), высокотехнологичная военная продукция – во всем этом было лидерство Советского Союза. А продукцию станкостроения (это высший критерий машиностроения) СССР экспортировал по всему миру, включая США, Канаду, Японию, ФРГ [8, с. 2]. Разве это застой?

Бесплатное жилье получили 162 млн чел. Не было понятия «бомж». Квартплата – не более 3 % совокупного семейного дохода. Коммунальные услуги стоили копейки (например, 1 квт/ч электроэнергии – 2–4 коп.) Медицинское обслуживание – бесплатное. Население Советского Союза за период 1964–1985 гг. увеличилось на 50 млн чел., причем не только за счет среднеазиатских республик; население РСФСР выросло на 20 млн человек [9, с. 3]. Безработица отсутствовала, наоборот, кто-то везде и всегда требовался. У каждого трудящегося была уверенность, что он не останется без работы.

Образование в школах, училищах, техникумах и вузах – бесплатное. Никто не собирал с родителей деньги на содержание класса, приобретение оборудования или работы уборщицы. А выпускник как среднего специального, так и высшего учебного заведения был абсолютно уверен, что у него будет не просто работа, а работа по специ-

альности. В СССР трудилось 25 % всех ученых мира. Советская наука оценивалась как вторая в мире. Вклад советских ученых в общемировую науку был на уровне 20 %. Только за 6 лет, с 1970-го по 1976-й, открыто 15 университетов. Кстати, доплаты за ученую степень кандидата и доктора наук тоже введены в этот период [4, с. 1]. Разве это застой?

Этот период – время расцвета литературы и искусства. Свои лучшие произведения создают писатели: Айтматов, Астафьев, Бондарев, Кир Булычев, Василь Быков, Вампилов, Варламов, Иван Ефремов, Казаков, Нагибин, Распутин, Розов, Юлиан Семенов, Стругацкие, Шукшин и др. Лучшие фильмы снимают режиссеры: Бондарчук, Гайдай, Данелия, Калатозов, Рязанов и др. Выдающиеся спектакли ставят режиссеры: Волчек, Ефремов, Завадский, Захаров, Любимов, Плучек, Симонов, Табаков, Товстоногов, Эфрос. Блистают «Ленком», «Современник», «Таганка», МХАТ. Действительно, одна из главных характеристик любой эпохи – «культурный след», культурное наследие. В Советском Союзе ежегодно издавалось свыше 2 млрд книг, журналы – тиражом 3,2 млрд экз., газеты – 40 млрд [9, с. 4]. Разве это застой?

СССР был передовой спортивной державой. На восьми Олимпиадах СССР пять раз был первым в зачете медалей и три раза – вторым. Эти успехи формировались на массовой спортивно-физкультурной базе. Спортклубы, спортивные школы и коллективы охватывали 69 млн чел. – каждый четвертыйй советский человек занимался спортом [4, с. 3]. И все это бесплатно. Разве это застой?

Каковы были уровень жизни, покупательная способность советского человека? Средняя зарплата – около 150 руб./мес. Квалифицированный рабочий зарабатывал 300 руб., доцент вуза – 360 руб., профессор – 450 руб. Каковы цены? Хлеб: 1 кг черного – 14 коп., белого – 12–16 коп. Цена на хлеб не менялась с 1961 по 1990 г. 1 кг картофеля – 10 коп., свеклы, моркови – 12 коп. 1 кг вареной колбасы (из настоящего мяса) – 1,5–2,8 руб. Обед из трех блюд в любой столовой – 30–50 коп. Билет на автобус – 6 коп., троллейбус – 4 коп., трамвай – 3 коп. Билет в кино – 10–30 коп. Мороженое – 8–15 коп. Бутылка водки (0,5 л) – 3,62–4,12 руб. [7, с. 2–3]. Оплата двухкомнатной квартиры (включая электричество, газ, воду) – не выше 5 руб. Инфляции практически не было, причем цены на ткани, велосипеды, часы, детские

изделия снижались. Децильный коэффициент (соотношение 10 % самых богатых и 10 % самых бедных) – всего 4.

Народное хозяйство перешло с 6-дневной на 5-дневную рабочую неделю. Колхозники стали получать пенсии и гарантированные зарплаты. А пенсионный возраст снизили: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет [6, с. 1].

Индекс развития человеческого потенциала СССР (данные ООН) на середину 1980-х гг. – 26-е место в мире (для сравнения: сегодня у России 66-е место) [1, с. 3].

Это факты. О каком же «застое» в 1960–1980-е гг. может идти речь! Понятно, что термин не только сугубо мифологизирован, но и просто не соответствует действительности. Застоя не было.

А что же было? Ведь СССР не победили внешние враги, он рухнул изнутри. Были кризисные явления, нарастал кризис.

Кризисные явления проявлялись в социально-экономической и социально-политической сферах:

1) экономика развивалась, но лишь благодаря экстенсивным методам, а они начинали исчерпывать себя;

2) научно-технические достижения были, но они слабо внедрялись, поскольку административно-командные методы этому не способствовали;

3) как следствие, в народном хозяйстве росла занятость ручным и малоквалифицированным трудом;

4) сельское хозяйство получало значительные капиталовложения, но при отсутствии стимулов, гибкой закупочной политики становилось малоэффективным;

5) как следствие, рос импорт продовольствия;

6) появился теневой сектор экономики (спекуляция, деятельность подпольных мастерских);

7) деформировалась социальная сфера: денежные доходы росли, но экономика не могла предложить необходимые товары и услуги под необеспеченную денежную массу;

8) развивался дефицит, как следствие, появлялись очереди и «блат» [2, с. 1–2].

Реформы 1965 г. Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина скорректировали негативные процессы. Предприятия

получили значительную хозяйственную самостоятельность, уменьшилась централизация администрирования, акценты были сделаны на рентабельность и реализацию продукции. И успехи пришли. Восьмая пятилетка (1966–1971 гг.) – «золотой век» СССР. Сельское хозяйство выросло на 21 %, промышленность – на 50 %. Предприятия переходили на хозрасчет, сами распоряжались частью прибыли, создавали фонды материального стимулирования (премии), социально-культурного развития (путевки, санатории и др.), бытового развития (строительство жилья, детских садов, даже поликлиник) [4, с. 3–4].

Как же реагирует на реформы высшее руководство? Реформы сворачивают. Как говорил Л.И. Брежнев, зачем реформы, надо лучше работать. Но разве Л.И. Брежнев, политбюро не видели явных преимуществ косыгинских преобразований? Тогда почему отказались от этих реформ? Думается, причин несколько:

1. События 1968 г. в Чехословакии были интерпретированы как попытка через либеральные реформы разрушить мировую социалистическую систему. Но косыгинские реформы – это тоже в определенной степени либеральные реформы. А куда они заведут?

2. В 1960–1970-е гг. появляются диссиденты. Их немного, но это прецедент, опасный и для власти, и для идеологии. Значит, надо задавить эту угрозу, пока она не распространилась.

3. Советские люди видят западный кинематограф, литературу, развивается туризм. Сравнивают уровень жизни. Все это размывает идеалы социализма.

4. Было опасение, что, увлекшись реформированием, получат цепную реакцию перемен и в результате – крушение всей системы. Слова Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного (в унисон с Л.И. Брежневым): какие реформы, у нас и так все хорошо [5, с. 2–3].

5. В 1973 г. в мире произошел «нефтяной шок». Вследствие арабо-израильской войны 1973 г. резко взлетела цена на нефть. А в Сибири в это время были открыты гигантские нефтяные месторождения. И через нефтяные доходы стали решать все проблемы: закупать высокотехнологичное оборудование (значит, свое не производим), товары широкого потребления (тоже не производим) и даже продовольствие (при нашем-то колоссальном сельскохозяйственном потенциале!). За-

чем какие-то реформы, зачем вообще усилия, если всё можно залить нефтедолларами.

В результате, когда советскому руководству стало ясно, что обещанный к 1980 г. коммунизм не наступит, взамен (альтернатива и переходный период) был предложен «развитой социализм» (поскольку «у нас все хорошо»). Критерии исходили из статики (высокие достигнутые результаты), но не учитывали динамики (что будет завтра-послезавтра).

А «завтра» наступили «перестройка», которую в народе назвали «катастройкой», и 1990-е: закрытие предприятий, безработица, «челноки», карточная система, культ потребления и удовольствий, сепаратистские настроения в регионах (уральский «франк» родом из Свердловска), волна преступности и коррупции, теракты, военные конфликты, расширение НАТО, развал СССР.

Можно ли было сохранить СССР? Опыт Китая показывает: конечно, можно. В 1970-е Китай был и в кризисе, и на распутье. ВВП Китая в 1978 г. составлял 77 % от ВВП РСФСР (не СССР). В 2023 г. ВВП России составлял 11 % от ВВП социалистического Китая под руководством коммунистической партии, который по ППС (паритет покупательной способности, т. е. реальные секторы производства) стал первой экономикой мира, обогнав США [3, с. 2–3]. Руководитель Китая Дэн Сяопин сказал: не важно, какого цвета кошка, надо, чтобы она ловила мышей. И запустил реформы. Результат известен.

Необходимо извлечь уроки для сегодняшнего дня:

1. Руководство страны должно вовремя проводить необходимые для общества и государства реформы. Не проводишь реформы – получаешь революцию.

2. Всем нам, россиянам, полезно помнить, что, во-первых, когда видишь «картинки» Запада, не надо путать «туризм и эмиграцию», во-вторых, нас там никто не ждет.

3. «Западникам» (ориентированным на Запад либералам) следует перестать «валить» любую государственную власть (царскую, советскую, нынешнюю). Позиция «я за все хорошее, против всего плохого» ни к чему хорошему не приводит.

Список литературы

1. Был ли «застой», или Что сделал Брежнев для СССР на самом деле? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://interesnie novosti321.mirtesen.ru/ (дата обращения: 25.10.2023).

2. Застой 1970–1980 гг. Причины и последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/8669264/ page:17/ (дата обращения: 25.10.2023).

3. Китай vs Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://akra-bato.livejournal.com/ (дата обращения: 14.11.2023).

4. Мир и стабильность брежневского «застоя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2019/11/20/mir_i_ stabilnost_brezhnevskogo_zastoya (дата обращения: 25.10.2023).

5. Особенности «застойного» времени в СССР – все о периоде застоя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nash-sssr.ru/ osobennosti-zastojnogo-vremeni-v-sssr/ (дата обращения: 25.10.2023).

6. От застоя до отстоя. СССР времен Брежнева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rossijane.mirtesen.ru/blog/43924586009/Ot-zastoya-do-otstoya.-SSSR-vremen-Brezhneva (дата обращения: 25.10.2023).

7. Так был ли застой в СССР? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prostopollitik.mirtesen.ru/blog/43771629749/Tak-byil-li-zastoy-v-SSSR (дата обращения: 25.10.2023).

8. Эпоха Брежнева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://topwar.ru/105809-epoha-brezhneva.html (дата обращения: 25.10.2023).

9. Эпоха «застоя»: что хорошего она принесла СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyrillitsa.ru/history/177478-yepokha-zastoya-chto-khoroshego-ona-prine.html (дата обращения: 25.10.2023).

10. Юревич А.В. Советский человек как социокультурный тип // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 5. – С. 59–68.

УДК 94(47).084.9:141.8

«РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ» КАК БОЛЬШАЯ «БОЛЬШАЯ СДЕЛКА»

Черепанова Розалия Семеновна
кандидат исторических наук,
доцент Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
rozache@mail.ru

Аннотация. Основываясь на гипотезе Веры Данхэм, автор предлагает интерпретировать период так называемого «развитого социализма» как расширенный вариант «большой сделки», впервые заключенной между советской властью и интеллигенцией в 1930-х гг. Автор полагает, что с 1960-х гг. данная сделка была распространена на все советское общество.

Ключевые слова: развитой социализм, советский дискурс, интеллигенция, большая сделка, социалистическая идеология.

‘DEVELOPED SOCIALISM’ AS GRAND ‘BIG DEAL’

Cherepanova Rozaliya S.
PhD in History, Associate Professor, South Ural State University, Chelyabinsk
rozache@mail.ru

Abstract. Based on Vera Dunham's hypothesis, the author proposes to interpret the period of so-called ‘developed socialism’ as an expanded version of the ‘grand bargain’ first made between the Soviet authorities and the intelligentsia in the 1930s. The author believes that since the 1960s this transaction was extended to the entire Soviet society.

Key words: developed socialism, Soviet discourse, intellectuals, grand bargain, socialist ideology.

Принято считать – сошлюсь в этом на пленарный доклад Кирилла Болдовского на конференции «Советский человек в период

© Черепанова Р.С., 2024

“развитого социализма”», состоявшейся в октябре 2023 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН, – что из множества попыток определить послесталинское советское общество пока ни одна не может уверенно считаться удовлетворительной. В рамках текущих дискуссий о концептуальном наполнении понятия «развитой социализм» осмелюсь предложить для обсуждения гипотезу, основанную на идее Веры Данхэм. В работе «В сталинское время: ценности среднего класса в советской художественной литературе» [7, p. 13, 15, 22] известный славист Вера Данхэм охарактеризовала отношения между интеллигенцией (выступающей в роли советского «среднего класса») и сталинским государством как «большую сделку» (big deal), негласно заключенную на предмет материального обеспечения и определенной свободы, гарантируемой властью в обмен на лояльность и конвергенцию ценностей.

Позже, в послесталинскую эпоху, по мнению кандидата философских наук А.А. Трошина, «как следствие политики Н.С. Хрущева, этот социальный контракт властью был расторгнут» [5, с. 135]. Мне же представляется, что, напротив, с 1960-х гг. данная сделка была распространена на все советское общество (в связи с чем может быть названа большой, или расширенной, «большой сделкой»).

Причинами такого расширения, на мой взгляд, стало, во-первых, существенное увеличение количества людей с высшим образованием, занимающихся в той или иной степени интеллектуальным трудом, во-вторых, распространение интеллигентских ценностей на все общество посредством системы образования, произведений культуры и советских медиа. В-третьих, на том этапе развития, который принято называть периодом «развитого социализма» (середина 1960-х – начало 1980-х гг.), СССР представлял собой общество с постоянно возрастающим градусом фрустрации. Исследователи определяют социальную фрустрацию (фрустрированность) в том числе как результат рассогласования между ценностями и возможностями их реализации в повседневной жизни [1]. Несколько реформаторских волн либо захлебнулись, либо оказались гораздо скромнее ожидаемого, а строительство коммунизма, по выражению современных исследователей, перешло из

декларативной стадии в имитационную [4, с. 1041]. Разочарование от неожиданно высокой ригидности системы и от несоответствия между реальным и декларируемым испытывали не только общество, но и власть. Описанная Федором Бурлацким байка о том, как Брежнев якобы отверг предложение повысить трудящимся зарплаты, поскольку в стране все приворовывают и таким образом компенсируют недостаточную заботу государства [2], отражает, независимо от своей достоверности, представление общества о том, что в коммунистическую идею перестала безоговорочно верить даже партийная элита.

Оскудение идеального власть пыталась частично компенсировать наращиванием материального. Зарплаты на самом деле регулярно росли, цены снижались, советское общество стремительно приближалось к западным стандартам потребления, и это ощущение облегчения жизни (после того как целыми десятилетиями советский человек буквально боролся за выживание) рождало в обществе эйфорическое чувство освобождения и прагматично-утилитарные настроения, ставшие, вкупе с общим повышением уровня жизни, четвертым фактором расширения «большой сделки». В результате большая сделка вышла практически на уровень «общественного договора» по-советски.

Содержанием «сделки» между гражданами и государством было взаимное соблюдение внешних приличий и поддержание «игры в социализм». Каждая сторона имела свою выгоду от этого пакта: государство откладывало признание кризиса идеологии и «сохраняло лицо», граждане получали материальное обеспечение и некоторое автономное от власти пространство. Так супруги могут договариваться о взаимной, четко очерченной, зоне свободы при сохранении внешней стороны брака, периодически собираясь на семейные церемонии и изображая единство. Аналогичными протокольными трансляциями единства в рамках нового «большого пакта» выступали ежегодные майские и ноябрьские демонстрации, выборы в органы советской власти, юбилеи Ленина, Победы и Октябрьской революции. Приподнятое, искренне праздничное настроение людей на этих мероприятиях связано было в значительной мере с самим фактом очередного подтверждения вышеозначенного большого пакта, гарантирующего населению все возрастающий материальный комфорт и если не полную личную свободу, то хотя бы автономность.

Внешним выражением принадлежности к «большой сделке» выступал специфический советский дискурс [3, с. 91], сложный и диалектичный, насыщенный явными и скрытыми аллюзиями, цитатами и иносказаниями, преисполненный отсылок к базовым социалистическим топосам, которые, однако, поворачивались в нужную сторону и нагружались собственным смыслом. Попадание человека в этот сложный дискурс делало его в глазах общества и власти «своим» (невзирая на более или менее критическое содержание), непопадание вело к «перевоспитанию» (в той или иной форме) или отторжению. Во владении (или нет) этом дискурсом, в (не)желании и (не)умении им пользоваться заключалась одна из причин того, что очевидно фронтирные для советского искусства – и по сюжетам, и по ценностному наполнению – ранние повести Василия Аксенова успешно проходили к публике, а произведения, скажем, Абрама Терца – нет. При этом у «непроходимцев» всегда оставался выбор: сочинять «в стол», идти на открытую конфронтацию с цензурой и властью либо все же начинать «говорить по-советски».

Сложность такого говорения заключалась в том, что горизонты дозволенного при «развитом социализме» были относительными и плавающими. Однозначно не подлежащими критике, осмеянию или пересмотру признавалось несколько тем: великий Ленин, великая Революция, великая Победа, великий социалистический идеал, великая Партия, великий (действующий) вождь. По отношению к этим сюжетам существовали жесткие официальные нарративы и никакая свобода их интерпретации не допускалась. На другом полюсе – разрешенной свободы, личного выбора – располагались почти все аспекты так называемой частной жизни: любовь, дружба, отношения с детьми, обустройство быта и т. п. Остальные темы, включая актуальные явления социально-экономической и политической действительности, располагались в гибко вибрирующей, в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств, «серой зоне», пространстве условной свободы. В зависимости от многочисленных факторов они могли переместиться либо в «зеленую» зону, к вещам, доступным для критики и вариативности, либо в «красную», закрытую для дискуссии и свободных истолкований, так что речь, статья, сценарий, повесть или фильм,

забракованные в одном году, могли быть разрешены в следующем, и наоборот. Однозначно разрешенным к хождению было воспроизведение официальных нарративов, поэтому ссылкой на них часто обосновывалась позиция любого, кто высказывался по тем или вопросам «серой зоны»: это повышало шансы на успех.

Последний вариант использовали для самовыражения не только деятели культуры, но и управленцы, а также обычные советские люди, пробивая решение своих реальных проблем, не только в официальных случаях, но и в быту. По воспоминаниям Федора Бурлацкого, в таких речах преобладали длинные предложения с минимумом глаголов, с типичными оборотами, без всякой «литературщины». Типичные обороты Бурлацкий называл «блоками», а способ составления официальных текстов – «блочным письмом» [6, с. 113–114].

Поскольку этот способ подразумевал обязательную мимикрию (под официальные нарративы), что иногда возможно было сделать без условностей и натяжек, частым элементом «говорения по-советски» в 1960–1970-х гг. выступала ирония и самоирония. Ирония и мимикрия, ставшие в это время неотъемлемой частью советского дискурса, обеспечивали говорящему амбивалетность, существование одновременно в пространствах свободы и несвободы, позволяли быть одновременно и «за», и «против», открывали возможность для критики и демонстрировали лояльность.

Спокойный прагматизм во взаимоотношениях с государством, оскудение веры в коммунистическую идею, забывание страха, рост благосостояния, предчувствие новой техногенной эпохи, способность и, что немаловажно, идеологическое разрешение радоваться простым бытовым вещам, особая, «фарисейская», речевая стилистика, полная условностей и иносказаний, – все это, вместе взятое, предопределило также особую роль смеха в позднесоветском обществе.

Понимаем ли мы смех как средство избавления от накопившегося напряжения и от общественных условностей (теория разрядки), или как продукт несоответствия между идеей и ее следствием, между логикой и алогичностью (теория противоречия), или же как способ проявить агрессию и возвеличить себя перед обстоятельствами, порой безнадежными (теория превосходства), – в любом случае следует признать, что смех, подразумевающий внутреннюю свободу, в развитом

СССР становился ключевым компонентом социального самочувствия и выступал прямым следствием расширения «большой сделки». Анекдоты, оставшиеся от того времени, характеризуют эпоху точнее и глубже любого учебника истории. Комедии становятся самым востребованным киножанром. Телепередача «Вокруг смеха» собирает миллионную аудиторию. «Смешные» песни Владимира Высоцкого популярнее его «серьезных» песен. Под прикрытием юмора и в рамках дозволенного сделкой пространства свободы советская система пропускала в «зеленую зону» те острые и критические вещи, которые встречали красный свет, будучи высказанными в любой серьезной форме. С этим связан феномен крайне рискованных советских кинокомедий, роликов из журнала «Фитиль» и интермедий Аркадия Райкина.

Общество смеялось и над собой, и над своими утраченными надеждами и иллюзиями, и потому, что пережило страшные времена, и потому, что просто радовалось освобождению от многих вчерашних проблем, радовалось своей наступившей взрослости, открывавшимся новым возможностям. И еще потому, что посредством юмора можно не только прощупывать каждый раз меняющиеся горизонты дозволенного, но и легально говорить о своем разочаровании и выражать свой гнев.

Как известно, растущую внешнюю формализацию и внутреннюю изменчивость послесталинского советского дискурса, который «на уровне смысла перестал интерпретироваться буквально, по крайней мере в большинстве случаев», Алексей Юрчак связывал с исчезновением Сталина как «авторитетной фигуры», подтверждающей истинность и незыблемость провозглашаемых целей и догм [6, с. 54–55, 52–53, 75, 107.]. Однако описанная Юрчаком ситуация и, в частности, внутренняя непрочность позднесоциалистического колосса могут, на наш взгляд, вполне быть объяснены и с позиций расширенной «большой сделки».

Список литературы

1. Балина Т.Н., Малова Н.В. Социальная фрустрированность как результат рассогласования между ценностями личности и возможностями их реализации в поведении // Известия высших учебных заведе-

ний. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 97–102.

2. Бурлацкий Ф.М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. – М. : Изд-во полит. лит., 1989. – 431 с.

3. Кузнецова А.П. Советский политический дискурс // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск, 2004. – Вып. 5. – С. 91–95.

4. Сомов В.А., Волкова Е.С. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 1035–1048.

5. Трошин А.А. Скрытые 1950-е: нарратив префигуративной культуры // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 11 (6). – С. 134–138.

6. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М. : НЛО, 2014. – 664 с.

7. Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass values in Soviet fiction. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979.

УДК 94(47).084.9:141.8

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» И ИХ РОЛЬ В РАСПАДЕ СССР

Жамалутдинов Айнур Ринатович
студент института Истории и политики Московского педагогичекого государственного университета, г. Москва
ainyrzhamalutdinov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние идеологических постулатов на различные сферы жизни советского общества. Показано, что тренд идеализации брежневской эпохи не имеет под собой оснований. Эпоха сочетала в себе ряд как положительных, так и отрицательных тенденций. При этом идейные постулаты брежневской эпохи отнюдь не способствовали успешному развитию Советского Союза. Социалистический «камуфляж» консервировал проблемы в области экономики, осмысления исторического прошлого, вызывал у все больших слоев населения разочарование расхождением между высоким идеалом и дефицитной реальностью.

Ключевые слова: распад СССР, застой, марксизм-ленинизм, идеология, Л.И. Брежнев.

IDEOLOGICAL DEAD-ENDS OF THE ‘DEVELOPED SOCIALISM’ AND THEIR ROLE IN THE DESTRUCTION OF THE USSR

Zhamalutdinov Ainur R.
Student at the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, Moscow
ainyrzhamalutdinov@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of ideological postulates on various spheres of life of Soviet society. It is shown that the trend of idealization of the Brezhnev era has no basis. The era combined both a number of positive and a number of negative trends. At the same time, the ideological postulates of the Brezhnev era did not at all contribute to the successful development of the Soviet Union. Socialist “camouflage” preserved problems in the field of economics, understanding the historical

© Жамалутдинов А.Р., 2024

past, and caused disappointment among increasingly large sections of the population with the discrepancy between the high ideal and the scarce reality.
Key words: collapse of the USSR, stagnation, marxism-leninism, ideology, L.I. Brezhnev.

В историографии давно поставлен вопрос об идеократичности общества «развитого социализма». Подчиняла ли идеология при Л.И. Брежневе все сферы общественной жизни? На этот вопрос исследователи отвечают по-разному. С.И. Никонова утверждает: «Введение и использование термина “идеократическое государство” отражает его сущность – приоритет идеологии над политикой, экономикой, духовной сферой» [4]. Однако реальность гораздо сложнее. Конечно, идеология играла в советском обществе одну из ключевых ролей, но в то же время советское руководство стало проводить прагматичную внешнюю политику. Отсюда следует выявить, в каких областях общественной жизни СССР идеология играла превалирующую роль и как это сказалось на последующей истории государства.

Трендом историографии последних лет является идеализация брежневской эпохи, сглаживание негативных черт этого периода [7, 10]. Подобные отклонения от объективности способствуют утверждениям о том, что в идеологической сфере при Л.И. Брежневе была стабилизация, а Ю.В. Андропов начал против системы социализма «идеологическую диверсию». Как отмечал И.Я. Фроянов, «Андропов, в сущности, признал, что ни он, ни его окружение не знают общества, в котором живут и работают. Признание, можно сказать, сенсационное: с 1917 года партия строила в стране социализм, объявив в начале 60-х годов на весь мир о его полной и окончательной победе, и вот теперь, в 1983 году, ее Генеральный секретарь заявляет, что современное ему общество, по существу, не изучено, не раскрыты его закономерности, особенно экономические, т. е. фундаментальные, и что «наш рулевой» (партия) ведет корабль в тумане, вслепую» [9]. Конечно, данное утверждение вызывает определенный скепсис. Идеологические постулаты брежневской эпохи не давали четкого представления о действительности, опирались на давно отжившие догмы марксизма-ленинизма.

Следует отметить, что марксизм-ленинизм был непригоден для оценки ситуации второй половины XX в. Понятие классового антагонизма оказалось к тому времени уже размытым, произошло акционирование капитала, а в развитых западных странах утвердилась широкая система социальной поддержки и социальной защиты. На этом фоне преимущества социализма перестали казаться таковыми. Господствующая социалистическая официальная идеология выступала анахронизмом для формирующегося постиндустриального мира, где нет господствующей идеи, а в обществе присутствуют разные направления общественной мысли. Таким образом, отказ от социализма был объективной потребностью, реализация которого была связана лишь со временем. Однако теория «развитого социализма» накладывала определенные идеологические «шоры» на изучение объективной действительности, что способствовало, в частности, социально-экономической деградации СССР.

Так, историк Ю.П. Бокарев отметил, что советские обществоведы не смогли дать адекватную оценку процессам, происходящим на Западе. «Теория НТР, сузив до научно-технических изменений происходившие в мировой экономике процессы, закрыла для СССР возможный путь социально-экономических преобразований, который если бы не вывел страну в разряд наиболее развитых держав, то, во всяком случае, позволил бы ей занять достойное место в мировой экономике. Не произошло бы ни распада СССР, ни падения его экономического потенциала, ни превращения в сырьевой придаток развитых стран. Но для этого потребовался бы пересмотр господствующей идеологии, что, конечно, было бы явлением болезненным, но не столь катастрофическим, как потеря идеологии вообще и многолетние тщетные поиски “национальной идеи”» [3]. Тезисы социалистического учения об «отмирании капитализма», «неспособности к качественному развитию капиталистической науки и техники» не соответствовали действительности, более того, они вступали в разительное противоречие с уровнем жизни и техническими новинками западных стран.

Еще одним «тупиком» эпохи «развитого социализма» можно назвать позитивное отношение к сталинскому периоду истории СССР,

формирование в историческом нарративе массы «белых пятен» истории. Актуализация данной темы в период перестройки будет носить взрывной характер и обернется делегитимизацией общественного строя СССР в глазах населения. Замалчивание ряда черных страниц в истории советской власти в годы «развитого социализма» обернулось в последующем для системы крахом.

В отличие от хрущевской «оттепели» [1, 2, 5, 6 8], исследование отношения к И.В. Сталину при Л.И. Брежневе в широких слоях населения носит отрывочный характер. Нет комплексных работ, которые выявили бы в количественном и качественном измерении трансформацию общественного сознания по данному вопросу. Однако можно выявить ключевые события, характеризующие «сглаживающие» процессы в области отношения к И.В. Сталину.

Брежневское правление трактуют как ресталинизацию, возвращение образа положительного вождя в массовое сознание. Однако при господстве партаппарата полную реабилитацию Сталина и сталинской системы никто проводить не собирался. Элитные группировки не хотели возвращаться в диктатуру и постоянный террор, царство постоянного страха. Речь, скорее, шла о сохранении стабильности режима, подчеркивании положительных моментов истории тридцатилетнего сталинского правления с чисто утилитарной целью, так как система, построенная Сталиным, была тем фундаментом, на котором росло и развивалось советское общество, а уничтожение корней грозило коллапсом всей советской системе. Поэтому сосредоточились на актуализации положительных моментов в сталинском правлении, при этом не отказываясь от решений, принятых по этому вопросу во время хрущевской «оттепели».

Такое лакировочное отношение к прошлому не смогло дать ответы на сущностные вопросы советского прошлого. Очевидно, что потребность общества в осмыслении культа Сталина и сталинизма в брежневскую эпоху осталась неудовлетворенной. Как и осталась вытравленной идея познания советского общества для конструктивного развития страны. Сталинская модель идеологии, политики (однопартийная система), экономики, опирающаяся на план, принуждение и побуждение не могли работать во второй половине XX в. в условиях

перехода к обществу потребления на Западе, в условиях развития информационных технологий, расширения межкультурной коммуникации и интеграции мирового сообщества. В то время, когда прошлое нужно было помнить, но суметь вовремя от него отказаться, политическое руководство его всячески консервировало. Так как полного развенчания культа личности не произошло, советское общество и политическое руководство было обречено на комплекс неудач и ошибок во внешней и внутренней политике, что со временем привело к коллапсу системы и распаду СССР.

Таким образом, идеология так называемого развитого социализма, как и социализма вообще, становилась анахронизмом в постиндустриальном мире. При этом данные идейные постулаты отнюдь не способствовали успешному развитию Советского Союза. Социалистический «камуфляж» консервировал проблемы в области экономики, осмысления исторического прошлого, вызывал у все больших слоев населения разочарование расхождением между высоким идеалом и дефицитной реальностью. В то же время эпоха хрущевской «оттепели» подготовила реформаторов-шестидесятников, коммунистов-идеалистов с их иллюзиями про НЭП, демократического Ленина и т. п. В эпоху «развитого социализма» восприятие шестидесятниками того, что «так жить нельзя», только укреплялось. В бурную эпоху перемен 1985–1991 гг. иллюзии, ошибки, заблуждения привели реформаторов к провалу перестройки и распаду СССР. Во многом такой исход был обусловлен идейной тишиной застоя 1964–1985 гг.

Список литературы

1. Аксютин Ю.В. Общественные настроения в СССР (1953–1982) // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Науч. совет по истории соц. реформ, движений и революций; редкол.: Г.Н. Севостьянов (общ. ред.) и др.; сост. С.М. Исхаков. – М. : Наука, 2002. – С. 339–350.

2. Аксютин Ю.В. «Оттепель» 1953–1964 гг. и общественные настроения в СССР : дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. – М., 2000. – 511 с.

3. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. – М. : Наука, 2007. – С. 128.

4. Никонова С.И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 60-х – середина 80-х годов XX века) : дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2009. – С. 23.

5. Пыжиков А.В. Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50–60-е годы : дис. … д-ра ист. наук. – М., 1999;

6. Пыжиков А.В. Осознание сталинизма в годы «оттепели» // Вестник РАН. – 2003. – № 6. – С. 542–547.

7. Спицын Е.Ю. Брежневская партия. Советская держава в 1964–1985 годах. – М. : Концептуал, 2021. – 784 с.

8. Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. – М. : Концептуал, 2019. – 592 с.

9. Фроянов И.Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. – СПб., 1999. – С. 62.

10. Чураков Д.О. СССР при Брежневе. Правда великой эпохи. – М. : Вече, 2014. – 320 с.

УДК 94(47).084.9

САМОНАСИЛЬСТВЕННЫЕ АКЦИИ ПРОТЕСТА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД С «ОТТЕПЕЛИ» ДО «ПЕРЕСТРОЙКИ»: ФЕНОМЕН И ЕГО ПРИЧИНЫ

Беляев Даниил Алексеевич
студент 3-го курса исторического факультета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь
Nekoinu@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются общие и частные случаи акций протеста против советской власти, в которых насилие было направлено на самого акционера, разбирается феномен, объясняются его причины. Территориально были исследованы акции протеста, прошедшие на территории СССР и стран ОВД. В качестве основной методологии в изучении данного вопроса были использованы ретроспективный и социально-психологический методы. Проанализированы два основных вида самонасильственных акций – самосожжение и голодовка, их причины и результаты.

Ключевые слова: самонасильственная акция протеста, инакомыслие, «оттепель», «застой», диссиденты, голодовка, самосожжение.

SELF-VIOLENT PROTEST ACTIONS AGAINST THE SOVIET AUTHORITY IN THE PERIOD FROM THE ‘THAW’ TO ‘PERESTROIKA’: PHENOMENON AND ITS REASONS

Belyaev Daniil A.
3rd Year Student of the Faculty of History,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
Nekoinu@yandex.ru

Abstract. In this article, the author examines general and specific cases of protests against the Soviet regime, in which violence was directed at the protester himself, analyzes the phenomenon and explains its reasons. The protests that took place on the territory of the USSR and the Warsaw

© Беляев Д.А., 2024

countries were studied geographically. Retrospective and socio-psychological methods were used as the main methodology in studying this issue. The article analyzes two main types of self-violent actions: self-immolation and hunger strike, their causes and results.

Key words: self-violent protest, dissent, 'thaw', 'stagnation', dissidents, hunger strike, self-immolation.

Самонасильственная акция протеста – это общественно-политическое действие акционера с целью привлечения внимания общества к какой-либо проблеме через различные формы насилия, направленные на самого себя. Самонасилие в данном контексте следует рассматривать как акцию мирного протеста. В качестве общих случаев будут выступать такие акции, как самосожжения и голодовки диссидентов в СССР и странах Организации Варшавского договора (ОВД) в хронологический период с «оттепели» до «перестройки». Эта работа направлена на выявление причин феномена и выбора именно такого вида протеста среди оппозиционных советской власти активистов.

Самосожжение – это форма протеста, при которой человек добровольно поджигает себя в знак несогласия с чем-либо. История стран ОВД и республик Советского Союза насчитывает немалое количество «живых факелов» – так литературно называют людей, совершивших самосожжение. Данная форма протеста на территории стран социалистического лагеря появляется приблизительно во второй половине 1960-х гг.

8 сентября 1968 г. Рышард Сивец совершил самосожжение на стадионе Десятилетия в Варшаве. Выступал он против «империализма Советского Союза» и участия польской армии во вторжении в Чехословакию. Уже посмертно была опубликована запись за авторством Рышарда Сивца, в которой он просил: «Услышьте крик, крик обычного, ничем не примечательного человека, сына народа, который любил свою и чужую свободу больше всего, больше собственной жизни» [3]. 16 января 1969 г. в знак протеста против вторжения СССР в Чехословакию самосожжение совершил Ян Палах на Вацлавской площади. Ранее в своем послании «Союзу чехословацких писателей» он писал следующее: «Учитывая, что наши народы оказались на границе отчаяния и покорности, я решил выразить протест и разбудить народное сознание» [5]. После демонстрации Яна Палаха возник целый ряд по-

следователей практики самосожжения в знак протеста против советской власти. 25 февраля 1969 г. Ян Зайиц, желая продолжить дело Яна Палаха, поджег себя. На месте акции он оставил заявление «Граждане Чехословацкой Республики», в котором объяснял причину своего действия: «На этот поступок я решился лишь для того, чтобы вы наконец-то по-настоящему восприняли и сбросили с себя иго горстки диктаторов!» [4]. 14 мая 1972 г. Ромас Каланта на площади Свободы в Каунасе совершил самосожжение в знак протеста против «оккупации Литвы» Советским Союзом. Рядом с местом проведения акции была обнаружена записная книжка, в которой Р. Каланта написал: «В моей смерти виновен только политический строй» [2]. Каждый из вышеописанных случаев уникален, но в них есть и общее. Все рассмотренные акционеры выступали в роли примера для своих единомышленников. Тем не менее может возникнуть вопрос, почему была выбрана именно самонасильственная форма протеста. Я предполагаю, что дело в том, чтобы не уподобляться зверю, в роли которого в мировоззрении акционеров выступал Советский Союз. Таким образом, они показывали, что они против действующего режима и при этом их протест не направлен на лишение жизни других людей. То есть распоряжаться они были вольны лишь своей жизнью и таким образом подчеркивали, что государству не удастся сломить их внутреннюю свободу. Стоит добавить, что самосожжение – это крайняя степень отчаяния и решительности акционера, так он эмоционально показывает свое недовольство сложившейся ситуацией, демонстрируя, что готов пойти на самоубийственный протест, своеобразный крик души.

Голодовки в период «оттепели» не были широко распространены. На советском обществе Великая Отечественная война оставила глубокие шрамы, в частности, военный и послевоенный голод. Известен, по крайней мере, один случай голодовки, которую объявил Ю. Иванов-Сиверс в ноябре 1963 г., ее конкретные причины неясны, но известно, что в тюрьме он содержался в крайне плохих условиях. Голодовка в период «оттепели» воспринималась как кощунство. Тем не менее в эпоху «застоя», приблизительно во второй половине 1960-х гг., голодовка становится популярной формой протеста против государственного произвола в СССР. Голодовка, как правило, была довольно громким протестом, и иные политические заключенные из солидарности присоединялись к акции, что делало ее еще заметнее. Как

и самосожжение, голодовка является самонасильственной акцией протеста. Разница лишь в том, что чаще всего самосожжение было акцией с летальным исходом. С голодовкой ситуация несколько иная – акционер так ставил ультиматум государству. Единственными рычагами давления акционера были его жизнь и внимание, которое приковывалось к нему после объявления голодовки.

В 1967 г. В. Черновол был осужден за составление сборника материалов о политических заключенных на территории УССР «Горе от ума» [1, с. 23]. С 29 мая по 16 июля 1968 г. он держал голодовку в знак протеста против изъятия у него документов по судебному делу и попытки осудить его вновь под конец срока по одному и тому же делу, переквалифицировав статью. В результате В. Черновол получил часть документов, после чего снял голодовку, а затем и попытка переквалификации статьи была прекращена [7].

В октябре 1968 г. В. Буковский получил сотрясение, однако был объявлен симулянтом и отправлен в карцер. Буковский объявил голодовку; вопреки правилам, его оставили в общей камере. Затем к акции присоединились его сокамерники. В результате требования акционеров были удовлетворены и В. Буковского отправили в больницу [7].

16 мая 1969 г. А. Гинзбург объявил голодовку в знак протеста против лишения его свиданий с женой И. Жолковской. Они подали заявление в ЗАГС в конце 1966 г., однако за несколько дней до регистрации брака А. Гинзбурга арестовали. Попытки зарегистрировать брак в СИЗО были безуспешными, администрация ссылалась на недопустимость регистрации брака в СИЗО. Однако ранее были случаи регистрации брака в таких же условиях и по тем же статьям у иных осужденных, к примеру, у В. Смолкина в 1965 г. К тому же невозможность регистрации брака внутри СИЗО юридически не была закреплена. До ноября 1968 г. свидания без брака не были запрещены, однако после ноября это условие изменилось, и отныне такого рода свидания стали невозможными. В результате масштабной голодовки А. Гинзбурга, продлившейся до 10 июня 1969 г. (к ней присоединились и другие политические заключенные), и активной работы с инстанциями СССР И. Жолковской их брак был зарегистрирован в лагерной зоне 21 августа 1969 г. Описанные случаи показывают определенную тенденцию: голодовки способствовали тому, что государство становилось в крайне невыгодное положение и в дальнейшем в той или

иной мере выполняло требования акционера либо отказывалось их выполнять и сталкивалось с волной иных протестов [6].

Можно выявить следующие причины самонасильственных акций протеста. Первая из них – это стремление акционера подчеркнуть жестокость и безразличие государства к личности человека и к его жизни в целом. Вторая – это эмоциональный порыв акционера: для восстановления справедливости ему необходимо пойти на крайние меры, чтобы и государство, и другие люди заметили его проблему. Третья причина – это стремление поставить ультиматум государству.

Самонасильственные акции протеста приводят к тому, что в глазах народа акционер становится мучеником, поскольку он никому не причиняет вред, кроме себя. Так авторитет государства пошатывается, а сочувствие к акционеру растёт.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. – Benson : Khronika Press, 1984. – 427 с.
2. Блажек П. Ромас Каланта [Электронный ресурс] // Jan Palach : [сайт]. 2007. – Режим доступа: https://www.janpalach.cz/ru/ default/zive-pochodne/kalanta (дата обращения: 09.09.2023).
3. Блажек П. Рышард Сивец [Электронный ресурс] // Jan Palach : [сайт]. 2007. – Режим доступа: https://www.janpalach.cz/ru/ default/zive-pochodne/siwiec (дата обращения: 09.09.2023).
4. Блажек П. Ян Зайиц [Электронный ресурс] // Jan Palach : [сайт]. 2007. – Режим доступа: https://www.janpalach.cz/ru/default/zive-pochodne/zajic (дата обращения: 09.09.2023).
5. Блажек П. Ян Палах. Подготовка [Электронный ресурс] // Jan Palach : [сайт]. 2007. – Режим доступа: https://www.janpalach.cz/ru /default/jan-palach/priprava (дата обращения: 09.09.2023).
6. Хроника текущих событий. Вып. 8. Голодовка Александра Гинзбурга. 1969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.memo.ru/history/diss/chr/chr8.htm (дата обращения: 09.09.2023).
7. Хроника текущих событий. Вып. 5. Краткие сообщения. 1968 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.memo. ru/history/ diss/ chr/chr5.htm (дата обращения: 09.09.2023).

УДК 94(47).084.9:141.8

«ИЛЬИЧ, ВСТАВАЙ, МЫ ГОЛОДАЕМ!»: ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ КАК УСЛОВИЕ ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ (ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970-е гг.)

Анисимов Кирилл Геннадьевич
независимый исследователь, г. Киров
kganisimov@yandex.com

Аннотация. На основе документов из фондов Центрального государственного архива Кировской области рассматриваются некоторые стратегии электорального поведения – протестное голосование, абсентеизм, конформистское голосование. Анализируются отчеты горкомов и райкомов КПСС об итогах выборов в Верховный Совет СССР в 1970, 1974 и 1979 гг. Дается характеристика мотивов протестного голосования, и приводятся примеры оставленных на бюллетенях надписей, демонстрирующих коммуникативную специфику выражения протеста. Экономические мотивы избирателей определяли протестное голосование. Автор полагает, что абсентеизм был наиболее рефлексивным электоральным поведением, а участие в выборах могло означать не только лояльное отношение к власти, но и определенный уровень аполитичности. Выбор моделей электорального поведения – от протестных до конформных – определялся как эмоциональными и рациональными мотивами, так и социальными и политическими обстоятельствами.

Ключевые слова: протестные настроения, политические выборы в СССР, абсентеизм, протестное голосование, Кировская область, 1970-е гг.

‘ILYICH, GET UP, WE ARE STARVING!’: ELECTIONS TO THE SOVIETS AS AN OPPORTUNITY TO EXPRESS DISSENT (EMOTIONS OF PROTEST IN THE KIROV REGION DURING THE 1970s)

Anisimov Kirill G.
Independent Scholar, Kirov
kganisimov@yandex.com

Abstract. This article analyzes common strategies of electoral behavior, including protest voting, political absenteeism, and conformist vot-

© Анисимов К.Г., 2024

ing. The analysis is based on the reports from the city and district committees of the CPSU found in the Central Archive of the Kirov region. These reports present the results of the 1970, 1974, and 1979 elections to the Supreme Soviet of the USSR. The study suggests that economic factors were the main reason for protest voting, as evidenced by inscriptions on ballot papers. Additionally, political absenteeism may be a more reliable indicator of voting position than participation in elections. A vote in favor may demonstrate loyalty to the authorities, but it could also suggest a certain degree of political disengagement. The decision to adopt a specific voting stance, whether characterized by protest or conformity, was the result of a complex interplay of emotional and rational motives on the part of voters, as well as the prevailing social and political context.

Key words: emotions of protest, political elections in the USSR, absenteeism, protest voting, Kirov region, 1970s.

В позднесоветские годы участие в политических выборах было для советских граждан привычной практикой. Конституции СССР закрепляли «реальные права и свободы» граждан страны и демократические процедуры, такие как, например, выборы государственной власти. Политическая активность и гражданская ответственность советского народа назывались исключительным преимуществом «общества подлинной демократии». Формально выборы соответствовали всем конституционным нормам, но на практике власть, исключая альтернативность, ограничивала свободное волеизъявление граждан.

Избирательный процесс в СССР включал политические практики разного уровня конвенциональности. Апелляция к власти во время голосования была одной из форм политического участия, при том что критика власти и политического режима являлась «несанкционированной» практикой, а провластные выступления (которые указывались как патриотические) принимались за политическую норму, равно как обязательная явка была ожидаемым и требуемым властью электоральным поведением. В конце 1980-х гг. исследователи советской политической культуры обнаружили, что нежелание советских граждан голосовать коррелировало с их интересом к политике [15].

Исследования показывают, что в истории СССР случалось немало протестов, забастовок, бунтов и иных форм выражения несогласия и конфронтации с властью. Подробно изучены протестные настроения и практики в СССР в работах Д.О. Чуракова [13], Е.Ю. Зубковой [6], Ю.В. Аксютина [1], В.А. Козлова [7; 8; 9; 16],

Р. Хорнсби [14], Э. Кулевиг [10]. Историография этой темы, разумеется, не ограничивается названными исследованиями. Историки обращают внимание на «бытовую природу» социальных (в частности, электоральных) протестов, которые чаще всего не имели ничего общего с идеями и оппозиционной политической активностью диссидентов.

Охарактеризуем электоральные настроения и некоторые формы протестного поведения, связанные с политическими выборами в 1970-е гг. в Кировской области.

Проблема протестных настроений рассматривается на основе документов из фондов Центрального государственного архива Кировской области. Согласно инструкциям Кировского обкома КПСС, территориальные избирательные комиссии были обязаны фиксировать политические настроения избирателей [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 145]. Райкомовские и горкомовские отчеты о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР и об итогах голосования достаточно информативны, даже несмотря на их типичность.

Надписи на бюллетенях и записки, опущенные в избирательные урны, не имели широкого распространения в сопоставлении их количества с числом избирателей в Кировской области. Кроме того, в отчеты попадала лишь часть высказываний. Например, инструкция 1970 г. требовала указать 3–4 высказывания, а в 1974 и 1979 гг. формировались более подробные сводки обнаруженных на бюллетенях надписей. Отсюда имеется проблема неполноты данных: в распоряжении исследователя только те сведения, которые партийные сотрудники сочли необходимым отразить в своих отчетах.

В источниках представлена следующая типологизация высказываний: 1) надписи патриотического характера, 2) наказы и пожелания депутату, 3) критика недостатков и предложения по их устранению, 4) надписи негативного характера. Некоторые райкомы указывали надписи только патриотического содержания, а «надписи отрицательного характера, выражающие хулиганские настроения отдельных избирателей», в отчеты не включались: «Приводить содержание их не имеет смысла»[1] [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 95. Л. 100]. Иногда однословное высказывание «Нет» определялось как негативная надпись. Тем самым отсутствует возможность выявить репрезента-

[1] Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены.

тивное соотношение высказываний. Поэтому можно указать только относительное количество негативных надписей, которых в 1970 и 1974 гг. насчитывалось не более трети их общего выявленного количества, а в 1979 г. они встречались заметно реже. И поскольку всегда обеспечивалась почти стопроцентная явка, динамика абсентеизма и протестного голосования отсутствовала, а все нарушения процедуры выборов фиксировались как единичные.

Абсентеизм

Обеспечение необходимой явки было первым вопросом в организации выборов. Навязчивая агитация посредством обзвонов и поквартирных обходов избирателей обеспечивала почти стопроцентную явку. Поэтому абсентеизм не был распространенным явлением в советской политической реальности 1960–1970-х гг. и не имел, казалось бы, смысла. Но демонстративный отказ граждан от голосования и его причины всегда фиксировались партийным руководством, в отличие от конвенционального участия в выборах, которое было ожидаемым поведением избирателей. Электоральный нонконформизм, конечно, не влиял на исход выборов. Тем не менее абсентеизм часто был примером более осознанного поведения избирателей, поскольку требовал указания причин отказа от участия в выборах.

Все случаи абсентеизма статистически зафиксированы и персонифицированно описаны в документах. Члены избирательных комиссий характеризовали не само явление (его причины), а неявившихся на выборы избирателей, персональные данные которых использовались дискредитирующим их способом. Почти все абсентеисты Кировской области (кроме временно выехавших из населенного пункта жителей) в партийных отчетах представлены как лица, занимавшие маргинальное (или околомаргинальное) положение в обществе: алкоголики, судимые, тунеядцы, а также верующие. Стигматизация не явившихся на выборы избирателей, вероятно, имела влияние на электоральную явку, поскольку граждане вряд ли желали быть ассоциированными подобным образом.

Абсентеисты, выражавшие недовольство процедурой выборов, властью и ее решениями, лишались политической субъектности, а их социальная позиция расценивалась как маргинальная, но не как

протестная или оппозиционная. С другой стороны, определение маргинальности в контексте политических процедур может иметь протестное содержание, поскольку она была крайне политизированным явлением в советском социуме [11; 6, с. 101].

Наибольшее количество случаев абсентеизма регистрировалось в г. Кирове. Общее число избирателей в областном центре было значительно больше, чем в других городах и районах региона. Очевидно, в городском обществе были представления, что массовые действия обезличивают поведение отдельного человека, то есть был расчет на некоторую анонимность. В иных условиях были избиратели небольшого города, поселка или села, где коммуникативная ситуация всегда была более «камерной» и где знакомства и личные связи играли важную роль в формальных процедурах. Кроме того, усиленный контроль за явкой избирателей в большей мере влиял на электоральное поведение, поскольку в обществе сложилось представление, что отказаться от участия в выборах практически невозможно или что подобная безучастность определенно могла привлечь внимание и иметь негативные последствия (в историографии встречаются схожие предположения [12, с. 13]).

Абсентеизм был не столько проявлением аполитичности, сколько выражением социальной позиции. Такая тактика поведения, как правило, была более отрефлексированной, поскольку местная власть ревностно отслеживала все случаи отказа от голосования и выясняла их причины.

«На Ваше счастье, за наше несчастье»: практики протестного голосования

В 1970-е гг. в Кировской области протестное голосование – в виде оставления надписей и записок, порчи бюллетеней – также не было распространенной практикой. В обществе присутствовало мнение, что выборы в Советы были формальной процедурой. Тем не менее для граждан выбор между участием или неучастием в избирательном процессе не был абсолютно бессмысленным, поскольку подобные мероприятия, например, были весьма удобным обстоятельством для обращений к власти. В некоторых случаях нака-

зы и критика были лишены анонимности, что нарушало принцип тайного голосования.

У избирателей отсутствовали единые мотивы протестного голосования. В одних случаях на решение влияла оценка личности кандидата. Неисполнение наказов, отсутствие политической репутации и дискредитирующие биографические сведения определяли отсутствие электорального доверия:

«От таких депутатов толку мало» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 158];

«Ну, а от тебя ждать нечего, тебя приведут, хотя ты за Советскую власть не пролил и не отдал ни одной капли крови, кроме болтовни» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 166];

«Знаете ли вы, что у нее отец был дезертир, всю войну скрывался» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 169];

«Старикам пора на отдых» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 19];

«Безграмотна и бестолкова» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 63];

«Пустое место» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 111];

«Еще молода, есть кандидаты достойнее» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 117];

«Я его не видел, голосовать не хочу» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 19].

В других случаях указывались экономические факторы протестного голосования. Неудовлетворенность бытом и ограниченным потреблением была поводом для критики политических решений правительства. Однако высказывания крайне редко содержали оппозиционные взгляды: недовольство выражалось локально, ситуативно и, как правило, не предполагало системных изменений.

Моральная оценка социальной политики и собственного экономического состояния выражалась эмоциональными заявлениями, которые не были лишены рационального содержания:

«Позор советской власти. Нужно мясо, колбаса и дайте хотя бы попробовать осетра, семги, будет ли и когда и кто этим благом наслаждаться, узнайте и через газету сообщите. По всему план

выполняется и где это все и для кого» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 149];

«Голосуй, а в магазинах один хек! На <…> это нужно. Мы вас выбираем, а что толку. Жизни никакой нет. По телевизору посмотришь как люди едят, так слюнки текут. Я не согласен с такой жизнью. Просто издевательство» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 152];

«Это не просьба, это требование нашему правительству: навести порядок в обеспечении населения продовольствием. Голодали в революцию, в года разрухи, в года войны. А сейчас, сейчас какие причины?» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 157].

Нерегулярные поставки продуктов в магазины и, как следствие, отсутствие возможности их приобрести определялись как «голод»:

«Выборы – это чепуха, не нужны дормоеды и так с голоду помираем» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 151];

«Почему ничего нет в магазинах? Все продается за границу, сами голодаем» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 152];

«Голодные не голосуют» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 154];

«Почему нет в магазинах ничего, скоро будем умирать с голоду, – за что голосуем, черт побери!» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 203];

«Ильич, вставай, мы голодаем!» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 204].

Недовольных избирателей волновал вопрос: «Когда русский народ будет хорошо жить?» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 202]. Субъективное восприятие собственной бедности обосновывалось размышлениями о богатстве номенклатуры.

Рассуждения о голоде были следствием ощущаемой населением несправедливости, и в культурно-историческом контексте «голод» был моральной аргументацией социального недовольства. По мнению отдельных избирателей, политика КПСС и советской власти в 1970-е гг. была антинародной, эксплуататорской. Неисполнение обязательств перед народом расценивалось как предательство. В 1970 г. встречаются суждения о том, что советские руководители «продали рабочий класс» и «продали всю Россию»:

«Тут всего один кандидат, некого оставлять, нет никаких продуктов питания. Это же позор для нас. Все отдаем “друзьям” вроде Чехословакии, а они нам же морду бьют. Скоты все, продали рабочий класс. Сами-то жрете, что хочется, да и денег у вас навалом» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 153];

«Продали всю Россию, думаете ли Вы о народе России?» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 150];

«Неправильно делаете, рабочих обделываете. Те же буржуи, а мы рабочие» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 151].

В 1974 г. были аналогичные надписи, в которых преобладала идеологическая интерпретация социального неравенства, суть которой заключалась в выражении отвращения к феодально-крепостническим и буржуазно-капиталистическим отношениям. Описание социальных отношений 1970-х гг. понятиями «крепостнический», «буржуи», «помещики» имело цель упрекнуть советский политический режим во «враждебности» народу:

«Советская власть – это высший орган власти, нужно больше выбирать рабочих и крестьян, ибо они работают и дают плоды своей работы государству. Таких буржуев, за которых мы голосуем, наши деды расстреливали как кровопийцев рабочего класса и крестьянства» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 189];

«Новый строй русскому Ивану ничего не дал, кроме тюрем, лагерей и крепостного труда. Иван работает, пот проливает, а чиновники премии и карманы набивают да машины покупают в первую очередь» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 193];

«Раньше голосовали за ленинскую власть, а сейчас за буржуазию. Сейчас коммунисты как помещики, но в другой форме. Раньше были рабы, а сейчас рабочие. Партийцы живут не для народа, а для себя» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 194];

«Я за капиталистов не голосую. Со своей производительностью труда скоро весь рабочий класс отправят в Макарье *(очевидно, имеется в виду Макарьевское кладбище. – К.А.)*. Развели спекуляцию. Семечки стали стоить 2 рубля 50 копеек, когда мясо было дешевле. Вот когда будет легче прожить, тогда я и буду голосовать» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 195].

Встречались суждения о необходимости смены власти. Партийные отчеты не содержат сведений об антисоветской / антикоммунистической агитации в регионе. Но в одном из документов сообщается о единственном случае в 1970 г., который привлек внимание следственных органов: «Накануне выборов [в Верховный Совет СССР] в пос. Фаленки произошел один отрицательный факт. Вечером 13 июня к двери столовой № 2 была прикреплена записка следующего содержания: “Здравствуйте, рабочие! Призываем вас подняться на революцию! Истребляйте всех коммунистов!”» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 95. Л. 151]. На бюллетенях встречались революционные призывы. В 1970 г. избиратели писали:

«Нужна вторая революция. Коммунисты и капиталисты это одно и то же, только разница в названии. Назрел такой момент второй революции» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 161];

«Долой советскую власть! Да здравствует революция!» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 204];

«Я не хочу такую власть, которая сделала Россию голодной и нищей» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 202].

Аналогичные заявления единично фиксировались и в 1974 г.: «Менять власть» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 191], «Нужен поворот в жизни типа революции» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 193] и под.

Формированию оппозиционных/революционных взглядов способствовали идеология («ленинское учение») и культурная память. Советская власть 1970-х гг. противопоставлялась «ленинской власти», справедливость которой не ставилась под сомнение:

«Хай живут дорогие вельможи и удельные князья. Посмотри, Володя Ильич!» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 202];

«Ленин видел у власти непосредственно лица, то есть передовых рабочих, а у нас получается самовыдвижение министров. Я решительно протестую подобным выборам» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 205];

«Если бы был Ленин, наверное, я не жила в таких условиях и не стояла на очереди без движения 11 лет» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 209];

«Где же теперь Ленин и его учение? Снова культ в большом и малом» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 193];

«Правды нет, она находится в мавзолее вместе с Лениным» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 193];

«Где ленинский принцип справедливости? Кругом один блат» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 194].

Предлагались и менее радикальные решения в виде «партийной чистки», которая исправила бы ситуацию в стране:

«Желаю, чтобы после съезда была проведена большая чистка партии, а то во что превратили партию? Как коммунист, так бюрократ, самохвал, аморально разложившийся человек – сволочь. В партию нужно принимать на общем коллективном собрании и выводить так же на общем собрании, тогда будет чистая, хорошая наша партия. Ей будем верить, как нашему великому рулевому» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 162].

В 1970 и 1974 гг. протестное голосование выражалось вычеркиванием имен утвержденных кандидатов и заменой их альтернативными. На некоторых бюллетенях указывались имена диссидентов Сахарова и Солженицына [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 189].

Электоральное протестное поведение, как правило, предполагало анонимность и не было демонстративным. В исключительных случаях голосовавший разрывал бюллетень перед избирательной комиссией:

«В районе был один случай отказа от голосования, который граничил с хулиганством, когда слесарь кильмезского совхоза <…> будучи в пьяном виде, отказался голосовать, изорвал избирательные бюллетени. Отказ от голосования мотивировал тем, что ему не дают квартиру» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 106. Л. 103];

«Рабочий Межколхозлесхоза <…> явился в избирательный участок в нетрезвом состоянии, получил бюллетени и с бранью в адрес членов избирательной комиссии изорвал их. Причиной этого антиобщественного поступка является его деградация и большая степень опьянения» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 106. Л. 107].

Такие случаи были проявлением девиантного поведения, но сама явка на избирательный участок в нетрезвом виде вопреки социальным нормам может выглядеть как протест против выборов, власти.

Электоральная реакция в конце 1970-х гг. заметно отличается от той, что была в первой половине этого десятилетия. На электоральные настроения в 1979 г., очевидно, оказала влияние внешнеполитическая обстановка. На фоне китайско-вьетнамского конфликта социальная консолидация и солидаризация общества с политическим руководством СССР были более выраженными: «За мир и дружбу во всем мире» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 4] – такой была интенция подавляющей части надписей, содержащихся в отчетах.

Итоги выборов в Верховный Совет СССР в 1979 г. в Кировской области продемонстрировали уменьшение числа оппозиционных политических высказываний. Напротив, преобладали патриотическая риторика и позитивная моральная оценка внешнеполитических решений советского правительства:

«Дорогой Л.И. Брежнев, всегда за Вас, все отдадим, ничего не жалеем, даже жизни, только бы был мир» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 5];

«Голосую за мир на Земле, за партию, что является вдохновителем всех побед» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 49].

Лояльность власти выражалась негативной моральной оценкой Китая как агрессора и сочувствием Вьетнаму как жертве:

«Голосую за разгром Китая атомным ударом» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 111];

«Голосую за мир во Вьетнаме, долой китайскую гниду» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 116].

В 1979 г. внешнеполитический фактор (вопрос войны и мира) производил большее впечатление на избирателей и вызывал эмоциональное сопереживание «братскому народу» Вьетнама, определяя более консолидированную политическую лояльность и нивелируя социальное недовольство и политическую протестность.

Электоральный конформизм

В отдельных социологических подходах электоральное поведение рассматривается как солидаризация избирателей с большой социальной группой или партией (см., например, [2; 3]). В советских реалиях солидарность с КПСС играла ключевую роль. Уровень элек-

торального конформизма в Кировской области в 1970-е гг. нельзя определить количественными показателями, но можно оценить его масштабы, взяв во внимание безальтернативность и неконкурентность выборов: «Вас выберут. Мы тут не при чем, хоть и половина будет против» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 194] – подобные надписи оставляли избиратели на бюллетенях. Поэтому можно предположить, что доля «конформистских» голосов была примерно сопоставима с общим количеством голосовавших.

Важное значение в выборах в Советы имела организованная явка, которая не только приветствовалась, но и требовалась по инструкции вышестоящего руководства [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 145]. В райкомовских отчетах указывалось, например, что задолго до открытия избирательных участков собирались группы людей. Подобное поведение можно было бы объяснить политической сознательностью жителей области, однако оно выглядело как организованная явка. Открытие избирательных участков и голосование первых избирателей представляло собой театрализацию с особой политической патетикой: первые группы избирателей произносили краткую, но воодушевляющую публику речь. По крайней мере, в документах именно первые часы работы избирательных участков описаны достаточно детально (опять же в полном соответствии с инструкциями). Так, в Кировский обком КПСС сообщались следующие сведения (из отчета Юрьянского РК КПСС об итогах выборов в Верховный Совет СССР в 1979 г.):

«Более 30 человек выступили в начале голосования. В своих выступлениях они одобряли внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства, новую конституцию СССР, речь Л.И. Брежнева перед избирателями, высказывали удовлетворенность жизнью, пенсионным обеспечением, клеймили позором китайскую агрессию во Вьетнаме, требовали мира и брали личные обязательства» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 77. Д. 127. Л. 37].

Не исключено, что такие выступления могли быть только в документах, то есть производились без реального участия упоминавшихся в отчетах «спикеров» или подвергались серьезной редактуре. Кроме того, выступления были практически идентичны по

содержанию и повторяли предвыборную агитационную формулу [Источник. Ф. П-1290. Оп. 43. Д. 69. Л. 56].

Высокая явка и предсказуемый исход выборов могли свидетельствовать о лояльном отношении большинства избирателей к власти, но также, парадоксальным образом, могли быть в большей мере проявлением аполитичности. В обществе со скептицизмом и недоумением отзывались о процедуре выборов:

«Выборы – выбирать из кого-нибудь, из чего-нибудь. При одном кандидате в депутаты голосование как таковое не нужно. Можно ограничиться собранием избирателей, завершающим из которых является окружное собрание представителей. <…> У нас кандидаты выставляются только коллективами, поэтому при одном кандидате избирателю остается голосовать или за, или против, а против бессмысленно. Выборов как таковых нет» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 70. Д. 107. Л. 189].

Многие избиратели, очевидно, не видели смысла в протестном голосовании, поскольку выборы были безальтернативными: «Против, но больше нет никого» [Источник. Ф. П-1290. Оп. 61. Д. 94. Л. 158]. Доля одобрительно проголосовавших граждан достигала 99 %. Исследователи отмечают, что еще в 1930-е гг. сформировалась «традиция “99”» [4, с. 20], а «участие населения в выборах превратилось в необременительную привычку» [5, с. 48]. Конформистское голосование за представленного кандидата не предполагало рефлексии «правильности» выбора, в отличие от голосования «против», при котором всегда было важно обосновать протестную позицию.

Таким образом, итоги выборов в Верховный Совет СССР в 1970, 1974 и 1979 гг. демонстрируют слабую динамику электоральных настроений и, собственно, протестного голосования. Причем содержание надписей на бюллетенях и записок, опущенных в избирательные урны, позволяет говорить, что в конце 1970-х гг. электоральная поддержка была более очевидной, чем в первой половине десятилетия, хотя статистически результаты выборов в 1979 г. не отличались от избирательных кампаний 1970 и 1974 гг. Соответственно, протестные позиции избирателей были менее выражены в 1979 г.: было зафиксировано меньшее количество оппозиционных высказываний. Вероятно,

это произошло не за счет уменьшения числа избирателей, которые ранее критически и негативно оценивали власть и ее решения, а за счет активизации лояльной части электората.

Список литературы

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : РОССПЭН, 2010. – 622 с.

2. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. – 1997. – № 4. – С. 44–56.

3. Гудина Ю.В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика // Полис. – 2003. – № 1. – С. 112–122.

4. Дорожкина Я.Б. Избирательные кампании по выборам в Верховные и местные советы в Западной Сибири (1937–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 28 с.

5. Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. – 2014. – № 1. – С. 39–49.

6. Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 101–118.

7. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М. : РОССПЭН, 2000. – 229 с.

8. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). – 3-е изд., испр. и доп. – М. : РОССПЭН, 2010. – 463 с.

9. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. – М. : ОЛМА-Пресс, 2006. – 446 с.

10. Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху: девять рассказов о неповиновении в СССР. – М. : АИРО-XXI, 2009. – 206 с.

11. Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2017. – 551 с.

12. Миронов Б.Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 8–38.

13. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Директ-Медиа, 2019. – 326 с.

14. Hornsby R. Protest, Reform and Repression in Khrushchev`s Soviet Union. –Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 324 p.

15. Karklins R. Soviet Elections Revisited Voter Abstention in Noncompetitive Voting // American Political Science Association. – Vol. 80, № 2. – 1986. – P. 449–470.

16. Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev / ed. by Vladimir A. Kozlov, Sheila Fitzpatrick and Sergei V. Mironenko. – New Haven : Yale University Press, 2011. – 414 p.

Источник

Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО).

УДК 930.1(47)

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОЛОНИЙ ДЛЯ «ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ» В 1960–1980-е гг. В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Юдкина Елизавета Сергеевна
младший научный сотрудник, методист Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», г. Пермь
elizaveta.000@mail.ru

Аннотация. Анализируются основные аспекты историографического описания «политических» исправительно-трудовых колоний в позднем СССР. По материалам исследований рассмотрены экономические и социальные факторы, повлиявшие на контингент заключенных, а также изменение режима их содержания. Делается вывод о существенных пробелах в источниковой базе, что не позволяет историкам инакомыслия сформировать целостное представление об объекте изучения.

Ключевые слова: репрессии, советские диссиденты, политические заключенные, Дубравлаг, Пермь-36, «пермский треугольник», мемуары.

THE HISTORY OF POLITICAL COLONIES FOR ‘ESPECIALLY DANGEROUS STATE CRIMINALS’ IN THE 1960–1980s IN THE WORKS OF RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCHERS

Yudkina Elizaveta S.
Junior Researcher, Methodologist of the Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression ‘Perm-36’, Perm
elizaveta.000@mail.ru

Abstract. The work analyzes the main aspects of the historiographical description of ‘political’ forced labor colonies in the late USSR. Based on research materials, economic and social factors that influenced the population of prisoners, as well as changes in the regime of their detention, were considered. It is concluded that there are significant gaps in the source base,

© Юдкина Е.С., 2024

which does not allow historians of dissent to form a holistic idea of the object of study.

Key words: repressions, Soviet dissidents, political prisoners, Dubravlag, Perm-36, 'Perm triangle', memoirs.

История политических репрессий в СССР долгое время была «закрытой» темой, говорить, а тем более писать об этом было не принято. Недавнее советское прошлое не отпускало исследователей, им нужно было время, чтобы перестроиться и встать на новый путь развития исторической науки. В настоящее время разными аспектами истории политических репрессий занимается множество исследователей и в России, и за рубежом. Наиболее исследуема тема репрессий в период Большого террора 1937–1938 гг. и вообще история лагерей ГУЛАГа, в рамках которой изучают период 1930–1950-х гг. К репрессивной политике, происходившей после 1953 г., обращаются редко, обычно только в контексте массовой реабилитации после смерти И.В.Сталина.

На самом деле причина, по которой редко рассматривается период 1960–1980-х гг. в контексте истории политических репрессий, находится на поверхности. У исследователей просто недостаточно данных по данной теме: большинство протоколов допросов и обысков, постановлений судебных решений, приговоров и внутрилагерных документов все еще засекречено. Опираться можно только на то, что было опубликовано до 2004 г. в различных сборниках архивных документов, или же на мемуарные материалы.

Основная масса политических заключенных в 1960–1980-е гг. находилась либо в мордовских (отделения ЖХ-385), либо в пермских (ВС-389/35, ВС-389/36, ВС-389/37) лагерях. Сейчас на территории одной из бывших пермских исправительно-трудовых колоний для политических заключенных (ИТК-36) находится Музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36». В данный момент он является единственным в России музеем, который посвящен не сталинским репрессиям, а репрессиям 1960–1980-х гг. в отношении инакомыслящих.

Наиболее подробно исследовал и описал историю исправительно-трудовых колоний «пермского треугольника» середины 1940-х – начала 1970-х гг. доцент кафедры междисциплинарных исторических

исследований ПГНИУ Л.А. Обухов в своей книге «Пермь-36. Предыстория: ИТК № 6 1942–1972 гг.» [6]. Однако указанный автор не рассматривал «диссидентский» этап данных колоний, как, впрочем, и остальные исследователи.

Данным вопросом занимался и доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета С.А. Шевырин, описавший историю политических репрессий в Прикамье в сборнике «Топография террора» [9]. В сборнике опубликованы фрагменты статей О.Л. Лейбовича, А.Б. Суслова и других исследователей данной темы.

Историю репрессий в Пермском крае изучали также Т.А. Черепанова, В.А. Шмыров и В.Ф. Гладышев, чьи работы опубликованы в сборнике «Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий» [2]. В этом же сборнике опубликована часть воспоминаний диссидентов, отбывавших наказание в пермских местах заключения.

Второй лагерь для особо опасных государственных преступников – мордовский Дубравлаг, или же «Учреждение ЖХ-385» (официальное название с 1954 г.). Именно оттуда в 1972 г. перевели заключенных в пермские ИТК-35, ИТК-36 и ИТК-37. Почти все политические заключенные в 70–80-е гг. XX в. содержались как раз в Мордовии и на территории Пермского края, лишь немногие попадали в колонии для уголовных преступников.

Историей ЖХ-385 занимался профессор Мордовского университета В.А. Юрченков вместе с сыном Романом Валерьевичем. Они изучали Дубравлаг в послевоенное время в работе «Дубравлаг: функционирование системы ГУЛАГа в Мордовии в послевоенные годы (1945–1953)» [12]. Однако период 1960–1980-х гг. исследователи Дубравлага рассматривают значительно реже. В своих работах данный период затрагивают Д.Ю. Никитин [5] и А.И. Лушин [3].

В общих чертах диссидентский этап политических репрессий в своем документальном исследовании «ГУЛАГ. Паутина Большого террора» рассмотрела американская журналистка Энн Эпплбаум [11]. Еще к повседневности политических заключенных обращаются А.А. Макаров в публицистической статье об истории ИТК № 35 «За убеждения у нас не судят» [4], а также А.А. Сальникова и Е.А. Гера-

симова в статье «Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии» [8].

Именно на эти работы и следует опираться в изучении историографии колоний для особо опасных государственных преступников 1960–1980-х гг.

Многие исследователи говорят о том, что для советской репрессивной политики характерна именно плановость арестов. Например, О.Л. Лейбович пишет о том, что для определенных участков и ведомств существовали контрольные цифры на количество людей, подлежащих аресту, вследствие чего для выработки нормы по числу арестов стали допускать и «фабрикацию» дел, и получение признания от арестованного любыми способами, и рассмотрение дел не судом, а «тройкой» НКВД [Цит. по: 9, с. 87].

Однако для исследуемого нами периода плановость арестов перестает быть характерной, потому что из поля зрения власти уходят «бытовики», бывшие в 1950-е гг. основной массой заключенных. Внимание переключается на диссидентов, которых, наоборот, стараются привлекать к ответственности поодиночке или небольшими группами, чтобы избежать резонанса в правозащитном сообществе.

Но главная задача трудовых лагерей не изменилась – выполнение плановых показателей. Работа была физически тяжелой и направленной на решение задач промышленного сектора. В зависимости от расположения эти задачи были различными: от строительства дорог до добычи золота.

Лагеря на территории Пермского края, что весьма характерно для Урала, в 1930–1950-е гг. в основном были «лесными», то есть занимались заготовкой древесины. Л.А. Обухов выделяет такие лесные ИТЛ, как Усольский (1938), Ныробский (1945), Кизеловский [6, с. 9].

Мордовские лагеря для спецконтингента тоже занимались лесозаготовкой, в основном для Москвы и Ленинграда. А.И. Лушин пишет о становлении лагерной системы в Мордовии: «В течение двух лет для “спецконтингента” было создано 10 лагерных отделений, до конца 1930-х гг. – еще пять. Ежедневно на станцию Потьма Куйбышевской железной дороги приходили вагоны с лесом, дровами, которые перегружались на новые составы и затем отправлялись в Москву» [3, с. 122].

Знаменитая теперь «Пермь-36», как и мордовский Дубравлаг, начала свою историю как лесная колония. Лесная ИТК № 6 была основана 23 ноября 1942 г. приказом начальника НКВД по Молотовской области. Очевидно, произошло это из-за того, что в военное время страна нуждалась в лесе и, соответственно, в рабочей силе, которая будет заниматься лесозаготовками. Начальником колонии был назначен М.Л. Карпов.

В 1960–1970-е гг. режим пермских и мордовских лагерей меняется. Это связано с их перепрофилированием конкретно под «политических» заключенных и, в связи с этим, с ужесточением условий содержания.

Энн Эпплбаум, опираясь на воспоминания диссидентов, пишет: «Марченко работал грузчиком и столяром. Леонид Ситко, который тоже был в то время в Дубравлаге, занимался изготовлением мебели. Заключенные мордовских женских лагерей работали на фабриках – часто на швейных машинах. В другом лагере для политических, находившемся близ Перми, работали опять-таки с древесиной» [11, с. 499]. Это, кстати, стоит частично подвергнуть сомнению, так как сами диссиденты в своих воспоминаниях указывают на то, что с древесиной в пермских лагерях почти не работали, а изготавливали фрезы, запчасти для утюгов и различные инструменты.

Опираясь на труды Р.А. Ягьяева об истории УФСИН в Мордовии [1], Д.Ю. Никитин говорит о том, что заключенные Дубравлага занимались изготовлением калориферов и посуды, для чего на территории лагеря даже открыли ПТУ, чтобы готовить специалистов [5].

Работа в лагерях становится более «локально ограниченной» и переходит в помещения, где проще контролировать действия и разговоры политических заключенных. Ко всему прочему, это было призвано сократить не только отношения заключенных между собой, но и взаимодействие их с местным населением.

При этом производственный план стабильно не выполнялся и в 1940-е, и в 1970-е гг. С.А. Шевырин связывает невыполнение плана в пермских колониях в военное и послевоенное время с тем, что там содержалось огромное количество заключенных, многие из которых физически не могли трудиться, а кто-то работу намеренно саботиро-

вал [10, с. 208]. Такая тенденция прослеживалась не только в лагерях «пермского треугольника», но и в местах заключения по всей стране.

Юрченковы же связывают невыполнение плана в Дубравлаге того же времени с плохими условиями труда: «Военнопленные размещались в неутепленных товарных вагонах, непригодных для жилья в зимних условиях, не обеспечивались постельными принадлежностями, теплой одеждой, кожаной обувью, рукавицами» [12, с. 57–58].

На наш взгляд, проблемы с выполнением плановых показателей как раз и были связаны с условиями военного и послевоенного времени. Недостаток средств на содержание заключенных, а также послевоенная амнистия части заключенных могли и снизить количество трудоспособного контингента, и озлобить тех, кто остался в местах заключения после амнистии. Помимо всего прочего, после войны в колонии возвращаются те, кто ранее, на период войны, был призван в ряды Красной армии. На них могла повлиять резкая смена обстановки и профиля работы, а многие заключенные в итоге вернулись с войны инвалидами, не имеющими возможности работать.

Выполнение плановых показателей и в 1960–1970-е гг. все еще имело значение, о чем упоминает и Энн Эпплбаум [11, с. 499]. Это связано с периодом «брежневского застоя», который характеризуется частичным возвращением к эпохе 1930–1950-х гг. во всех сферах. Для поддержки хотя бы стагнации экономики было необходимо выполнение плановых показателей, и трудовые лагеря, пусть уже не являясь основной рабочей силой, имели немалый вес в экономике того времени.

После смерти Сталина в 1953 г. и амнистии большинства «неполитических» заключенных кучинская колония меняет свой профиль. По словам Л.А. Обухова, колония перепрофилируется для содержания в основном бывших сотрудников лагерей, суда, прокуратуры, милиции и органов госбезопасности [6, с. 78]. И в этот момент колония в поселке Кучино впервые начинает профильную работу со спецконтингентом.

Меняются и настроения в обществе. Н.С. Хрущев в ходе первых реформ своего правления старается соответствовать этим настроениям, что ведет к восстановлению законности в обществе, в особенности законности власти и карательных органов. Поэтому множество работников МВД, судов, КГБ и прокуратуры увольняют, выносят обвини-

тельные приговоры, некоторых даже забирают под стражу, распределяют по лагерям и спецпоселениям.

Из-за амнистии бытовиков и уголовников меняется контингент многих советских мест заключения. А.А. Сальникова и Е.А. Герасимова пишут о том, что на свободу тогда вышли 1 201 738 заключенных, однако на осужденных за контрреволюционные преступления амнистия не распространялась [8].

«Учреждение ЖХ-385» в Мордовии в то время включало колонии в поселках Лесной, Сосновка, Озерный и женскую колонию в поселке Барашево. А на территории Пермского края еще только планировалось разместить три колонии в поселках Центральный, Кучино, Половинка.

Л.А. Обухов отмечает, что в это время сильно ухудшается дисциплина в кучинской колонии [6, с. 93]. На наш взгляд, в первую очередь это следует связывать не с прибытием новых заключенных – бывших сотрудников правоохранительных органов, а с освобождением амнистированных. В колонии к тому времени оставались как раз только осужденные по особо тяжким статьям и рецидивисты. Соответственно, основная масса заключенных в лагере и до этого стабильно нарушала дисциплину, но из-за меньшего количества людей их процент увеличился. Ко всему прочему, положение дел было таково, что не попавшие под амнистию, вероятно, чувствовали себя изгоями, которых лишили того права, которое получило большинство.

В Дубравлаге же, где содержались практически только политические заключенные, дисциплина была на довольно высоком уровне. Очевидно, это было связано с отсутствием лиц, осужденных за тяжкие преступления: убийства, изнасилования, грабежи, разбой. Контингент Дубравлага состоял преимущественно из интеллигенции – учителей, писателей, ученых, религиозных деятелей. Такую тенденцию, сильно повлиявшую на дисциплину в Дубравлаге, отмечают В.А. и Р.В. Юрченковы [12, с. 64].

Э. Эпплбаум акцентирует внимание на различиях в содержании политических заключенных и обычных: «Их особый статус признавали и власти: их держали отдельно от уголовников, у них был другой режим и другая одежда» [11, с. 489]. Такая тенденция была и в колониях для неполитических, где диссидентов действительно старались

держать отдельно, показывая их особый статус, часто в негативном ключе, хотя некоторые старались перейти в статус политических, считая, что их условия были на порядок лучше.

Особенную известность и на территории СССР, и за рубежом Дубравлаг приобретает с середины 1960-х гг., после того как в колонию попали Юлий Даниэль и Андрей Синявский. Э. Эпплбаум отмечает, что это был один из первых случаев, когда людей судили непосредственно за содержание их литературных трудов [11, с. 494]. Однако документы того периода все еще закрыты для изучения, поэтому и история Дубравлага, и история ИТК-35, 36, 37 рассматриваются исследователями только по воспоминаниям очевидцев, как правило, инакомыслящих, отбывавших там наказание.

Опираясь на воспоминания диссидентов, Э. Эпплбаум говорит о том, что, несмотря на изменения в уголовном кодексе, сделавшие его более либеральным, суть пенитенциарной системы не изменилась. Она пишет: «Взамен 58-й статьи в новом УК появились 70-я (“антисоветская агитация и пропаганда”) и 72-я (“организованная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации”)» [11, с. 490].

А с начала 1972 г. кучинскую колонию начинают перепрофилировать под политических заключенных. Бывших заключенных перевели в колонии Нижнего Тагила и Марийской АССР. И, как пишет Л.А. Обухов, уже с 1 июля вместо ИТК № 6 стала функционировать специальная ИТК № 36 [6, с. 129].

Первый этап прибыл в Кучино 13 июля 1972 г., происходило это в обстановке совершенной секретности. Там были осужденные из Мордовии (из того самого Дубравлага), осужденные по печально известной 58-й статье УК РСФСР, в основном за антисоветскую агитацию. С этого времени колония «Пермь-36» становится политической, и именно сюда привозят отбывать наказание диссидентов, будущих правозащитников, ученых, поэтов и писателей. А.А. Макаров говорит о численности переведенных, выделяя более ста политических заключенных [4].

Колонии для политических заключенных в Дубравлаге в то же время продолжают функционировать. С этого времени, по сути, на

территории СССР начинают параллельно существовать две основные колонии для особо опасных государственных преступников – ИТК № 36 и ЖХ-385. Однако, как отмечает А.А. Макаров, следует иметь в виду, что часть политических преступников содержалась в обычных уголовных лагерях (но часто отдельно от неполитических) [4].

Изначально, конечно, в колониях «пермского треугольника» содержались далеко не только политические заключенные, но и лица, осужденные за уголовные и бытовые преступления [7]. Однако, как отмечает В.А. Шмыров, количество осужденных по политическим статьям в 1970-е гг. постоянно возрастало, особенно после проведения репрессивными органами в конце 1970-х – начале 1980-х гг. широкомасштабной операции по искоренению инакомыслия в СССР [2, с. 250]. Таким образом, в скором времени колония в поселке Кучино становится известна именно как колония для политических заключенных.

Интересным нам показался сюжет, касающийся заболеваемости заключенных туберкулезом. Не совсем ясно, о какой колонии идет речь, но, судя по цитированию некоего Федорова, все-таки о Дубравлаге. Э. Эпплбаум, цитируя Федорова, говорит, что среди 80 человек 15 были больны туберкулезом [11, с. 500]. Это свидетельствует о том, что проблемы с медицинским обслуживанием, на которых часто делают акцент неполитические заключенные, были стандартной ситуацией и для политических лагерей.

Характерным для 1960–1980-х гг. было также открытое неповиновение политических заключенных, более того, было оно обычно массовым и организованным. Э. Эпплбаум выделяет голодовку 1968 г. в Дубравлаге с участием Даниэля и указывает на то, что с 1969 г. голодовки стали уже привычным явлением, особенно 10 декабря – в Международный день прав человека [11, с. 502]. Так, Анатолий Марченко, как отмечает А.А. Макаров, скончался в 1986 г. как раз во время одной из голодовок [4].

В связи с очень разным поведением диссидентов были установлены различные нормы питания, которые зависели не только и не столько от выполнения плана, сколько от поведения (но скрыто).

Многие бывшие заключенные в своих мемуарах пишут, что норму не выполняли практически все, но наказание за это получали

только участники сопротивления: зачинщики и участники голодовок, бунтов, отказов от работы, авторы коллективных писем и жалоб. Эпплбаум пишет: «К концу 70-х годов количество норм питания возросло до восемнадцати (от 1-а до 9-б), по каждой полагалось определенное количество калорий (от 2200 до 900) и свой набор продуктов. Заключенным назначали одну или другую норму в зависимости от поведения» [11, с. 503].

Более подробно о нормах питания пишут А.А. Сальникова и Е.А. Герасимова: «В колониях общая норма составляла 2413 калорий для работающих заключенных; в штрафном изоляторе – 2090 калорий и 1324 калорий для “злостно отказывающихся от работы”» [8].

При этом исследователи сходятся во мнении, что положенного питания катастрофически не хватало, в работах часто фигурируют сюжеты об азартных играх на еду и деньги, обустройстве на территории колонии огорода, бунтах и голодовках с требованием повысить нормы питания.

Что касается форм наказания, то можно говорить как о стандартных методах (перевод на другой режим содержания или в другое учреждение, досрочное освобождение), так и о специфических (моральное давление на заключенных, шантаж, унижение). Одним из таких специфических методов как раз стал шантаж неуставным огородом. А.А. Сальникова и Е.А. Герасимова, цитируя слова бывшей заключенной, пишут об этом: «Мы надеваем бирки, а они “смотрят сквозь пальцы” на огород» [8]. Огород установили заключенные женской колонии в Дубравлаге по собственной инициативе и своими силами, так как еды катастрофически не хватало. И этим огородом их постоянно шантажировали, угрожая его снести при любых актах неповиновения.

Говоря об общем числе политических заключенных, А.А. Макаров пишет: «Начальник Управления по гуманитарным и культурным связям МИД СССР Юрий Кашлев утверждал, что в стране менее 200 человек отбывают наказание по “тяжелым” статьям – 70 (“антисоветская агитация и пропаганда”) и 190-1 (“распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй”), при этом вовсе умолчав о религиозных статьях. Между тем в “Списке политзаключенных СССР” Кронида Лю-

барского поименно значилось вдвое большее число людей, включая приблизительно 300 “политических”, которые отбывали наказание по сфальсифицированным уголовным обвинениям» [4].

Безусловно, оценки в 200 и даже 300 заключенных приуменьшены, потому что в них вообще отсутствуют диссиденты, признанные душевнобольными и отправленные в психиатрические лечебницы. Данную меру наказания тоже следует считать заключением. И такое наказание было нередким, в лечебные учреждения насильно были отправлены Виктор Файнберг, Наталья Горбаневская, Илья Рипс, Вячеслав Игрунов, Леонид Плющ и мн. др. Разные исследователи называют разную численность незаконно отправленных в психиатрические лечебницы, но все они говорят о тысячах людей.

Во время перестройки начинается освобождение политических заключенных. Большинство было освобождено в феврале – апреле 1987 г., однако процесс растянулся до 1991 г. А.А. Макаров пишет: «Видимо, последним политическим делом в СССР можно считать дело Валерии Новодворской и Виктора Данилова, которое было прекращено 23 августа 1991 года “в связи с изменением обстановки”» [4]. Последние семь человек, находившиеся в ИТК № 35, были выпущены 7 февраля 1992 г.

Э. Эпплбаум практически всю информацию для своей книги брала из воспоминаний диссидентов, которые отбывали наказание в пермских политических лагерях и Дубравлаге. Она открыто говорит об этом и уточняет, что причина кроется в том, что по-прежнему рассекречено очень мало документов о данном периоде [11]. Поэтому и глава ее книги, посвященная политическим репрессиям 1960–1980-х гг., довольно небольшая, но она отражает многие события и особенности политических лагерей того времени.

Период, когда колонии стали «политическими», никем из исследователей еще подробно не рассматривался, и опираться можно только на те немногие фрагменты исследований, которые мы постарались отразить в данной работе. Безусловно, на данном этапе невозможно сформировать целостное представление об истории лагерей для политических заключенных в 1960–1980-е гг. на основе документальных источников, так как они все еще не рассекречены.

История исправительных колоний для политических заключенных, начиная с 1960-х гг., по-прежнему остается для нас «белым пятном», что, несомненно, создает почву для новых исследований, построенных в основном на устноисторических материалах, воспоминаниях диссидентов, отбывавших наказание в этих колониях, и работников этих колоний.

Список литературы

1. 85 лет УФСИН России по Республике Мордовия / ред. Р.А. Ягьяев, С.В. Забайкин, М.А. Ханиева и др. – Саранск, 2016. – 183 с.

2. Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 4. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1998. – 327 с.

3. Лушин А.И. О некоторых особенностях становления системы ГУЛАГа (на примере Дубравлага) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2013. – Т. 4, № 2(9). – С. 121–126.

4. Макаров А.А. За убеждения у нас не судят [Электронный ресурс] // Интернет СМИ NewTimes. – Режим доступа: https://newtimes.ru/articles/ detail/116760/ (дата обращения: 02.02.2021).

5. Никитин Д.Ю. История становления пенитенциарной системы (на примере Республики Мордовия) // Дневник науки. – 2021. – № 6. – 2021.

6. Обухов Л.А. «Пермь-36». Предыстория: ИТК № 6 (1942–1972). – Пермь, 2018. – 160 с.

7. Обухов Л.А., Сизова Л.В. Социальный портрет заключенных пермских политлагерей // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии / отв. ред. Л.А. Обухов. – Пермь, 1998. – С. 117–119.

8. Сальникова А.А., Герасимова Е.А. Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 754–764.

9. Топография террора: история политических репрессий / сост. С.А. Шевырин. – СПб., 2012. – 240 с.

10. Шевырин С.А. Проблема власти и управления в лагерях ГУЛАГа (1930-е – 1950-е) // Пермь. Номенклатура и номенклатурные практики в России : материалы интернет-конференции (февраль – апрель 2007 г.). – Пермь, 2007. – С. 188–195.

11. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. – М., 2006. – 608 с.

12. Юрченков В.А., Юрченков Р.В. Дубравлаг: функционирование системы ГУЛАГа в Мордовии в послевоенные годы (1945–1953) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2011. – № 2. – С. 50–75.

УДК 94(47).084.9

ФЕНОМЕН ПОРФИРИЯ ИВАНОВА КАК ИНАКОМЫСЛЯЩЕГО И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ПОСЛЕСТАЛИНСКОМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Александров Александр Александрович
магистр филологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
zuralexx@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка разобраться в феномене Порфирия Иванова в контексте его преследования в «послесталинский» период (хотя статья конституции о свободе совести прямо указывает на право исповедовать убеждения публичным или частным порядком, в хрущевское и брежневское время Иванов провел «в изоляции» более десяти лет) и понять, почему феномен Порфирия Иванова появился именно в СССР и для чего, вопреки непрекращающимся преследованиям, он полвека упрямо провозглашал свое учение.

Ключевые слова: природа, Порфирий Иванов, свобода совести, послесталинский период, феномен.

THE PHENOMENON OF PORFIRY IVANOV AS A DISSENT AND THE PROBLEM OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN THE POST-STALIN SOVIET UNION

Aleksandrov Aleksandr A.
Master of Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow
zuralexx@gmail.com

Abstract. In the article, the author tries to understand the phenomenon of Porfiry Ivanov in the context of his persecution in the ‘post-Stalin’ period. Although the article on freedom of conscience directly states the right to profess beliefs in public or private, Ivanov spent more than ten years ‘in isolation’ during the Khrushchev and Brezhnev era. The article also makes an attempt to understand why the phenomenon of Porfiry Ivanov appeared in the USSR and why, despite ongoing persecution, he stubbornly proclaimed his teaching for half a century.

© Александров А.А., 2024

Key words: nature, Porfiry Ivanov, freedom of conscience, post-Stalin period, phenomenon.

«Общепринятый» человек живет за счет природы. Как метрополия выкачивает из колонии ресурсы и отправляет в нее отходы (включая неугодных, чтобы разгрузить местные тюрьмы), так действует и всякий из нас. Масштаб поменьше – но в каждом доме через кухню-спальню проходят ресурсы еды и сна, а туалет-умывальня избавляют от отходов. Желание стать такой условной «Британской империей» объясняется безальтернативной логикой жить «хорошо и тепло» (или хотя бы стремиться к этому). Если условно разделить сознательную жизнь Порфирия Иванова на два периода, то первые 20 лет (до 1933-го, года озарения) он тоже стремится обустроиться в обществе и, как все, трудится исключительно «в культуре», но потом «сама Природа раскрывает ворота и показывает… путь» [4, с. 297]. Он делит «Природу в людях пополам: одну сторону отдал всем – хорошую и теплую. А себе взял… плохую и холодную» [4, с. 553]. И весь второй период – 50 лет – он трудится в природе своим открытым телом, сделав из него «живую лабораторию».

Уникален Порфирий Иванов тем, что первым (и единственным) предложил вышеозначенную адекватную альтернативу и сам прожил жизнь не *за счет природы*, но *в природе*. Ему удалось не только дать пример такой жизни в Советском Союзе, но и создать прецедент, «живой факт» для всего человечества. Если феномен (говорим ли мы о человеке или явлении) определяется как нечто необычное, то в этом отношении Порфирий Иванов действительно уникум – хотя он и говорил, что каждый может пойти по его пути, и кротко просил, чтобы мы тоже «богами делались в Природе». Ближайшим эквивалентом такого поведения является многовековая византийская и русская традиция юродивых «христа ради». Но так как в «царстве рабочих и крестьян» от Христа отказались, то и его форма юродства оказалась радикальнее прежних и в чем-то явилась даже завершающей фазой одного из глубинных феноменов нашей тысячелетней православной культуры. Но чтобы попробовать объяснить уникальность Порфирия Иванова, необходимо как бы «переключиться», даже в привычных «понятий-

ях», на его – *иную* – точку зрения и обозреть мир и природу изнутри его понимания.

Прежде чем приступить к перечислению перипетий Порфирия Иванова в послесталинских реалиях, добавлю, развивая предыдущее положение, для наглядности «принципиальную православную парадигму культурных отклонений», или, проще, «матрицу культурных девиаций» (рисунок).

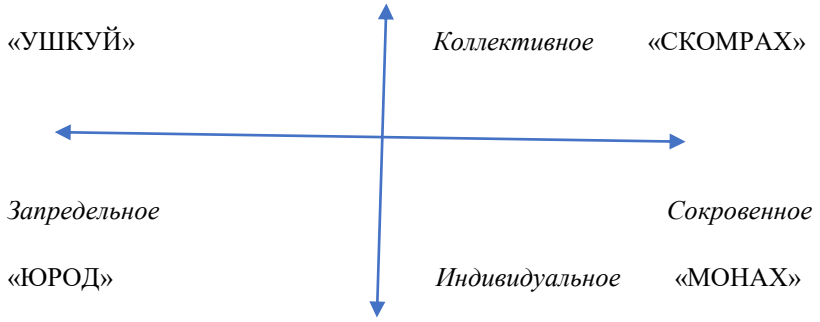

Рис. Матрица культурных девиаций

Несмотря на то что Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, Т. Хирши и некоторые другие ученые предлагают разнообразные интересные подходы к анализу нестандартных паттернов поведения, попробую попутно предложить собственную, так сказать, «обдревнерусенную» гипотезу о различных «фриках», зачастую являющихся как катализаторами, так и канализаторами социальных «бурлений». Литературовед И. Есаулов, уточняя теорию карнавальной культуры Бахтина, указывает, что «карнавальная общность въ русской культурной традиціи имѣетъ все-таки четко выраженную полярность. “Эти” полюса опредѣляются понятіями юродства и шутовства» [3, с. 130], и ежели добавить к ним два других полярных понятия («ушкуйничество/монашество») и попробовать расположить их по осям координат, то возможно получить некий новый инструмент для дополнительного понимания любого временно́го среза русского общества. Учитывая то, что четыре этих основных архетипа воспроизводятся в нашем обществе вне зависимости от доминирующей социально-экономической формации, данная матрица девиаций вполне применима и для «фрактального» литературоведческого анализа, то бишь как отдельного

произведения, так и совокупного творчества того или иного писателя; впрочем, это положение требует развернутого изложения в специальном месте.

Итак, в соответствии с рисунком, Порфирий Иванов, классический тип Иного, стремится к запредельному (или, иначе, «экстремальному»), но неким сугубо индивидуальным образом, т. е. типологически – как «юрод»: «Мое дело не компанейское, хотя и мирового значения»; «А я же не такой, как все: мое дело ходить разувши и не бояться Природы» [4, с. 223]. Инаковый человек, инакомыслие которого непозволительно для советской системы как целого в плане ее устойчивости, наказывается автоматически. В случае с Ивановым сам вид (бос, в длинных черных трусах и зимой, и летом) и «стиль жизни» – шок для обывателей и постоянный «напряг» для властей предержащих; наконец, практика исцелений (даже тяжелобольных!) восстанавливает против него и врачебную систему. В итоге ни «02», ни «03», ни сам советский народ, исключая конкретно исцеленных, ему не рады, ибо сильная и независимая личность, несущая к тому же непонятную идею, вынуждает обывателя и/или надзирателя ощущать себя только личиной и как бы унижает одним своим существанием; отсюда непрестанные попытки «докопаться» и т. д. Например, Бродский – уже из Нью-Йорка – показывает это наглядным образом: «…светило ушло в другое / полушарие, где / оставляют в покое / только рыбу в воде» [1, с. 276].

Свободу совести принято понимать шире, чем свободу вероисповедания. Порфирий Иванов не исповедовал ни одну из религий; не был он и атеистом, хотя и провел всю сознательную жизнь в СССР. Но ни на что не похожий набор убеждений к 1933 г. он для себя сформировал и полвека ему следовал. Придя к этому комплексу убеждений относительно молодым, около 35 лет, он уже никогда и ни при каких обстоятельствах, как бы тяжелы они ни были, не отступился от него. Кроме того, все эти пять десятилетий Порфирий Иванов старался, несмотря на огромное сопротивление со стороны в первую очередь властей, распространять свое учение, искренне полагая, что только в нем выход из цивилизационного тупика. В конце жизни он составил своеобразное завещание – 12 советов и рассылал его всякому, кто направлял ему письмо с вопросами. (К сожалению, многочисленные мешки

писем, приходивших ему, местная администрация просто сжигала). Так как Порфирий Иванов жил «на правах Природы» и был как бы ее представителем, выразителем всех ее чаяний, эту совокупность советов он предвосхитил – от лица самой Природы – обращением «Детка». Затертое выражение «Человек есть дитя природы» было им не только актуализировано, но и прямо осуществлено на практике: «Я строю на себе эволюцию» [4, с. 221].

В послесталинский период распространение «Всеобщей декларации прав человека» – страны будущего Варшавского блока при ее принятии воздержались – наказывалось вплоть до уголовного преследования. В этом отношении Порфирий Иванов преследовался не за распространение непосредственно самого текста декларации (вряд ли он знал о ее существовании); он, можно сказать, действовал «по наитию» в соответствии со ст. 18 этой декларации, которая с 1948 г. устанавливала, что каждый человек имеет, в частности, «право на свободу мысли, совести», а также «право исповедовать свои… убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в учении и выполнении ритуальных обрядов» [2]. Он делал это, и только это.

С 1933 до 1983 г. Порфирий Иванов лично проводит «закалку-тренировку», и за 30 послесталинских лет вот что с ним происходит. В начале «оттепели», в 1954 г., он выпущен из казанской спецбольницы. Арестовали его зимой 1951-го в Москве (куда он приехал исцелить тех, кто его попросил), и впервые так надолго, почти на три года. В начале «застоя», в 1964 г., его «закрывают» на четыре года. Арестовали в Бобринецком районе Кировоградской области, но в итоге он оказался в Казанской республиканской больнице МВД. Там он написал около 40 «тетрадей» и однажды даже провел 68-дневное голодание. Затем его изолируют на период XXV съезда КПСС в 1975–1976 гг. В октябре 1975-го Порфирий Иванов отправил на предстоящий съезд КПСС письмо-предложение о том, «как нужно молодежи закаляться, чтобы не простуживаться и не болеть» [4, с. 681]. 4 ноября в поезде Ростов – Москва его арестовали, а в Новошахтинской больнице стали колоть ему, здоровому, некие «прививки» – он сильно исхудал. Отправили домой умирать, но он смог восстановиться и от этого «лечения». Наконец, с конца 1970-х – ограничение свободы домаш-

ним арестом с правом ходить вдоль забора на 30 метров: местные власти не выдержали того, что к нему постоянно приезжали люди. Отменили арест только после статьи в популярном журнале «Огонек» в феврале 1982 г. Как необоснованно репрессированный, Порфирий Иванов был реабилитирован только в 2008 г.

«Люди системы», среди которых возник феномен Порфирия Иванова, очевидным образом поголовно «жертвы отравы»; так называемый яд пропаганды начинает все сильнее вырабатываться и воспроизводиться, пронизывает общество там, где прочие средства культуры оттеснены на второй план или в глубинный пласт, исчерпаны или даже начинают как формы пропагандистского искусства работать против человека. Тут-то, возможно, и возникает – закончу попыткой объяснить феномен -- идея очищения тела и духа силами самой природы. Иначе говоря, именно особенности советской жизни, начиная с раннесоветского периода, так называемые миазмы и могли создать «питательную среду» для появления *такого* человека с *такой* идеей – в этом состоит моя вторая маленькая гипотеза. Напоследок уместно указать на другую строку из процитированного выше поэта. В конце «Пятой годовщины» Бродский, выходя на критику «общецивилизационного тупика», вдруг проговаривается о возможном выходе: «…забуксовав в отбросах, / эпоха на колесах нас не догонит, босых» [1, с. 307].

Список литературы

1. Бродский И. Часть речи: Избранные стихотворения / сост., авт. предисл. Э. Безносов. – М. : Аттикус, 2010. – 560 с.

2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата обращения: 20.11.2023).

3. Есауловъ И.А. О любви. Радикальныя интерпретаціи. – Магаданъ : Новое время, 2020. – 216 с.

4. История Паршека / сост. Н.А. Пичугина. – Воронеж : Кодекс, 1991. – 900 с.

РАЗДЕЛ III. ДУХОВНЫЙ МИР И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

УДК 94(47).084.9

«БЕЗБОЖНАЯ СЕМИЛЕТКА»: К ВОСПРИЯТИЮ «ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ» НА РЕЛИГИЮ

Нечаев Михаил Геннадьевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь
mgn4@mail.ru

Аннотация. Изменение государственно-конфессиональных отношений в 50–60-х гг. XX в. происходило на фоне нового витка индустриализации и урбанизации страны, а также смены поколений, что привело к глубинным процессам трансформации общественного сознания. Попытка в период «семилетки» вернуться к старым практикам «борьбы с религией» и открытие «антирелигиозного фронта» натолкнулась на другие реалии жизни советского общества, что впоследствии стало одним из факторов его кризиса. Анализируется переход к «новой» государственно-конфессиональной политике, продиктованной задачами построения коммунистического общества. Автор на основе большого фактического материала рассматривает политические, нормативно-правовые и административные инструментарии, примененные руководством страны для победы научного мировоззрения, которое должно было сначала вытеснить религии на периферию общественного сознания, а затем и полностью ликвидировать этот «пережиток прошлого».

Ключевые слова: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, Совет по делам русской православной церкви, Совет по делам религиозных культов, ЦК КПСС, пленумы, съезды, пятилетка, семилетка, церковь, приходы, монастыри, Дворцы счастья.

© Нечаев М.Г., 2024

‘THE GODLESS SEVEN-YEAR-OLD’: TOWARDS PERCEPTION THE ‘KHRUSHCHEV PERSECUTION’ OF RELIGION

Nechaev Mikhail G.
PhD in History, Associate Professor, Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, Perm
mgn4@mail.ru

Abstract. The change in state-confessional relations in the 50s and 60s of the twentieth century took place against the background of a new round of industrialization and urbanization of the country, as well as generational change, which led to deep processes of transformation of public consciousness. The attempt during the ‘seven years’ to return to the old practices of ‘fighting religion’ and the opening of the ‘anti-religious front’ came across other realities of the life of Soviet society, which consequently became one of the factors of its crisis. The transition to a ‘new’ state-confessional policy dictated by the tasks of building a communist society is analyzed. Based on a large amount of factual material, the author examines the political, regulatory and administrative tools used by the country's leadership to defeat the scientific worldview, which was first supposed to displace religions to the periphery of public consciousness, and then completely eliminate this ‘relic of the past’.

Key words: The All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge, the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, the Council for Religious Cults, the Central Committee of the CPSU, plenums, congresses, five-year plan, seven-year plan, church, parishes, monasteries, Palaces of Happiness.

По мнению советских исследователей, в годы войны завершился процесс «нормализации отношений между церковью и Советским государством», начавшийся с послания 1927 г. митрополита Сергия [6; 18; 19], и в послевоенный период во всех крупных конфессиях происходило «укрепление лояльности по отношению к Советскому государству» [19, с. 113]. Современные оценки происходящего в государственно-церковных отношениях более неоднозначны. С.С. Аверинцев в связи с этим дает следующую оценку этим взаимоотношениям: «Когда пришла война и бесцеремонно возвратила людей от идеологического бреда к простейшим реальностям жизни и смерти, к “ар-

хетипам" народного самосознания, разгулявшаяся бесовщина принуждена была войти в берега. <…> Возникала иллюзия возрожденного духовного единства нации, сбывшейся мечты о возврате к Святой Руси <…>. Таков контекст, в котором необходимо рассматривать слова и дела тогдашних иерархов, получивших от Сталина некую резервацию, как казалось, для церковного делания» [1, с. 26–27]. Исследователь А.Н. Кашеваров считает, что в годы войны нормализация государственно-церковных отношений носила «частичный и временный характер», однако в этот период сформировалась «новая церковная политика советского государства, отличительной чертой которой явилась относительная веротерпимость». Вместо прежнего насилия и террора вырабатывались новые приемы «строгого ограничения» и «всеохватывающего контроля» религиозной деятельности [11, с. 130].

Сложившаяся историческая ситуация вызывала необходимость менять существовавшие взаимоотношения государства с религиозными организациями. Сотни епископов и тысячи священников были выпущены из лагерей. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. состоялась историческая встреча И.В. Сталина с церковным руководством. Сразу же после этой встречи, 8 сентября 1943 г., прошел Архиерейский собор в Москве. Уже в 1941 г. перестали издавать антирелигиозные журналы, цензуре подверглись антирелигиозные издания. Так, среди рекомендованной ЦК ВКП(б) отделам партийной пропаганды и агитации обкомов тематики докладов и бесед на весну 1942 г. антирелигиозная была полностью исключена, зато среди тем были, например, следующие: «Немецкие фашисты – злейшие враги и разрушители европейской культуры», «Благородные и возвышенные цели Отечественной войны» [25, л. 45].

В постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды» от 27 сентября 1944 г. вообще отсутствовало упоминание об антирелигиозной или атеистический пропаганде, вместо этого говорилось о «пропаганде естественнонаучных знаний», которое имеет «особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков». Основным содержанием научно-просветительной пропаганды постановление определяло «материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники и культуры» [12, с. 522–521].

В 1947 г. было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (будущее Всесоюзное общество «Знание») – «добровольная самодеятельная организация, опирающаяся на инициативу широких слоев советской интеллигенции». На 1 мая 1949 г. в этом добровольном обществе состояло 34 тыс. действительных членов и 16,2 тыс. членов-соревнователей, то есть около 10 % имеющихся в стране научных работников. В постановлении ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний» от 20 июня 1949 г. было предложено «усилить лекционную пропаганду по вопросам коммунистического воспитания трудящихся, советского патриотизма, борьбу с различными проявлениями буржуазной идеологии, с пережитками капитализма в сознании людей». С этой целью определялась тематика лекций, в том числе предлагалось «обратить особое внимание на чтение лекций по вопросам материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни» [13, с. 195]. Однако при этом полностью отсутствовали прямые указания на антирелигиозную или атеистическую тематическую составляющую.

В 1949 г. И.В. Сталину был представлен доклад Г.М. Маленкова о подготовленном отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) проекте постановления «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Резолюция на этот доклад был категорична: «Решения не принимать» [30, с. 418]. В материалах XIX съезда ЦК ВКП(б) и в новом уставе, принятом на съезде, не были определены задачи борьбы с религией.

В то же время возобновили выпуск брошюр, разоблачающих враждебную роль религии по отношению ко всему прогрессивному и передовому. В 1952 г. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний тиражом в 140 тыс. экземпляров опубликовало работу В.И. Прокофьева «Непримиримость науки и религии», в которой утверждалось, что «религия – враг науки», и раскрывался сюжет о том, как «советские ученые боролись с идеализмом и религией» [28, с. 6–13, 26–32]. На рубеже 40–50-х гг. XX в. региональная партийная элита пыталась вернуться к старым практикам антирелигиозной работы. Так, например, в 1951 г. Кемеровский обком ВКП(б) принял постановление «О состоянии научно-атеистической пропаганды в Троицком районе», в 1952 г. Алтайский краевой коми-

тет партии принимает постановление «О серьезных недостатках в научно-атеистической пропаганде в Рубцовском и Кулундинском районах» [31, с. 147].

Начиная с конца октября 1948 г. по март 1953 г. Совет Министров СССР не принял ни одного ходатайства по открытию новых храмов. Более того, возобновляется старая практика утилизации церковных зданий под клубы и другие советские учреждения [30, с. 413]. Однако после смерти И.В. Сталина резко увеличилось число ходатайств верующих об открытии церквей. В 1953 г. их было подано 990, и большая их часть приходилась на второе полугодие, а в 1954 г. – 1361 [30, с. 433; 33, с. 151]. Увеличивалось из года в год число желающих учиться в духовных учебных заведениях: в 1950 г. подали заявления 269 человек, в 1951 г. – 400, в 1952 г. – 496, в 1953 г. – 560 [33, с. 152].

В своей капитальной монографии «Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве» М.В. Шкаровский религиозную политику властных структур СССР и их отношения с Московской патриархией разделил на пять основных этапов и дал им подробную характеристику:

1) 1939–1943 гг. – «отказ от курса на истребление духовенства <…> постепенно свернута атеистическая пропаганда»;

2) 1943–1948 гг. – «руководство СССР <…> для реализации своих широкомасштабных международных планов было вынуждено активно использовать деятельность Церкви»;

3) 1948–1953 гг. – «поставить Церковь под жесткий контроль, сделать ее послушно управляемой в своей политической игре»;

4) 1953–1958 гг. – «потепление» государственной религиозной политики, «смягчение политического климата»;

5) 1958–1964 гг. – «в государственно-церковных отношениях начал преобладать административно-силовой подход, резко активизировалась атеистическая пропаганда» [36, с. 394–395].

1953–1958 и 1958–1964 гг. относились к «хрущевскому» периоду советской истории. Это время вошло в историю и как «хрущевские гонения на религию и церковь». По мнению некоторых историографов, «в исторической науке не существует единых устоявшихся взглядов о начале “хрущевского наступления” на религию и Церковь» [17, с. 158]. Однако разногласия исследователей возникают лишь по

уточнению датировки этих двух периодов. Так, М.В. Шкаровский полагает, что со смертью И.В. Сталина начинается новый период религиозной политики, и обосновывает это тем, что «в руководстве КПСС выявилось два подхода к проблемам Церкви – антирелигиозный и “государственный”» [36, с. 348]. В период 1953–1958 гг. победил «партийный» – антирелигиозный подход. Т.А. Чумаченко считает, что новая политика начинается с принятием в 1954 г. постановления «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое стало «полной неожиданностью» и своеобразной точкой отсчета [33, с. 152–153]. Большинство исследователей согласилось с тем, что начало «хрущевского» наступления на религию и церковь относится к 1958 г., хотя называются и 1957-й, и даже 1961-й.

7 июля 1954 г. выходит постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». В постановлении отмечалось: с одной стороны, «среди некоторых партийных и советских работников утвердилось ошибочное мнение, что с ликвидацией в нашей стране классовой базы церкви и пресечением ее контрреволюционной деятельности отпала необходимость в активной атеистической пропаганде, что в ходе коммунистического строительства религиозная идеология стихийно, самотеком изживет себя», а с другой – «церковники и сектанты изыскивают различные приемы для отравления сознания людей религиозным дурманом, обращая особое внимание на привлечение к церкви молодежи и женщин. <…> В результате активизации деятельности церкви наблюдается увеличение количества граждан, соблюдающих религиозные праздники и отправляющих религиозные обряды, оживляется паломничество к так называемым “святым местам”» [13, с. 428–429].

В постановляющей части подчеркивалось, что надо «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан нашей страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве», и были даны соответствующие распоряжения ЦК компартий, крайкомам и обкомам КПСС, отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС, министерствам культуры СССР и союзных республик, Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний, Государственному издатель-

ству политической литературы, издательству Академии наук, Издательству иностранной литературы, Гослитиздату, редакциям центральных и местных газет и журналов, министерствам просвещения и высшего образования, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС [13, с. 430–432].

В конце июля 1954 г. Совет по делам РПЦ разработал и после утверждения в ЦК разослал на места так называемую ориентировку для своих уполномоченных – «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время». В этом документе в духе партийного постановления все формы деятельности православной церкви – проповеднической, кадровой политики – расценивались как приспособленчество с «целью оттянуть неизбежный конец своего существования». Принципиально менялся взгляд на само духовенство: Совет рекомендовал уполномоченным рассматривать его не как субъекта правовых взаимоотношений, а как идеологического противника [33, с. 154].

В эфире и со страниц средств массовой информации Советского Союза началась настоящая травля верующих и священнослужителей. Осуждалось безразличие со стороны руководителей к практике отмечать религиозные и «несоветские» праздники и дни, бичевались «пороки» верующих и священнослужителей, инициировалось общественное порицание религиозных предрассудков и т. д. [5, с. 121–123]. Внезапно увеличилось количество публичных антирелигиозных лекций. В 1953 г. в Молотовской области на научно-атеистические темы было прочитано 164 лекции, а в 1954 г. – уже 1266. В 1965 г. их количество ежегодно составляло 5747 лекций [32, с. 297, 299].

Характер антирелигиозной пропаганды на страницах периодической печати побудил председателя Совета по делам религиозных культов И.В. Полянского направить в октябре 1954 г. в ЦК КПСС письмо, в котором указывалось следующее: «Многие центральные и местные газеты <…> сбились на широкую, невыдержанную антицерковную, антипоповскую пропаганду, стали злоупотреблять сказками, карикатурами, пословицами. Этими ошибками и извращениями приведены в движение не тысячи, а миллионы населения нашего Советского Союза, которые из этих ошибок делают провокационные выводы. Делают такие выводы и отдельные церковные руководители в странах народной демократии» [33, с. 158].

10 ноября 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», которое опубликовали в газете «Правда». В постановлении резко осудили ревностный подход к антирелигиозной пропаганде: «Вместо развертывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды» [13, с. 446]. Прошедшую антирелигиозную кампанию оценили как противоречащую «программе и политике Коммунистической партии по отношению к религии и верующим», как «нарушение неоднократных указаний партии о недопустимости оскорбления чувств верующих» [13, с. 447].

В постановлении подчеркивалось, что «в царской России церковь верно служила самодержавию, помещикам и капиталистам, оправдывала жестокую эксплуатацию народных масс, поддерживала эксплуататоров в борьбе против трудящихся. <…> после победы Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны и позже многие религиозные организации, группы духовенства держали себя враждебно по отношению к Советской власти». Однако все изменилось, и в настоящее время «в результате победы социализма и ликвидации эксплуататорских классов в СССР подорваны социальные корни религии, уничтожена база, на которую опиралась церковь. Служители церкви в своем большинстве, как свидетельствуют факты, также занимают теперь лояльные позиции по отношению к Советской власти. Поэтому борьба против религиозных предрассудков в настоящее время должна рассматриваться как идеологическая борьба научного, материалистического мировоззрения против антинаучного, религиозного мировоззрения» [13, с. 448].

Главной задачей, которую поставили перед партийными, государственными и общественными организациями в воспитательной работе, направленной на преодоление религиозных пережитков, стало «улучшить культурно-просветительную работу среди населения и тем самым добиться дальнейшего повышения культурного уровня трудящихся» [13, с. 450].

Уже на следующий день, 11 ноября 1954 г., на заседании Священного синода по инициативе патриарха Алексия было принято «Постановление патриарха и Синода» в адрес правительства, в котором говорилось: «Священный Синод Русской Православной Церкви с удовлетворением ознакомился с постановлением ЦК КПСС от 10 ноября, в котором даются указания о должном отношении к духовенству и религиозным чувствам верующих. <…> считаю своим долгом просить председателя Совета выразить признательность нашему правительству за его неизменное благожелательное отношение к Православной Церкви…» [30, с. 436; 33, с. 160].

В воскресенье, 14 ноября 1954 г., храмы Москвы и Ленинграда были переполнены: духовенство объявляло пастве о принятом ЦК партии постановлении. Оно зачитывалось и во всех классах духовных академий и семинарий. Сведения о реакции верующих и духовенства на местах уже 17 ноября поступили в Совет уполномоченных по БССР, УССР, Молдавии, Грузии, Казахстана. Реакция эта также была единодушной: «Постановление встречено положительно и с удовлетворением», – за исключением немногих примеров скептических замечаний верующих: «Будет ли проводиться в жизнь, покажет будущее». О своем благоприятном впечатлении от постановления заявили и послы восточных православных церквей. 11 декабря 1954 г. патриарх Алексий был принят председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленковым [33, с. 160].

Началось освобождение священнослужителей, ранее репрессированных по 58-й статье. 14 июля 1954 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР об условно-досрочном освобождении отсидевших две трети срока и престарелых заключенных. В соответствии с этим указом с 1955 г. были освобождены епископы Вениамин (Новицкий), Мануил (Лемешевский), Афанасий (Сахаров), Николай (Муравьев-Уральский), а также митрополит Нестор (Анисимов) и др. [30, с. 433–434].

В конце 1955 г. Совет по делам РПЦ в письме своим уполномоченным отменил инструкцию от 2 февраля 1949 г. в той ее части, согласно которой посвящение в служители культа лиц, имевших судимость, не допускалось. Теперь уполномоченные, имея разрешение от органов МВД, имели право регистрировать репрессированных ранее

священников. Среди духовенства Латвии и Литвы к концу 1950-х гг. отбывшие срок наказания или освобожденные досрочно составляли 30 %, Белоруссии – 45 %, Украины – 80 % [33, с. 163]. В 1956 г. 293 освобожденных из лагерей священнослужителя вновь стали служить в храмах [30, с. 433–434].

17 февраля 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». Согласно этому постановлению, Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами министров союзных республик, а не СМ СССР, как раньше. В результате количество православных храмов в стране вновь стало расти. В 1955 г. было зарегистрировано 37 неофициально действовавших церквей и открыты четыре новые. Впервые за всю советскую историю Православной церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие, и в 1956 г. они вышли тиражом 50 тыс. экземпляров. «Журнал Московской Патриархии» имел тираж 15 тыс. экземпляров. Выпускалось 50 тыс. настенных и настольных календарей. Печаталось около 1 млн венчиков и разрешительных молитв для умерших [30, с. 437].

1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13478, а численность духовенства достигла 12288 человек (таблица).

В РСФСР примерно треть всех родившихся младенцев крестили, а большинство умерших отпевали. Росли доходы церкви. В 1948 г. они составляли 180 млн рублей, в 1955 г. – 347 млн рублей, в 1957 г. – 667 млн рублей [30, с. 450]. В 1955 г. к уполномоченным Совета по делам РПЦ поступило 1310 ходатайств и пришло 1700 просителей об открытии храмов, а в 1956 г. уже соответственно 2265 и 2299 [36, с. 361]. В связи с этим исследователь Д.В. Поспеловский пишет: «Поначалу казалось, что смерть Сталина открыла эру большей свободы и для Церкви. В 1954–1958 гг. Журнал Московской патриархии регулярно сообщает о восстановлении и открытии храмов» [26, с. 280].

Такой же подъем в 1954–1957 гг. происходил и у Всесоюзного совета евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ). Этот союз многочисленных евангельских течений (евангелисты, баптисты, пятиде-

сятники, адвентисты, меннониты и др.) объединился в «одно братство» 26–29 октября 1944 г. на Всесоюзном совещании евангельских христиан и баптистов в Москве и в августе 1945 г. («Августовское соглашение»). Только на Украине было зарегистрировано 1165 религиозных объединений ВСЕХБ с количеством членов 82600 человек. В 1956 г. прошло крещение 7245 человек, а в 1957 г. к ВСЕХБ присоединилось еще 7687 человек [10, с. 236]. Всего в 50-х гг. XX в. ВСЕХБ насчитывал около 400 тыс. своих сторонников.

Количество православных приходов
и священнослужителей в СССР
в 1950–1965 гг. [26, с. 283; 30, с. 449–450, 488; 33,
с. 162–163; 36, с. 398–399]

Год	Кол-во приходов	%	Кол-во священнослужителей	%	Кол-во монастырей	%
1950	14 344	100	13 483	100	75	100
1951	13 912	96	12 443	92	70	93
1952	13 786	96	12 318	91	62	82
1953	13 555	94	12 089	89	60	80
1954	13 422	94	11 912	88	59	78
1955	13 463	94	11 993	89	57	76
1956	13 477	94	12 185	90	57	76
1957	13 478	94	12 288	91	57	76
1958	13 414	93	12 169	90	56	74
1959	13 324	93	11 980	89	56	74
1960	13 008	91	11 407	84	42	56
1961	11 572	80	9061	67	33	44
1962	10 149	71	–	–	22	29
1963	8580	60	8057	60	16	21
1964	7873	55	–	–	16	21
1965	7551	55	7547	56	16	21

Способствовал «потеплению» государственно-конфессиональных отношений прошедший 14–25 февраля 1956 г. XX съезд КПСС, где были приняты судьбоносные для страны решения, в том числе в отчетном докладе ЦК целиком одобрили «восстановление ленинских норм партийной жизни», «развитие внутрипартийной демократии», «внедрение

принципов коллективного руководства на основе проведения марксистско-ленинской политики», «широкое разъяснение марксистско-ленинского понимания роли личности в истории» и «выступление против культа личности» [14, с. 23]. В постановлении «О культе личности и его последствиях» было подчеркнуто, что необходимо полностью преодолеть «чуждый марксизму-ленинизму культ личности» и ликвидировать его последствия «во всех областях партийной, государственной и идеологической работы» [14, с. 26]. В закрытом докладе Н.С. Хрущева подчеркивалось, что необходимо сделать, чтобы «решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы». Помимо всего прочего, для этого надо было «полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью. Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности» [7, с. 117–118].

В этот период у правящей советской элиты господствовало мнение, что религия в Советском Союзе потеряла «питательную среду» и отмирает по мере развития образования и науки; полет спутника, научно-техническая революция, повышение образовательного уровня населения и отсутствие эксплуатации в советском обществе приведут к «гибели Богов» и «отмиранию религиозных предрассудков».

В течение 1957–1958 гг. началась подготовка к «новой» политике в отношении религиозных организаций. 19 ноября 1957 г. Совет по делам Русской православной церкви направил в ЦК КПСС секретную справку по вопросу об активизации деятельности РПЦ. В этой справке, в частности, отмечалось: «Заботой Церкви является укрепление ее материальной базы – увеличение доходов. <…> Большие доходы дали возможность руководству Церкви создать для духовенства очень хорошие материальные условия, что, в свою очередь, способствовало быстрому удовлетворению нужд Церкви в кадрах. <…> Наибольшую активность проявляет молодое духовенство, которое, хорошо зная со-

ветскую действительность, умело приспосабливается и ведет борьбу за привлечение к Церкви как можно большего количества граждан» [30, с. 456]. 29 ноября 1957 г. в беседе с газетным магнатом В.Г. Херстом Н.С. Хрущев поделился своими «заветными мыслями» о том, что «народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога» [36, с. 360]. 7 декабря 1957 г. на имя председателя Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилова поступила «Информация о письмах граждан по религиозным вопросам» от заведующего отделом писем А. Шмакова, с которой были ознакомлены все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. В этом документе говорилось о настоящем потоке ходатайств об открытии, регистрации церквей и делался устрашающий вывод о массовой самовольной организации религиозных общин, ослаблении атеистической пропаганды и т. п. [36, с. 362]. С 1957 до 1964 г. издавался ежегодник Ленинградского музея истории религии и атеизма объемом свыше 400 страниц [8; 26, с. 280].

8 мая 1958 г. отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам провел совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, Госполитиздата, газет и журналов, ЦК ВЛКСМ, Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов [30, с. 462]. Звучала критика деятельности Совета по делам РПЦ, в том числе неоднократно подчеркивалась необходимость издания массового научно-популярного журнала «Наука и религия». Результатом этого совещания явилась записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [30, с. 462; 36, с. 362]. Журнал «Наука и религия», обещанный еще в 1954 г., начинает печататься только в 1959 г. и к 1978 г. достигает тиража 400 тыс. экземпляров. (Тираж «Журнала Московской патриархии» выходил тиражом 15 тыс. экземпляров, а годовые тиражи атеистических изданий составляли только в 1950 г. 800 тыс. экземпляров [26, с. 281]).

4 октября 1958 г. ЦК КПСС принял секретное постановление «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным

республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В этом постановлении задачи в области научно-атеистической пропаганды повторяли формулировки постановления ЦК от 7 июля 1954 г. Все, что было достигнуто в нормализации государственно-конфессиональных отношений, объявлялось «деформацией церковной политики социалистического государства» и «неправильной тактической линией», приведшей к укреплению религии и церкви. Весь прежний курс по «религиозному вопросу» обличался как проявление сталинизма [30, с. 463; 31, с. 151].

Борьба со «сталинизмом в религиозном вопросе» началась с традиционного направления – закрытия церквей, монастырей, а также ограничения религиозной деятельности. 16 октября 1958 г. было принято постановление «О монастырях в СССР». Постановлением поручалось Совету по делам РПЦ и Совету по делам религиозных культов в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет Министров согласованные предложения по этому вопросу. Был утвержден план закрытия в 1959–1960 гг. 28 из 63 монастырей и скитов РПЦ, в том числе 7 – в Молдавии и 17 – на Украине [30, с. 465–466]. В середине 1960-х гг. РПЦ имела в СССР 18 действующих монастырей (на 1 января 1959 г. – 63, на 1 января 1960 г. – 44) (таблица).

В начале 1959 г. Совет по делам РПЦ настоятельно потребовал от патриарха Алексия сокращения епархий. В результате были ликвидированы Сумская, Дорогобычская, Рижская и Ульяновская епархии, а также снят вопрос об открытии новых епархий в Луганске, Тернополе, Хабаровске и других городах [30, с. 466].

28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам». Сроки для выполнения нового постановления ставились жесткие: через полгода местные партийные организации должны были отчитаться о проделанной работе. Надо было прекратить доступ верующих к 700 учтенным властями по СССР святым местам. Начались аресты и привлечение к судебной ответственности «организаторов» массового паломничества [30, с. 467–468; 36, с. 366].

В 1959 г. власти сняли с регистрации 364 православные общины, а в 1960 г. – 1398 общин. За 1960–1964 гг. количество церквей и молитвенных домов уменьшилось на 5457 [30, с. 487–488].

Происходит сокращение числа всех действующих религиозных объединений. В 1948 г. их насчитывалось 20459, в 1958 г. – 18563, а в 1961 г. – 16050. В 1966 г. насчитывалось всего 11908 объединений, через 10 лет, в 1976 г., 11615 [23, с. 63–64, 67].

В ноябре-декабре 1958 г. прошла массовая «чистка» церковных библиотек, многие книги были изъяты, вся иностранная литература поставлена на цензорский контроль. Для ограничения поступления новых изданий выпустили «Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа» [30, с. 365].

22 апреля 1959 г. Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным инструктивное письмо «О введении регистрации членов исполнительных органов и ревизионных комиссий приходских церквей» (отмененной в октябре 1955 г.) в целях ограничения единовластия настоятелей, ослабления материального положения церкви и принижения авторитета духовенства. В подобном письме от 12 июня требовалось прекратить продолжавшуюся благотворительную деятельность религиозных организаций, а также принять меры к полному прекращению ходатайств об открытии храмов. 29 августа 1959 г. последовал указ об ограничении совершения треб духовенством в домах верующих. [36, с. 368].

Началось массовое отречение священников и преподавателей духовных учебных заведений от религии и церкви. 24 марта 1957 г. в «Комсомольской правде» была опубликована статья Е. Дулумана «Как я стал атеистом. Рассказ бывшего кандидата богословия». Преподаватель Саратовской духовной семинарии кандидат богословия Евграф Дулуман стал первым из отрекшихся священников и преподавателей духовных учебных заведений. В том же 1957 г. большим тиражом вышла его книга «Почему я перестал верить в Бога». 5 декабря 1959 г. газета «Правда» опубликовала статью профессора Ленинградской духовной академии бывшего протоиерея Александра Осипова. В печати появились заявления бывших священников Дарманского, Спасского, Черткова об отречении от Бога. К ним присоединились Городнин,

Янушкевич и другие, всего около 200 священнослужителей [30, с. 451, 475–477]. Священный синод 30 декабря 1959 г. изверг из сана и отлучил от церкви бывших клириков, «публично похуливших Имя Божие» [36, с. 370].

На Внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза, прошедшем с 27 января по 5 февраля 1959 г., в своем докладе «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» Н.С. Хрущев подчеркнул, что одной из главных задач семилетнего плана развития народного хозяйства СССР является «усиление идейно-воспитательной работы партии, повышение коммунистической сознательности трудящихся и прежде всего подрастающего поколения, воспитание их в духе коммунистического отношения к труду, советского патриотизма и интернационализма, преодоление пережитков капитализма в сознании людей, борьба с буржуазной идеологией» [4, с. 21].

В докладе особо отметили, что «исключительно важное значение» приобрели «вопросы коммунистического воспитания трудящихся, особенно подрастающего поколения», так как, «чтобы прийти к коммунизму», надо уже сейчас воспитывать людей будущего «как защитников моральных ценностей, гуманизма, свободы и прав личности» [4, с. 55]. Член Президиума ЦК КПСС и будущая «царица советской культуры» Е.А. Фурцева в прениях по докладу четко сформулировала: «Одной из главных задач предстоящего семилетия, как это подчеркнул в своем докладе Н.С. Хрущев, является усиление идейно-воспитательной работы партии» [4, с. 263–264]. Другой член Президиума ЦК КПСС, М.А. Суслов, будущий главный партийный идеолог, остановился в своем выступлении на проблемах «живучести пережитков капитализма в сознании людей» и «воспитания высоких моральных качеств человека эпохи коммунизма». Секретарь ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастный пожаловался, что нет «разработок теории и практики коммунистического воспитания юношества, особенно проблем коммунистической нравственности и морали» [4, с. 239–240, 363].

Никто из выступающих не употреблял такого понятия, как «атеистическое воспитание», заменяя его «коммунистическим воспитанием», а «религиозные пережитки» стали «пережитками капитализма».

Однако «мораль» и «моральные законы» прописались в официальном партийном лексиконе именно на этом съезде, где коммунисты

утвердили, что они не отрицают мораль и «соответствуют моральным законам человечества» [4, с. 55].

Так как секретное постановление от 4 октября 1958 г. «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» не было публичным, необходимо было его содержание донести до общественности, в том числе до рядовых коммунистов. В связи с этим 21 августа 1959 г. в газете «Правда» была опубликована большая статья «Против религиозных предрассудков. О научно-атеистической пропаганде». В этой статье утверждалось, что «для перехода к коммунизму, конкретные пути построения которого разработал XXI съезд КПСС, требуется дальнейшее повышение сознательности советских людей» [27, с. 4]. Лозунг «Борьба с религией – это борьба за социализм!» был переиначен. Вместо «борьбы за социализм» появляется «построение коммунизма», но неизменным остается «борьба с религией»: «…борьба с религией – это борьба за воспитание нового человека, гражданина коммунистического общества. Религия своими антинаучными утверждениями, своей моралью, искаженными представлениями об окружающем мешает коммунистическому строительству, отвлекает часть людей от активного участия в нашем великом деле. Остатки религиозных пережитков являются помехой делу укрепления дружбы народов, благоприятствуют сохранению буржуазно-националистических настроений. Исполнение религиозных обрядов в ряде случаев сопровождается нарушением трудовой и государственной дисциплины, наносит урон народному хозяйству, духовно калечит людей» [27, с. 4].

В статье особо подчеркивается, что «отдельные работники неправильно поняли постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором были вскрыты факты грубого администрирования и оскорбления чувств верующих со стороны отдельных местных работников». И как результат – «запущенность научно-атеистической пропаганды», «пассивность в борьбе с религиозными предрассудками», «ошибочное понимание свободы совести, как только свобода распространять религиозные взгляды», «попустительство со стороны организаций, призванных следить за строгим соблюдением советского законодательства о религиозных культах» и т. д. С одной стороны, в

статье «предупреждали против каких бы то ни было оскорблений чувств верующих», а с другой – «в интересах коммунистического воспитания» обязывали «все партийные и комсомольские организации, учреждения культуры, радиовещание и телевидение, школы и вузы, издательства, редакции газет и журналов поднять уровень атеистической пропаганды среди населения» [27, с. 4].

Президиум АН СССР 17 апреля 1959 г. издал постановление «Об усилении научной работы в области атеизма». В документе ставился вопрос о крайней необходимости, в частности для историков религии, создания фундаментальных трудов о сектантстве, об атеизме и состоянии религии в странах народной демократии. С сентября 1959 г. началось преподавание курса «Основы научного атеизма» в высших и средних специальных учебных заведениях СССР, первоначально факультативное [31, с. 152–153]. 15 февраля 1960 г. вышло постановление ЦК КПСС «О популярном учебном пособии “Вопросы атеизма”», в котором указывалось на необходимость преподавания основ научного атеизма [35, с. 440].

В феврале 1960 г. со своего поста был снят первый председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов, деятельность которого не отвечала новым требованиям политического руководства страны [34, с. 138–144]. На Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ 21 апреля 1960 г. новый его руководитель, В.А. Куроедов, в своем докладе «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» наметил новые задачи, связанные с постановлением «О докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках в научно-атеистической пропаганде”» и с выполнением «исторических решений XXI съезда КПСС». В частности, было отмечено, что Совет «вел линию не на борьбу с нарушениями духовенством законодательства о культах, а на ограждение церковных интересов». Предписывалось без излишнего администрирования «тщательно разобраться в сети церквей и монастырей и наметить конкретные мероприятия по их сокращению», ликвидировать «затухающие» приходы и приписные церкви, «решить вопрос об использовании церковных и монастырских зданий под культурно-просветительские цели», «провести ограничительную

работу по приему в духовные семинарии», «продумать мероприятия по ослаблению экономической базы церкви» и т. д. [22, с. 64–91].

13 января 1960 г. ЦК КПСС издал постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». В постановлении подчеркивалось, что повсеместно нарушается постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и в результате происходит «узурпация власти священнослужителями», ослаблен контроль за деятельностью духовенства и религиозных объединений [30, с. 479]. Через три дня, 16 января 1961 г., Совет Министров СССР утвердил постановление «Об усилении контроля за деятельностью Церкви». Это постановление, отменившее все законодательные акты, принятые в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие, включало шесть основных положений:

1) «отстранение духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях»;

2) восстановление права управления религиозными объединениями органами, выбранными из числа самих верующих;

3) запрет на благотворительную деятельность церкви;

4) ликвидация льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, лишение гражданского персонала церкви социального обслуживания;

5) ограждение детей от влияния религии;

6) перевод служителей культа на твердые оклады [30, с. 487].

16 марта 1961 г. Совет по делам РПЦ совместно с Советом по делам религиозных культов принял «Инструкцию по применению законодательства о культах», которая вскоре была утверждена ЦК КПСС. Инструкция запрещала религиозным центрам организовывать детские и женские собрания, кружки, паломнические поездки, благотворительность, санаторную и лечебную помощь, экскурсии, библиотеки, принудительно взыскивать сборы, применять к верующим меры принуждения и наказания и т. д. Предусматривалось также ограничение колокольного звона [30, с. 487]. Согласно п. 23 «Инструкции по применению законодательства о религиозных культах» (1961), был утвержден перечень запрещенных религиозных организаций: «…не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих,

принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно-православные христиане, истинно-православная церковь (ИПЦ), адвентисты-реформисты, мурашковцы и т. п.» [3, с. 126].

В конце 1961 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР по всей стране был проведен «единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций», с целью получить всестороннюю и точную информацию прежде всего о «самовольно» приобретенном имуществе. В справке об итогах учета, составленной Советом по делам РПЦ, уполномоченным предлагалось не выдавать религиозным обществам разрешений на строительство или приобретение каких-либо строений и транспортных средств. Весной 1962 г. православное духовенство в стране было переведено на ежемесячную зарплату вместо получения определенной части приходского дохода [30, с. 496, 498].

27 октября 1960 г. вышел закон «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР», который был введен в действие с 1 января 1961 г. Государственно-конфессиональные отношения в кодексе регулировались ст. 142 («Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви»), 143 («Воспрепятствование совершению религиозных обрядов»), 227 («Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов»). Неопределенность формулировки ст. 227 и определенность наказания с опорой на нее могли быть широко использованы правоохранительными органами. Так в этой статье трактовалось посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов: «Организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имуще-

ства или без таковой» [24, с. 110]. В 1961–1964 гг. было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. Многих отправили в лагеря, ссылки, на поселения [36, с. 382].

С 1960 по 1965 г. количество церквей сократилось в 1,7 раза, а монастырей – в 2,6 раза (таблица). В связи с этим начались массовые протесты. В 1961 г. их было 1540, а за 9 месяцев 1962 г. – 2660, кроме того, уполномоченных Совета лично посетило 2162 жалобщика [36, с. 385].

По мнению Т.А. Чумаченко, «с этого времени, таким образом, берет начало процесс подчинения собственно государственной политики в отношении религиозных организаций политике партийной, а вместе с этим и процесс изменения характера отношений с церковью – от терпимости и мирного сосуществования к политической борьбе под лозунгами атеистического воспитания населения» [33, с. 231].

На состоявшемся пленуме ЦК КПСС 10–18 января 1961 г. было принято решение созвать 17 октября очередной XXII съезд КПСС, на котором планировалось принять новые программу и устав КПСС. Проекты программы (30 июля) и устава (20 августа) были опубликованы. В обсуждении проекта программы КПСС с «единодушным» одобрением приняло участие более 9 млн членов и кандидатов в члены партии (в 1960 г. членов партии было 8017249, кандидатов – 691418, а всего – 8708667 коммунистов), а также 82 млн трудящихся [15, с. 11, 56–57]. Проведено более 500 тыс. собраний трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях, воинских частях, профсоюзных и комсомольских организациях, на которых обсуждался проект программы. Выступило по проекту программы на партийных собраниях, конференциях, съездах компартий союзных республик и на собраниях трудящихся более 4 млн 600 тыс. человек. Кроме того, в ЦК КПСС, местные партийные органы, редакции газет, журналов, радио и телевидения поступило более 300 тыс. писем и статей [20, с. 211].

Октябрьский номер журнала «Наука и религия» вышел под лозунгом «Да здравствует XXII съезд КПСС!» с редакционной статьей «Коммунистическая партия и атеистическое воспитание трудящихся». В статье обсуждался проект программы КПСС. Подчеркивалось, что «религия является опиумом народа, отравляет умы своих последователей. <…> …она мешает верующим сознательно и в полную меру

сил участвовать в коммунистическом строительстве. <…> Особо ядовитой разновидностью религиозного дурмана является сектантство. <…> …в некоторых из них находит пристанище антисоветское отребье. <…> Борьба против религиозных предрассудков и особенно против изуверских сект была и остается одной из важнейших составных частей работы партии по коммунистическому воспитанию трудящихся» [21, с. 4].

На XXII съезде в своем отчетном докладе первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев особо подчеркнул, что «интересы коммунистического строительства требуют, чтобы вопросы коммунистического воспитания стояли в центре внимания и деятельности каждой партийной организации, всей общественности» [20, с. 111]. Коммунистическое воспитание «нового человека, человека великих идеалов и высоких моральных принципов» означает «освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые все еще мешают отдельным советским людям полностью проявить свои творческие силы. Нужна продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания, которая охватывала бы все слои и группы населения, предотвращала распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и подростков» [20, с. 111–112].

В докладе «О программе Коммунистической партии Советского Союза» Н.С. Хрущев, говоря о формировании «нового человека», сформулировал задачи коммунистического воспитания и «всестороннего развития личности». К ним относились «утверждение коммунистического мировоззрения», «трудовое воспитание», «упрочение принципов коммунистической морали», «культурное развитие». Но главная задача состояла в том, «чтобы новые нравственные требования стали внутренней потребностью всех советских людей», а для этого нужно «покончить с пережитками прошлого»: «сорняки быстро разрастаются, если вовремя не обезвредить их» [20, с. 192, 195].

В принятой программе КПСС часть первая была посвящена переходу от капитализма к коммунизму как единственному пути «развития человечества», а часть вторая сформулировала новые задачи КПСС «по строительству коммунистического общества» [20, с. 366–367]. «Преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей» в том числе рассматривалось как борьба партии с «проявлени-

ями <…> фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах» [20, с. 412–413]. Но главное внимание было сосредоточено «в области воспитания коммунистической сознательности» [20, с. 409–413]. Для «коммунистической сознательности» необходимо было «формировать научное мировоззрение», развивать «трудовое воспитание» и «утверждать коммунистическую мораль». В программе говорилось: «В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми». Были сформулированы нравственные принципы «морального кодекса строителя коммунизма» [20, с. 409–411].

Существует два подхода к оценке двенадцати пунктов «морального кодекса строителя коммунизма». С одной стороны, пишут и говорят о том, что кодекс был «взят у христианства» и является «примитивной выдержкой Библии». С другой стороны, утверждают: моральный кодекс строителя коммунизма является полной противоположностью декалога (десяти заповедей) Моисея и заповедей блаженства Нагорной проповеди. Это так и не совсем так. Эти нравственные принципы строителя коммунизма начинаются с абсолютно странного посыла – не любовь к своей Родине, а «любовь к социалистической Родине, к странам социализма», «непримиримость к врагам коммунизма». И в то же время здесь присутствуют абсолютные духовно-нравственные ценностные ориентиры: «кто не работает, тот не ест», «каждый за всех, все за одного», «человек человеку – друг, товарищ и брат», «честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни», «братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами». Партия должна была заниматься «воспитанием нового человека, сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [20, с. 410–411].

В принятом уставе КПСС, в первом разделе «Члены партии, их обязанности и права», во втором пункте, где перечисляются обязанности члена партии, было сформулировано: «Вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками и дру-

гими пережитками прошлого, соблюдать принципы коммунистической морали, ставить общественные интересы выше личных» [20, с. 431].

В феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде обратили внимание на то, что «религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих» [36, с. 384]. 25 августа 1962 г. вышло постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР по записке Совета по делам религиозных культов «О некоторых мерах по отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов». Вышло также постановление Совета Министров РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Оно предписывало советам министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, Московскому и Ленинградскому горисполкомам «создать органам записи актов гражданского состояния надлежащие условия для работы по внедрению новых гражданских обрядов путем выделения для них благоустроенных помещений, предоставления им для этих целей Дворцов и Домов культуры, клубов, залов заседаний, театров, предусматривать в проектах планировки и застройки городов и поселков строительство Дворцов счастья» [9, с. 419]. Были намечены мероприятия по пересмотру всей системы обрядов, сопровождающих акты гражданского состояния. Первое Всесоюзное совещание-семинар по советским обрядам состоялось в Москве в мае 1964 г., второе – в Киеве только через 14 лет [9, с. 413].

Начались поиски новых праздников взамен старых: «Проводы русской зимы» как альтернатива Масленице, Первомай – Пасхе, а «Праздник русской березки» – Троице. Социалистические обряды, по мнению инициаторов, лишь помогали снять религиозную оболочку с «действительно народных праздников». В мусульманских татарских районах «Народным праздником весны» стал называться Сабантуй. Обычно Сабантуй в виде районного сельского праздника состоял из подведения итогов весенне-полевых работ, премирования передовиков, выступления коллективов художественной самодеятельности, спортивных игр, народных песен и танцев. На аренах стадионов и во Дворцах спорта ежегодно проводился «Праздник урожая» (или «Праздник золотой осени») [9, с. 414–415].

Радикальные изменения претерпевали органы ЗАГС, которые, собственно, и отвечали за гражданскую обрядность. В конце 1956 г. отделы ЗАГС были выведены из подчинения МВД и переданы органам исполнительной власти, то есть исполкомам местных Советов. Сотрудники ЗАГСов сняли форму и погоны [9, с. 416–417].

1 ноября 1959 г. в Ленинграде открылся первый в стране Дворец бракосочетания, или, как он тогда назывался, Дворец счастья. Второй Дворец счастья (бракосочетания) открылся в феврале 1963 г., но и этого оказалось недостаточно. По инициативе трудящихся Выборгского района Ленинграда в октябре 1965 г. был открыт первый районный Дворец счастья, а затем такие же Дворцы были открыты в Московском, Невском, Кировском районах Ленинграда и в ряде районов Ленинградской области. За десятилетие в Ленинграде и Ленинградской области была создана целая система районных Дворцов счастья (бракосочетания). Инициативу Ленинграда подхватили многие города Советского Союза. В 1970 г. в СССР насчитывалось около 600 Дворцов счастья [29, с. 76, 81–82].

В июне 1960 г., «обобщив накопленный опыт», Президиум ВС РСФСР принял постановление «О работе органов ЗАГС в РСФСР», по которому вводились торжественная речь ведущего свадебную церемонию, обмен кольцами и музыкальное сопровождение [9, с. 417]. Свадебный «новый» ритуал включал клятву, обмен кольцами, присутствие представителя органов власти, брачное свидетельство и поздравления от исполкома, а также «свадебный поезд», состоящий из вереницы машин, которые следовали по центральным магистралям города и возлагали цветы к памятнику В.И. Ленину [29, с. 77–79].

В Ленинграде возникла также идея проведения нового ритуала чествования ветеранов советской семьи, проживших в добром согласии 25 лет (серебряная свадьба) и 50 лет (золотая свадьба). Чествования «староженов» устраивались во Дворце счастья с вручением медалей, поздравительных адресов и т. д. Во Дворцах счастья открывались «Клубы молодоженов». Программа «Клуба молодоженов» содержала серию вечеров и встреч, которые привлекали своей тематической направленностью и глубоким содержанием. Среди них такие вечера: «Об очень личном», «Еще раз про любовь», «У вас будут дети», «В гостях у друзей и в роли хозяев». В Ленинграде комиссия по но-

вым гражданским обрядам при горисполкоме приняла решение о проведении помолвки во Дворцах бракосочетания и в ЗАГСах во время приема заявлений вступающих в брачный союз. Помолвленным вручалась печатная памятка «Советы вступающим в брак» [29, с. 80–81, 88–89]. Это стало одной из причин появления в 1964 г. «института свидетельствования» – определенного срока ожидания регистрации брака и присутствия свидетелей со стороны новобрачных.

В июле 1963 г. комсомольцы завода «Светлана» выступили в газете «Ленинградская правда» со статьей, в которой писали: «Мы не можем, не должны мириться с тем, что некоторые молодые родители еще крестят своих детей, совершают этот отживший религиозный обряд. Крещение детей – это дань старому, уступка религии. Зачем же нам делать эту уступку? Мы предлагаем потеснить здесь церковь, создав наш, советский обряд торжественного посвящения нового человека социалистического общества» [29, с. 92].

Это письмо обсуждалось на заседаниях бюро горкома КПСС и бюро горкома комсомола. По их рекомендации исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся принял решение об организации торжественной регистрации новорожденных и о создании специализированных Дворцов для проведения торжественных ритуалов имянаречения. Одновременно началось оборудование нового ритуального Дворца, который получил название «Малютка». До его введения в строй торжественная регистрация новорожденных в Ленинграде стала проводиться со 2 ноября 1963 г. во Дворце бракосочетания, а также в крупнейших Дворцах культуры: Выборгском, имени Ленсовета, имени С.М. Кирова, имени А.М. Горького, во Дворце искусств. Открытие Дворца «Малютка» состоялось в канун 48-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции – 5 ноября 1965 г. За пять лет в нем было зарегистрировано 40 % родившихся в этот период в Ленинграде. Вскоре число заявок на проведение торжественных ритуалов так возросло, что пришлось оборудовать новые Дворцы в ряде районов города. Они были открыты в Выборгском, Московском, Невском и других районах [29, с. 92–93, 96].

Повсеместно с 1964 г. «в целях более активного внедрения в быт советских людей безрелигиозных праздников и новых гражданских обрядов» исполкомы городских советов создавали на общественных

началах комиссии по гражданским обрядам, которым рекомендовалось организовывать совместно с городскими ЗАГСами, отделами культуры и образования, милиции праздники: русской березки, белых ночей, совершеннолетия, русской зимы, проводов в армию, на заслуженных отдых, чествования матери-героини, посвящения в рабочий класс, окончания школы, первого звонка и др. Таким образом, складывался годовой круг календарных праздников, относящихся не только к общественно-политическим «красным» событиям (годовщина Великого Октября, Первое мая, День Конституции, Международный женский день), но и к семейно-бытовым событиям: свадьбе, помолвке, новоселью, дню рождения, серебряной или золотой свадьбе, встрече Нового года.

Комиссии по внедрению в быт трудящихся новых гражданских праздников и обрядов в основном занимались составлением планов трудовых праздников и вечеров: чествования рабочих династий, золотых и серебряных свадеб ветеранов, торжественного присвоения молодым рабочим разряда, заводских «Дней первоклассника» и торжественных вечеров трудящихся «Гимн труду» [9, с. 416].

Статистика крещений, отпеваний и венчаний в 1961 г. оставалась еще приблизительно на уровне 1960 г. Так, по 26 областям и автономным республикам РСФСР процент крещений колебался от минимальной цифры 9 % новорожденных в Курганской области до 60 % в Ярославской, церковных погребений – от 7 % в Архангельской области до 79 % в Кировской, церковных венчаний – от 0,2 % в Архангельской области до 11 % в Горьковской [26, с. 283]. Однако после 1961 г. наблюдается резкое снижение доли крещения новорожденных, венчания среди бракосочетавшихся и отпевания умерших. В Краснодарском крае в 1958 г. крещений было 28 %, венчаний – 3 % и погребений – 28 %, а в 1964 г. – соответственно 19, 0,5 и 8 % [2, с. 103]. В Эстонии в 1958 г. крестилось 49,3 % родившихся, венчалось 28 % из всех брачующихся, были похоронены по христианской традиции 65,9 % умерших, а в 1963 г. крестилось 20 %, венчалось 6,7 % и погребалось 52,6 % [16, с. 20].

18–21 июня 1963 г. пленум ЦК КПСС обсудил вопрос «Очередные задачи идеологической работы партии» и принял соответствующее постановление. В постановлении отмечалась опасность «идеоло-

гических диверсий» под флагом антикоммунизма и «оголтелого империализма». Особо отмечалось, что в «войне идей» под прикрытием лозунга мирного сосуществования идеологий «пытаются протащить в наше общество лживые концепции “беспартийности” искусства, “абсолютной свободы творчества”, безыдейности и аполитичности, “конфликта поколений”, разложить идейно неустойчивых людей. Проповедь мирного сосуществования идеологий есть измена марксизму-ленинизму, предательство дела рабочих и крестьян» [15, с. 353].

На пленуме призвали «сосредоточить усилия партии, государственных органов, профсоюзов, комсомола и всех других общественных организаций» на «формирование коммунистического мировоззрения трудящихся; преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении советских людей» [15, с. 356]. В связи с этим следовало продолжить «вести настойчивую борьбу против религиозных пережитков, шире развернуть научно-атеистическую работу. Движение за коммунистический труд нужно на деле соединить с движением за коммунистические отношения в быту» [15, с. 359].

Решения пленума легли в основу работы идеологической комиссии ЦК КПСС, возглавляемой секретарем ЦК Л.Ф. Ильичевым, по разработке рекомендаций в области атеистического воспитания. Этот проект рекомендаций обсуждался на расширенном заседании комиссии в декабре 1963 г. и, получив одобрение ЦК, был опубликован в газете «Правда» 2 января 1964 г. как постановление ЦК КПСС под названием «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения» [35, с. 443].

Мероприятия сводились к следующему:

1) научная разработка проблем атеизма и подготовка специалистов-антирелигиозников,

2) атеистическая учеба кадров,

3) использование в атеистическом воспитании всех средств идейного воздействия,

4) атеистическое воспитание детей и подростков,

5) контроль за соблюдением советского законодательства о культах,

6) организация атеистической работы [24, с. 85–92].

В результате 2 января 1964 г. был основан Институт научного атеизма (ИНА) при Академии общественных наук (АОН). На ИНА возлагались «руководство и координация всей научной работой в области атеизма, проводимой институтами Академии наук СССР, высшими учебными заведениями и учреждениями Министерства культуры СССР; подготовка кадров высшей квалификации; организация комплексной разработки актуальных проблем научного атеизма; проведение общесоюзных научных конференций и творческих семинаров». На базе издаваемого Институтом истории Академии наук СССР сборника «Вопросы истории религии и атеизма» и ежегодников Ленинградского музея истории религии и атеизма организовали выпуск два раза в год сборника «Вопросы научного атеизма» [24, с. 86]. С 1966 по 1989 г. вышло 39 сборников.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР с 1964/65 учебного года на исторических и философских факультетах университетов, исторических и историко-филологических факультетах педагогических высших учебных заведений вводило специализацию части студентов по научному атеизму (на стационаре, вечерних и заочных отделениях). Предусматривалось создание кафедр научного атеизма в ряде университетов и педагогических институтов, а также отделений по атеизму в институтах повышения квалификации при Московском и Киевском университетах [24, с. 86–87]. К 1981 г. в вузах СССР было открыто 32 кафедры научного атеизма.

С 1964/65 учебного года в университетах, медицинских, сельскохозяйственных и педагогических высших учебных заведениях вводилось преподавание обязательного (со сдачей экзамена) курса «Основы научного атеизма», а в остальных высших учебных заведениях – преподавание факультативного курса. Основы научного атеизма преподавались также в медицинских, педагогических и культурно-просветительных училищах [24, с. 87].

Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии предусматривал ежегодный выпуск кинофильмов на атеистические темы. Вводились соответствующие отделы в журналах «Агитатор», «Политическое самообразование», «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Природа», «Здоровье», «Работница», «Крестьянка», «Смена», а также в

аналогичных республиканских журналах. В постановлении призвали Всесоюзное радио и Центральное телевидение, а также республиканские и областные радио- и телестудии практиковать систематическое проведение радио- и телевизионных атеистических передач для различных категорий слушателей и зрителей (особенно цикловые лектории и журналы, беседы за круглым столом, ответы на вопросы), привлекая для этого пропагандистов атеизма и ученых, создавать телефильмы на атеистические темы [24, с. 88–90].

В постановлении было уделено внимание вопросу «активного внедрения в быт советских людей безрелигиозных праздников и ритуалов». Давалось поручение «местным Советам депутатов трудящихся предусматривать в проектах застройки городов и поселков строительство Дворцов счастья; активнее использовать в этих целях Дома культуры, установить (с учетом местных особенностей) порядок официальной части при регистрации ребенка, выдаче паспорта, бракосочетании и при других важных событиях в жизни советских людей» [24, с. 90]. В свою очередь, партийным комитетам и первичным парторганизациям совместно с профсоюзными и комсомольскими комитетами было предложено «разобраться с состоянием религиозности в каждом населенном пункте и коллективе», а также «вовлекать верующих в общеобразовательные кружки и школы» [24, с. 91].

Для атеистического воспитания детей и подростков рекомендовалось усиливать антирелигиозную направленность школьных программ, особенно по обществоведению, использовать для атеистического воспитания школьников различные формы внеклассной и внешкольной работы (клубы и уголки юных атеистов, лекции, беседы, вечера, экскурсии, культпоходы в кино и театры и др.), а для атеистической учебы родителей – педагогические народные университеты и школы матерей [24, с. 91].

Намечено было активизировать работу комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах при районных и городских исполкомах Советов депутатов трудящихся и поручить первичным парторганизациям выделить коммунистов, ответственных за организацию атеистической работы [24, с. 92].

Таким образом, период «хрущевских гонений» на религию можно с уверенностью отнести к 1958–1964 гг., то есть «безбожной

семилетке». Именно тогда была поставлена цель построить коммунистическое общество и вместе с тем трансформировать общественное сознание, вытеснив из социокультурного пространства религию. Это было не буквальным повторением методов эпохи «красного террора», «безбожных пятилеток» и «большого террора», так как были применены более разнообразные тактические приемы в политической борьбе за «научное мировоззрение». «Штурм небес» новыми средствами не привел в конечном итоге к победе «коммунистического мышления», однако такое целенаправленное и систематическое наступление на религиозные организации способствовало вытеснению религии на «периферию» общественного сознания и созданию сегрегационной модели государственно-конфессиональных отношений.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. «Имеющий ухо да слышит…» // Русская православная церковь в советское время (1917–1991) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М., 1995. – Кн. 1. – С. 10–57.

2. Беликова Н.Ю. О влиянии советской обрядности на религиозность населения Краснодарского края в начале 1960-х гг. // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1 (57). – С. 102–105.

3. Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 124–130.

4. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. Ч. I. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 589 с.

5. Глушаев А.Л. Антирелигиозная кампания 1954 года: мобилизационные практики и повседневность (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – Вып. 2 (16). – С. 120–129.

6. Гордиенко Н.С. Современное православие / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС ; Ин-т науч. атеизма. – М. : Мысль, 1968. – 143 с.

7. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС : док. – М. : РОССПЭН, 2002. – 912 с.

8. Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – Сб. 1. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 524 с.

9. Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30, № 3-4. – С. 408–429.

10. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М. : Изд-во ВСЕХБ,1989. – 623 с.

11. Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. / С.-Петерб. гос. техн. ун-т; Науч. совет гос. н.-и. прогр. «Народы России: возрождение и развитие». – СПб., 1995. – 138 с.

12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 7. 1938–1945. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1985. – 574 с.

13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 8. 1946–1955. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1985. – 542 с.

14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 9. 1956–1960. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1986. – 574 с.

15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 10. 1961–1965. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1986. – 494 с.

16. Константинов Д.В. Религиозное движение сопротивления в СССР. К 50-летию советской диктатуры. – Лондон (Онтарио) : Изд-во СБОРН, 1967. – 71 с.

17. Куксенко С.И. Историческая наука о периодизации так называемого «хрущевского наступления» на Русскую православную церковь // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 3 (16). – С. 158–164.

18. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М. : Политиздат,1981. – 263 с.

19. Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС; Ин-т науч. атеизма. – М. : Мысль, 1971. – 270 с.

20. Материалы XXII съезда КПСС. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. – 453 с.

21. Наука и религия. Ежемесячный научно-популярный атеистический журнал Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. – 1961. – № 10.

22. Одинцов М.И. «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства»: доклад председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных 21 апреля 1960 г. // Исторический архив. – 1999. – № 2. – С. 64–91.

23. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – М. : Прогресс, 1989. – С. 29–71.

24. О религии и церкви : сб. док. – М. : Политиздат, 1965. – 128 с.

25. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). – Ф. 105. – Оп. 8. – Д. 301.

26. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М. : Республика, 1995. – 511 с.

27. Правда. Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. – 1959. – 21 авг.

28. Прокофьев В.И. Непримиримость науки и религии. Серия III, № 45. – М. : Знание, 1952. – 32 с.

29. Руднев В.А. Советские обычаи и обряды. – Л. : Лениздат, 1974. – 150 с.

30. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский и др. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 800 с.

31. Смирнов М.Ю. Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание // Вестник Ленинградского государ-

ственного университета имени А.С. Пушкина. – 2018. – № 3. – С. 144–171.

32. Хакимов Р.Ш. Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. – Челябинск, 2013. – 735 с.

33. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. / Серия «Первая монография». – М. : АИРО-XX, 1999. – 248 с.

34. Чумаченко Т.А. К вопросу об отставке Г.Г. Карпова с должности председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 18 (119). – С. 138–144.

35. Шахнович М.М. Концепт «научный атеизм»: история его конструирования и введения в философию и политическую практику (1954–1964) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38, вып. 3. – С. 436–448.

36. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – 399 с.

УДК 322:94(47).084.9

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД ГОНЕНИЙ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА (1958–1964)

Савкин Андрей Александрович
студент Омского государственного педагогического университета, г. Омск
savein00@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из трагических периодов в истории Русской православной церкви – церковным гонениям 1958–1963 гг. В это лихое пятилетье продолжилась антирелигиозная кампания, проходившая в первые годы существования советской власти. Суть кампании заключалась в ликвидации православия как антигосударственного, антикоммунистического культа. Антирелигиозная кампания сопровождалась закрытием храмов и монастырей, ссылкой в лагеря священнослужителей, сокращением количества приходов, однако церкви и храмы были сохранены.

Ключевые слова: русская церковь, всеобщий атеизм, преследование церкви, Архиерейский собор 1961 г.

THE RUSSIAN CHURCH DURING THE PERIOD OF PERSECUTION DURING THE REIGN OF N.S. KHRUSHCHEV (1958–1964)

Savkin Andrey A.
Student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Omsk State Pedagogical University
savein00@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to one of the tragic periods in the history of the Russian Orthodox Church – the period of church persecution from 1958 to 1963. In this dashing five-year period, the anti-religious campaign that took place in the first years of the existence of Soviet power continued. The essence of the campaign was to eliminate Orthodoxy as an anti-state, anti-communist cult. The anti-religious campaign was accompanied

© Савкин А.А., 2024

by the closure of churches and monasteries, exile to the camps of the clergy, reduction in the number of parishes, but churches and temples were preserved.

Key words: Russian Church, universal atheism, persecution of the church, Bishops' Council of 1961.

Политическая культура советского общества начала формироваться сразу после Октябрьской революции. Данный процесс проходил в условиях жесткого противостояния государства с церковью. 26 октября 1917 г. большевики провели II Всероссийский съезд Советов, который утвердил декрет о земле, согласно которому происходила национализация всех земель в стране, в том числе церковно-монастырские земли отбирались у прежних хозяев и передавались народу [1, с. 113–115], затем в 1918 г. был принят декрет об отделении от Церкви школы. В первые годы существования советской власти происходило постепенное вытеснение русской Церкви из всех сфер общественной жизни.

Новая волна гонений на церковь началась в 1924 г. За шесть лет благодаря советской идеологии в среде молодежи было сформировано мировоззрение, основанное на базисе классовой борьбы, т. е. молодой человек должен быть не только смелым, упорным и уверенным, но и ярым сторонником большевиков, которые боролись на тот момент не только с идеологическими противниками (эсерами, меньшевиками), но и с церковью [3, с. 253]. В течение 1924–1929 гг. антирелигиозная борьба достигла пика. Данная борьба заключалась в том, что священнослужителей лишали сана, был в 1925 г. упразднен сан патриарха, священников и представителей религиозного актива из числа мирян отказывались устраивать на работу.

В марте 1958 г. Никита Сергеевич Хрущев после борьбы за власть со сторонниками Молотова, Кагановича возглавляет Совет Министров. Начался период «оттепели», ознаменованный частичной реабилитацией жертв сталинских репрессий и улучшением дипломатических отношений с США и странами Запада [6, с. 605].

В 1958 г. снова был сделан упор на всеобщий атеизм, началось новое наступление на Церковь. План Н.С. Хрущева предусматривал окончательную ликвидацию Православной церкви к 1998 г. Не подвело нового государственного лидера и его идеологическое окружение –

М.А. Суслов, Е.А. Фурцева, Л.Ф. Ильичев, Л.Н. Поспелов. 1958–1964 гг. стали для Церкви периодом новых преследований [2, с. 205].

Методы борьбы против сторонников Православной церкви изменились, теперь их, в отличие от предшественников, не обвиняли в контрреволюционном заговоре и не истребляли, по сравнению с 1930-ми гг. наказания в 1958–1964 гг. были мягче: увольнение с работы, недопущение к поступлению в высшие учебные заведения.

4 октября 1958 г. ЦК принял секретное постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам "О недостатках научно-атеистической пропаганды"». Документ обязывал местное руководство приступить к борьбе с «религиозными пережитками». Через двенадцать дней были приняты постановления «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей». Первое постановление предусматривало сокращение числа монастырей и принадлежавших им земельных угодий [2, с. 22–23], второе – должно было подорвать финансовую базу Православной церкви [4, с. 30]. С этой целью был увеличен налог на производство свечей в патриархийных мастерских почти в 70 раз. На грани разорения оказались не только храмы, но и целые епархии. С целью сохранения церкви вынуждены были отказываться от больших хоров. Остановили ремонт многих храмов.

Председатель Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) Г.Г. Карпов был признан неподходящим для своей должности и 21 февраля 1960 г. уволен. Новым председателем стал В.А. Куроедов.

При нем усилилось преследование Церкви. Согласно новому постановлению от 16 марта 1961 г., решения о закрытии храмов могли приниматься на местном уровне, то же касалось церковного колокола. Страну захлестнула новая волна разрушения храмов. Были разрушены сохранившиеся в 1930-е гг. монастырские постройки и церкви – Воскресенский собор в Красноярске, Николаевский собор в Полоцке, Преображенский храм в Москве, церковь Спаса на Сенной в Ленинграде (рис. 1–3).

31 марта 1961 г. Куроедов предложил постоянным членам Синода реформировать систему приходского управления, поскольку в религиозных общинах власть «диктаторская», так как принадлежит одному священнику, а в стране – «подлинная демократия». То, что

Церковь отделена от государства, советский чиновник не упомянул. Совет по делам РПЦ предложил отстранить священника от управления приходом, превратив его в наемника. Власть на приходе должна была передаваться приходскому совету. Тем самым государство могло полностью контролировать РПЦ.

Рис. 1. Воскресенский собор в Красноярске

Рис. 2. Николаевский собор в Полоцке

Рис. 3. Преображенский храм в Москве

Власть на приходе должна была передаваться приходскому совету. Тем самым государство могло полностью контролировать РПЦ. Возобновило свое действие постановление от 1929 г. «О религиозных объединениях», согласно которому священнослужителям запрещалось участвовать в делах религиозной общины. 18 апреля 1961 г. Синод согласился с приходской реформой, советскому руководству нужно

было создать видимость, что решение одобрено соборным голосом Церкви. При этом Собор нужно было провести как можно быстрее, чтобы не дать архиереям возможности внимательно ознакомиться с документами и выработать общую программу противодействия. Намеченная реформа подвергалась критике со стороны архиепископа Симферопольского и Крымского Луки, архиепископа Калужского и Боровского Ермогена и епископов Доната и Андрея. Советская администрация со своей стороны настаивала на увольнении несогласных.

Архиерейский собор состоялся 18 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой лавре. Сами архипастыри в большинстве своем не знали о готовящемся Соборе и приехали в лавру на праздник преподобного Сергия Радонежского. Лишь по окончании торжеств было объявлено об открытии Собора. По результатам Собора священникам запретили совершать требы без разрешения местной власти, продолжался процесс закрытия храмов и монастырей (в 1961–1965 гг. было закрыто 5 457 храмов). Основной удар был нанесен по сельским храмам: в городах закрытие церквей могло вызвать ненужный властям шум. Однако антицерковная кампания не обошла стороной и города. Даже в областных центрах количество приходов сократилось до одного-двух [8, с. 320–335].

Основным механизмом закрытия храма стало введение запретов на ремонт обветшавших храмов – их признавали его «аварийными» и закрывали. Были отменены организованные паломничества.

В тяжелейшем положении оказалась Успенская Почаевская лавра (рис. 4). В отличие от Троице-Сергиевой и Киево-Печерской, она находилась в украинской глубинке и иностранцами посещалась мало. Государству казалось, что с ликвидацией этой обители особых проблем быть не должно.

У Почаевской лавры были отобраны все строения, примыкающие к обители, а также ряд помещений внутри монастыря. Возле святых врат в здании семинарии был организован «Музей атеизма», в который были отобраны многие ценные предметы, принадлежащие лавре. Гостиница для паломников была превращена в психиатрическую больницу. Монастырю не продавали топливо, и инокам приходилось зимовать в холодных помещениях. Известно множество случаев, когда братию вызывали в милицию, заставляли уехать, для убедительности подкрепляя свои требования побоями.

Рис. 4. Успенско-Почаевская лавра

Бывало так, что монахов насильно забирали из монастыря, ставили в паспорт штамп о выписке и увозили как можно дальше от обители. Жертвами подобных преследований стали лаврский подвижник и чудотворец – преподобный Амфилохий (Головатюк) (отправлен в психбольницу, а затем ему запретили появляться возле монастыря), наместник монастыря архимандрит Севастиан (Пилипчук) (арестован и помещен под домашний арест во Львове). Казалось, что лавра прекратит существование к 1964 г. То, что она выстояла, казалось чудом даже ее насельникам.

Сильный натиск испытал в эти годы еще один центр паломничества – Псково-Печерский монастырь (рис. 5). Сюда, к чудотворной иконе Божией Матери, мощам преподобного мученика Корнилия и других подвижников, паломники стекались со всей страны. Эта обитель стала приютом для многих архипастырей, находившихся на покое. Здесь жил епископ Гавриил (Абалымов), после освобождения из лагерей так и не получивший назначения на кафедру.

Попытки закрыть эту обитель предпринимались неоднократно. Псковские областные власти настаивали на передаче зданий монастыря под машинно-тракторную станцию. Большое благо для монастыря – то, что в эти тяжелые годы его наместником был архимандрит Алипий (Воронов), фронтовик, прошедший войну от Москвы до Берлина, замечательный художник, к которому ездили за консультациями живописцы и реставраторы со всей страны. Благодаря стараниям архимандрита монастырь сохранился.

Удалось также отстоять Пюхтицкий монастырь в Эстонской ССР (рис. 6). Монастырь сохранился благодаря организации визитов

зарубежных делегаций. После таких посещений в западной прессе появлялись восторженные статьи о монастыре. Для сохранения хорошего мнения Запада советские власти сохранили монастырь.

Рис. 5. Псково-Печерский монастырь

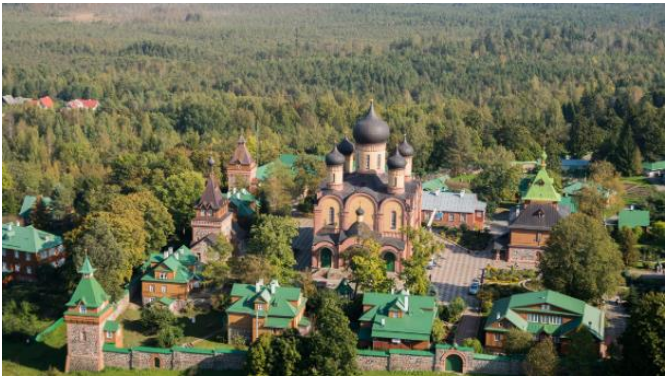

Рис. 6. Пюхтицкий монастырь

Советская администрация уделяла внимание и кадровому составу епископата. К началу 1960-х гг. уже умерли сумевшие дать отпор советской власти, прошедшие через концлагеря епископ Вениамин (Милов) (в 1955 г.), архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) (в 1961 г.), митрополит Антоний (Романовский) (в 1962 г.), а также архиереи-реэмигранты, проведшие 1920–1940-е гг. за границей и в силу сло-

жившегося у них менталитета не привыкшие кланяться властям. В 1952 г. умер архиепископ Сергий (Королев), в 1958 г. – архиепископ Ювеналий (Килин), в 1961 г. – архиепископ Никандр (Викторов), в 1962 г. – митрополит Нестор (Анисимов). Теперь советская власть допускала на архиерейские кафедры только лояльных священнослужителей, которые не интересовались сохранением Церкви. Данная политика не всегда была успешна. Архиереев, отказывавшихся поддерживать закрытие храмов, подвергали преследованиям со стороны власти. В сентябре 1960 г. по требованию Совета по делам РПЦ был уволен с Ташкентской кафедры архиепископ Ермоген (Голубев). В том же году был арестован архиепископ Казанский Иов (Кресович) – за неуплату налогов с «представительских сумм». В 1961 г. был отдан под суд архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий), уже прошедший лагеря в сталинские годы. Истинной причиной стало противодействие архипастыря закрытию храмов, но местное руководство обвинило его в незаконной покупке масла. Процесс должным образом освещался в прессе. Хотя архиепископ Вениамин был оправдан, беззаконные властители максимально использовали этот процесс для дискредитации Церкви. В 1963 г. по ложному обвинению в экономических злоупотреблениях и за «безнравственное поведение» был приговорен к восьми годам лишения свободы архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко). В том же году под домашним арестом в Кишиневе умер архиепископ Венедикт (Поляков) [9, с. 68]. Судебные дела против клириков прошли по всей стране. Пресса умело раздувала эти дела, зная, что за клевету наказаний не будет.

Попытки противостояния антирелигиозной политике государства заключались в спасении прихожанами храмов, обращениях с жалобами в Верховный Совет. После подобных обращений приход могли оставить в покое. Большой резонанс получило выступление патриарха Алексия I на Конференции советской общественности за разоружение 16 февраля 1960 г. [6, с. 750].

Речь патриарха, для того времени очень смелая, была опубликована в «Журнале Московской Патриархии». Для Святейшего это выступление прошло без последствий, однако отчасти повлияло на судьбу митрополита Николая, увольнение которого связывали с тем, что патриаршее выступление готовил он.

В непростом положении оказались иерархи и священники Московского патриархата, служившие за границей и вынужденные говорить об отсутствии гонений. Это приводило к тому, что клирикам Московского патриархата в западных странах не доверяли и их приходы не были многолюдными. Исключением были лишь храмы в социалистических странах и в Святой земле. Правдивые высказывания зарубежных иерархов и клириков Московской патриархии вели к преследованиям и увольнениям.

Даже в эти тяжелые для Церкви годы продолжалось духовническое служение.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 г. ее монахи были выселены из обители. Старцы монастыря схиархимандриты Андроник (Лукаш) и Серафим (Романцов) переехали в Грузию, где смогли устроиться благодаря митрополиту Тетрицкаройскому Зиновию (Мажуге). Отсюда они вели переписку, здесь принимали духовных детей.

В Псково-Печерском монастыре совершал молитвенный подвиг преподобный Симеон (Желнин) († 1960). Этот подвижник пришел в Псково-Печерский монастырь еще в 1896 г. Каждый день святой совершал литургию, а потом весь день трудился в монастырской столярной мастерской.

До последних дней принимал посетителей святитель Афанасий (Сахаров), проживавший в г. Петушки Владимирской области. С духовничеством епископ совмещал литургические труды.

Рис. 7. Преподобный Кукша (Величко)

Большую известность имел и преподобный Кукша (Величко) (память 29 сентября), долгие годы живший на Афоне и в Святой земле, а после революции служивший в Киеве (рис. 7). В 1938 г. отец Кукша был арестован, находился на изнурительных лагерных работах под Соликамском. После освобождения преподобный поселился в открытой при немецкой оккупации Киево-Печерской лавре, где сразу же стал почитаться как духовник. Советское руководство, недовольное его популярностью, в 1951 г. потребовало от священноначалия удалить святого из Киева. Старец переехал в Почаевскую лавру, затем

служил в Крещатицком Иоанно-Богословском монастыре под Черновцами, затем – в одесском Успенском монастыре. В хрущевские годы власти всеми способами препятствовали народу посещать преподобного, однако остановить людской поток было невозможно.

Таким образом, вторая волна гонений на Церковь была наиболее успешной, чем первая – до 1943 г., нацеленная в основном на раскол Церкви. Продолжалось закрытие и снесение храмов, многих священников лишили сана, прихожанам был закрыт доступ к получению высшего образования и устройству на высокие посты. Однако церкви и храмы в большинстве своем удалось сохранить.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т. 1.
2. Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008) : учебное пособие / Православ. Св.-Тихонов. гуманит. ун-т. – М., 2018. – 366 с.
3. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии: 1920–1930 годы. – СПб. : Нева : Летний сад, 1999. – 316 с.
4. Ленин В.И. Доклад о земле 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1969. – Т. 35.
5. О монастырях в СССР : Постановление СМ СССР № 1159 от 16 октября 1958 г. // Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и док. – 2-е изд. – М. : Юрид. лит., 1971. – С. 36.
6. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров − Совете Министров СССР. 1945−1970 гг. Т. 1: Письма 1945−1953 гг. / Н.А. Кривова, Ю.Г. Орлова, О.В. Лавинская и др. – М. : РОССПЭН, 2009. – 847 с.
7. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». – М. : ОЛМА-пресс, 2002. – 714 с.
8. Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью: в 2 кн. / сост. Г.М. Штриккер. – М. : Пропилеи, 1995. – 400 с.
9. Чумаченко Т.А. Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2014. – № 19 (348). – С. 82–90.

УДК 322: 94(571).084.9

ШАМАНСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.[1]

Гореликов Андрей Иванович
кандидат исторических наук, доцент
Комсомольского-на-Амуре государственного университета,
г. Комсомольск-на-Амуре
Gorelikov-Andrey@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка дать оценку социально-медицинской практике института шаманства, сформировавшейся на протяжении длительной адаптации коренных малочисленных народов к суровым природно-климатическим условиям обширной территории Дальнего Востока.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Дальний Восток, религиозные воззрения, шаманские медицинские практики.

SHAMANISM AS A FACTOR OF SOCIAL AND MEDICAL PRACTICE AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Gorelikov Andrey I.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur
Gorelikov-Andrey@mail.ru

Abstract. In the article, the author attempts to assess the socio-medical practice of the Institute of shamanism, formed during the long adaptation of indigenous peoples to the harsh natural and climatic conditions of the vast territory of the Far East.

Key words: indigenous peoples, the Far East, religious beliefs, shamanic medical practices.

© Гореликов А.И., 2024

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01366 (https://rscf.ru/project/23-28-01366).

Направленность эволюции традиционных обществ как биологического объекта создала оригинальную систему уклада жизни аборигенов Дальнего Востока. Особенно важно отметить, что была сформирована система религиозных воззрений, жизненно обеспечившая стабильность их благополучного существования.

С типологической точки зрения историческая наука рассматривает систему религиозных воззрений малочисленных этносов как анимизм. Религиозные воззрения составляли основу жизнеустройства архаичных обществ. Вне религиозных представлений, исходя из особенностей сформировавшегося мировоззрения аборигенов, не могла существовать их традиционная экономика (охотничий промысел, рыболовство, собирательство). Исходя из мировоззрений, например, удэгейцы старались, как пишет А.Ф. Старцев в своем исследовании этнокультурного развития традиционных обществ Приамурья, не допустить неблаговидных поступков, боялись последующего наказания в виде неудачи на охоте, рыбалке, в других видах промысловой деятельности [5, с. 293].

Все существующее в мире в традиционном мировоззрении аборигенами воспринималось как гармоничные отношения между природой и человеком. Такое сочетание в достаточной степени позволяло объяснить явления: мир, природа, человек. Небо, земля, вода, тайга и тундра населялись в сознании малочисленных этносов всевозможными духами, оказывающими влияние на все стороны их жизни.

Сложившийся институт шаманства был носителем традиционных ценностей, обеспечивал гармонию человека с природой. Основу жизненно важных религиозных воззрений составляли анимистические представления в единстве, сочетавшие тотемизм и фетишизм. В условиях бесписьменной культуры традиционных обществ сложившиеся представления окружающегося мира информационно передавались от поколения к поколению орнаментальным искусством. Главенствующее положение в религиозно-мифологической системе занимал институт шаманства.

В традиционных обществах шаман воспринимался как посредник между человеком и миром духов. Он призван был объяснять происхождение и строение мира, анализировать и предсказывать будущее, быть знатоком народных обычаев и традиций. В некоторой мере

изображение фрагментов творения мира на шаманской одежде, шаманская иконография, обрядная практика, промысловые ритуалы позволяют рассматривать институт шаманства как начальную форму религиозных воззрений коренных малочисленных народов. Функции шамана были весьма разнообразны. Ученые, изучавшие медицинскую практику шаманства у нанайцев, обратили внимание на многообразные типы ритуалов: переговоры с духами с целью восстановить здоровье, придание жизнеспособности человеку, поиск причин болезни, непосредственное лечение способами народной медицины [4, с. 189].

Знание традиционной медицины и применение ее на практике является культурно-историческим наследием малочисленных этносов, где основным носителем этих знаний выступал шаман. В основе медицинской практики шаманов лежали анимистические представления о причинах болезни и ее лечении, мерах предупреждения. В лечебном процессе шаманского врачевания использовались традиционные приемы общей медицинской практики, от которой зависел благоприятный исход. В архаических обществах действия шамана-врачевателя как обладателя специфического набора целительных средств были широко востребованы.

Важно отметить, что единственным средством оздоровительной практики шаманов-лекарей была народная медицина, достаточно хорошо развитая для того времени. В словаре по народной медицине ульчей существовало более 150 терминов, используемых шаманами в лекарственных целях. В лечебной практике применялось 63 вида растений [3, с. 227]. Сложилась довольно эффективная система лечения желудочно-кишечных заболеваний, заболеваний почек, печени с помощью различных отваров, настоек, порошков. Данные заболевания врачевались в медицинской практике шаманов применением собачьего, медвежьего, барсучьего и нерпичьего жира. Лосиное внутреннее сало широко использовалось при простудных заболеваниях. Для лечения сердечных заболеваний практиковалось нюхание больными дыма подожженных отдельных видов трав, известных шаманам. От сильного кашля использовался березовый сок с добавлением нерпичьего жира. Было выработано много вариантов лечения зубной боли полосканием рта настойками из шиповника, других трав. Болезнь глаз проводилась промыванием настойки отвара из чешуи рыбы. Лечение ожо-

гов успешно проводилось накладыванием заячьей шкуры. Медвежья желчь использовалась как общеукрепляющее средство. Во время эпидемии гриппа осуществлялось окуривание дымом багульника жилых помещений. Шаманы проводили несложные хирургические операции. При переломах конечностей использовалось наложение шин из веток кустарника, а настойка тысячелистника применялась как кровоостанавливающее средство. Нарывы, фурункулы вскрывались с последующим приложением листьев подорожника. Шаманы-лекари пользовались известностью за пределами своего селения. В.Г. Богораз отмечает, что у шаманов Чукотки существовали специфические приемы врачевания – магическая шаманская хирургия. Он приводит пример использования шаманами специального ножа (скальпеля) для вскрытия тела больного [1]. И.С. Вдовин описывает примеры лечения шаманами головной боли, ревматизма, нарывов, кровотечения [2]. Ительменские и эвенкийские шаманы-врачеватели широко использовали народные медицинские знания. Действенным средством против болезней у эвенов оставалось создание психологического настроя у больного. Тем самым исцеление проводилось посредством гипноза.

Сущность лечения психотерапевтическим воздействием в том, что на сознание больного действуют звуковые импульсы строго определенной частоты, длительности и тональности. При этом периодичность импульсов шаманом-лекарем выдерживалась с высокой точностью. Как видим, неотъемлемой составляющей традиционной культуры, религиозных воззрений у коренных малочисленных народов Дальнего Востока была медицинская практика шаманов, без которой аборигенам было сложно выжить.

Отдельные аспекты оценки института шаманства в исторической науке до настоящего времени остаются открытыми. В трудах исследователей переселенческого процесса крестьян из центральной части России на Дальний Восток отмечалось, что отсутствие квалифицированной медицины создавало трудности в адаптации, в связи с чем переселенцы не только пользовались народной медициной аборигенов, но и перенимали знания и умения шаманов-лекарей.

Итак, главной функцией института шаманства в традиционных обществах Дальнего Востока было врачевание, которое сводилось к лечению и защите соплеменников. Шаман в коллективном сознании

воспринимался как посредник не только между людьми и духами, но и между физическим миром и миром другой реальности. Сложившиеся религиозные воззрения, носителем и проводником которых был шаман, определяли направленность эволюции традиционных обществ. Под воздействием научно-технического прогресса место института шаманства в XX в. заняли советские институты, ускорившие адаптацию коренных малочисленных народов к современной социально-экономической среде.

В советской литературе институт шаманства получил крайне негативную оценку. В противоположность этому зарубежные специалисты, исследующие феномен шаманства, отмечали, что среди них встречались талантливые певцы, сказатели, художники, выполняющие роль хранителей национальной культуры. Американский профессор П. Дж. Рубел писала, что терапевтическое искусство древних врачевателей-шаманов опиралось на многовековой опыт и нет смысла отвергать некоторые их приемы только на той основе, что они “шаманские”» [6, с. 89]. В 1975 г. в Ленинграде прошла Международная научная конференция «Этнография и народная медицина», после которой шаманизм был реабилитирован. Впервые признавалось, что современные малые народности, развивающие свое врачебное искусство вдали от проторенных дорог мировой цивилизации, оказались достойными соперниками современной европейской медицины.

Шаманизм, сыгравший большую социальную роль в историчном развитии традиционных обществ, советской властью был объявлен вне закона. Дети природы, как отмечала П. Дж. Рубел, первыми почувствовали опасность бесцеремонного вторжения в древние традиции, жизненный уклад, духовные ценности [6, с. 138]. Начальный этап искоренения шаманства характеризовался применением мер репрессивной политики, советская власть, увидев в институте шаманства своего противника, мешающего созданию социалистического строя в местах обитания традиционных обществ, развернула борьбу за искоренение религиозных верований, объявив шаманов «вредительскими элементами». Им было запрещено совершать ритуалы и обряды. Основным содержанием антирелигиозной пропаганды было разъяснение вредности первобытной «шаманской дикости». Применение репрессивных мер в отношении шаманов сводилось к широкой прак-

тике раскулачивания родственников, лишения шаманов избирательных прав и средств существования. Нередко местными Советами принимались решения о высылке шаманов из мест обитания. В период Большого террора шаманы, как «социально чуждые элементы», подвергались расстрелу. Шаманские принадлежности, ритуальные одежды сжигались. В условиях жестких репрессивных мер шаманы вынуждены были сдавать органам местной власти ритуальные атрибуты, культовые принадлежности, заявлять об отказе от своих убеждений.

Не менее значительную роль в искоренении института шаманства сыграл перевод аборигенов-кочевников на оседлость. Кампания по ликвидации малограмотности, создание школ-интернатов, ассимиляционные процессы и акультуризация в период хрущевской «оттепели», связанная с ликвидацией неперспективных малонаселенных поселений, – все это ускоряло внедрение в жизнь аборигенов «социалистической» цивилизации. Следует отметить, что в среде подрастающего поколения наблюдался процесс быстрой потери своей национальной идентичности, невостребованности знаний старших поколений, духовной культуры, следования старым традициям.

Здесь свою роль сыграло постановление Совета Министров СССР от 15 апреля 1977 г. «О вопросах экономического и культурного развития районов проживания коренных малочисленных народов Севера», рассмотревшего взаимодействие советской и традиционной культур. Создание широкой сети социалистических органов культуры, системы здравоохранения также способствовало невостребованности шаманства.

Подводя итоги, отметим, что ускоренная интеграция коренных малочисленных народов Дальнего Востока в цивилизационное пространство привела к разрушению сложившегося в течение длительного времени традиционного жизнеустройства, религиозных верований, ликвидации института шаманства. Представление о шаманах как носителях национальной традиционной культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока в наше время сохранилось лишь в виде музейных экспонатов.

Список литературы

1. Богораз В.Г. Чукчи. Религия. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. – 175 с.

2. Вдовин И.С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л. : Наука, 1981. – С. 178–218.

3. Гонтмахер П.Я. Ульчи. Человек. Время. Культура / Хабаровский краевой краеведческий музей им Н.И. Гродекова. – Хабаровск, 2003. – 304 с.

4. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. – СПб. : Наука, 2003. – 325 с.

5. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.) – Владивосток : Дальнаука, 2005. – 444 с.

6. Rubel P.G. Ethnic identity among the Soviet Nationalities // Soviet National Problems. – N. Y., 1971. – 280 с.

УДК 94(47).084.9:371.671

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.В. СТАЛИНА В СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПОСТСТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА (1953–1985 гг.)

Ахметов Данил Ринатович
студент 5-го курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь
akhmetoad@mail.ru

Мерзляков Марк Александрович
студент 5-го курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь
merzlyakov1917@mail.ru

Николенко Даниил Александрович
студент 5-го курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь
danya.nikolenko.01@mail.ru

Аннотация. Анализируется трансформация отражения деятельности И.В. Сталина в советских школьных учебниках на протяжении нескольких десятилетий после его смерти (1953–1985 гг.). Обозначаются ключевые аспекты формирования у школьников представления о личности И.В. Сталина, его деятельности как фактического главы советского государства.

Ключевые слова: Сталин, учебник, культ личности, постсталинский период.

REFLECTION OF I.V. STALIN'S ACTIVITY IN SOVIET SCHOOL TEXTBOOKS OF THE POST-STALIN PERIOD (1953–1985)

Akhmetov Danil R.
5th Year Student of the Faculty of History,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
akhmetoad@mail.ru

Merzlyakov Mark A.
5th Year Student of the Faculty of History,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
merzlyakov1917@mail.ru

© Ахметов Д.Р., Мерзляков М.А., Николенко Д.А., 2024

Nikolenko Daniil A.
5th Year Student of the Faculty of History,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
danya.nikolenko.01@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the transformation of the reflection of I.V. Stalin's activities in Soviet school textbooks for several decades after the death of I.V. Stalin himself (1953–1985). The key aspects of the formation of students' ideas about the personality of I.V. Stalin, his activities as the actual head of the Soviet state are outlined.

Key words: Stalin, textbook, personality cult, post-Stalin period.

Деятельность И.В. Сталина оказала значительное воздействие на историю Советского Союза и, соответственно, на формирование общественного мнения о периоде его правления. Постсталинский период принес с собой не только политические и социальные изменения, но и пересмотр восприятия личности вождя в контексте истории страны. Анализ этих изменений в советских школьных учебниках представляет собой важное исследовательское направление. Ведь именно через учебники формируется представление новых поколений о прошлом своей страны, а следовательно, и о роли ключевых фигур этого времени. В данной статье мы обратим внимание на то, как отражение деятельности И.В. Сталина в советских учебниках истории изменилось в постсталинский период, и аргументируем важность этого анализа для понимания эволюции представлений о вожде и его месте в истории страны.

Поскольку культ личности Сталина, развернувшийся в СССР еще в 1930-х гг., предполагал возведение его фигуры в абсолют, логика изложения учебного материала предполагает прямую и неотделимую связь всех достижений государства с личностью «товарища Сталина».

Так, в объяснительной записке к «Программам средней школы. История СССР. Новая история» за 1950 г. подчеркивается, что учитель в ходе уроков истории должен акцентировать особую роль И.В. Сталина в историческом процессе. «Необходимо конкретно показать величие строительства социализма, начатого В.И. Лениным и продолженного и развитого И.В. Сталиным. <...> Учащимся должно быть показано то новое, что внесли В.И. Ленин и И.В. Сталин, как со-

здатели и руководители Советской Армии, в развитие мировой военной науки и военного искусства» [11, с. 10, 13].

Для примера разберем содержание изданного в 1952 г. под авторством А.М. Панкратовой и других учебника истории для 10-го класса средней школы, который продолжал использоваться в учебном процессе и после смерти И.В. Сталина в 1953 г. Данный учебник наполнен всевозможными восхвалениями в адрес советского лидера, называемого «вождем народов всего мира» [8, с. 405], «первым депутатом народа» [8, с. 406], «испытанным организатором побед» [8, с. 244], «великим корифеем науки» [8, с. 412] и т. д. В этом учебнике Сталин предстает перед учениками в образе непогрешимого гения, с именем которого неразрывно связаны все достижения страны победившего социализма. Так, Конституция 1936 г. называется «великой сталинской» [8, с. 340], а устав сельскохозяйственной артели, имевший «исключительное значение для подъема и расцвета колхозов», указывается как разработанный под непосредственным руководством Сталина [8, с. 339].

Особо стоит отметить образ Сталина как полководца в годы Великой Отечественной войны. Так, согласно информации из учебника, боевые операции Красной армии готовились именно под руководством Иосифа Виссарионовича: по мнению авторов учебника, он непосредственно руководил обороной Москвы [8, с. 372], разрабатывал план Сталинградской операции [8, с. 376], давал партизанам конкретные указания о тактике и методах партизанской борьбы» [8, с. 391]. Указывается и на талант Сталина как аналитика, который уже в ноябре 1941 г. «предсказал неизбежный поворот хода войны в пользу Советского Союза и его союзников» [8, с. 372]. При этом, описывая события, происходившие в годы Великой Отечественной войны, авторы фактически не упоминают роль военачальников армии. Это вполне объяснимо: ставшие популярными в народе генералы и маршалы представляли потенциальную опасность для авторитета Сталина и его абсолютной власти. А потому главной причиной победы в войне признается гениальная военная стратегия мудрого вождя народов – товарища Сталина.

Также стоит обратить внимание на указание в этом учебнике места Сталина в партийной иерархии. Он уже не просто представляет-

ся как верный ученик Ленина и продолжатель его дела, а фактически возносится до уровня вождя мирового пролетариата: в тексте можно встретить такие эпитеты, как «партия Ленина – Сталина» [8, с. 331], «величайшие гении человечества Ленин и Сталин» [8, с. 276]. Другие же партийные деятели представляются учениками не только Ленина, но и Сталина, например, Г.К. Орджоникидзе [8, с. 322] и Ф.Э. Дзержинский [8, с. 186]. Таким образом, у обучающихся формируется представление о равновеличии фигур Сталина и Ленина в деле создания и строительства Советского государства и коммунистической партии, но при этом делается акцент на том, что «ученик» Сталин в чем-то даже смог превзойти своего «учителя» – Ленина.

Еще одним указанием на исключительный статус И.В. Сталина может служить его высокая цитируемость: цитирование Сталина встречается в несколько раз чаще цитирования других людей и охватывает крайне широкий круг областей знания: от рассуждений на темы колониальной политики царизма [8, с. 23–24] и политической жизни в России времен Столыпина [8, с. 81–82] до указаний на необходимость организации колхозов [8, с. 318] и рассуждений на тему развития советской науки [8, с. 412].

Таким образом, можно сказать, что данный учебник был крайне идеологизирован и строго выдержан в соответствии с культом личности Сталина. Наполненный всевозможными восхвалениями в адрес Сталина и преподносящий ученикам его образ как образ гения, непогрешимого и мудрого вождя, с именем которого связаны все успехи Советского государства, он должен был формировать у учеников представление о Сталине как незаменимом человеке, способном решить все проблемы.

В первое время после смерти И.В. Сталина серьезных изменений в подходах к изучению личности Сталина на уроках истории не произошло. Так, в учебнике А.В. Шестакова «История СССР. Краткий курс» для 3-го и 4-го классов И.В. Сталин предстает все в том же образе «гениального вождя пролетариата» [7, с. 281], выступающего в роли учителя и полководца, по призыву которого «все советские народы, как один человек, поднялись на борьбу за родину» [7, с. 273].

Однако после XX съезда КПСС, на котором произошло развенчание культа личности И.В. Сталина, ситуация начала меняться.

В 1956 г., после проверки учебников на наличие «проявлений культа личности», было выявлено, что учебники истории СССР под редакцией Панкратовой для 8-го, 9-го и 10-го классов оказались наиболее идеологизированными и подверженными «проявлениям культа личности». В результате было указано учебники переработать [6].

Но новые учебники не могли появиться сиюминутно, для их составления требовалось время. В связи с этим возникла проблема: после проведения XX съезда в феврале 1956 г. школьникам предстояло отучиться еще три месяца. Особенно остро проблема ощущалась в 10-м классе, где в это время изучалась послевоенная история СССР и было невозможно обойтись без упоминания личности И.В. Сталина. В связи с этим в марте 1956 г. вышел приказ Министерства просвещения РСФСР, который предписывал изучать материалы XX съезда партии вместо параграфов школьного учебника [10].

Летом того же 1956 г. был выпущен новый учебник истории СССР для 10-го класса под редакцией А.М. Панкратовой [9]. В данном учебнике Сталин уже не предстает перед читателем в образе гения и вождя народов, который может дать мудрый совет по любому вопросу. Количество упоминаний его имени сократилось в разы, а его «статус» понизился до весьма посредственного главы государства.

Таким образом, после XX съезда партии сталинская интерпретация истории страны в XX в. была заменена другой трактовкой, в которой в основном сохранялась прежняя схема, но непогрешимыми руководителями всех преобразований назывались уже не Сталин, а Ленин и созданная им коммунистическая партия.

В 1960-е гг. тенденция на десталинизацию в школьных учебниках сохраняется. Меняются название и содержание тем в учебных программах данного периода, имя И.В. Сталина перестает упоминаться среди названий тем.

Так, в 1963 г. в журнале «Вопросы истории КПСС», в опубликованном докладе секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, выражалась официальная партийная позиция по отношению к различным вопросам, в том числе текущему состоянию исторической науки на тот период, и дальнейшим перспективам ее развития. Доклад содержал ряд утверждений, касающихся культа личности И.В. Сталина, который, по мнению автора, посягал на философские методические основы марк-

систской исторической науки. «Произвольная оценка событий, фактов, лиц, порожденная культом личности Сталина, тяжело отразилась на исторической науке. Нарушения социалистической законности в отношении многих и многих деятелей партии и советского государства неизбежно вели к извращению их роли в борьбе за победу революции и социализма в СССР. Упрощение в отношении исторического процесса, насильственная подгонка его под угодные Сталину схемы приводили к вопиющим нарушениям исторической правды... В освещении постреволюционного периода истории нашей родины Сталин прямо насаждал волюнтаризм. Результатом было искажение исторической перспективы, которая декларировалась как реально существующее. Терялось уважение к факту, без чего история как наука просто немыслима. Историкам прививалось убеждение, будто все принципиальные оценки исторического процесса либо уже даны, либо могут быть даны только Сталиным» [1]. Данные выводы, озвученные Б.Н. Пономаревым, дают довольно четкое представление о резко негативной оценке различными представителями правительственных кругов личности И.В. Сталина и его роли в истории страны.

В «Программах средней школы на 1963/64 учебный год» имя И.В. Сталина встречается всего лишь три раза, и следует отметить, что данные упоминания указываются исключительно в негативном контексте: «Культ личности И.В. Сталина. Злоупотребления Сталиным властью. Осуждение XX съездом КПСС культа личности Сталина и меры по ликвидации его вредных последствий» [12]. Помимо этого, вносятся значительные корректировки, например, насчет Сталинградской битвы, которая в программе была указана как «разгром крупной немецко-фашистской группировки в районе г. Волгограда» [12, с. 90].

В 1965 г. создается новый учебник для 10–11-х классов – «История СССР: Эпоха социализма» под редакцией И.Б. Берхина, М.И. Беленького и М.П. Кима. При рассмотрении этого учебника можно заметить, что на его создание и даже стилистическую направленность напрямую оказал влияние доклад Н.С. Хрущева о культе личности И.В. Сталина в феврале 1956 г., по итогам которого был провозглашен официальный отказ советского правительства от политики государственного террора как внутриполитического орудия. Таким образом, влияние личности И.В. Сталина, как и частота его встречаемости, в

данном учебнике сильно ниже, чем в предшествующих учебниках. Более того, авторы на протяжении всего учебника последовательно подвергают критике деятельность И.В. Сталина, которому дается крайне отрицательная оценка, в особенности его личности: «Все сильнее обнаруживались отрицательные черты характера Сталина, о которых еще в 1922 году предупреждал В.И. Ленин: грубость, капризность, нетерпимость к критике, чрезмерная подозрительность. Сталин начал злоупотреблять властью, нарушать ленинские принципы коллективности руководства и единолично решать важнейшие вопросы партийной и государственной жизни» [5, с. 221].

Как видим, в период правления Н.С. Хрущева проводимая «десталинизация» затронула и сферу образования, поскольку процесс развенчания культа личности И.В. Сталина предполагал обучение подрастающего поколения вне различных догматов, господствующих в предыдущие годы.

Однако после смещения Н.С. Хрущева с руководящего поста ситуация резко изменилась. В правление Л.И. Брежнева все предыдущие процессы, нацеленные на развенчание культа личности и закрепление нового историографического нарратива, были приостановлены, а образ И.В. Сталина – несколько изменен.

В учебнике по истории СССР для 9-го класса под авторством И. Берхина за 1972 г. при изучении 1910-х гг. Сталин упоминается два раза: во втором параграфе учебника – как один из видных деятелей партии, вернувшихся из эмиграции и ссылок; в четвертом параграфе упоминаются Сталин и Свердлов, обсуждающие политические и экономические вопросы на съезде ЦК РСДРП(б) в 1917 г. Следует отметить незначительные шаги к реабилитации личности Сталина [3].

Представление о государственной деятельности И.В. Сталина автор пытается оценить объективно. Берхин начинает формирование образа исторической личности Сталина с положительной характеристики, выделяя его преданность марксизму-ленинизму и роль в организации борьбы партии против троцкистов. Автор критикует историческую фигуру Сталина, но в умеренной форме, обращая внимание на формирование культа личности в условиях успехов коммунистической партии. Также Берхин указывает на ошибочность тезисов и предположений сталинской политики. Приведем факт из учебника:

«Созданная ЦК РКП(б) комиссия приняла тезисы И.В. Сталина о так называемой автономизации советских республик». В учебнике излагается суждение о том, что данное решение вопроса было неправильным, поскольку не отвечало задачам развития строительства социализма [3].

Стоит отметить, что ответственность за репрессии автор приписывает Ежову и Берии, обвиняя их в фабрикации обвинений против высокопоставленных членов партии и государства, что привело к репрессиям против многих выдающихся деятелей партии, государства и военачальников [4].

В учебнике истории для 9-го класса под редакцией Берхина (1979 г.) подчеркивается, что все достижения связаны с коммунистической партией, Советским государством, правительством и другими органами управления, а не с конкретной личностью, за исключением Ленина, который наметил траекторию развития. Коммунистическая партия «прорабатывала конкретные пути, методы и средства решения коренных задач социалистического строительства» [2, с. 291–292].

В отношении Сталина в данном учебнике имеет место критика касательно культа личности. Автор подчеркивает, что «Сталин лично злоупотреблял властью» и «приписывал себе все выдающиеся победы, достигнутые партией». Стоит отметить, что в учебнике упоминание репрессий описывалось в контексте проверки и реабилитации, однако на непосредственное участие Сталина в проведении репрессий не указывалось [2, с. 144].

После перехода власти в руки Л.И. Брежнева процесс «десталинизации» фактически остановился. Резкого роста числа упоминаний имени Сталина в учебниках не происходит, но при этом количество упоминаний о негативных сторонах его деятельности уменьшается, а к началу 1980-х гг. это уже фактически замалчивается.

В учебнике И.А. Федосова и И.Б. Берхина «История СССР» (1982 г.) уделено недостаточно внимания формированию представлений об исторической личности И.В. Сталина. Упоминания о нем также сводятся к его роли в разгроме троцкистско-зиновьевского блока. Отрицательные аспекты деятельности Сталина до Великой Отечественной войны упоминаются лишь в контексте допущенных ошибок и «перегибов» в ходе коллективизации, объясняемых авторами отсут-

ствием опыта проведения массовой коллективизации и неумением трезво оценить реальные условия [4, с. 329].

В целом с началом нового этапа в развитии учебной исторической литературы внимание теперь уделяется не столько личности Сталина, сколько коммунистической партии, формировавшей историю России в XX в. Сама личность Сталина имела критику со стороны авторов: именно в 1970-х гг. появляется упоминание о репрессиях в период его правления. Саму критику можно охарактеризовать как приемлемо мягкую, поскольку серьезных критических высказываний не допускалось либо ответственность перекладывалась на других политических деятелей.

Подводя итоги, можно сказать, что в первое время после смерти Сталина советские дети продолжали учиться по учебникам, выдержанным в соответствии с культом личности Сталина: у детей формировался образ Сталина как мудреца, непогрешимого гения, способного дать правильный совет по любому вопросу. После XX съезда партии началось полноценное развенчание культа личности И.В. Сталина, что отразилось и на содержании учебных программ. Упоминание имени Сталина было сведено к минимуму, его имя фактически пытались стереть из памяти. После перехода власти в руки Л.И. Брежнева процесс десталинизации фактически останавливается: число упоминаний о негативных сторонах его деятельности (репрессии, сам культ личности) начинает уменьшаться, а число упоминаний о положительных сторонах, наоборот, постепенно увеличивается. При этом малое количество упоминаний в учебниках фактически не позволяло сформировать полноценный образ Сталина у подрастающего поколения.

Список литературы

1. Абрамович И.Л. Воспоминания и взгляды : в 2 т. Т. 1: Воспоминания. – М. : КРУК-Престиж, 2004. – 287 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://modernlib.net/books/abramovich_isay_lvovich/ kniga_vospominaniy/read/ (дата обращения: 17.11.2023).

2. Берхин И.Б. История СССР : учебник для 9-го кл. / под ред. М.П. Кима. – М. : Просвещение, 1979. – 383 с.

3. Берхин И.Б. История СССР: Переходная эпоха от капитализма к социализму (1917–1937 гг.) [Электронный ресурс] : учеб. пособие для 9-го кл. / под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. – М. : Просвещение, 1972. – 240 с. – Режим доступа: https://sheba.spb.ru/shkola/istoria-sssr9-1972.htm#top (дата обращения: 17.11.2023).

4. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР : учеб. для 9-го кл. / под ред. М.П. Кима. – М. : Просвещение, 1982. – 383 с.

5. Берхин И.Б., Беленький М.И., Ким М.П. История СССР: Эпоха социализма : учеб. пособие для X–XI кл. сред. шк. / под ред. М.П. Кима. – М. : Просвещение, 1965. – 414 с.

6. Заведующий Отделом школ ЦК КПСС Н.Д. Казьмин. ЦК КПСС о просмотре учебников для школ на предмет «проявления культа личности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www. alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1025380 (дата обращения: 17.11.2023).

7. История СССР: Краткий курс : учеб. для 4-го класса / под ред. проф. А.В. Шестакова. – М. : Учпедгиз, 1955. – 288 с.

8. История СССР : учеб. для 10 кл. сред. шк. Ч. 3 / под ред. проф. А.М. Панкратовой. – М. : Учпедгиз, 1952. – 424 с.

9. История СССР : учеб. для 10 кл. сред. шк. Ч. 3 / под ред. проф. А.М. Панкратовой. – М. : Учпедгиз, 1956. – 286 с.

10. Приказ Министерства просвещения РСФСР № 62-М «Об ознакомлении учащихся общеобразовательных школ с материалами и решениями XX съезда КПСС» // Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. – 1956. – № 17. – С. 12.

11. Программы средней школы. История СССР. Новая история. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1950. – 60 с.

12. Программы средней школы на 1963/64 учебный год. Новая и новейшая история зарубежных стран. История СССР. – М. : Учпедгиз, 1963. – 128 с.

УДК 94(47):05

ДВА НАРРАТИВА ОБ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ПУБЛИКАЦИЯХ ЖУРНАЛА «ЗНАНИЕ – СИЛА» (1965–1985 гг.)[1]

Кашина Елизавета Маратовна
стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
студент факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
apt.lisa.k@gmail.com

Аннотация. В условиях отсутствия в СССР исторической периодики, рассчитанной на широкую аудиторию, задачу популяризации знаний о прошлом отчасти выполняли публикации в непрофильных научно-популярных журналах. Одним из них был журнал «Знание – сила». С 1965 по 1985 г. на его страницах складываются два нарратива об истории XII–XV вв., для каждого из которых характерны собственные эмоционально-смысловые доминанты, собственный взгляд на историю Древней Руси. Мы анализируем основные элементы, позволяющие охарактеризовать каждый из нарративов.

Ключевые слова: научно-популярная периодика, история, «Знание – сила», Древняя Русь, Куликовская битва, Новгородская республика.

© Кашина Е.М., 2024

[1] Исследование осуществлено в рамках «Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ».

TWO NARRATIVES ON THE MEDIEVAL RUSSIAN HISTORY IN PUBLICATIONS OF THE *ZNANIYE – SILA* MAGAZINE (1965–1985)

Kashina Elizaveta M.
Research Intern at the Institute of Humanitarian Historical and Theoretical Research Named after A.V. Poletaev, National Research University Higher School of Economics
Student, National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, Moscow
apt.lisa.k@gmail.com

Abstract. In the absence of historical periodicals in the USSR intended for a wide audience, the task of popularizing knowledge about the past was partly fulfilled by publications in originally non-humanitarian popular science magazines. One of them was 'Znaniye – sila'. Between 1965 and 1985, the magazine formulated two narratives on the history of the 12th–15th centuries, each with its own emotional and semantic focus, and a unique perspective on the history of Medieval Rus'. The article analyses main elements that allow us to characterize each of the narratives.

Key words: popular science periodicals, history, 'Znaniye – sila', Medieval Rus', Battle of Kulikovo, Novgorod Republic.

В 1965–1985 гг. в советском публичном пространстве существовал целый ряд многотиражных научно-популярных журналов разного профиля, при этом среди них вплоть до конца 1980-х гг. не существовало ни одного популярного исторического издания. Публикация статей на гуманитарные – в том числе исторические – темы, начиная со второй половины 1960-х гг., стала важной частью содержания непрофильных научно-популярных журналов. В работе о взаимосвязи журнальной структуры и социальных процессов в СССР Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин указывают на то, что, хотя «большая часть из них представляет собой естественно-научную популяризацию для не-научных, хотя и не-гуманитарных кругов... чрезвычайно большую долю площадей журналов занимают материалы общегуманитарного плана, следующие сразу после основных тематических разделов по степени важности для читателей и популярности» [1, с. 318]. К кругу изданий,

описываемых Л.Д. Гудковым и Б.В. Дубиным, относился и журнал «Знание – сила» (далее – ЗС).

Конец 1950-х – 1960-е гг. стали временем расширения тематики изначально научно-технического журнала ЗС. В этот период в ЗС начинают с большей регулярностью публиковаться статьи на исторические темы. Это было связано с целым рядом факторов, среди которых можно отметить, во-первых, появление новых популярных изданий научно-технической направленности (например, «Юный техник» (1956) и «Моделист-конструктор» (1962)), что требовало от ЗС выработки индивидуального стиля, способного помочь журналу выгодно отличаться от других тематически близких журналов. Во-вторых, к концу 1960-х гг. очевидным становится и общий кризис советской утопии, понимаемой как соединение идеологии марксизма-ленинизма с культом исторического прогресса. Параллельно с этим на протяжении 1960-х гг. происходит рост гуманитарных интересов интеллигенции.

Важной чертой научно-популярных журналов, в том числе ЗС, была относительная свобода от постоянного цензурного контроля [4, с. 22], благодаря чему «в некоторых отношениях» их «можно рассматривать как издания, альтернативные догматическому официозу и ведомственным журналам по соответствующей области знания» [1, с. 318].

В структуре журнала в 1960-е гг. не было отдельной регулярной рубрики, отведенной для статей по истории или культуре – мировой или отечественной. Поэтому количество и тематические особенности статей во многом определялись, во-первых, наличием в советском обществе интереса к отечественной истории, во-вторых, политикой журнала по вопросу привлечения разных авторов и отбора наиболее интересных для публикации тем. Применительно к периоду XII–XV вв. можно говорить о сосуществовании на страницах журнала двух основных нарративов истории, которые можно условно назвать «новгородский» и «куликовский». Вокруг них группируется большая часть текстов об истории Древней Руси [Источник 3].

Первый нарратив – «новгородский» – посвящен развитию Новгородской республики, особенностям ее социально-политического устройства, повседневной жизни горожан. Он охватывает период до окончательного присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. «Кули-

ковский» нарратив строится вокруг политической борьбы времен раздробленности, собирания земель, становления Московского государства и противостояния Золотой Орде. Центральное место в нем занимает Куликовская битва.

Далее мы рассмотрим несколько основных смысловых элементов, позволяющих охарактеризовать каждый из нарративов, а именно: определение субъекта исторического процесса; категории, в которых формулируется моральное и политическое значение исторического периода; дискурсивные стратегии сближения прошлого и настоящего.

Кто является субъектом исторического процесса?

Для статей новгородского нарратива характерно внимание к отдельному, а главное – обычному человеку. Создание портретов конкретных людей воспринимаются исследователями как «одно из главных достижений нашей [Новгородской] экспедиции» [Источник 6, с. 31]. Оно является результатом многолетней работы историков и археологов, ведь если раньше «отдельная человеческая судьба исчезала в водовороте событий, то теперь мы можем порой проследить эту судьбу от рождения до смерти и даже узнать, какова судьба потомков заинтересовавшего нас человека» [Источник 2, с. 39]. Все найденные на территории Новгорода артефакты позволяют «дать портреты индивидуальные» [Источник 13, с. 31], они показывают, что «высокое эстетическое чувство было присуще всем слоям новгородского населения» [Источник 14, с. 26].

В то же время в статьях куликовского нарратива фигура отдельного человека как субъекта исторического процесса практически не появляется. Исключение – образ сильного правителя: талантливого полководца, смелого воина или дальновидного политика, задача которого заключалась в том, чтобы возглавить «борьбу народа за свое освобождение» [Источник 7, с. 21].

Параллельно культурной преемственности народа, передающего традиции и представления из поколения в поколение, формируется представление о преемственности князей, носителей единой политической программы: «Не гений отдельных лиц владел политикой Москвы, но неизменная, передававшаяся из рода в род политическая мысль, укоренившаяся в правящем классе» [Источник 8, с. 15]. Таким

образом, субъектами истории в куликовском нарративе становятся сильный правитель и возглавляемый им народ.

В чем заключается моральное и политическое значение изучаемого периода?

Во многих статьях новгородского нарратива подчеркивается, что до присоединения к Москве в Новгороде существовал республиканский политический строй. В этот период истории новгородцы стремились сохранить свою независимость от других княжеств, сами выбирали посадников и владык. Развивался в городе и свой художественный стиль, во многом отличный от выразительного стиля школ других княжеств Древней Руси. Памятники новгородского искусства в представлении авторов ЗС – это не только произведения древнерусских мастеров, но и символы политической независимости республики. Отдельная статья посвящена главным воротам Софийского собора, на которых был изображен кентавр, побеждающий царя Соломона, в чем автор видит символ «борьбы с верховной законной властью, то есть, по понятиям того времени, с князем» [Источник 11, с. 31].

Сохранение независимости от московского князя – объединителя земель оценивается в статьях 1970-х гг. положительно, хотя при этом признается и то, что история Новгородской земли на протяжении всего республиканского периода сопровождалась борьбой боярской верхушки со «свободным людом» [Источник 12, с. 27]. Внутренняя жизнь Новгородской боярской республики, таким образом, предстает в совсем не идеализированном виде, однако противостояние между разными слоями общества в статьях 1970-х гг. занимает второстепенное место по сравнению с темой сохранения независимости.

В статьях 1980-х гг., наоборот, присоединение Новгорода и предшествующая ему «классовая борьба» довольно подробно разбираются в нескольких текстах, при этом потеря независимости не воспринимается как трагедия [Источник 19; Источник 14]. При этом события 1478 г. В. Янин интерпретирует как «освобождение от гнета бояр» [Источник 14, с. 27]. Объединение земель вокруг Москвы оценивалось в статьях 1980-х гг. положительно и приравнивалось к формированию единого национального государства [Там же]. Прогрес-

сивное значение этого события объясняется с позиций, близких куликовскому нарративу.

Основные идеи куликовского нарратива формируются вокруг трех взаимосвязанных мотивов. Это, во-первых, постоянное противостояние внешним врагам, во-вторых, необходимость создания единого централизованного государства, в-третьих, формирование русской национальной идентичности в процессе собирания земель и борьбы с внешними противниками.

Материалы разных публикаций позволяют построить единую линию развития Древнерусского государства в куликовском нарративе: XII столетие представляет собой «кровавое пиршество усобиц перед лицом постоянной внешней угрозы» [Источник 15, с. 37]. XIII в. стал «временем практического осознания единства Руси», ведь «борьба с завоевателями вызвала сплочение Русской земли для отпора и ускорила создание национального государства» [Источник 16, с. 33]. XIV в. – «время великого возрождения, которое подготовило почву для создания национального государства» [Источник 17, с. 28]. А XV в. стал «столетием торжества традиций и столетием начал. Это подведение итогов и начала роста нового древа из старых корней» [Источник 18, с. 29].

Много внимания в текстах второй половины 1960-х гг. уделяется не столько противостоянию Золотой Орде, сколько тому, как это сказывалось на людях Руси и на становлении национального характера [Источник 10, с. 37]. В последующие несколько лет образ ордынцев появлялся преимущественно в статьях, связанных с культурой [Источник 4; Источник 6], нашествие там было просто фактом эпохи, фоном для основных событий. Переломным стал 1980 г. – год 700-летия Куликовской битвы и 600-летия Великого стояния на Угре. В номерах 8–10 ЗС вышло шесть статей, посвященных как событиям 1380 г., так и предшествовавшей истории Древнерусского государства. Уделяя так много внимания юбилею битвы, журнал откликался на происходившие в стране процессы: годовщина сражения довольно активно отмечалась по всему СССР [2]. Опубликованные в 1980 г. в ЗС тексты о юбилеях Куликовской битвы и Стояния на Угре представляют собой апологию создания централизованного государства, которого требовала «опасность, непрерывно тяготевшая над русскими княжествами»

[Источник 8, с. 15]. Постоянная борьба с внешней угрозой способствовала формированию национальной идентичности.

Что сближает древнерусскую историю и современность?

Выше уже говорилось о том, что в текстах новгородского и куликовского нарративов по-разному интерпретировались субъект исторического процесса и значение событий прошлого. Различались тексты и дискурсивными стратегиями, используемыми авторами для сближения прошлого и современности.

Значительное число «новгородских» текстов либо частично, либо полностью было посвящено археологическим находкам, особенно – берестяным грамотам, которые воспринимались авторами статей как едва ли не единственный вид сохранившихся древнерусских эгодокументов, написанных частными лицами. В № 1 ЗС за 1965 г. была опубликована небольшая статья Г. Зеленко, посвященная берестяным грамотам, – «Рисовал мальчик Онфим». Онфим известен историкам и археологам, занимающимся изучением Новгорода, как автор нескольких берестяных грамот и рисунков на бересте [5]. Благодаря грамотам Онфима ученым открывается «большой мир, увиденный глазами маленького мальчика, который жил много столетий назад» [Источник 5, с. 28]. Берестяные грамоты позволяли напрямую соприкоснуться с повседневной жизнью людей, сократить временную дистанцию: «живые, непосредственные» рисунки Онфима «поражают своей современностью», ведь «точно так дети рисуют и сейчас, изображая самое интересное из того, что их окружает» [Там же].

Новгородские археологи не только «напрямую вышли на людей, стали историками по преимуществу» [Источник 13, с. 30], но стремятся, используя достижения советской науки, в прямом смысле «воскрешать прошлое». В начале 1970-х группа ученых-химиков из Минска разработала способ надежной консервации древесины, позволявший не только надолго сохранять деревянные предметы, найденные в ходе археологических раскопок, но и показывать их в музеях или даже на открытом воздухе, не опасаясь быстрого разрушения древних артефактов. В № 8 ЗС за 1972 г. вышла отдельная статья [Источник 9], где рассказывалось об этом открытии, еще раньше о перспективах применения новой химической технологии говорилось в другом тек-

сте: «Новгород станет когда-нибудь обладателем музея, где можно будет познакомиться во всех подробностях с тем, как жили древние новгородцы. И тогда археологи будут вправе сказать, что они *воскрешают* (курсив наш. – *Е.К.*) прошлое не только на страницах своих трудов, но и наяву, для своих современников» [Источник 2, с. 39].

Таким образом, для статей о новгороде характерно, во-первых, акцентирование внимания на схожести людей прошлого и настоящего, во-вторых, стремление к созданию материальной базы для «воскрешения» прошлого. В то же время в текстах куликовского нарратива авторы постоянно прибегают к метафорам и сравнениям, вызывающим у читателей ассоциации с событиями недавней истории. Особенно это характерно для статей 1980 г., которые можно рассматривать не только как часть дискурса создания централизованного национального государства. Благодаря как общему замыслу (борьба прогрессивного и активно развивающегося государства с врагом-поработителем, не щадящим никого на своем пути и стремящимся захватить весь мир), так и отдельным формулировкам текст воспринимается как «элемент канонического дискурса памяти о Великой Отечественной войне» [3, с. 437].

В том, как в текстах куликовского нарратива описывается фигура сильного правителя, можно также увидеть влияние формировавшегося на протяжении 1970-х гг. дискурса памяти о Великой Отечественной войне: происходившая в те годы «ползучая реставрация сталинизма» была связана с возрождением представления о том, что победа, одержанная народом, была возможна во многом благодаря «сильному руководителю». Сталин представлялся, с одной стороны, наследником заложенного после 1917 г. большевистского политического курса и соответствующей идеологической программы, с другой – лидером, возглавившим народ на пути к победе над врагом. Юбилейные статьи 1980 г. используют тот же набор представлений, но уже применительно к событиям шестисотлетней давности.

Заключение

В текстах каждого из нарративов неодинаково определялись субъект исторического процесса, моральное и политическое значение истории XII–XV вв.; близость прошлого и современности формулиро-

валась при помощи разных дискурсивных стратегий. Тем не менее открытым и требующим дальнейшего изучения остается вопрос о том, насколько эти два образа древнерусской истории были, во-первых, распространены в популярном историческом дискурсе, во-вторых, могли использоваться в качестве метафоры, помогающей осмыслению современности. Закончить хотелось бы цитатой из романа В.П. Аксенова «Остров Крым». Впервые напечатанный в 1990 г., роман был написан в 1977–1979 гг. – в те же годы, когда было опубликовано наибольшее число статей о Новгородской республике и происходило становление куликовского нарратива:

«Ветер дул с северо-запада, гнал клочки испарений псковских и новгородских озер, в небе, казалось, присутствовал неслышный перезвон колокола свободы. “Советские люди твердо знают: там, где партия, там успех, там победа” – гласил огромный щит при выезде на шоссе. Изречение соседствовало с портретом своего автора, который выглядел в этот день под этим ветром в присутствии неслышного колокола довольно странно, как печенег, заблудившийся в дотатарской Руси <…> незримый вьюн новгородского неслышного колокола витал меж домов, соблазняя благами Ганзейского союза. С крыши на крышу шагали огненные буквы “Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!”» [Источник 1, с. 128–129].

Список литературы

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Журнальная структура и социальные процессы // Литература как социальный институт : сб. работ. – М. : Новое лит. обозрение, 1994. – С. 288–352.

2. Петров А.Е. Мамаево побоище. Гордость и предубеждение исторической памяти // Родина. – 2005. – № 9. – С. 67–73.

3. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 592 с.

4. Эстрин А. «Привет душителям свободы!» Из знаниесильских анналов. – М. : Поматур, 2005. – 191 с.

5. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... . – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 192 с.

Список источников

1. Аксенов В. Остров Крым. – М. : Эксмо, 2007. – 400 с.

2. Алешковский М. XX век о древнем Новгороде // Знание – сила. – 1972. – № 6. – С. 36–39.

3. Всесоюзное совещание историков. I. Пленарные заседания 18–19 декабря // Вопросы истории. – 1963. – № 2. – С. 3–33.

4. Даркевич В. Сокровища погибшего города // Знание – сила. – 1979. – № 6. – С. 23–26.

5. Зеленко Г.А. Рисовал мальчик Онфим // Знание – сила. – 1965. – № 1. – С. 28–31.

6. Клейн Л. В поисках града Китежа // Знание – сила. – 1970. – № 11. – С. 27–29.

7. Кучкин В. 600 лет назад. На поле Куликовом // Знание – сила. – 1980. – № 9. – С. 19–25.

8. Лихачев Д.С. Русь перед Куликовской битвой // Знание – сила. – 1980. – № 8. – С. 15–17.

9. Морозов А. Деревянные века // Знание – сила. – 1972. – № 8. – С. 8–9.

10. Плугин В. Рублев во Владимире // Знание – сила. – 1966. – № 11. – С. 36–38.

11. Чернецов А. Кентавр на воротах // Знание – сила. – 1973. – № 7. – С. 30–31.

12. Янин В. Древний Новгород: архитектура и история // Знание – сила. – 1973. – № 10. – С. 24–27.

13. Янин В. Древний Новгород снова и всегда // Знание – сила. – 1984. – № 8. – С. 30–31.

14. Янин В. Роль Новгорода в отечественной истории // Знание – сила. – 1985. – № 4. – С. 24–27.

15. Янин В. Таинственный XII век // Знание – сила. – 1969. – № 4. – С. 37–39.

16. Янин В. Таинственный XIII век // Знание – сила. – 1969. – № 5. – С. 33–35.

17. Янин В. Таинственный XIV век // Знание – сила. – 1969. – № 7. – С. 28–31.

18. Янин В. Таинственный XV век // Знание – сила. – 1969. – № 8. – С. 29–31.

19. Янин В., Подольный Р. Исторические источники не иссякают // Знание – сила. – 1981. – № 9. – С. 20–22.

УДК 94(47).084.9

ТЕМА СОВРЕМЕННОСТИ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКОГО ГОРОЖАНИНА 1950–1960-х гг.

Ярмолич Федор Кузьмич
кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова, г. Санкт-Петербург
f.k.1985@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу темы современности в СССР в 1950–1960-е гг. и тому, как ее содержание изменялось под влиянием политических, культурных и иных факторов. Изучается, в какой степени идея современности, запечатленная в общесоюзных журналах, нашла отражение в работе региональных учреждений культуры. Прослеживается связь между материально-технической базой и качеством популяризации темы современности.

Ключевые слова: современность, театр, журнал, человек, Дом культуры, музыка, культурное пространство.

THE THEME OF MODERNITY AND THE CULTURAL SPACE OF THE SOVIET CITY DWELLER OF THE 1950s–1960s

Yarmolich Fedor K.
Candidate of Historical Sciences, Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the First St. Petersburg State Medical University Named after. Acad. I.P. Pavlova
f.k.1985@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theme of modernity in the USSR in the 1950–1960s and how its content changed under

© Ярмолич Ф.К., 2024

the influence of political, cultural and other factors. The extent to which the idea of modernity, captured in all-Union magazines, is reflected in the work of regional cultural institutions is studied. The relationship between the material and technical base and the quality of popularization of the topic of modernity is traced.

Key words: modernity, theater, magazine, person, cultural center, music, cultural space.

Желание описать и объяснить мир, современником которого является человек, характерно для каждой эпохи и для каждого человеческого поколения. Не стали исключением из этого правила и советские люди 1950–1960-х гг. Поскольку указанное двадцатилетие советского государства и общества было наполнено политическими, социальными, культурными и экономическими изменениями, то предлагаем проследить, как некоторые из них повлияли на содержание темы современности.

Следует отметить, что в течение пятидесятых и шестидесятых годов в культурном пространстве Советского Союза проблема современности всегда находилась в фокусе внимания как партийно-государственных учреждений, так и деятелей культуры. Однако во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. под влиянием политических (десталинизация, XX съезд КПСС) и социально-культурных (рост образовательного уровня населения, улучшение его материально-бытовых условий жизни) обстоятельств создаются предпосылки для пересмотра содержания темы современности. На стремление переосмыслить некоторые политические и социально-культурные основы советского общества обращает внимание С.И. Никонова. Первую попытку подобных поисков она связывает с «разработкой Программы КПСС и созданием Морального кодекса строителей коммунизма, принятых на XXII съезде КПСС» [8, с. 229]. Согласиться с этим утверждением исследователя можно, скорректировав время начала этого процесса XXI съездом Коммунистической партии [9, с. 46].

В Советском Союзе вопросам современности посвящались статьи, заметки в общесоюзных театральных и музыкальных журналах, этот аспект советской действительности обсуждался в рамках конференций, совещаний работников театров, кинематографа и т. д. Обращаясь к этим историческим источникам, можно создать определенное

представление о позиционировании темы современности в культурном пространстве СССР. Но оно в определенной степени будет скорректировано после изучения документов, в которых освещается работа региональных театров, музеев, Домов культуры при раскрытии темы современности. Подобный подход демонстрирует, что содержание вопроса о современности (а вернее, его популяризация) зависело не только от указанных выше политических, культурных и других условий, существовавших в стране, но и от материально-технических, кадровых возможностей, характерных для каждого региона страны.

Приступая к раскрытию заявленной цели, следует обратиться к содержанию одного из общесоюзных периодических изданий первой половины 1950-х гг., посвященных вопросам культуры, – «Искусство кино». Благодаря опубликованным статьям можно утверждать, что к характерным чертам современности относились победа советского народа в Великой Отечественной войне, его героизм и патриотизм, жизнь рабочих и крестьян, основанная на социалистических принципах [3, с. 29–32]; в целом современный образ человека ассоциировался со стремлением построить коммунистическое общество [4, с. 5]. Обращение к другому общесоюзному журналу – «Театр» позволяет дополнить содержание современности так называемой правдой жизни, под которой подразумевалось отражение реальной жизни человека со всеми достоинствами и недостатками, но с обязательным ее «развитием и движением вперед» [14, с. 29–37], под которым понималось построение коммунистического общества.

В периодических изданиях первой половины 1950-х гг. подчеркивалось, что вопросам современности в советском кинематографе, театральных и музыкальных произведениях уделяется внимание. И это в определенной степени соответствовало действительности, так как любые театральное произведение, художественный фильм, музыкальная композиция стремились описать советскую действительность и изменения, которые в ней происходили. Но в ведомственных документах отмечались определенные проблемы в этой сфере. В частности, в 1955 г. при рассмотрении развития музыкальной культуры обращалось внимание, что советские композиторы в «симфоническом творчестве за последнее время мало обращаются к жанру программной музыки, особенно связанной с современной темой» [16].

Под влиянием указанных выше социально-политических обстоятельств во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. внимание к теме современности возросло. Этому способствовала и подготовка к празднованию 40-летия советской власти в 1957 г., которая усилила в теме современности не только идеологический компонент, но и освещение «жизни и деятельности советских людей на всех этапах коммунистического строительства в нашей стране» [2, с. 169]; при описании современности акцентировалось внимание на экономических достижениях страны и духовном мире советского человека: «современность – это величайшая программа развернутого строительства коммунизма… успехи… советским народом уже за первый год семилетки… это первый в мире атомный корабль… духовный мир советского человека, его… стремление к расширению своих знаний… его высокий морально-эстетический уровень» [5, с. 7].

Во второй половине 1960-х гг. при описании современности все активнее затрагиваются морально-нравственные вопросы (например, в фильме «Твой современник» рассказывается об отношении коммуниста к своему долгу, а в кинокартине «Бабье царство» обращается внимание на проблему мужества и душевной красоты женщин-колхозниц [17]) и все больший интерес проявляется к аспекту современности, который до этого в должной мере не изучался: «…проблема современного стиля в народном творчестве до сих пор разработана очень мало» [7, с. 93].

Конечно, несмотря на разнообразие вопросов, которые включала тема современности, органы власти на протяжении всех 1950–1960-х гг. перенасыщали ее идеологическими сюжетами, что не у всего населения СССР могло вызвать заинтересованность: «…нужна напряженная, последовательная, проникнутая большой волей и целеустремленностью работа по созданию крупных произведений искусства, посвященных борьбе советского народа за победу коммунизма» [15].

Возвращаясь ко второй половине 1950-х гг., следует отметить, что именно с этого времени вопросы современности начинают более активно обсуждаться в рамках съездов, конференций, семинаров (например, V пленум правления Союза композиторов СССР был проведен под общим названием «Музыка и современность» [18, с. 16]) и на страницах общесоюзных специализированных журналов «Театр»,

«Советская музыка» и др. Именно в это время впервые в периодической печати ставится вопрос «Что такое современность?». Вместе с обсуждениями о современности предпринимались и реальные шаги, чтобы раскрытие (популяризация) этого вопроса проводилось на высоком уровне не только в рамках периодических изданий и, например, в театральных постановках крупнейших театров страны, но и на сценах региональных театров или в стенах Домов культуры малых городов СССР. Это устремление партийные и советские органы власти и управления пытались реализовать при помощи подготовки соответствующих кадров и для этой цели организовывали, например, музыкальное обучение [19, с. 25].

Конечно, предпринимаемые усилия со стороны органов управления и творческой среды приносили свой положительный результат и освещение вопроса современности в театрах, музеях страны происходило на должном уровне. Однако в полной мере это все же реализовать не удавалось, и довольно часто тема современности пересекалась или растворялась при освещении других аспектов советской действительности. Например, эта тенденция была характерна для работы музеев в 1957 г., где при демонстрации современности в отделах советского периода отмечалось недостаточное внимание к этому вопросу и «известный параллелизм с постоянными промышленными и сельскохозяйственными выставками» [11]. Такая ситуация сохранилась и в начале 1960-х гг. В частности, это касалось краеведческого музея в Ростове-на-Дону, в котором из 17 залов шесть отводилось под экспозицию советского периода, но описание темы современности сводилось только к демонстрации материалов съездов партии, решений правительства, выполнения хозяйственных планов Ростовской области, т. е. раскрывались политические и экономические аспекты современности, но не рассматривались остальные вопросы. Однако даже идеологическую составляющую темы современности ряд музеев РСФСР в первой половине 1960-х гг. недостаточно полно раскрывал. В частности, формально и поверхностно описывались «роль партии в коммунистическом строительстве, история местных партийных организаций, деятельность Советов и других общественных организаций, культура и быт советского человека, развитие советской науки» [10].

Несколько иная ситуация была характерна для театральной среды. Если в 1957 г. отмечалось, что появившиеся мелодрамы на совре-

менную тему однотипны, их идейный уровень не очень высок, а драматических театральных постановок о современности вообще мало [13], то в 1960-е гг. ситуация значительно улучшилась. В качестве примера можно привести соотношение спектаклей на современную и классическую темы эстонского театра Ванемуйне (Тарту), где с 1964 по 1966 г. было поставлено современных произведений (драма, опера, музыкальная комедия, балет) 147, а классических – 100 [12].

Популяризуя тему современности среди населения, органы власти и управления столкнулись с рядом проблем, влиявших на качество пропаганды и полноту донесения до человека содержания вопроса. Свое негативное влияние оказывала недостаточно развитая на региональном уровне культурно-досуговая инфраструктура (театры, клубы и т. д.). В крупных городах этой проблемы, как правило, не встречалось, но возникали сложности иного порядка – недостаточно высокий уровень отделки помещений. Например, это было характерно для Всесоюзного дома композиторов в 1965 г. Оказалось, что для исполнения современной симфонической музыки «по акустическим данным возможности звучания симфонического оркестра в этом зале весьма ограничены», поэтому если динамические оттенки или плотность инструментовки превышала средний уровень, то слушать музыкальное произведение становилось очень трудно [6, с. 72].

Хорошее «качество» помещения при раскрытии темы современности было важно для всех видов искусства, в том числе для театрального. На это обратил внимание Н.П. Акимов: «Только тогда, когда хоть в одном театре нашей страны появится вполне современное построение сценической площадки и оснащение ее такой же современной техникой, мы увидим рождение современного театрального стиля» [1, с. 40].

Таким образом, описанию современности в советском культурном пространстве на протяжении двадцати лет уделялось большое внимание, которое под влиянием политических, культурных и иных изменений в стране возрастало, наполняя тему современности новыми смыслами. Конечно, качество популяризации среди населения зависело от материально-технической базы учреждений культуры страны, которая, в свою очередь, не всегда находилась на необходимом для решения стоящих перед ней задач уровне.

Список литературы

1. Акимов Н. О театре в настоящем и будущем // Театр. – 1960. – № 3.

2. Всероссийский конкурс на лучшую современную пьесу // Театр. – 1956. – № 11.

3. Грачев В. Черты современности в киноискусстве // Искусство кино. – 1950. – № 1.

4. Грошев А. Образ нашего современника в киноискусстве // Искусство кино. – 1951. – № 3.

5. Кабалевский Д. Музыка и современность // Советская музыка. – 1960. – № 3.

6. Лятохин Б. Современная симфоническая музыка // Советская музыка. – 1965. – № 4.

7. Мухаринская Л. В поисках современного образа // Советская музыка. – 1969. – № 7.

8. Никонова С.И. Советская идеология в контексте советской действительности // Советское общество и советский человек: мифы и реальность : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2012.

9. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. (Доклад Н.С. Хрущева 27 января 1959 г.) // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. – М., 1959.

10. О работе музеев РСФСР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10010. Оп. 1. Д. 807. Л. 7, 20.

11. О состоянии музеев СССР на конец 1957 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10010. Оп. 1. Д. 640. Л. 13.

12. Отчет о командировке в г. Тарту (Эстонская ССР) ст. инспектора-рецензента Управления театров Воронец В.А. (28 февраля – 5 марта 1967 года) // Государственный архив Российской Федерации. А-501. Оп. 1. Д. 5356. Л. 97.

13. Отчет о проведенной работе по проверке выполнения театрами страны Постановления ЦК КПСС «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.) от 9 января 1957 г. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 36. Д. 44. Л. 6.

14. Полякова Е. Театр и жизнь // Театр. – 1951. – № 2.

15. Проект Постановления коллегии Министерства культуры СССР (март 1960 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 494. Л. 22.

16. Справка о состоянии концертной деятельности в стране. 1955 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2329. Оп. 3. Д. 264. Л. 12.

17. Стенограмма Всероссийского совещания работников культуры и искусства. 12 января 1968 г. // Государственный архив Российской Федерации. А-501. Оп. 1. Д. 5655. Л. 216.

18. Тема Пленума – «Музыка и современность» // Музыкальная жизнь. – 1959. – № 19.

19. Холопов Ю. Учить современной гармонии // Советская музыка. – 1965. – № 9.

УДК 94(47).084.9:316.334.56

РЕВИЗИОНИЗМ ИМИДЖА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК МЕСТА ССЫЛКИ (КЕЙС г. СУРГУТА)

Михалишин Артем Валентинович
студент 1-го курса магистратуры
Тюменского государственного университета по направлению
«Концептуальная урбанистика», г. Тюмень
mihalishin1985@mail.ru

Аннотация. Актуализируется проблема переосмысления имиджа западносибирских городов как (не)места ссылки. Анализируя дискурс местных партийных функционеров и поведенческих практик антисоциальных элементов (тунеядцев, условно освобожденных), автор приходит к выводу, что ревизионизм по отношению к имиджу является примером борьбы за «право на город», согласно теории А. Лефевра. Также автор приходит к выводу, что в отношении антисоциальных элементов применялась дихотомия «свой – чужой». Разграничивая «своих» и «чужих», акторы власти при помощи перформативных актов присваивают им категоризацию. В этом усматриваются практики реабилитации «чужих» и включения их в городское сообщество.

Ключевые слова: город, имидж, место ссылки, городская культура, тунеядцы.

REVISION OF IMAGES: RETHINKING OF WEST SIBERIAN AS PLACES OF EXILE (CASE OF SURGUT)

Mihalishin Artyom V.
1st Year Master's Student of Tyumen State University
Subject: Conceptual Urbanism, Tyumen
mihalishin1985@mail.ru

Abstract. In this study, author actualizes the problem of rethinking the image of West Siberian cities, as places of exile (or not). Through analyzing the discource of local party functioners and behaviour of antisocial elements (slackers, paroled prisoners), author states, that revision of image

© Михалишин А.В., 2024

occurs as example of ‘right to the city’, according to Lefebvre's theory. Also, author concludes, that dychotomy ‘friend or foe’ was applied to antisocial elements. By demarcating ‘friends’ and ‘foes’, actors of power assigned categorisation to them, through performatives acts. In this processes, author sees the practice of rehabilitation of ‘foes’ and adoption them to urban community.

Key words: city, image, place of exile, urban culture, slackers.

В своей работе «Индустриализация и урбанизация» А. Лефевр выводит понятия «индуктор» и «индуцированное» [6, с. 55–70]. Первое выступает в роли прародителя для множества городских явлений, а второй термин означает как раз-таки производное. В начале 1960-х гг. Западная Сибирь становится объектом нефтяного освоения, последствием этого «индуктора» стали молодые города региона, основанные или возрожденные (как это произошло с Сургутом). Сургут несколько раз в своей истории терял статус города, до начала нефтегазового освоения он находился в статусе рабочего поселка. После получения в 1965 г. права называться городом изменилось и само отношение к его имиджу, архитектурно-планировочному облику, среде и тем, кто его населяет.

С индустриальным освоением территории начинается и массовая миграция в исследуемый нами регион. Нефтяным месторождениям были необходимы новые рабочие руки, и комплектовались они не только из комсомольцев, квалифицированных рабочих. Нередко в г. Сургут для строительства инфраструктуры месторождений и самого города присылали антисоциальных элементов (тунеядцев, условно освобожденных, осужденных). Впоследствии данные действия центральной власти были подвергнуты критике со стороны местных партийцев. Нам представляется уместным рассмотреть кейс г. Сургута со стороны теории социальной дихотомии «свой – чужой», то есть кого сургутские функционеры считали полезными для города и как аргументировали для Совета Министров СССР необходимость высылки антисоциальных элементов, а также как вплетался исторический контекст города (как места политической ссылки) в борьбу против продолжения аккумулирования этого образа и избрание иного, более подходящего к реалиям времени. Через описанный выше анализ мы выдвигаем гипотезу, что посредством перформативных речевых актов и

практик категоризации «своих» и «чужих» акторы местной власти проявляли свое «право на город».

В 1961 г. выходит указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» и на основании этого указа принимается статья 209 УК РСФСР. Согласно мнению исследователей, данное распоряжение выбивалось из общеполитической канвы «оттепели» [5, с. 212–229]. Антисоциальных элементов отправляли на принудительные работы или в ИТК; если для них избирали первый пункт, то они могли быть сосланы в другие города страны, где предприятия, по мнению властей, нуждались в рабочей силе; то же могло ждать и нарушителей, получивших тюремный срок, но по отношению к ним меры были более жесткими, о чем скажем ниже.

Прежде чем перейдем непосредственно к проблеме нашего исследования, необходимо обговорить некоторые теоретические тезисы, на которые опирается автор при анализе кейса. С конца 1950-х гг. уровень миграции в г. Сургут рос и не снижался вплоть до конца 1980-х гг. [9, с. 47]. То есть миграция как явление не была чем-то из ряда вон выходящим для жителей города, наоборот, привлечение новых «спецов» всячески поощрялось местными партийцами, но присутствовало определенное ранжирование мигрантов: кто-то был «свой», а кто-то – «чужой». Обратимся к одной из работ Ю.М. Плюснина, в которой он говорит, что «дифференциация на “своих” и “чужих” обусловлена преимущественно местной социальной и социально-экономической историей, в том числе современной, и в меньшей степени этно-историческими или демографическими (миграционными) факторами» [7, с. 60–93]. Также автор отмечает необходимость альтруизма со стороны «чужого», чтобы попасть в ранг «своего», «основанный… на клановых интересах (а также “цеховые” или корпоративные интересы и соответствующая психология)» [Там же].

Важным критерием вступает соседство, которое «чужой» обретает лишь при наличии территории, на которой он постоянно живет и ведет бытовое хозяйство. Отметим и то, что в настоящем исследовании мы используем операционализацию Ю.М. Плюснина по той причине, что его работа наиболее нацелена на провинциального городского «чужака», чье положение рассмотрено через практики обще-

ственной жизни. Классические работы, посвященные проблеме дихотомии «свой – чужой», являются слишком дисперсными и вплетаются в строгую конъюнктуру локальных социальных практик определенных групп [10, с. 49–56].

Сургут нередко в своей истории был местом политической ссылки, эта стезя не обошла его и в 1930-е гг. [1, с. 52–57]. Само село было разделено, согласно режиму содержания спецпереселенцев, для которых был определен поселок Черный Мыс, мостом через р. Сайму. В новой истории поселения, уже в статусе города, местный истеблишмент не желал мириться с имиджем города как места ссылки неугодных антисоциальных элементов.

Имидж Сургута как места ссылки отмечается и в нарративах, описывающих нефтегазовое освоение Западной Сибири. А.С. Иванов и В.В. Рашевский отмечают, что местное население вернакулярно разделяло поселение на два полюса: «правовой центр» и периферия, отведенная для спецпереселенцев [3, с. 164–172]. Исследователи приходят к выводу, что новоприбывшие специалисты из числа геологов, хотя и не рассматривали Сургут как место маргинальное, отмечали его разнообразие. Вернакулярное восприятие спецпереселенцев как чужаков исходит и из их правового положения. Отсутствие собственности, дискриминация вели к тому, что, несмотря на их вклад в «общее» дело, де-юре их роль в авторитетном дискурсе сводилась к минимуму. А их мобильность (из-за отсутствия собственности) [2, с. 203–210] и непостоянство социальных связей с местным населением [4, с. 123–131], согласно категоризации Ю.М. Плюснина, привели к их отчужденности.

В 60-е гг. в Сургут направляли досрочно освобожденных и тунеядцев для освоения нефтяного края. Но далеко не все «новые ссыльные» стремились устроиться на работу и отказаться от «антиобщественного» поведения. На одном из заседаний горисполкома депутат Зацепина отметила, что следует обратиться в Совет Министров СССР, «чтобы г. Сургут перестал быть местом ссылки» [Источник 15. Л. 153]. Представленный кейс отлично коррелирует с идеями Ж. Бодрийяра о том, что горожанин всегда находится в дуалистической позиции в отношении с городом как субъект (оказывающий влияние), так и как объект (испытывающий влияние) [8, с. 861–868]. Зацепина,

продолжая свою мысль, отмечает, что Сургуту нужны «кадры, которые бы действительно заботились о культуре в городе», что можно интерпретировать как высказывание идеи развития образцовой культуры г. Сургута и его последующего бустеризма.

В то же время стоит отметить, что сама культура ссылки видоизменилась и нежелательные элементы (кроме осужденных) не находились в определенном и ограниченном властью ареале пребывания, поэтому местные жители могли сталкиваться с ними в повседневных городских практиках, что, по мнению акторов власти, негативно отражалось на общегородской культуре.

Проанализировав точку зрения Зацепиной, разберем акты, составленные по отношению к тунеядцам, и их объяснительные записки для понимания мотивации с их стороны и того, какими критериями «чужого» они обладали. Рассмотрим случай К.К. Коневой. Согласно представлению сургутского РОМа, гражданка прибыла в г. Сургут в 1965 г. и, проработав несколько месяцев на местном предприятии, уволилась и больше не работала, места жительства и документов не имеет [Источник 1. Л. 157]. Со слов самой Коневой, она проработала на техучастке № 17 около семи месяцев и уволилась в декабре 1965 г. из-за смерти сестры в г. Ленинграде, куда и уехала. Покинув Ленинград, гражданка направилась в Тюмень, где проживала два месяца и несколько раз попадала в спецприемник, после чего ее насильно отправили в Сургут [Источник 6. Л. 159]. В конце своей записки она обязуется в течение пяти дней устроиться на работу [Источник 7. Л. 160].

Пример К.К. Коневой является интересным в том ключе, что, уже фактически находясь в разряде «своего», она потеряла этот статус и, повторно прибыв в Сургут, приобрела амплуа «чужого». Не менее показательным является и пример В.С. Фрузина, который прибыл в Сургут в 1966 г., проработав около полугода, уволился по собственному желанию и стал промышлять попрошайничеством [Источник 8. Л. 196]. Со слов самого нарушителя, документов у него не было изначально, уволившись в январе 1967 г., он попытался найти новую работу, но не прошел медкомиссию. В конце он обязался устроиться на работу и бросить «бродячий образ жизни» [Источник 9. Л. 198]. Объяснительная числилась за 16 марта 1967 г., а уже 10 апреля он был задержан в здании аэропорта, где валялся пьяным и в грязной одежде.

Сам Фрузин пояснил, что в тот день направлялся в поликлинику к хирургу, по дороге около школы выпил с товарищами, а затем оказался в аэропорту [Источник 10. Л. 200].

Были примеры тунеядства и среди местного населения. Таким является случай В.В. Федулова, коренного жителя города. Изначально гражданин Федулов был обычным советским трудящимся, но после призыва в армию заболел туберкулезом и, вернувшись из Тюмени, где проходил лечение, запил [Источник 13. Л. 33]. Согласно объяснительной, нарушитель находится на иждивении у своих родителей, а весной и осенью проходит лечение в туберкулезном диспансере [Источник 14. Л. 36].

Проанализировав примеры тунеядства, мы можем выявить несколько паттернов, которые им присущи: бездомность, беззаботность, попрошайничество, пьянство, болезнь (Фрузин и Федулов были больны, а Конева страдала из-за смерти сестры). С точки зрения партийных функционеров, они не проявляли альтруизма по отношению к общему делу корпорации, коей являлся г. Сургут. Наоборот, своим поведением они очерняли городскую культуру и сам образ населенного пункта, который пытались культивировать агенты власти (строящийся трудовой город с большим будущим). Их социально-экономическое положение отсылало к опыту спецпереселенцев и создавало негативные коннотации по отношению к городу, о чем и рапортовала Зацепина.

Теперь следует разобрать кейс условно освобожденных и заключенных, находящихся в ИТК № 11 г. Сургута. В своем докладе М.Ш. Суючев отмечал, что необходимо увеличить количество заключенных, задействованных на предприятиях Сургута [Источник 2. Л. 143]. Также он отмечал, что руководители предприятий отказываются от труда заключенных, а если и принимают их, то не следят за их деятельностью. Необходимость данной практики, по мнению заведующего горфинотделом, заключается в возмещении затрат на содержание заключенных. Горисполком постановил распределить всех заключенных в равном процентном соотношении среди предприятий города. Также функционеры постановили донести до руководителей мысль о большом воспитательном значении труда для нарушителей. Для того чтобы предприятия охотнее использовали труд заключен-

ных, была установлена цена за каждый человеко-день, независимо от фактического заработка, которая составляла 1 руб. 20 коп. [Источник 3. Л. 144].

Позже наблюдательная комиссия при Сургутском горисполкоме в своем отчете за 1968 г. отмечала, что труд заключенных не используется рационально или исключен вообще [Источник 11. Л. 16]. Особенно плачевно обстоит дело с нарушителями, которые помещены в камеры и ничем не заняты. Из-за этого образуются простои. Также комиссия обратила внимание на плохую работу с условно освобожденными, прибывавшими в Сургут. В 1967 г. был устроен лишь один «условник», а за истекший 1968-й количество обращений было равно нулю. Комиссия пришла к выводу, что на предприятиях города не ведется контроль за данной группой населения (им заведовали руководители, прорабы, стройучастки) [Источник 12. Л. 17].

В представленных выше кейсах мы можем наблюдать практики реинтеграции и категоризации «чужих» согласно избранной нами операционализации. Тунеядцев, заключенных и условно освобожденных пытались реинтегрировать в городское общество, сделать их «своими». Основной практикой выступал труд, через который формировались социальные связи, а также можно было получить жилье, чтобы вести постоянное бытовое хозяйство. В этом плане были и примеры успешной реинтеграции.

Так, условно освобожденный А.С. Агапов, работающий в строительном управлении № 16 треста «Спецгазстрой», не имел нареканий по работе и подал заявление в горисполком на получение земельного участка [Источник 4. Л. 21]. Иногда условно осужденным удавалось занять высокие посты в г. Сургуте. М.Д. Рейниш стал депутатом городского Совета. Позже он снова был осужден за присвоение бюджетных средств, но для нашего исследования данный факт не имеет значения [Источник 5. Л. 56]. Для нас важен факт успешной реинтеграции посредством исполнения практик, которые культивировали местные функционеры для перехода в ранг «своего». Примыкая к «общему» делу, проявляя альтруизм, нацеленный на корпорацию (которая выражалась в лице города), Агапов и Рейниш смогли стать полноправными членами общества.

Подводя итоги, можем заключить, что с момента получения Сургутом статуса города партийные функционеры стремились создать

благоприятный образ города в противовес устоявшемуся, коим являлось «место ссылки». Для достижения поставленной цели были применены несколько практик, разделяющиеся на два вектора. Первый вектор был направлен на центральный аппарат власти, и практикой выступало коллективное обращение местных исполкомов (горисполком стремился добиться поддержки от окрисполкома и облисполкома). Вторым вектором была реинтеграция антисоциальных элементов с их последующим включением в формирующееся городское общество. То есть предполагалась усиленная работа на местах, и главной практикой выступали трудовые отношения (которые являлись тем самым альтруизмом). В обмен на труд индивид мог рассчитывать на жилье и статус «своего». Именно в данных практиках мы усматриваем «право на город», которым пользовались акторы местной власти. Не став мириться с устоявшимся порядком вещей, они предприняли попытки решения собственных проблем как непосредственно через свою агентность местных управленцев, так и через представителей города на общегосударственном уровне.

Список литературы

1. Закирова Е.Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в. // Вестник угроведения. – 2015. – № 3. – С. 52–57.

2. Иванов А.С. Границы режимного пространства спецпоселений сталинской эпохи (на материалах Западной Сибири) // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего : сб. ст. Междунар. науч. конф. (Тюмень – Тобольск, 20–21 сентября 2019 г.) / Тюмен. индустр. ун-т. Тюмень ; Тобольск, 2019. – С. 203–210.

3. Иванов А.С., Рашевский В.В. Север в «больших» и «великих» нарративах геологического освоения // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 1. – С. 164–172.

4. Иванов А.С. Спецпереселенцы в промышленности Северо-Западной Сибири: дискриминация как паттерн трудовых отношений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6. – С. 123–131.

5. Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961–1991): юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. – 2011. – № 14. – С. 212–229.

6. Лефевр А. Право на город // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 1. – С. 55–70.

7. Плюснин Ю.М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – № 3. – С. 60–93.

8. Сертакова И.Н. Урбанизм и этическое: параметры взаимосвязи в пространстве города // Неофилология. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 861–868.

9. Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). – Курган : Курган. дом печати, 2018. – 168 с.

10. Фахретдинова Л.М. Концепция чужака в социологической традиции // Primo Aspectu. – 2020. – № 1. – С. 49–56.

Список источников

1. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 18. Оп. 1. Д. 18. Л. 157.
2. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 143.
3. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 144.
4. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.
5. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.
6. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 159.
7. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 160.
8. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 196.
9. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 198.
10. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 200.
11. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
12. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.
13. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.
14. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
15. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 153.

УДК 94(47).084.9:316.334.56

ПЕРЕМЕНЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БОГДАНОВИЧА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1953–1970)

Негатина Анна Сергеевна
директор Богдановичского краеведческого музея – структурного подразделения Центра современной культурной среды городского округа Богданович, г. Богданович
moikrai@bk.ru

Аннотация. Богданович – город, центр Богдановичского района Свердловской области. Неординарна его история. В 1868 г. Евгений Богданович, дворянин, морской офицер, участник Крымской войны, служивший затем в МВД, выбрал наиболее удачный проект строительства Сибирской железной дороги из центральных губерний в Екатеринбург и далее, через Тюмень, до самого Китая. Идею реализовал в 1883–1885 гг., и к началу XX в. город, основанный при строительстве магистрали и названный в честь Е. Богдановича, стал важным узлом Транссиба. Город Богданович в советские годы остался одним из считанных в области, сохранивших свое «царское» имя.

В статье идет речь о ключевых изменениях в развитии и становлении города Богдановича после XX съезда КПСС, о переименовании в 1953–1970 гг. не только улиц города, но и многих хозяйств, о реконструкции и перевооружении железнодорожной станции, благодаря которой появился город, о том, как происходили заметные изменения на крупных предприятиях города. Анализируется отношение жителей Богдановича ко всем этим изменениям.

Ключевые слова: музей, город Богданович, огнеупорный завод, железнодорожная станция Богданович.

© Негатина А.С., 2024

CHANGES IN SOVIET SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF BOGDANOVICH, SVERDLOVSK REGION (1953–1970)

Negatina Anna S.
Director of the Bogdanovichi Museum of Local Lore,
a Structural subdivision of the
Center of the Modern Cultural Environment
of the Bogdanovich City District, Bogdanovich
moikrai@bk.ru

Abstract. Bogdanovich is a city, the center of the Bogdanovichsky district of the Sverdlovsk region. His story is extraordinary. In 1868, Evgeny Bogdanovich, a nobleman, a naval officer who participated in the Crimean War, then served in the Ministry of Internal Affairs, chose the most successful project for the construction of the Siberian railway from the central provinces to Yekaterinburg and then through Tyumen to China. The idea was implemented in 1883–1885, and by the beginning of the XX century the city, founded during the construction of the highway and named after E. Bogdanovich, became an important node of the Trans-Siberian Railway. The city of Bogdanovich in the Soviet years remained one of the few in the region that retained its 'royal' name.

The main part tells about the key changes in the development and formation of the city of Bogdanovich after the XX Congress of the CPSU. Report on the period of 1953–1970. renaming not only the streets of the city, but also many farms, on the reconstruction and re-equipment of the railway station, thanks to which the city appeared. About how noticeable changes took place at large enterprises of the city. And the attitude of Bogdanovich residents to all these changes is analyzed.

Key words: museum, Bogdanovich city, refractory plant, Bogdanovich railway station.

Богданович – небольшой город в Свердловской области, расположенный между Екатеринбургом и Тюменью. Его история неординарна. В 1868 г. Евгений Богданович, дворянин, морской офицер, участник Крымской войны, служивший затем в Министерстве внутренних дел, выбрал наиболее удачный проект строительства Сибирской железной дороги из центральных губерний в Екатеринбург и далее, через Тюмень, до самого Китая. Идею реализовал в 1883–1885 гг.,

и к началу XX в. станция Оверино, основанная при строительстве магистрали и названная впоследствии в честь Е. Богдановича, стала важным узлом Транссиба. В 1908 г. это уже станционный поселок. В 1936 г. Богданович становится рабочим поселком (численность населения – 8,1 тыс. чел.), а в 1947 г. – городом (13 тыс. чел.).

Город Богданович в советские годы остался одним из немногих в области, сохранивших свое «царское» имя.

В 1953 г., на момент смерти Сталина, в Богдановиче было закончено архитектурное оформление треугольной площади Мира, обрамленной монументальными зданиями в центре города. Это – техникум, Дворец культуры, райком партии.

В это время разворачивается интенсивное жилищное строительство: возводятся шлакоблочные 2-этажные дома на улицах Рабочей, Сталина, Ленина, 2-квартирные дома на улице Буденного, укладывается водопровод, благоустраиваются тротуары и дороги.

1956 г. памятен XX съездом КПСС, на котором был развенчан культ личности И.В. Сталина. С этого времени начался период переименований. В Богдановиче улица Сталина стала улицей Мира, Ворошилова – Парковой, Молотова – Железнодорожников, улица Кагановича влилась в Привокзальную, а затем соединилась с Первомайской, улица Жданова стала улицей Коммунальщиков.

Заметным событием стало переименование Дворца культуры. Над входом ранее можно было увидеть надпись: «Дворец культуры огнеупорщиков имени И.В. Сталина». После 1956 г. это был уже просто Дворец культуры огнеупорщиков (рис. 1).

В фойе этого здания, перед входом в зрительный зал, до 1956 г. располагалась скульптурная композиция: на садовой скамейке – В.И. Ленин и И.В. Сталин (рис. 2).

По воспоминаниям старожилов, на железнодорожном вокзале, в нише, стоял бюст Сталина, который также убрали.

Новые наименования получили и многие хозяйства района.

Для Богдановича период с 1956 по 1970 и последующие годы – период интенсивного развития. В это время и в городе, и на селе развернулось большое строительство объектов промышленно-производственного, социально-культурного и бытового назначения, жилья.

Рис. 1. Дворец культуры г. Богдановича
до переименования, 1950-е гг.

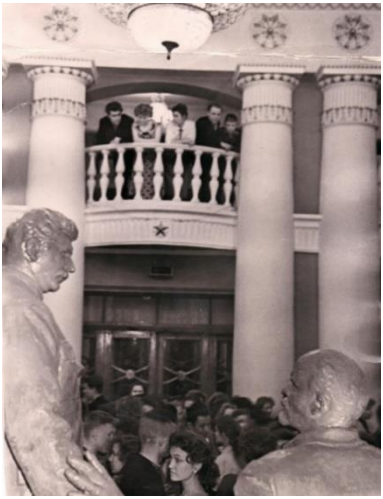

Рис. 2. Скульптурная композиция
в фойе Дворца культуры, 1950-е гг.

В 1957 г. началась реконструкция железнодорожной станции Богданович, в частности, поездной связи на перегонах. После окончания запланированных работ, маршрутно-релейной централизации (МРЦ) стрелок и сигналов, автоблокировки направлений Богданович – Пышминская и Богданович – Грязновская пропускная способность станции увеличилась в несколько раз. Трудом транспортников на железнодорожном узле «появились» вначале сортировочная полугорка, а затем и горка. В 1958 г. на смену паровозам пришли тепловозы.

До 1959 г. Богданович был участковой станцией второго класса. После необходимой реконструкции станция Богданович получила статус сортировочной первого класса. Реконструкция и перевооружение продолжились и в последующие годы.

Происходили заметные изменения и на предприятиях, непосредственно связанных с железнодорожным транспортом. К 1961 г. были полностью реконструированы производственные помещения ремонтно-прокатной базы. Шпалопропитчики получили новый производственный корпус и депо.

С января 1955 г. по решению Министерства черной металлургии СССР Богдановичский огнеупорный завод, Богдановичское рудоуправление и Курьинский рудник «Белая глина» были объединены в одно предприятие – Богдановичский огнеупорный завод. Именно в эти годы на огнеупорном заводе была проведена реконструкция действующих производственных помещений и оборудования. Железобетонные межэтажные перекрытия, облицованные плиткой стены и полы позволили внедрить в цехах гидросмыв. В горном управлении увеличился парк экскаваторов и автомашин, заменивших на вывозке сырья железнодорожный транспорт.

В 1956 г. огнеупорщики освоили выпуск ультралегковесных изделий объемным весом 0,4 кг, которые легче воды. Было начато производство изделий из чистых окислов, насадочных изделий из сырья с повышенным содержанием глинозема, что позволило увеличить срок службы этих изделий.

В 1959 г. огнеупорному заводу было передано Невьянское рудоуправление. Карьеры управления обеспечивали потребность предприятия в каолине, необходимом при производстве сталеразливочного припаса. В этом же году был решен вопрос о финансировании строительства на заводе двух вращающихся печей для обжига глины на шамот, которые были пущены в эксплуатацию в 1964 г. Коллектив огнеупорного завода по-прежнему занимался жилищным строительством и возведением объектов соцкультбыта. Начиная с 1955 г. жилой фонд завода, а значит и города, пополнялся в основном трех-, четырех-, а затем и пятиэтажными благоустроенными домами. Проводилось асфальтирование тротуаров и улиц города, их озеленение. Огнеупорный завод и мясокомбинат оборудовали для детей загородные пионерские лагеря.

Хлебозавод и пекарня железнодорожников бесперебойно обеспечивали богдановичцев хлебом и другой выпечкой. Со временем на западной окраине города был построен новый хлебокомбинат вместо двух прежних.

В 1962 г. в северной части города был построен новый молокозавод.

В Богдановиче в те годы существовали небольшие мастерские для удовлетворения бытовых потребностей. В 1945 г. на базе некоторых мастерских возникли две артели по пошиву и ремонту верхней одежды и по ремонту и индивидуальному пошиву обуви. В декабре 1946 г. они объединились в одну артель, которая просуществовала до начала 60-х гг., когда промкооперация была реорганизована. В 1960 г. на базе этой артели возник Богдановичский райбыткомбинат. С окончанием реорганизаций предприятие постепенно наращивало объемы бытовых услуг, улучшало их качество, расширяло ассортимент.

Коллектив райпромкомбината в 1952 г. начал изготовление мебели. Через десять лет он стал горпромкомбинатом, а впоследствии – мебельной фабрикой.

В 1953 г. в городе была создана первая специализированная строительная организация – строительное управление № 2, основной задачей которого было возведение комбината строительных материалов.

На ноябрьском (1962) пленуме ЦК КПСС было принято решение о разделении областных, краевых и районных партийных и советских органов на промышленные и сельские. В соответствии с этим решением Указом Президиума Верховного Совета РСФСР была образована Богдановичская промышленная зона. В ее состав вошли три города и три рабочих поселка. В этой организационной перестройке Богданович выиграл, так как получил статус города областного подчинения.

Районный Совет депутатов трудящихся и его исполком стали городскими, но с правами и полномочиями районных. Появились промышленные и сельские комитеты партии.

Управление и руководство в новых условиях осложнялись не только разбросанностью и удаленностью, но и тем, что в одном и том же месте находились предприятия и организации, подчиненные и подотчетные разным Советам. В Камышлове, например, все промышленные предприятия относились к Богдановичской промышленной зоне. В Богдановиче же мясокомбинат и молокозавод входили в состав Камышловского района.

В январе 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации Богдановичский район был восстановлен в прежних границах. На территории восстановленного района функционировали три совхоза и девять колхозов.

Приведем воспоминания жителей города об этом периоде.

Котюх Анатолий Васильевич, 1939 г. р., ветеран педагогического труда, работал секретарем горкома партии в 1976–1991 гг., удостоен знака отличия «За заслуги перед ГО Богданович»: «Патриотический подъем в городе и в стране, все старались трудиться не за деньги, а внести свой вклад в развитие, сделать что-то полезное. Мы с школьниками принимали активное участие в озеленении города, парка, улиц и санатория. Постоянно принимали участие в соревнованиях с Огнеупорным заводом, с их цехами, и при этом были дружественные отношения.

В этот период зарождается дружба с Чехословакией, образуются побратимские связи. Ежегодно приезжали жители города Рокицаны к нам, а наши делегации – к ним. Обменивались опытом, дружили. Им очень интересно было наше патриотическое движение.

Мы с супругой приехали в город молодыми специалистами. Вначале ждали, когда получим квартиру, и огромная радость, когда заехали в нее. И как-то жили в ожидании лучшего, и самое главное, ожидания наши оправдывались» (рис. 3).

Колосов Александр Геральдович, 1955 г. р., председатель литературно-художественного объединения «Серебряная Елань», выпускник архивного отделения исторического факультета УрГУ, краевед Богдановичского района: «Сам я тогда был очень мал, но могу описать впечатления детства – весь город заставлен кранами – везде стройка. Где сейчас живу – в детстве был пустырь. Но люди жили весело! Песни были веселые, общение проще, и между собой ладили. И при этом жители города были смелые, решительные: если на предприятии кого-то начинали прижимать, коллектив мог заступиться за человека, отстоять его. В этот период появились коллективные сады, в свободной продаже холодильники и телевизоры.

В период правления Хрущева для сельского хозяйства был сложный этап – выращивание кукурузы. В магазинах пропал нормальный пшеничный хлеб, выдавали по карточкам. Был он отврати-

тельный, непропеченный. Когда сняли Хрущева – у людей в городе был праздник, радовались.

Анализирую период 1956–1970 гг. даже по анекдотам: про Хрущева были унижающие его достоинство, а вот про Сталина все-таки с уважением» (рис. 4).

Рис. 3. Г. Богданович, встреча с работниками райкома компартии ЧССР (г. Рокицаны), 1970-е гг.

Рис. 4. Строительство на ул. Гагарина, 1960-е гг.

Костромин Антон Владимирович, 1978 г. р., директор компании «Огнеупорные решения»: «Неоднозначный период в жизни моего города и страны. Если касательно личного, то этот период вспоминается моими родителями как самый интересный, самый деятельный и огромная вера в свои силы – жилье заработали, образование получили, детей воспитали – все было. А самое главное – как изменился внешне город за этот период, построены были 10 заводов, и развитие сельского хозяйства, которым до сих пор славится наш район» (рис. 5).

Рис. 5. На демонстрации, 1960-е гг.

Дарья, 2010 г. р., учащаяся 7в класса школы № 3: «Мне интересен И.В. Сталин, период его правления и постсталинский период, люблю рассматривать вещи, предметы, узнавать, как люди жили, чем занимались мои сверстники в то время. Поэтому очень часто у бабушки расспрашиваю про ее детство».

Источник – архив Богдановичского краеведческого музея, структурного подразделения Муниципального автономного учреждения культуры «Центр современной культурной среды городского округа Богданович».

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО В ПОСЛЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

УДК 94(47).084.9:00

ФЕНОМЕН МЕТАФИЗИЧЕСКОГО В ПОСТСТАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Гаврилов Денис Михайлович
аспирант кафедры теории и истории культуры
Института искусств и культуры
Национального исследовательского Томского
государственного университета, г. Томск
gavrilow.de@gmail.com

Аннотация. Предлагается к рассмотрению феномен метафизического как в советском нонконформизме, так и в официальной культуре СССР постсталинского периода (оттепель, застой и перестройка). Рассматривается советский паранаучный дискурс – от НЛО и йоги до парапсихологии и экстрасенсорики, описываются метафизические тенденции в нонконформистском искусстве 1960-х гг. и московском концептуализме 1970-х гг. Приводится общая характеристика интереса к невероятному в Советском Союзе (как в официальных, так и в диссидентских кругах).

Ключевые слова: СССР, паранаука, религия, нонконформизм, Южинский кружок, московский концептуализм.

THE PHENOMENON OF THE METAPHYSICAL IN POST-STALIN CULTURE

Gavrilov Denis M.
Postgraduate Student of the Department of Theory and History
of Culture Institute of Arts and Culture
National Research Tomsk State University, Tomsk
gavrilow.de@gmail.com

Abstract. The article proposes to consider the phenomenon of metaphysical both in Soviet nonconformism and in the official culture of the

© Гаврилов Д.М., 2024

USSR in the post-Stalin period (thaw, stagnation and perestroika). The text begins with an examination of Soviet parascientific discourse – from UFOs and yoga to parapsychology and extrasensory perception, followed by a description of metaphysical trends in nonconformist art of the 1960s, and then in Moscow conceptualism of the 1970s. The text ends with a general description of the interest in the incredible in the Soviet Union (both in official and dissident circles).

Key words: USSR, parascience, religion, nonconformism, The Iuzhinskii circle, moscow conceptualism.

Как известно, мистический и паранаучный дискурс не был редкостью для позднего СССР: по телевидению показывали сюжеты про кожное зрение, экстрасенсорику и индийских факиров. Все вышеперечисленное образовало связное, официальное дискурсивное поле. Существовал и целый ряд «эзотерических НИИ», научные газеты и журналы публиковали статьи о столкновении кораблей и возможной обитаемости планет, на лекциях по астрономии можно было услышать вопросы про НЛО, а занятия по научному атеизму завершались разговорами о природе телепатии. Дискурс о невероятном подпитывался верой советских граждан во всемогущество науки и техники.

Пропаганда здорового образа жизни, наряду с парадами физкультурников, в свою очередь, привела к тому, что люди находили лечебные свойства в самых необычных вещах, зачастую в ущерб официальной медицине: были популярными чайный гриб, мумие, необычные оздоровительные системы, как, например, иглоукалывание или тренировочная программа силача Валентина Дикуля, сумевшего восстановиться после тяжелого падения из-под купола цирка.

А.А. Конаков предлагает следующую хронологию «невероятного»: в 50-е гг. население более всего говорило о Тунгусском метеорите (взрыв инопланетных кораблей), в 60-е – о летающих тарелках, в 70-е – о йогах, а в 80-е – об экстрасенсах. Причем в случае с НЛО и йогой государство колебалось от попыток научного исследования вопроса до табуирования (и обратно). Рассмотрим их немного подробнее.

Космическая программа и обилие секретных запусков ракет, наложившиеся на тревожные настроения времен холодной войны привели к тому, что советские граждане нередко замечали в небесах непонятные объекты, на основании чего начала развиваться советская

уфология. Впрочем, имели место и разоблачения. Виталий Бронштэн прочел цикл лекций, обличающих моду на летающие тарелки. И в марте 1968-го советская уфология ушла в подполье и самиздат. Несмотря на это, к середине 1970-х гг. феномен НЛО набирает широкую популярность, вследствие чего советский режим неоднократно пытается перенаправить внимание публики с «антинаучных мифов» на конкретные успехи СССР. Кружки уфологов не получают государственного финансирования, однако проводят семинары и активно публикуются. А в 1980-е гг. к поискам НЛО и вовсе привлекаются Вооруженные силы СССР.

Культура Индии, в свою очередь, набирает популярность у советских граждан после того, как в 1957 г. выходит перевод Бхагават Гиты. Йога, бывшая идеалистической философией, начинает пониматься как вид физкультуры, ориентированный на лечение и омоложение. Физическая подготовка йогов и индийская философия также начинают представлять интерес для советских ученых. Например, Василий Бродов пишет диссертацию о «прогрессивной философской и социологической мысли Индии», а советские власти интересуются йогой при подготовке космонавтов, также отмечая рациональную составляющую в области медицины и психологии. Выходят и телепередачи, настаивающие на том, что йога – это отнюдь не мистическая система, а комплекс эффективных физических упражнений. Тем не менее в январе 1973 г. йога была объявлена «троянским конем индийского идеализма» и спортивным организациям была дана команда на разгон подпольных групп людей, занимающихся йогой. Однако спустя десять лет в ДК «Маяк» вновь собирается группа йогов под руководством А. Лобанова, ознаменовав очередной виток легализации.

Имел место и ряд других феноменов. Сложно поверить, но на уровне Академии наук обсуждались вопросы ясновидения, «кожно-оптического восприятия» и поиски снежного человека на Памире (инициатором обсуждения был историк и философ Борис Поршнев, нередко ссылавшийся на труды Рерихов). Вольф Мессинг гастролировал с «чтением мыслей» со сцены, а Бернард Кажинский пытался материалистически объяснить феномены порчи и сглаза, сформурировав понятие «биологическая радиосвязь».

В 80-е гг. существенно ослабевают цензурные ограничения и количество публикаций (включая научные) на «невероятные» темы резко возрастает: АН СССР всерьез говорит о феномене биополя. Вслед за целителем и экстрасенсом Джуной, находящейся на должности научного сотрудника, на закате СССР появляются А. Чумак и А. Кашпировский. Идея последнего заключается в пробуждении источника саморегуляции и в том, что в организме заложена богатейшая фармацевтика, способная справиться с очагами внутренних болезней.

Ключевая мысль работы А.А. Конакова «Убывающий мир: история “невероятного” в позднем СССР» заключается в том, что чем больше криптобуржуазная идеология спокойствия, достатка и личного здоровья пронизывала общество, тем быстрее шел грандиозный разворот метафизического в душах людей [6]. Рассмотрим этот феномен за пределами официальной и массовой культуры.

Метафизические, паранормальные и религиозные образы нередко встречались в нонконформистской живописи 1960-х гг. И если сейчас православная эстетика отождествляется с консерватизмом, то в советскую эпоху она нередко представала как форма протеста. Рассуждая о христианстве, один из лидеров диссидентского движения, В.И. Новодворская, подчеркивала историю гонений и мученичества, отмечая, что это религия подвижников и героев. Действительно, многие работы диссидентствующих художников-нонконформистов были напрямую связаны с религией, что, опять же, служило способом противостояния советской идеологии и обыденности. Например, Александр Харитонов писал фактурные полотна на сказочные и религиозные темы, неосознанно открыв технику пуантилизма. В числе наиболее типичных сюжетов его картин – храмы, часовни, православные праздники и культура Древней Руси.

Формируется и тенденция подражания западному сюрреализму под предлогом выхода за пределы обыденного и советской действительности. Нередко художники доходят до этого интуитивно, но в основном это была работа с наследием Сальвадора Дали (работы иных представителей течения были попросту недоступны в СССР, не говоря о манифестах и литературе сюрреалистов). С. Дали тиражировала западная культура по каналам, открытым для общения с СССР, к тому же его работы нередко попадались в книгах и статьях, критикующих тенденции западного искусства. В картинах Анатолия Брусиловского

и Отари Кандаурова можно отчетливо усмотреть влияние испанского художника и (пере)осмысление его визуальности. В контексте сюрреализма работал и Юло Соостер, сформулировавший собственный язык, в котором имел место ряд символических фигур: яйцо, рыба, можжевеловый куст.

К концу 1960-х внутри неофициального искусства также возникают два нарицательных термина, описывающих духовные поиски художников (как абстрактное, так и сюрреалистическое творчество): «сюр» и «абстрагон». Художники пытаются дистанцироваться от этих тенденций, находя их наивными [11].

Говоря об этом периоде, нельзя не упомянуть и феномен Южинского кружка. В 1960-е гг. в двух коммунальных комнатах писателя Юрия Мамлеева в Южинском переулке сформировался подпольный кружок, объединивший философов, писателей и художников, неравнодушных к мистике, религии, оккультизму и считавших себя последователями Серебряного века. Со слов И. Дудинского, подобные кружки были неотличимы от интеллигентских кухонь. Но если на кухне собирались время от времени, то кружки никогда не пустовали. К тому же это была разомкнутая, гостеприимная система, в которой тем не менее сосуществовали одни и те же люди. Южинский кружок сформировался в курилке Ленинской библиотеки за обсуждением книг по философии, мистике и эзотерике (на тот момент находившихся в открытом доступе). Постепенно все со всеми перезнакомились, Мамлеев жил ближе всех и стал приглашать народ к себе в гости – это был барак с двумя тесными комнатами, где люди во время заседаний ютились и даже сидели на шкафу, передавая туда стаканы и тарелки.

Кружок носил отчетливый мистический оттенок. Люди, собравшиеся там, называли себя «шизами» или «шизоидами», изучая и воплощая в жизнь древние мистические тексты гностиков, книги по астрологии, алхимии и ясновидению, оккультные труды XVII–XIX вв. и немецких философов-идеалистов, от Лейбница до Шопенгауэра. И действительно, по мнению Дудинского, открытие «портала» в фантастический мир, не имеющего ничего общего с советской действительностью, было чревато настоящим помешательством. Существенное место занимал и алкоголь: во-первых, чтобы заглушить страх перед КГБ, во-вторых, чтобы притупить остроту восприятия контраста между обыденностью и мистическим, в-третьих, с целью расширения

сознания и поиска новых идей: бред становился частью священного безумия, с помощью которого удавалось достичь «сверхчеловеческого состояния». По выражению Дудинского, чтобы достичь свободы и погрузиться в реальный хаос, нужно преодолеть цензуру разума. Бред как раз и есть один из путей, ведущих к познанию абсурда, лежащего в основе мироздания.

Дудинский также отмечает, что Южинский кружок стал точкой отсчета для следующих поколений, аккумулятором идей, который всех потом питал: там учили идти во всем до предела и бредили, освобождая ум. Там обожествляли процесс, веря, что Бог – это постоянный поиск. Позже члены кружка собирались уже не у Мамлеева, который эмигрировал в США, а в Переделкино – на даче у Игоря Ильича Дудинского, а чуть позднее – на станции Клязьма, у философа Сергея Жигалкина.

Несмотря на то что сегодня феномен кружка Юрия Мамлеева кажется довольно наивным, объединение взрастило разные и по-настоящему значимые фигуры, в числе которых помимо уже упомянутого культурного деятеля И. Дудинского философ-традиционалист Александр Дугин, председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль, правозащитник Владимир Буковский, писатель Александр Проханов и известный оккультист Евгений Головин [3; 7].

Отдельного внимания в контексте статьи заслуживает творчество основателя Южинского кружка Юрия Мамлеева. Остановимся на самой концепции «метафизического реализма», к которой писатель относил свои произведения. Используя устоявшуюся форму реалистического рассказа, писатель обращался к невиданному и символическому, будь то глубины человеческой души или нечто вторгающееся извне. Тем не менее это именно реализм, и не только потому, что он основан на обыденной реальности, но и потому, что неизвестное предстает не в качестве фантастического, а как реальность постижимая, включающая в себя сны, сознание, самопознание. Это не игра воображения, а желание расширить возможности материализма и получить более объемное представление о бытии. Мамлеев отмечал, что человечество не стало бы связывать тысячелетия с оккультными и религиозными практиками, если бы этот опыт не дал плодов. Исходя из этого, писатель называет проявления мистицизма объективными явлениями, а не фантазиями. Мамлеев также отмечал, что русская лите-

ратура несет в себе более глубокие мысли, чем русская философия, так как художественный образ глубже идеи и именно он лучше всего может выразить подтекст русской метафизики [4; 5].

Переходя к контексту 1970-х, нельзя не упомянуть феномен московского концептуализма. Если западный концептуализм был ориентирован на упразднение чувственного впечатления и использование нейтральных средств выражения, таких как фото или реди-мейд, то московский концептуализм, напротив, оказался построен на образности и поэтичности, что особенно ярко проявилось в творчестве Виктора Пивоварова. Несмотря на принадлежность к культуре постмодерна, Пивоваров искренне обращался к классическому пониманию живописи, включая академизм и полотна старых мастеров. По мнению Екатерины Лазаревой, термин «романтический концептуализм» применим к его работам в гораздо большей степени, нежели к работам других художников круга концептуальной школы.

Благодаря знакомству с Юрием Соболевым, увлекавшимся сюрреализмом, Виктор Пивоваров попал в круги неофициальной художественной сцены, где познакомился с Юло Соостером и Ильей Кабаковым. Как известно, Пивоваров принадлежит к старшему поколению московских концептуалистов и наряду с ранее упомянутым И. Кабаковым является одним из основоположников московской концептуальной школы. Однако, в отличие от искусства Кабакова, построенного на диалогах, работы Пивоварова ориентированы на монолог от лица одинокого автора, в котором быт московских коммуналок сплетается с типичными для сюрреализма и метафизической живописи сюжетами.

Рассуждая о творчестве Пивоварова, Е. Лазарева также отмечает интерес к потустороннему, трансцендентному и непознаваемому, связывающий работы художника с метафизической традицией, от шестидесятников вроде В. Вейсберга и М. Шварцмана до Э. Штейнберга и В. Янкилевского. Пивоваров также увлекался философией Бердяева, Булгакова и Флоренского, параллельно развивая идеалистическую составляющую русского авангарда (включая мистические поиски супрематизма).

В начале 80-х художник эмигрировал в Прагу. Несмотря на то что Чехословакия отличалась большей культурной и художественной свободой, ей были свойственны и провинциальность, и отсутствие

столь насыщенной художественной жизни, как в Москве. В связи с этим Пивоваров обращается в работах к утраченному времени своей молодости, воспевая атмосферу московского художественного андерграунда. Главные герои картин будто слеплены из бытовых объектов, напоминая метафизическую живопись Де Кирико, алогизм Малевича и кубизм Пикассо.

Советский дискурс не покидает его творчество и после переезда. Так, в цикле «Квартира 22» (1992–1996) изображается быт типичной московской коммуналки, где родился и вырос художник. Пивоваров намеревается продемонстрировать феномен советского быта без какой-либо критики или иронии, посмотреть на него объективно, как на объект исследования. Художник также отрицает ностальгический характер произведений, предлагая их мыслить как возвращение утраченного времени: с одной стороны, как восполнение собственного творческого пути, с другой – как попытку реконструировать какое-то сопутствующее звено в искусстве 60-х. Понятие ностальгии здесь применимо не столько в классическом смысле тоски, сколько в том смысле, который вкладывал в него Хайдеггер, определяя ностальгию как «фундаментальное настроение философствования», «тоску по целому», «стремление повсюду быть дома» [8].

Другой представитель московской концептуальной школы, лидер группы «Коллективные действия» (род. 1976) Андрей Монастырский, нередко ссылается в своих текстах и интервью на буддистские, суфийские и христианские духовные практики. Творчество группы Монастырского представляет собой, на первый взгляд, невнятные и абсурдистские акции, проходящие за городом и запечатляющиеся на любительскую камеру. Рассмотрим три ранние и наиболее известные из них.

«Появление». Зрителям были разосланы приглашения на акцию «Появление». Когда приглашенные собрались и разместились на краю поля, через пять минут из леса появились двое участников акции и вручили им справки, удостоверяющие присутствие на «Появлении».

«Лозунг 1977». На холме между деревьями было повешено красное полотнище с надписью белыми буквами: «Я НИ НА ЧТО НЕ ЖАЛУЮСЬ, И МНЕ ВСЕ НРАВИТСЯ, НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО Я ЗДЕСЬ НИКОГДА НЕ БЫЛ И НЕ ЗНАЮ НИЧЕГО ОБ ЭТИХ МЕСТАХ» (цитата из книги А. Монастырского «Ничего не происходит»).

«Шар». Из цветного ситца была сшита огромная оболочка шара. Затем в лесу в течение шести часов под дождем участники надували воздушные шарики и наполняли ими ситцевую оболочку, после чего, вложив внутрь «шара» включенный электрический звонок, пустили полученную стогообразную форму вниз по реке [2].

Агамов-Тупицын описывает практики Монастырского отчасти как способ заглянуть в другое пространство: художник пытается вывести зрителя из городского пространства в поэтический опыт, претендующий на одноразовое существование, нащупывая между ними линию понимания и интерпретации. Сам художник неоднократно упоминал, что ключевая часть акций разворачивается именно в сознании инициатора, посетителя и интерпретатора. В большей степени акции КД оказываются построены именно на исследовании данных линий восприятия, что придает документации еще один смысл. Фотография для Монастырского – попытка ответить на вопросы «Что есть факт?» и «Что есть реальность?». Как уже было сказано, каждое событие документируется и документация насчитывает несколько томов, которые образуют целостное произведение, в то время как акция – это всего лишь единичное событие. Идею альбомов, к слову, предложил Монастырскому Илья Кабаков (до этого документация событий носила характер отдельных статей) [1].

Немаловажно отметить, что сам А. Монастырский – выходец из литературы, поэтому он подчеркивал важность драматургии и сценария в каждой из акций, придавая особое значение единому метасюжету, растянувшемуся на несколько томов документации, каждый из которых оформлен подобающим образом (предисловие, общий нарратив и обсуждение) [10].

Монастырский воспринимает свои практики как духовно-познавательную деятельность, образующую архив. А также он отождествляет выполнение «пустого действия» с молитвой на языке понятных для нас символов. Еще он подчеркивает важность процесса, а не результата, на основании чего творчество его группы сопоставимо с ритуальными или медитативными практиками [9].

Резюмируя сказанное, сделаем вывод, аналогичный предложенному Алексеем Конаковым в упомянутой ранее работе «Убывающий мир: история “невероятного” в позднем СССР», где автор предлагает рассматривать «оккультное возрождение» как следствие нескольких

десятилетий принудительного подавления метафизического мышления: многолетнее господство диалектического материализма породило реакцию – тоску по духовному и жажду веры, причем не только в диссидентских, но и в официальных кругах: выпускники технических вузов, аспиранты, кандидаты и доктора наук стали той средой, в которой развивался дискурс о невероятном, сплетающийся с научным просвещением. Интеллигенция в лице писателей и художников-нонконформистов тоже оказалась неравнодушна к «метафизическому», допуская большие вольности в своих духовных поисках.

Интерес к метафизическому продолжался и в 90-е гг. Однако после краха СССР религия стала частью государственной политики, помимо этого, страны бывшего Союза заполонили деструктивные секты, оккультные и эзотерические кружки самого разного характера, вследствие чего метафизический дискурс начал утрачивать свою актуальность и сильно перебиваться, отойдя на второй план.

Список литературы

1. Агамов-Тупицын В. Вечность вечна, потому что беспечна. Андрей Монастырский и группа «Коллективные действия» / Музей современного искусства «Гараж». – М., 2019. – 184 с.

2. Алексеев Н.Ф., Кизевальтер Г.Д., Монастырский А.В. Коллективные действия. Поездки за город. Т. 1. – М. : Б-ка моск. концептуализма Г. Титова, 1980. – 358 с.

3. Астра. Узкий кружок мракобесов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://orden-bezdna.livejournal.com/ 1648146.html? (дата обращения: 18.08.2023).

4. Волобуева А. Падший мир Юрия Мамлеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasia.com.ru/makeeva /padmir/5.htm (дата обращения: 12.07.2022).

5. Гаврилов Д.М. Традиции реализма в современном искусстве // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью : сб. материалов V Междунар. науч. конф. (Челябинск, 29–30 сентября 2022 г.). – Челябинск, 2022. – С. 135–139.

6. Конаков А.А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР / Музей современного искусства «Гараж». – М., 2022. – 236 с.

7. Крижевский А. Бархатное подполье: Игорь Дудинский о жизни советской богемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rulife.ru/mode/article/510 (дата обращения: 18.08.2023).

8. Лазарева Е.А. Виктор Пивоваров. – М. : BREUS, 2017. – 120 с.

9. Монастырский А.В. Эстетические исследования. – М. : Б-ка моск. концептуализма, 2009. – 560 с.

10. Музей современного искусства «Гараж». Интервью с Андреем Монастырским [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=jJjUZbv81e4 (дата обращения: 18.08.2023).

11. Обухова С. Персональные стили «неофициального искусства» 60-х. Ч. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=xHvjYqpHFoo&list=PLRSwFqRcpg4EEB3udk4jHFCmfLKNr2r6o&index=3 (дата обращения: 19.08.2023).

УДК 94(47).084.9:793.3

«НЕ ПРЕВРАЩАЙТЕСЬ В СОВЕТСКИХ, ОСТАВАЙТЕСЬ РУССКИМИ»: РЕАКЦИИ ПОКЛОННИКОВ АНСАМБЛЯ «БЕРЕЗКА» 1950-х – НАЧАЛА 1960-х гг. НА ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РЕПЕРТУАРА

Нарский Игорь Владимирович
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь
inarsky@mail.ru

Аннотация. Созданный в 1948 г. женский хореографический ансамбль «Березка» в 1959 г. был обновлен за счет создания мужской группы танцоров и включения в репертуар танцев народов СССР. Обновление программы вызвало поток писем поклонников ансамбля в адрес руководства «Березки» и Министерства культуры СССР. Авторы писем просили не превращать ансамбль в типично советский, а сохранить его подлинно русскую суть. В статье описывается тенденция к формированию «русской партии» не только сверху, в эшелонах власти и культурной элиты, но и снизу, за счет поклонников массовой псевдорусской культуры.

Ключевые слова: ансамбль «Березка», гастроли, зрительские отклики, национализм.

‘THEY DON'T BECOME SOVIET, THEY STAY RUSSIAN’: REACTIONS FROM FANS OF THE BEREZKA ENSEMBLE OF THE 1950s AND EARLY 1960s ON THE REMODELLING OF THE REPERTOIRE

Narsky Igor V.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Interdisciplinary Historical Studies, Perm State National Research University, Perm
inarsky@mail.ru

Abstract. The women's choreographic ensemble ‘Berezka’ was renewed in 1959 by adding dances of the peoples of the USSR to the reper-

© Нарский И.В., 2024

toire. The renewal of the programme triggered a flood of letters from fans of the ensemble to the management of ‘Berezka’ and the USSR Ministry of Culture. The authors of the letters asked not to turn the ensemble into a typical Soviet one, but to preserve its authentic Russian essence. The article is dedicated to the tendency to form a ‘Russian party’ not only from above, but also from below, at the expense of fans of pseudo-Russian mass culture.

Key words: ‘Berezka’ ensemble, tours, audience reactions, nationalism.

Событийная канва истории, которой посвящена эта статья, выглядит следующим образом. В 1948 г. в Москве бывшей танцовщицей Большого театра Н.С. Надеждиной был создан женский ансамбль «Березка», вскоре снискавший популярность в стране и за рубежом. В 1959 г. ансамбль претерпел реорганизацию, повлекшую обновление репертуара. В марте 1962 г. новую программу «Березки» показали по центральному телевидению. Реакцией на него стали письма встревоженных телезрителей, на одно из которых руководство ансамбля ответило посланием программного характера.

Почему же обновленная концертная программа «Березки» вызвала беспокойство среди ее поклонников? И как руководители ансамбля попытались успокоить своих зрителей? Чтобы ответить на эти вопросы, ниже будет эскизно намечен контекст, объясняющий стремительно растущую «всенародную любовь» к «Березке» в СССР. Затем предстоит изложить содержание нескольких писем зрителей, телезрителей – почитателей ее творчества, написанных до и после реорганизации ансамбля. Следующим шагом будет изложение и интерпретация ответного письма из «Березки». В заключение будут сформулированы проблемы, имеющие центральное значение для понимания послевоенной и позднесоветской истории, на которые выводит малозначительный, на первый взгляд, эпизод из жизни прославленного женского ансамбля.

Итак, в 1948 г. в Москве был создан небольшой женский ансамбль русского танца «Березка». Первоначально он вошел в систему Мосгосэстрады Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, а затем был передан в ведение Гастрольного бюро. Вскоре к ансамблю пришла всесоюзная и всемирная слава. В фильме «Кубанские казаки» (1949, режиссер И.А. Пырьев, композитор И.О. Дунаевский) многомиллионная советская киноаудитория увидела выступле-

ние «Березки» в хореографии Надеждиной. В том же году ансамбль стал лауреатом Второго всемирного фестиваля молодежи и студентов в Будапеште. На рубеже 1940–1950-х гг. – раньше, чем начались зарубежные гастроли Большого театра и Государственного ансамбля танца СССР под руководством И.А. Моисеева – ансамбль выступал в Чехословакии, Австрии, Румынии, Польше, Финляндии, Швеции, Норвегии, ГДР. С 1950-х гг. гастрольные турне по Советскому Союзу перемежались с зарубежными гастролями по всему свету (таблица).

Зарубежные гастроли ансамбля «Березка»
в конце 1940-х – начале 1960-х гг.

Год	Страна	Год	Страна
1949	Австрия, Венгрия, Чехословакия	1956	Египет, Ливан, Греция
1950	Польша, Финляндия, Норвегия, Румыния	1957	Франция, Бельгия, Польша
1951	Финляндия, Норвегия, Швеция	1958	Албания, Венгрия, США, Канада
1952	ГДР	1960	Чехословакия
1954	Швейцария, Бельгия, Голландия, Англия	1961	Италия, Бельгия, Швейцария
1955	Болгария, Китай	1962	Десять стран Латинской Америки

В 1959 г. Всемирный совет сторонников мира присудил ансамблю «Березка» золотую медаль «За мир». Это был первый советский художественный коллектив, удостоенный этой награды. В 1960 г. новый взрыв популярности ансамбля вызвала лирическая комедия «Девичья весна» (режиссеры В.Д. Дорман и Г.Б. Оганесян) о путешествии танцевального ансамбля по Волге на гастроли в Горький. Его сюжет позволил показать кинозрителю танцевальные номера ансамбля «Березка» в постановке Надеждиной, в том числе одноименные хоровод и лирический вальс. Главную роль в картине сыграла молодая солистка и будущая преемница создательницы «Березки» Мира Кольцова.

Таким образом, всего через несколько лет после создания ансамбль стал символизировать во всем мире успехи советской культу-

ры. В адрес ансамбля шел бесконечный поток восторженных писем почитателей. К счастью для историка, они бережно сохранены в обширном архиве «Березки».

Из корреспонденций поклонников и поклонниц женского ансамбля становится очевидным, что зрители воспринимали сценические образы ансамбля в качестве репрезентации русского национального характера, просторов русской природы и благородной сдержанности русской красавицы.

Одно из писем, видимо, произвело особое впечатление на руководство ансамбля. Оно было выделено, тщательно подшито в отдельную папку и хранится в архиве ансамбля поныне. Его автор, пожилой профессор А.М. Мануйлов, посетитель концертов и телезритель выступлений «Березки», 8 декабря 1954 г. написал ее руководителю Н.С. Надеждиной и «всем участникам ансамбля» пространное письмо, в котором обозначил тему, которая будет затем обсуждаться поклонниками прежних концертных программ ансамбля и противников их обновления. В письме, помимо прочего, говорилось:

«…У русского человека, горячо любящего свое родное искусство, – во всех его видах и формах, – имеется своя, безграничная любовь к Вашему ансамблю.

Я не хочу, да и не могу профессионально оценить Ваше творчество с точки зрения самой хореографии, но я считаю, что весьма показательной и верной является оценка Вашего ансамбля по силе тех чувств и эмоций, которые рождаются у зрителя.

Что же самое главное, самое важное, волнующее, существенное и самое ценное в ансамбле „Березка“? Ответ прост и очевиден. Самое главное – это русская душа ансамбля, ее красота; это прекрасный образ русских женщин, создаваемый в танцах, – их русское лицо, их чувства и переживания.

Лицо Вашего ансамбля „Березка“ – русская женщина. Сохраните в творчестве Вашего ансамбля чистый образ красоты русской женщины, и Вы сохраните любовь всего Советского Союза и народов всего мира к ансамблю „Березка“, к его прекрасному хореографическому творчеству. Не включайте в ансамбль танцы и пляски народов других стран. Они изменят Ваше ясное, чудесное лицо» [2. Ф. 2934. Оп. 1. Д. 15. Л. 1об. – 2].

Письмо А.М. Мануйлова было одним из многих, приходивших в адрес ансамбля. И хотя оно отличается объемом, обстоятельностью и стилем от других, все эти послания объединяет необычная черта – отношение к «Березке» как к чему-то близкому и родному, нуждающемуся не только в любви и заботе, но и в беспокойстве за судьбу ансамбля, и в критике, если, по мнению поклонников, ему грозила беда.

***

В 1959 г. Н.С. Надеждиной удалось добиться дополнительного финансирования, благодаря чему она смогла увеличить штат ансамбля, создать мужскую группу танцоров и оркестр народных инструментов для сопровождения хореографических выступлений. Неожиданным эффектом этой реформы стали тревожные письма, поступившие в адрес руководства ансамблем в 1962 г.

Среди них было пространное, но довольно сбивчивое письмо с многочисленными помарками, выдававшими волнение его анонимной составительницы. Женщина, недавно переехавшая из Ростова в Москву, впервые побывала на концерте ансамбля «Березка» во время столичной командировки в 1952 г., вскоре после организации женского танцевального коллектива. Ее восторженному изумлению не было предела. Недавно к ней, новой столичной жительнице, приехала подруга, и, готовя для той культурную программу, она в первую очередь решила сводить гостью на концерт ансамбля «Березка». Когда она достала билеты и поделилась этой радостью с девушками-коллегами, те только поморщились: «Фу, нашла на что повести приезжего человека». Она возмутилась, апеллируя к своему личному впечатлению 10-летней давности. Те возразили: «Когда это было, пойди, посмотри теперь, ничего особенного». Действительно, концерт разочаровал ее. Танцы «Березки», по мнению автора письма, потеряли былое очарование [2. Ф. 2934. Оп. 3. Д. 13. Л. 17–20].

Довольно жесткое по высказанному недовольству письмо от 19 марта 1962 г. пришло в адрес руководителя ансамбля из Орехова-Зуева Московской области. Ее автор, К. Сперанский, писал:

«Вчера, в день выборов, смотрел Ваш концерт из Кремля и прослушал, во время антракта, информацию о творчестве коллектива, чуть ли не „его“ историю! Было сказано, что ансамбль, за счет „мужской“ части, пополнен, и поэтому программа значительно расширилась!

Что правда, то правда: коллектив исполняет номера, ему несвойственные, разнообразившие его программу, но вряд ли сохраняющие его, „Березки“, прелесть!

Когда Вы подобрали высококвалифицированных, новых исполнителей, вы стали близкими, очень похожими на хор им. Пятницкого, на ансамбль Игоря Моисеева и др., потеряв навсегда обаятельное, поэтическое содержание той „Березки“, над которой много пролито радостных, счастливых слез и которая Вами же, Надежда Сергеевна, жестоко похоронена! И вы ТЕПЕРЬ не русская „Березка“…» [2. Ф. 2934. Оп. 3. Д. 13. Л. 1].

В тот же день письмо схожего содержания было послано в Москву из Луганска. Его автор, А.В. Синельников, видел новую программу «Березки» по телевизору одновременно со Сперанским, 18 марта 1962 г. Он тоже высказал опасение, что изменение репертуара лишит ансамбль оригинальности:

«Я отнюдь не знаток хореографического искусства, не актер, не музыкант. Нет, я простой советский человек и настоящее искусство, в чем бы оно ни заключалось, понимаю не столько умом, сколько сердцем. Так вот мне показалось, что Вы, стремясь обогатить и разнообразить репертуар Вашего ансамбля, допускаете ошибку, которая может привести к роковым последствиям. Вы, наверное, лучше меня знаете, чем Ваша милая русская „Березка“ покорила сердца своих зрителей. Особенность и неповторимая прелесть „Березки“ в том и состоит, что она единственная, непохожая на другие ансамбли. Такие танцы и мелодии, как „Березка“, „Весенние хороводы“ и особенно „Старинный русский вальс ‘Березка’“ – это и есть то главное, что отличает „Березку“ от всех других русских ансамблей. Именно в этом ее поэзия, ее майская свежесть и неповторимая прелесть. Я лично не могу представить себе „Березку“ без названных танцев, даже без одного только „Старинного русского вальса“. Я просто боюсь, что Вы увлечетесь веселыми, разухабистыми танцами и Ваша божественная „Березка“ перестанет быть тем, чем она есть, – „Березкой“.

Ради бога, т. Надеждина, ради миллионов любящих Вашу „Березку“ сердец, будьте всегда „Березкой“, не допускайте преобладания в Вашем ансамбле других, несвойственных „Березке“ танцев» [2. Ф. 2934. Оп. 3. Д. 13. Л. 2–2об.].

Письмо А.В. Синельникова не осталось незамеченным. Двумя неделями позже ему послали ответ, написанный заведующей литера-

турно-фольклорной частью ансамбля А.Э. Чижовой. Письмо от 5 апреля 1962 г. носило программный характер и излагало перечень образов, создаваемых ансамблем «Березка»:

«Нам кажется, что Ваши опасения напрасны. Жизнь русского народа чрезвычайно многообразна. Душа русских людей богата и многогранна. Хороводы и такие танцы, как вальс „Березка“, – это только одна грань русской души, одна грань характера русских людей, и отражение этой грани означало бы одностороннее отражение бытия русского характера, эта односторонность могла бы привести в результате к однообразию программы, к ограниченному представлению об образе русского народа.

Пополнив труппу мужчинами, мы получили возможность отражать образ русского народа во всей его полноте.

Мы получили возможность раскрыть все богатство и многообразие русской танцевальной культуры.

„Березка“ – не только образ русской девушки, это прежде всего образ родины. Ансамбль «Березка» призван отражать поэтический образ русского народа, а это возможно только в разнообразных по характеру и темпераменту танцах. Широкое поэтическое обобщение, чувство меры, вкус, всегда присущие творчеству балетмейстера Надеждиной, послужат порукой тому, что в «Березке» никогда не будет разухабистых танцев, ибо разухабистость исключает поэтичность, а поэтичность – это одна из примет стиля художника Надеждиной. „Березка“ всегда останется певцом лучших, светлых сторон души русского народа» [2. Ф. 2934. Оп. 3. Д. 13. Л. 10].

Итак, обновление программы вызвало письменные отклики поклонников ансамбля в адрес руководства «Березки». В них Надеждину упрекали, что она якобы отказалась от русского стиля ансамбля и даже убила его, пополнив ансамбль мужским составом и «залихватскими» плясками. «Березка», по мнению поклонников ее творчества, стала неотличима от хореографии И.А. Моисеева и Т.А. Устиновой. Если очистить язык критических писем от форм вежливости и эвфемизмов, то речь шла о просьбе не превращать ансамбль в типично советский, а сохранить его подлинно русскую суть. Ответное письмо в Луганск носит прямо-таки программный характер. В нем автор в развернутом виде заявляет о том, что «Березка» является певцом русской души, а это значит, что она воспевает не только русскую девушку и русскую природу, но и Родину.

Незначительный, на первый взгляд, исторический кейс имеет, по нашему мнению, отношение к комплексу вопросов большой важности. Формировалась ли «русская партия» только в верхних эшелонах власти и в культурной элите [1]? Мог ли великорусский национализм обрести массовую поддержку? Можно ли говорить о разрывах или преемственности в этом вопросе в настроениях советского общества в годы позднего сталинизма и хрущевской «оттепели»?

Содержание переписки об обновлении репертуара «Березки» указывает на то, что рождение ансамбля отражало рост национальной гордости и инструментализировало великорусский национализм в эпоху позднего сталинизма. Всеобщая любовь к ансамблю являлась, помимо прочего, фактом проявления возросшего русского национального самосознания потребителя советской массовой культуры. Наконец, разыгрывание национальной карты «сверху» и демонстрация национализма «снизу» позволяют говорить о преемственности в этом вопросе позднего сталинизма и хрущевской «оттепели».

Список литературы и источников

1. Разувалова А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М. : Нов. лит. обозрение, 2015. – 612 с.

2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

УДК 94(47).084.9:821.161.1

АНГЕЛЫ И ВЫРОДКИ: СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ-ФАНТАСТЫ 1960-х гг. О СОПРОТИВЛЕНИИ ТОТАЛИТАРИЗМУ

Сергеев Сергей Алексеевич
профессор, доктор политических наук, профессор кафедры политологии Казанского федерального университета, г. Казань
SASergeev@kpfu.ru

Аннотация. Рассматриваются и сопоставляются романы Ивана Ефремова «Час Быка» и Аркадия и Бориса Стругацких «Обитаемый остров», написанные в конце 1960-х гг. Тоталитарные общества, описанные в этих романах, имеют определенное сходство с советским обществом. Писательское воображение изобразило и картину существующего в этих обществах подполья. Подпольные организации в романе Стругацких описаны эффектно, но умозрительно. В то же время «Серые Ангелы» (подпольная организация в романе И. Ефремова), возможно, имеет реальный прототип – Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа.

Ключевые слова: Иван Ефремов, братья Стругацкие, тоталитаризм, СССР, ВСХСОН.

ANGELS AND DEGENERATES: SOVIET SCIENCE FICTION WRITERS OF THE 1960s ABOUT RESISTANCE TO TOTALITARIANISM

Sergeev Sergey A.
Professor, Doctor of Political Sciences,
Kazan Federal University
Professor of the Department of Political Science, Kazan
SASergeev@kpfu.ru

Abstract. The article examines and compares the novels ‘The Hour of the Bull’ by Ivan Efremov and ‘The Inhabited Island’ by Arkady and Boris Strugatsky, written in the late 1960s. The totalitarian societies described in these novels bear certain similarities to Soviet society. The writ-

© Сергеев С.А., 2024

er's imagination also depicted a picture of the undergrounds in these societies. The underground organizations in the Strugatskys' novel are described effectively, but speculatively. At the same time, the 'Gray Angels' (the underground organization in I. Efremov's novel) may have a real prototype – this is the All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People.

Key words: Ivan Efremov, Strugatsky brothers, totalitarianism, USSR, VSKhSON (ARSChUOP).

Во второй половине 1960-х гг. ученый и писатель-фантаст Иван Ефремов создал роман «Час Быка» (журнальный вариант был опубликован в 1968–1969 гг., а книга – в 1970 г.) [6]. Почти одновременно Аркадием и Борисом Стругацкими был написан роман «Обитаемый остров» (журнальный вариант – 1969 г., книжный – 1971 г.) [16; 17].

Схематично структура сюжета обоих романов до известной степени сходна и может быть представлена следующим образом: земляне (землянин) прибывают на планету, где установлен тоталитарный режим. Они общаются с местными жителями, пройдя через ряд испытаний. В результате этого общения режим надломлен, появляется надежда на освобождение.

Следует при этом подчеркнуть, что «Час Быка» и «Обитаемый остров» – это совершенно самостоятельные произведения, каждое из которых создано в неповторимой писательской манере. На совпадения же, скорее, повлиял Zeitgeist, дух времени, побуждающий даже принадлежащих к разным поколениям и имеющих разный личный опыт писателей задумываться над одними и теми же вопросами, что неизбежно приводит к какому-то количеству сходных ответов.

Судьба обоих романов также была схожей. Нежелательные аллюзии, которые вызывали «Час Быка» и «Обитаемый остров», были замечены охранителями уже после публикации этих произведений [10, с. 240], и «Час Быка» был запрещен де-факто, а в текст «Обитаемого острова» авторы, по требованию редакции, внесли 896 изменений [18, с. 188].

В обоих романах земляне рано или поздно сталкиваются с подпольем: подпольщики в «Обитаемом острове» именуются выродками [17, с. 351, 389], а в «Часе Быка» подпольная организация носит название «Серые Ангелы» [6, с. 340].

Спектр подпольных организаций в «Обитаемом острове» охарактеризован следующим образом: «…наше движение очень разнородно. Какой-то единой политической программы у нас нет, да и быть не может: мы убиваем, потому что убивают нас» [17, с. 387]. С реальными подпольщиками 1960-х гг. Стругацкие не сталкивались, да и позже имели лишь эпизодические контакты с диссидентским движением («дело Хейфеца») [18, с. 228–231].

Понятно и то, откуда взялся термин «выродки» в романе Стругацких – из ярлыков, которые официальный советский дискурс приклеивал несогласным («изверги», «подонки», «враги» и т. д.).

Но «Серые Ангелы» в «Часе Быка» обращают на себя внимание прежде всего своим необычным названием. Оно вызывает ассоциации не с сформировавшейся в XVIII–XIX вв. революционной традицией, а с древностью и Средневековьем. Именно к древности и Средневековью предпочитали возводить свои корни западноевропейские оккультные и эзотерические организации (также возникшие в большинстве своем в XVII–XIX вв., хотя традиция западноевропейского эзотеризма восходит к эпохе Возрождения и «Герметическому корпусу», написанному в II–III вв. н. э. [7, с. 13–14, 25–26]).

И. Ефремов глубоко интересовался эзотерическими учениями и поддерживал контакты с уцелевшими участниками оккультных кружков 1920-х гг. – Ариадной Арендт [4, с. 407] и Федором Веревиным [11, с. 699, 701; 19, с. 300–301]. «Серые Ангелы» находятся в ряду тех ефремовских образов и наименований, что возникли под влиянием теософской и ориенталистской мистики: Тантра, Стрела Аримана, Темное Пламя [15, с. 185].

Установив примерный круг идей, которым могло быть обязано происхождение названия «Серые Ангелы», попробуем выяснить то содержание, которое придал ему И. Ефремов. В романе оно расшифровывается так: «Наименование вашего общества глубже по смыслу и куда древнее, чем вы думаете. В Темные Века на Земле родилась легенда о великом сражении Бога и Сатаны, добра и зла, неба и ада. На стороне Бога бились белые ангелы, на стороне Сатаны – черные… Но были ангелы не белые и не черные, а серые, которые остались сами по себе, никому не подчиняясь и не сражаясь ни на чьей стороне. Их от-

вергло небо и не принял ад, и с той поры они навсегда остались между раем и адом, то есть на Земле» [6, с. 369].

В этом монологе Фай Родис содержится неявная отсылка к «Божественной комедии» Данте Алигьери (поэма Данте прямо названа в «Часе Быка» [6, с. 105]). Однако, отталкиваясь от строк Данте, И. Ефремов вкладывает в концепцию «серых ангелов» как «третьей стороны» смысл, диаметрально противоположный тому, что подразумевал Данте. Говоря о «дурной стае» ангелов и сопровождающей их толпе «жалких душ», Данте резко осуждает людей пассивных в социальном и политическом отношениях, тех, кто прожил, «не зная ни славы, ни позора смертных дел». Они не нужны ни Богу, ни Сатане, не заслужили и памяти потомков. «Они не стоят слов: взгляни – и мимо!» [3, с. 25–26; Ад, песнь 3, строки 36, 51].

У И. Ефремова «Серые Ангелы», напротив, политические борцы и радикалы, сражающиеся на два фронта: «Имя “Серых Ангелов” приняло тайное общество, боровшееся со зверствами инквизиции в Темные Века, одинаково против зла “черных” слуг Господа и невмешательства, равнодушия “добрых белых”. Я думаю, что вы и есть наследники ваших земных братьев» [6, с. 369]. Хотя инквизиции так или иначе сопротивлялись подпольные и полуподпольные протестантские общины эпохи Реформации, а еще раньше в Южной Франции существовала подпольная катарская церковь (уничтоженная в начале XIV в.), общество «Серых Ангелов» неизвестно. Вероятно, это художественный вымысел И. Ефремова. Несколько странный характер носит упоминание «добрых белых», чья доброта, вероятно, сводилась к неучастию в делах инквизиции, т. е. к пассивности. Подобные вымыслы и явные логические нестыковки у Ефремова, как правило, не бывают случайными. Ключом или, скорее, частью ключа могут быть негативно окрашенные характеристики инквизиции и Средневековья: Средневековье и у Ефремова, и у Стругацких в первой половине 1960-х гг. было аллегорией сталинизма (глава «Тени изуверов» в «Лезвии бритвы» [5, с.131–142]) и советского тоталитаризма в целом, представляющегося провалом в мракобесие («Трудно быть богом»).

И. Ефремову хотелось видеть не просто оппозиционную силу, а оппозиционную силу, выступающую против обоих зол XX в. – и капитализма, который становился, как ему представлялось, все более

государственным и олигархическим, и государственного социализма, подражающего капитализму и в погоне за экономической мощью, и в потребительстве, производстве массовой дешевой продукции. Неслучайно на страницах «Часа Быка» государственный капитализм и «муравьиный лжесоциализм» постоянно и настойчиво упоминаются рядом [6, с. 127, 129, 130, 252].

Подобный «третий путь», отрицательно оценивавший и западное, и советское общества, предлагался как левыми мыслителями (в частности, Франкфуртской школой), так и другими современниками Ефремова – консервативными публицистами круга Солженицына, в частности, М. Агурским [14, с. 136]. В статье, опубликованной в 1974 г. в сборнике «Из-под глыб», М. Агурский заявлял, что и социализм, и капитализм, хищнически используя природные ресурсы, ведут человечество к катастрофе [2, с. 78]. В конце 1950-х гг. М. Агурский переписывался с Ефремовым, хотя эта переписка довольно быстро прервалась [1, с. 283–299].

Есть и прямые свидетельства о симпатиях И. Ефремова к А. Солженицыну. О. Еремина и Н. Смирнов со ссылкой на писателя и геолога С. Ахметова передают слова Ефремова о Солженицыне, сказанные им незадолго до смерти, в октябре 1972 г.: «Уважаю его бесстрашие… Александр Исаевич выбрал трудный путь, он отчаянно одинок. Но за ним правда» [4, с. 585]. Косвенно подобное отношение Ефремова к Солженицыну подтверждается и перепиской: Ефремов был обеспокоен, не подписал ли его ближайший конфидент, В. Дмитревский, письмо за исключение Солженицына из Союза писателей, и просит выяснить это [11, с. 1148].

В 1960-е гг. И. Ефремов активно общался со статусными сторонниками «русской партии» («русской партией» Н. Митрохин назвал формально не институционализированное сообщество людей, объединенных мировоззрением и идеологией «русского национализма и связанных прямо или опосредованно… между собой через систему личных взаимоотношений» [9, с. 14]). В журналах, близких «русской партии», были опубликованы три главных романа И. Ефремова: в «Технике – молодежи», где редактором был В. Захарченко, были опубликованы «Туманность Андромеды» и «Час Быка», а в «Молодой гвардии» – «Час Быка» (главным редактором в это время был А. Никонов)

и «Таис Афинская» (А. Никонова к этому времени сменил А. Иванов). И. Ефремов намеревался заказать двойной портрет (свой и Т. Ефремовой) известному художнику И. Глазунову (игравшему в «русской партии» одну из ведущих ролей), но передумал, и в итоге портрет написал С. Алтаев [12, с. 187].

Таким образом, И. Ефремов регулярно поддерживал контакты с людьми, относимыми к «русской партии» и занимавшими значимое место в советской статусной иерархии: редакторами журналов и издательств, писателями и художниками. При этом следует подчеркнуть, что подобные контакты не дают оснований для того, чтобы утверждать совпадение или близкое сходство взглядов И. Ефремова и сторонников «русской партии» (известно, например, что И. Ефремов был убежденным антимилитаристом [11, с. 828]).

Общаясь с представителями «русской партии», И. Ефремов так или иначе узнавал и о том, что происходило на ее «нижних этажах» – в полулегальных или нелегальных русских националистических организациях. Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН) был крупнейшей из них. К моменту провала ВСХСОН и начала арестов (февраль 1967 г.) в нем состояло 28 членов и около 30 кандидатов, подготовленных к вступлению [9, с. 225].

В программе ВСХСОН осуждался как коммунизм, так и капитализм: «Общая воля отвергла как коммунистический путь, так и капитализм, который и на Западе постепенно трансформируется в новый демократический хозяйственный строй» [13, с. 84]. Социал-христианство, о приверженности которому заявлялось в программе ВСХСОН, мыслилось как идеология третьего пути.

Следует отметить, что необычной представляется скорее идеологическая ориентация ВСХСОН, а не сам факт создания в СССР подпольной организации: по данным В. Козлова, О. Эдельман и Э. Завадской, проанализировавших ежегодные и годичные обзоры деятельности Прокуратуры СССР, в 1967–1970 гг. КГБ было раскрыто 2569 организаций, в которые входили 11298 участников [8, с. 318]. Некоторые из организаций, вероятно, были фиктивными и отражали лишь намерение одного человека создать организацию. Другие организации не успели ничего сделать и были профилактированы КГБ СССР без привлечения их участников к суду. Третьи, возможно, были

просто игрой подростков и молодежи, не имевшей серьезного характера [8, с. 319, 324–325]. Тем не менее их было немало, и у человека, до которого дошли обрывочные сведения о раскрытии трех-четырехпяти организаций, могло создаться впечатление, что в СССР действует организованное подполье, отдельные ячейки и звенья которого время от времени «вытягивают» власти, но всю сеть целиком выявить не могут. Но в идеологическом отношении члены этих групп в большинстве случаев считали себя «подлинными марксистами» или «подлинными марксистами-ленинцами» [8, с. 322], что выделяет ВСХСОН на их общем фоне.

По нашему предположению, именно раскрытие в 1967 г. ВСХСОН, вкупе с интересом И. Ефремова к тайным организациям и эзотерике (как отмечалось, с уцелевшими участниками мистических кружков 1920-х гг. он поддерживал контакты и в 1960-е гг.), побудил писателя ввести в роман «Час Быка» сюжетную линию, связанную с «Серыми Ангелами». Кстати, глава «Часа Быка», в которой появляются «Серые Ангелы», была написана И. Ефремовым в декабре 1967 – январе 1968 г., спустя 10–11 месяцев после ареста членов ВСХСОН (и во время суда над ними) [11, с. 879, 903]: прошло достаточно времени, чтобы слух о подпольной организации мог разойтись и быть художественно осмыслен и преображен. Так горстка молодых людей, грезивших об антикоммунистической революции, подобной восстанию в Венгрии 1956 г., и увлеченных идеями Н. Бердяева и М. Джиласа, силой воображения фантаста превратилась в суровых подпольщиков, представителей «очень древнего тайного общества» [6, с. 340].

Есть параллель в деятельности подпольщиков 1960-х гг. и героев «Обитаемого острова» Стругацких (причем писатели, скорее всего, об этой параллели не знали, иначе вряд ли стали бы использовать ее в романе). В 1962 г. в Минске студент Белорусского политехнического института Сергей Ханженков (сын заключенного, родившийся в Магадане) и двое его друзей (студент и шофер скорой помощи) создали подпольную организацию и, подобно подпольщикам из «Обитаемого острова», намеревались взорвать мачту глушителя передач зарубежных радиостанций, но были арестованы и осуждены [8, с. 363]. Не знал о деле Ханженкова, к счастью, и цензор Главлита, иначе, вероятно, исправлениями и купюрами в тексте романа дело не ограничилось бы.

Конечно, высказанная выше идея о возможном влиянии дела ВСХСОН на развитие творческого замысла романа «Час Быка» является лишь гипотезой. Не могла не повлиять на этот замысел и общая атмосфера начала и середины 1960-х гг.: народные бунты в малых городах, заговор против Хрущева и его снятие, брожение среди интеллигенции… Неизбежно фрагментарные и неполные сведения о раскрытии то одной подпольной организации, то другой могли в писательском воображении трансформироваться в представление о мощной единой подпольной организации, которая продолжает действовать, несмотря на отдельные провалы.

Список литературы

1. Агурский М. Пепел Клааса. – Иерусалим : URA, 1996. – 416 с.
2. Агурский М. Современные общественно-экономические системы и их перспективы // Из-под глыб : сб. ст. – Ч. 1. – Paris : YMCA-Press, 1974. – С. 57–75.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия. – М. : АСТ, 2020. – 432 с.
4. Еремина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 682 с.
5. Ефремов И.А. Лезвие бритвы. – М. : Молодая гвардия, 1964. – 638 с.
6. Ефремов И.А. Час Быка. – М. : Молодая гвардия, 1970. – 448 с.
7. Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. – М. : Нов. лит. обозрение, 2018. – 520 с.
8. Козлов В.А., Эдельман О., Завадская Э. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. – М. : Материк, 2005. – 432 с.
9. Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М. : Нов. лит. обозрение, 2003. – 624 с.
10. Орехова Е., Петров А. Смотрели за каждым. О романах Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка» // Вопросы литературы. – 1994. – № 3. – С. 234–247.

11. Переписка Ивана Антоновича Ефремова / авт.-сост. О. Еремина. – М. : Вече, 2016. – 1536 с.

12. Попков Ю. Портрет Ивана Ефремова // Сверхновая. F&SF. – 2008. – № 41–42. – С. 183–188.

13. Программа ВСХСОН (Народно-революционная хартия) / ВСХСОН. Материалы суда и программа. – Франкфурт : Посев, 1976. – С. 51–108.

14. Сергеев С.А. Мечтая об антиимперии: Иван Ефремов в поисках «третьего пути» // Ab Imperio. – 2017. – № 3. – С. 119–160.

15. Сергеев С.А. «Мы – земля»: проект тотальной конвергенции человечества и «настоящая наука» Ивана Ефремова // Ab Imperio. – 2020. – № 2. – С. 171–202.

16. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Обитаемый остров // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полн. собр. соч. : в 33 т. – Т. 13: 1968. – Ч. I. – СПб. : Изд-во Сидорович, 2019. – С. 7–280.

17. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Обитаемый остров : [журнальный вариант] // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полн. собр. соч. : в 33 т. – Т. 13: 1968. – Ч. I. – СПб. : Изд-во Сидорович, 2019. – С. 281–484.

18. Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. – СПб. : Амфора, 2003. – 311 с.

19. Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. – М. : Минувшее, 2005. – 536 с.

УДК 94(47).084.9:821.161.1

ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ В ВЫБОРГ. ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА НОВЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ АВТОРОВ 1960-х гг.

Мошник Юлия Игоревна
кандидат исторических наук, ученый секретарь
Выборгского объединенного музея-заповедника,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
г. Санкт-Петербург
Julia.moshnik@gmail.com

Аннотация. Советские писатели и поэты послевоенного периода сознательно не акцентировали внимание на «чужеземном» облике города, подчеркивая лишь узнаваемые приметы нового быта. Такая стратегия способствовала вливанию произведений о Выборге в советский литературный канон 1940–1950-х гг. Однако в период «оттепели», с открытием Выборга для свободного посещения в 1958 г., литературный образ города постепенно начал трансформироваться. Выборгская архитектура и градостроительный ландшафт, казавшиеся «заграничными», оказались притягательными для авторов, стремившихся преодолеть рамки социалистического реализма. В поэзии и прозе 1960-х гг. Выборг приобретает образ города с тайной, с романтически-гофманианским сюжетом, который может быть обнаружен только при пристальном всматривании. В статье проанализированы три «выборгских» текста, появившихся в результате посещений города в 1960-х гг. Анной Ахматовой, Александром Мироновым и Михаилом Вершвовским.

Ключевые слова: Выборг, советская литература 1960-х гг., Анна Ахматова, Александр Миронов, Михаил Вершвовский, поэтический авангард, городская проза.

© Мошник Ю.И., 2024

THREE TRIPS TO VYBORG. CHANGING THE IMAGE OF THE NEW SOVIET TERRITORIES IN PROSE AND POETRY OF LENINGRAD AUTHORS OF THE 1960s

Moshnik Julia Ig.
Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary, Vyborg United Museum-Reserve; Senior Researcher, Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
Julia.moshnik@gmail.com

Abstract. Soviet writers and poets of the post-war period deliberately did not focus on the 'foreign' appearance of the city, emphasizing only the recognizable signs of the new way of life. This strategy contributed to the infusion of works about Vyborg into the Soviet literary canon of the 1940s–1950s. However, during the 'thaw' period, with the 'opening' of Vyborg in 1958, the literary image of the city gradually began to transform. Vyborg architecture and urban landscape, which seemed 'foreign', turned out to be attractive to the authors who sought to overcome the framework of socialist realism. In poetry and prose of the 1960s. Vyborg takes on the image of a city with a secret, with a romantic-Hoffmannian plot, which can only be discovered with close scrutiny. The article analyzes three 'Vyborg' texts that appeared as a result of visits to the city in the 1960s. Anna Akhmatova, Alexander Mironov and Mikhail Vershvovsky.

Key words: Vyborg, Soviet literature of the 1960s, Anna Akhmatova, Alexander Mironov, Mikhail Vershvovsky, poetic avant-garde, urban prose.

Выборг – дважды советский город. В марте 1940 г., по результатам Московского мирного договора, он вошел в состав СССР. Четыре года спустя, в июне 1944 г., на финальном этапе Советско-финской войны 1941–1944 гг., войскам Красной армии вновь пришлось завоевывать его. Оплаченная трудом и кровью советских бойцов цена его завоевания – важный мотив послевоенного «выборгского текста» литературы 1940-х гг. Это естественно, поскольку авторами этих произведений были непосредственные участники событий – Михаил Дудин, Николай Тихонов, Павел Лукницкий и многие другие советские поэты и писатели, ставшие в годы противостояния с Финляндией военными

корреспондентами. Вместе с тем эту цену оправдывало прошлое Выборгской земли, неразрывно связанное с эпохой петровских завоеваний. Характерный пример такой взаимосвязи, обозначенной в литературном тексте, мы видим в стихах Михаила Дудина:

...По улицам вощеным от залива
Проходит тень великого Петра.
И видит царь – с редута на редут
Во славу нашей матушки пехоты
С холма на холм через поля и дзоты
Гвардейцы наши к Западу идут [5].

Столетия Выборга в составе Шведского королевства и всю «финскую» составляющую его прошлого советская литература послевоенной поры оставляла без внимания или упоминала в негативном ключе, как «чужое» и «враждебное». В соответствии с официальной идеологией, Выборг был представлен в стихах и прозе как «старинный русский город», завоеванный Петром, и как «наш, советский город». Хорошо это выражено в стихах поэта Николая Букина (известного прежде всего как автор слов к песне «Прощайте, скалистые горы»). Он писал об одном из достопримечательных мест Выборга:

Я по развалинам хожу
И по осколкам ржавым,
Как будто в летопись гляжу
Моей родной державы [1].

Включенный в ноябре 1944 г. в состав Ленинградской области, Выборг в значительной степени стал провинцией при культурной столице СССР – Ленинграде. Вплоть до второй половины 1950-х гг. он оставался «закрытым городом»: въезд на приграничные территории оставался строго регламентированным. Любопытным образом, предвестьем грядущих трансформаций, совпавшим по времени с концом сталинской эпохи, стало открытие в 1953 г. нового здания выборгского железнодорожного вокзала на месте разобранных руин старого, финского. По иронии судьбы, строителями нового сооружения были

те же самые люди, кто в августе 1941 г., при отступлении советских войск, взрывал старый вокзал. Новый вокзал был возведен по проекту «Ленинград – Выборг», разработанному архитекторами А. Васильевым, Д. Гольдгором и С. Сперанским [7, с. 41]. Монументальный фасад здания, решенного в стиле позднего «сталинского ампира», с портиками, коринфскими колоннами и сильно выделенным центральным объемом, стал своего рода эмблемой нового Выборга. Именно здесь нередко устраивали встречи с членами правительства и просто известными людьми, следовавшими в сторону государственной границы: отношения с Финляндией с приходом к власти Хрущева заметно потеплели. В 1957 г., когда в Москве состоялся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Выборг стал одним из пунктов встречи зарубежных гостей фестиваля [11, с. 328]. В следующем, 1958-м, была открыта автомагистраль Москва – Хельсинки, маршрут которой пролегал через Выборг. В том же году в Ленинграде вышел в свет первый советский путеводитель по Выборгу [2]. 30 июня 1961 г. по дороге в Хельсинки в Выборге сделал остановку поезд «Миссии мира», из которого вышел самый известный человек планеты, первый космонавт Ю.А. Гагарин [13, с. 121]. У входа в здание вокзала установили трибуну, а вся привокзальная площадь была заполнена людьми.

Изменение статуса города оказало весьма существенное влияние на последовательную трансформацию образа Выборга в русскоязычной литературе. Послевоенное восстановление городской застройки и частичное внедрение в историческое ядро Выборга новых типовых зданий не изменило коренным образом предвоенный городской ландшафт: за редким исключением, основные высотные доминанты и все наиболее ценные памятники архитектуры Выборга сохранились и получили охранный статус.

Облик Выборга, для посещения которого теперь не требовалось специальных разрешений, по-прежнему представлялся приезжему советскому человеку «заграничным». Здесь ленинградец словно выпадал из повседневной рутины, погружаясь в атмосферу малознакомого исторического прошлого, иной культуры, иного жизненного уклада. Похожее представление о Выборге и Карельском перешейке было характерно для предреволюционной эпохи, когда, по словам Мандельштама, «сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербур-

ге» [6, с. 359]. Это был город с сюжетом, с тайной, в который нужно было всматриваться, чтобы эту тайну понять.

Едва ли не самое известное стихотворение о Выборге на русском языке было написано в сентябре 1964 г. Анной Ахматовой, мельком увидевшей его из окна автомобиля во время прогулки с друзьями и давшей городу, если верить воспоминаниям А.Г. Наймана, весьма нелестную характеристику: «Средней силы населенный пункт» [9, с. 188–189] (Т. Венцлова запомнил отклик Ахматовой об увиденном иначе: «Это казенный город») [3, с. 88]. Поездка в Выборг была спонтанной, дорогу преодолели с большой скоростью, «покрутились возле парка и причала, не выходя из машины, съели по эскимо и так же стремительно вернулись». А через несколько дней подруга Ахматовой Ольга Александровна Ладыженская «рассказала, что она съездила в Выборг, как там было прекрасно и какое впечатление на нее произвел гранитный монолит, ступенями уходящий под воду. Ахматова посмотрела на меня (Наймана. – Ю.М.) с притворной сокрушенностью и обидой и сообщила гостье, что мы ничего такого там не заметили. Через день, если не на следующий, ею были написаны стихи “Огромная подводная ступень” и так далее, с посвящением Ладыженской» [9, с. 189].

В Выборге

О. А. Л-ской

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья, –
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся – в ослепительном одном виденье.
Безмолвна песня, музыка нема,
Но воздух жжется их благоуханьем,
И на коленях белая зима
Следит за всем с молитвенным вниманьем.

25 сентября 1964

Стихотворение «В Выборге» вполне характерно для поздней ахматовской лирики. Тем не менее давайте всмотримся. В восьми строках описана поразительная даже по ахматовским меркам интен-

сивность работы органов чувств: «стынет», «ослепительном», «виденье», «безмолвна», «нема», «жжется», «благоуханьем», «следит». Зрение, осязание, обоняние и вкус сосредоточены на постижении незнакомого и немого мира, не порождающего звуков. Слова «тень» и «виденье» маркируют проникновение героя в пограничное состояние между сном и реальностью – то есть в то состояние, когда созерцание внешнего переходит в самосозерцание.

Еще один выборгский текст, возникший под впечатлением от краткой поездки в Выборг в том же 1964 г., – стихотворение Александра Миронова (1948–2010), одной из самых значительных фигур ленинградского поэтического авангарда 1960–1980-х гг. Миронов входил в круг ленинградских литераторов, «поэтов Малой Садовой», неофициального объединения поэтов ленинградского андеграунда 1960–1970-х гг., собиравшихся в кафетерии на углу ул. Малой Садовой и Невского проспекта в Ленинграде. Вплоть до середины 1980-х гг. его стихи печатались только в самиздате или тиражировались в машинописных копиях, а его имя совершенно не было известно массовому читателю. При этом в литературной среде андеграунда еще в 1960-х гг. творчество Миронова получило исключительно высокую оценку.

Стихотворение Миронова [8, с. 11] написано летом 1966 г. как воспоминание о путешествии двухлетней давности. Город тогда был украшен флагами и транспарантами по случаю празднования 1 Мая. В тот год с Первомаем почти совпала православная Пасха, приходившаяся на 3 мая. Сюжет стихотворения выстроен вокруг почти фантасмагорического (гофманианского) смешения идеологически несовместимого.

О Выборг, крайний из клевет,
с дымком на блюде тополей,
твой воздух белый, как билет
в интимный склеп, как в кабинет
искусных Гофмана затей.
Флажками гота сдобрен Спас –
пасхальный город в праздник красный,
твой сон ушел дымком из нас –

но крестным ходом сдобрен час,
и он явился Пасхой праздной.
Ты спутал, православный, сны,
хоругви с рожей транспаранта,
звон с лихолетьем тишины,
тропу вдоль крепостной стены
и крестный ход – с кругами Данта.
Была оправа из флажков,
а лик болезнью не умышлен,
была музыка из силков,
касаний-паузы-снегов,
и ноты с косточками вишен.

Июнь 1964

Стихотворение открывается обращением к Выборгу (подчеркнутым восклицательной и архаизирующей частицей «о»), которое сразу обозначает личный характер взаимоотношений поэта и города. Окутавший Выборг «белый воздух» – это и тополиный пух, витающий над его улицами, и белая майская ночь, и образ смерти. Неслучайно в следующей строке появляется «склеп», где происходит нечто загадочное и страшное.

Остававшийся после войны действующим православным храмом Спасо-Преображенский собор оказался окружен советской атрибутикой Первомая – «красного праздника». Пасхальный крестный ход в соборной ограде увиден поэтом как точное повторение первомайской демонстрации, во время которой трудящиеся города несли над головами, словно хоругви, портреты советских вождей. То, что происходит, – это смерть без Воскресения, морок.

Мотив сна и смерти пронизывает все стихотворение Александра Миронова. В выборгском пространстве и первомайские знамена, и православные хоругви, одинаково чужеродные для него, превращаются в элементы таинственной погребальной церемонии. Нет смысла искать виновных в том, что празднование пропитано хаосом смешения – происходящее ирреально [10, с. 42]. Но почему все это происходит именно в Выборге? Представляется, что дело тут в ощущении застывшего исторического времени (или выпадания из времени), отде-

ленности городского ландшафта Выборга от советского канона. Именно эти качества делают Выборг союзником поэта.

Стихотворение Александра Миронова было опубликовано в сборнике стихов поэта спустя 43 года после того, как оно было создано. Другой выборгский текст, повесть «Командировка в город Выборг», ждал публикации два десятилетия [4]. Его автор – Михаил Вершовский (1935–2020), ленинградец, в детстве переживший блокаду, член известного литературного объединения «Царскосельская лира». Его «Ленинградские повести» следует отнести к «городской прозе» – направлению в советской литературе, возникшему на излете 1960-х гг., когда была опубликована первая из цикла «московских повестей» Юрия Трифонова. В сущности, проза Вершовского представляет собой дневниковые записи, «обрывки дней», перемешанные с воспоминаниями и складывающиеся в лирический автопортрет писателя. Пространство города в ней образует необходимый фон, каждая деталь которого: свет, звук, цвет – отражает чувства автора. Важнейшей характеристикой прозы Вершовского является ее документальная точность [12, с. 411].

Выборг Вершовского поначалу – город, существующий только в воображении, волнующий, непонятный и – связанный с иным, иноязычным и инокультурным. Тайну этого неизвестного города не хочется разрушать, чтобы не сделать ее добычей обыденности. Герой едет в Выборг на электричке и встречает в ней попутчицу, девушку, которая беседует с подругой о Киплинге. Герой не пытается познакомиться с ней, но девушка, ее лицо, ее голос, вызывают у него воспоминания о бывшей возлюбленной. Пространство и время начинают раздваиваться, и разница между прошлым и настоящим, реальным и воображаемым становится едва различимой. Автору самому приходится убедиться в том, что город Выборг существует в нескольких измерениях.

Я ехал в город Выборг, в котором пишу эти строки и который старался представить себе. Уж так случилось, что вот, коренной ленинградец, изъездивший немало дорог, я никогда не был в Выборге, до которого от Ленинграда чуть больше двух часов на электричке <…>.

А Выборг волновал меня с раннего детства. Было в самом слове, слышанном не раз, что-то необычное. Я ожидал встречи с ним, зная

наперед, что все ожидаемое долго, разросшееся в воображении, подобно диковинному растению, всегда разочаровывает фактом своего существования, своей естественностью и возможностью.

А слово «Выборг» таило в себе что-то привычное и загадочное; может, воспоминание о финской войне, а может, через слово «финская», связанное с Финляндией, финским языком, финскими домами, финской музыкой, финской живописью. А еще, когда говорили «Выборг», всегда вспоминались слова: «закрытый город» и «граница», хотя свободный проезд до Выборга давно уже разрешен.

А еще в моем воображении город Выборг всегда связывался с картинами какого-то несуществующего, а может быть, когда-то виданного фильма о затемненных улицах, о ночном патруле, шагающем по мокрым черным мостовым [4, с. 88, 91].

По первым впечатлениям, город, казалось бы, оправдывает ожидания:

Силуэт круглой, приземистой башни на рыночной площади, каменное низкое здание рынка, гористая Крепостная улица и сама крепость рождали во мне странное чувство.

И я подымал голову и рассматривал черные силуэты города на вечернем небе. И тогда являлись мне видения стражников, одетых в кольчуги и шлемы, с длинными мечами; и смоляные факелы, отражающиеся в темных водах бухт и каналов, виделись мне.

Казалось, иногда в ночи звучит гортанная чужеземная речь, а силуэты старых зданий еще более усиливали эти ощущения [4, с. 95–96].

Но романтическая картинка, сотканная из современных представлений о временах рыцарей, о европейском Средневековье, подпитанная воспоминаниями, наутро теряет свое романтическое очарование.

Вот он, Выборг: и ты спешишь в город, пока прозрачное утро еще горит холодным огнем.

А на улицах, в первых автобусах, на тротуарах и на дорожках сквера, что по набережной, то тут, то там непроспавшиеся, часто неприбранные лица носят следы утомления и плохо проведенной ночи. На обшарпанной скамейке, у Доски почета, среди портретов лучших людей района, спит в носках, подняв воротник серого мятого пиджака, Рыжий Человек; а рядом, на земле, Его Правый Ботинок, подошвой кверху.

Чуть поодаль, у закрытого пивного ларька, громко сморкается огромная баба, а у ее ног хитрый пес придает своей морде виноватое, несчастное выражение. Мимо с корзинами, не торопясь, проходят люди, одетые, вероятно, в самое драное и ветхое, что только нашлось в доме. Это грибники на первых автобусах спешат в лес за грибами.

А в автобусах новгородский и псковский говор, незлобный маток, старые корзины да пустые ведра. <…>

Да, я дома, в Ленинградской области, в городе Выборге, заселенном после войны бездомным людом [4, с. 98–99].

Выборг не похож на знакомые герою повести города – и только. По его мощеным улицам ходят не стражники в кольчугах, а обычные усталые люди, живущие обычной советской жизнью. Их речь – не загадочный для автора финский или шведский язык, а привычный новгородский и псковский говор. Путешествие в таинственный мир не состоялось, герой так и остался дома. Неслучайно в Выборге ему вспоминается Агасфер – вечный скиталец, нигде не находящий покоя. Выборжане, которых он встречает, такие же люди, как везде, и выборгская история ничего для них не значит. Старик, у которого герой живет во время выборгской командировки, дед Серега, может рассказать лишь о том, «как в старину в деревнях люди жили».

Но все проведенные в Выборге дни герой не теряет надежду отыскать «девушку из электрички», беседовавшую с подругой о Киплинге. Заключенная в городском пространстве историческая память приходит на помощь личным воспоминаниям, помогая герою разобраться в себе. В финале повести герой, наконец, находит попутчицу. Командировка в город Выборг обретает завершение, время и пространство вновь сходятся в одной точке.

Нетрудно заметить общее в трех текстах. Путешествие в Выборг для их авторов – это путешествие в мир собственных чувств, сновидческое и медитативное. Важнейшую роль в этом движении имеет дихотомия «визуальное – аудиальное», звук и видимый образ. И наконец, хочу обратить внимание на деталь – использование названия города в названии всех трех произведений. Представляется, что в литературе «оттепельной» эпохи имя города стало своего рода знаком, маркирующим изменившееся отношение к новым советским территориям, получившим право на свое многовековое нерусское прошлое.

Список литературы

1. Букин Н. Батарейная гора // Выборгский коммунист. – 1979. – 18 авг. – С. 3.

2. Васильев М.В. Выборг. – Л. : Лениздат, 1958. – 140 с.

3. Венцлова Т. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / сост., коммент. О.Е. Рубинчик. – СПб. : Невский диалект, 2001. – С. 76–91.

4. Вершвовский М.А. Время золотое: Ленинградские повести 1970 г. – Л. : Лира, 1990. – С. 87–144.

5. Дудин М. Выборг. 1944 г. Рукопись стихотворения из собрания ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник.

6. Мандельштам О.Э. Шум времени // Мандельштам О.Э. Собрание соч. : в 4 т. – Т. 2. – М. : Арт-бизнес-центр, 1993. – 464 с.

7. Масеев И.З. Вокзал в Выборге. Конкурс на архитектурное оформление // Архитектура и строительство Ленинграда. – 1951. – № 16. – С. 41–42.

8. Миронов А. Без огня. – М. : Нов. изд-во, 2009. – 120 с.

9. Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой. – М. : Художественная литература, 1989. – 304 с.

10. Николаев Н.И. Под знаком 1964-го // Сумерки «Сайгона» / сост. и общ. ред. Ю.М. Валиева. – СПб. : Zamizdat, 2009. – С. 35–50.

11. Савельев Н.С. Подготовка и проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в материалах новгородской прессы // Новгородский исторический сборник. – № 16(26). – Новгород : Изд-во НовГУ, 2016. – С. 326–335.

12. Страницы памяти // Берлинский калейдоскоп. – 2020. – № 3. – С. 410–412.

13. Фотографическая память. Выборг в фотографиях 1940–1960-х годов / Выборг. объединен. музей-заповедник. – Выборг, 2020. – 146 с.

УДК 94(47).084.9:821.161.1

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА ЛЕНИНГРАДА В 1960–1980-е гг.: ОТ ЛИТО ДО «КЛУБА-81»[1]

Галиев Радмир Фадисович
студент 3-го курса бакалавриата Института истории Санкт-Петербургского университета, г. Санкт-Петербург
galiev.radmir.2003@mail.ru

Аннотация. Рассматривается история культурной жизни Ленинграда 1960–1980-х гг. в контексте развития различных литературных объединений, начиная от первых ЛИТО и семинаров в стенах академических учреждений, заканчивая творческими группами и позднесоветским «Клубом-81». Автор приходит к выводу, что неформальность сообществ исходит из социально-культурной природы их участников, а тем временем различные творческие искания были характерны для многих представителей интеллигенции того времени.

Ключевые слова: ленинградская культура, литературные объединения, «неофициальная» культура.

INFORMAL LITERARY LENINGRAD COMMUNITIES IN THE 1960s AND 1980s: FROM LITO TO ‘CLUB 81’

Galiev Radmir F.
3rd Year Undergraduate Student at the Institute of History St. Petersburg University, St. Petersburg
galiev.radmir.2003@mail.ru

Abstract. This article examines the history of the cultural life of Leningrad in the 1960s and 1980s in the context of the development of various literary associations, starting from the first literatures and seminars in academic institutions, ending with creative groups and the late Soviet

© Галиев Р.Ф., 2024

[1] Статья написана в рамках проекта «Говорят физики и лирики: устные воспоминания универсантов ЛГУ 1960–1980-х гг. в виртуальном пространстве» при поддержке Фонда «История Отечества».

‘Club-81’. The author comes to the conclusion that the informality of communities comes from the socio-cultural nature of their participants, meanwhile, various creative pursuits were characteristic of many intellectuals of that time.

Key words: Leningrad culture, literary associations, ‘unofficial’ culture.

«Неофициальная» культура долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Однако за пару десятков лет ситуация изменилась. Историки, литературоведы, искусствоведы все чаще обращаются к различным проблемам, связанным с неофициальным культурным движением Ленинграда эпохи «оттепели» и «застоя»: публичной истории (М.А. Павлова [10]), истории цензуры (А.В. Блюм [1]), культурной памяти (Л.Ф. Луцевич [8]), феномену ленинградского самиздата (И.Н. Сухих [17], Е.В. Панкратова [9] и др.), мифологии «андеграунда» (С.А. Савицкий [13]) и т. д.

«Неофициальная» культура наряду с «официальной» и «эмигрантской» является важнейшим пластом отечественной и мировой культуры. Это осознавали и сами деятели «второй» культуры. На рубеже XX–XXI вв. ими были проведены научные конференции и было издано значительное количество размышлений, воспоминаний, теоретических работ и исследований (в качестве примера можно отметить труды Б.И. Иванова [5], В.Б. Кривулина [7], Т.М. Горичевой [3], В.Э. Долинина [4], Д.Я. Северюхина [4] и др.).

1960–1980-е гг. стали для большинства представителей интеллигенции временем духовных поисков и творческих исканий. Во многом они проходили в неформальных сообществах, определенных кружках и литературных объединениях. Поэтому целью данной работы является рассмотрение причин появления сообществ и тенденций их развития в культурно-исторической ситуации, сложившейся в Ленинграде в 1960-е гг. и в позднесоветский период.

Основными источниками для настоящего исследования послужили автобиографические памятники, а также архивные материалы, которые вводятся в научный оборот впервые.

Попытки осмыслить самих себя с социологической точки зрения предпринимали различные представители ленинградской интеллигенции. Например, Б.И. Иванов в изучении феномена самиздата пишет о

«трех поколениях», ссылаясь на немецко-британского социолога К. Мангейма [15, с. 541]. В своей теории социализации поколения Мангейм объясняет, почему у представителей одной интеллектуальной среды в определенных исторических условиях складываются одинаковые мировоззрение и ценностные ориентиры. Именно эта общность подталкивает творческих людей к формированию сообществ. В данном случае блокадное и послевоенное детство стало мощным импульсом в духовных и творческих поисках поколения ленинградских «шестидесятников».

Неформальные литературные объединения, носившие как замкнутый, так и публичный характер, появились в Ленинграде еще в 1950-е гг. Первым таким объединением была небезызвестная «Арефьевская» группа, куда входили художники (А.Д. Арефьев, Р.Р. Васми и др.) и поэты, в том числе Р.Ч. Мандельштам, которого филолог Б.А. Рогинский называет первым поэтом ленинградского «андеграунда» [12, с. 7–9].

В 1950–1960-е гг. активизировались литературные объединения (ЛИТО), концентрировавшиеся вокруг государственных учреждений – институтов, библиотек, редакций журналов. Общее количество литературных объединений, по сведениям филолога А.В. Митаева, составляло около 50 [9, с. 35]. Перечислим наиболее известные: Горный институт (А.М. Городницкий, Е.А. Купман, Г.Я. Горбовский и др.), Технологический институт (Д.В. Бобышев, А.Г. Найман, Е.Б. Рейн), Библиотека им. В. Маяковского, ЛИТО при журнале «Советский писатель», «Нарвская застава», «Голос юности» (В.А. Соснора, А.С. Кушнер, О.А. Охапкин). Состав и возраст участников были разными. Литературное пространство в 1950–1960-е гг. представляло собой котел из разнообразных объединений, организованных только по внешним признакам (коммуникации авторов по месту учебы, работы, проживания, при органах печати и т. д.). Тенденция к объединению по художественно-идейному признаку проявилась позднее, в 1970–1980-е гг.

Что такое ЛИТО? ЛИТО – это первичная организация на уровне самодеятельности, как творческий кружок [Источник. Ф. 371. Оп. 1. Д. 842. Л. 78]. Именно такое определение было дано Ленинградским отделением Союза писателей СССР. Неформальность ЛИТО состояла лишь в упрощенном порядке существования (в отсутствии какой-либо

документации, в том числе зафиксированного членства). Возникавшие в ЛИТО живые и тесные творческие связи не поддавались контролю со стороны властей (или поддавались лишь частично). Поэтические искания участников клубов нередко шли вразрез с официальной идеологией, что вызывало негативную реакцию со стороны властей – например, в виде выговоров [Источник. Ф. 371. Оп. 3. Д. 293. Л. 37] или же недопущения произведений некоторых авторов к изданию [Источник. Л. 38]. Общую характеристику этого феномена и его места в ленинградской культуре дала участница ЛИТО Горного института, поэтесса Е.А. Купман [6]. Она пишет, что ЛИТО было не только объединением, где единомышленники радели «за правду жизни», но и политической школой, помогающей существовать в идеологической ситуации того периода [6, с. 11–18].

Сообщества возникали также вокруг определенного лица – духовного и художественного наставника. Так, в 1960-е гг. вокруг А.А. Ахматовой сконцентрировались молодые авторы, которые собирались в ее квартире, а потом – на ее даче в Комарово. После смерти поэтессы, с трагической остротой пережитой ее учениками, они были названы «ахматовскими сиротами» одним из участников этого кружка, поэтом Д.В. Бобышевым: *«Закрыв глаза, я выпил первым яд. / И, на кладбищенском кресте гвоздима, / душа прозрела: в череду утрат заходят Ося, Толя, Женя, Дима / ахматовскими сиротами в ряд…»* [2, с. 59]. Наиболее активными «ахматовскими сиротами» были упомянутый Д.В. Бобышев, а также И.А. Бродский, А.Г. Найман, Е.Б. Рейн.

Примером другого рода является знаменитый не только в нашей стране, но и за рубежом «Блоковский семинар», успешно работавший в 1960–1970-е гг. на филологическом факультете Ленинградского университета под руководством профессора Д.Е. Максимова. Из этого семинара вышли идеологи и яркие участники «второй культуры» – Е.А. Игнатова, В.Б. Кривулин, С.Г. Стратановский и др. [15].

Также в Ленинградском университете в 1950–1960-е гг. сформировалось одно, в полном смысле слова неформальное, сообщество – так называемая «филологическая школа». Наиболее яркими ее представителями были М.Ф. Еремин, Л.В. Лосев, С.Л. Кулле, В.И. Уфлянд, М.М. Красильников, Л.А. Виноградов. Для них был характерен дух протеста: они расписывали стены призывами «Свободу Пастернаку!»,

нарядившись в народные костюмы, декламировали в университетских стенах свои стихи, выкрикивали политические лозунги [18, с. 6–8] и т. д. Основным признаком и критерием «филологической школы» была ее ориентация на наследие футуристов и обэриутов. История «филологической школы» нашла отражение в одноименном сборнике, изданном в 2005 г., где опубликованы ценные документы и воспоминания участников объединения и свидетелей его деятельности [18].

Ориентацией на футуристическое наследие была отмечена также группа «хеленкутов», существовавших с 1966 по 1972 г. Участниками сообщества были Д.Б. Макринов (о. Алексий), В.А. Немтинов, В.И. Эрль, А.Н. Миронов. Для них были характерны не только ирония, гротеск, абсурдизм, но и манифестация своей идейной и художественной позиции [12, с. 376–378].

Многие «хеленкуты» были участниками «группы Малой Садовой», названной по адресу известного Елисеевского гастронома в Ленинграде, где собирались представители литературного «андеграунда» [16, с. 4–7]. Здесь важно подчеркнуть, что основным критерием выделения этой группы в отдельное сообщество стало в данном случае общее культурное пространство, в котором происходила коммуникация авторов. Среди них можно выделить Т.С. Буковскую, К.К. Кузьминского, В.Г. Ширали, Л.Л. Арнозона, В.Б. Кривулина и др.

Важнейшим *общим* пространством для общения и взаимодействия ленинградских неформалов был кафетерий на углу Невского проспекта и ул. Марата, прозванный в народе «Сайгон» и существовавший с конца 1960-х по 1980-е гг. Посетителями «Сайгона» были поэты, художники, философы, музыканты, актеры.

Навряд ли можно выделить «сайгоновцев» в отдельное сообщество, однако интенсивное общение, происходившее там, соответствовало идейно-творческим запросам завсегдатаев знаменитого кафе. Поэтому можно утверждать, что «Сайгон» – крупное коммуникативное пространство ленинградской интеллигенции. Множество воспоминаний и текстов о «Сайгоне» было собрано Ю.М. Валиевой в сборнике «Сумерки Сайгона» [16].

В Ленинграде в 1970–1980-е гг. существовала еще и так называемая религиозная группа поэтов, сконцентрировавшихся вокруг религиозно-философского семинара и самиздатовского журнала «37» фи-

лософа Т.М. Горичевой и поэта В.Б. Кривулина. Феномен таких литературно-религиозных кружков в советской культурной действительности объясняется в книге воспоминаний Т. Горичевой «Опасно говорить о Боге»: «Некоторые пришли к Христу <…> в результате духовных поисков <…>, потому что быть неверующим считалось провинциальным и отсталым…» [3, с. 60]. Наиболее яркими представителями названной религиозной группы были, помимо Т.М. Горичевой и В.Б. Кривулина, О.А. Охапкин, Е.А. Шварц, Е.А. Пазухин, С.Г. Стратановский и др.

Увеличение числа самиздатовских журналов также способствовало объединению единомышленников вокруг их редакций, например, вокруг журналов «Часы», «Обводный канал», «Северная почта».

В 1981 г. при содействии Ленинградского отделения Союза писателей по инициативе КГБ создается «Клуб-81», целью которого была легализация объединения неформалов. Основными причинами, подтолкнувшими на создание клуба, Б.И. Иванов считает рост количества самиздатовских журналов, активную издательскую деятельность эмигрантов, проведение подпольных конференций, рост диссидентских настроений в кругах ленинградской интеллигенции [5, с. 24–29]. Поскольку власть ничего уже не могла с этим сделать, она решила вывести неформальные группы из подполья, чтобы было легче их контролировать и направлять их деятельность в безопасное русло.

История «Клуба-81» в культурно-историческом и общественно-политическом поле заслуживает отдельного внимания. Сейчас важно отметить, что создание «Клуба-81» свидетельствует о проблеме маргинализации культурной среды Ленинграда в 1960–1980-е гг. Вопрос о необходимости взятия под контроль литературных сообществ и их представителей поднимался неоднократно [Источник. Ф. 556. Оп. 2. Д. 408. Л. 1–3]. Как отмечал Ю.А. Андреев, куратор клуба от Союза писателей СССР, создание «Клуба-81» было «удачной политической акцией» [Источник. Ф. 371. Оп 1. Д. 842. Л. 6]. Ленинградская писательская организация взяла на себя решение социально-бытовых вопросов участников клуба, а также издание их творческих сборников [Источник. Л. 8]. С этого времени начинается включение неофициального движения в общекультурное пространство. В результате неформальные сообщества не прекращают своего существования, однако их количество определенно снижается.

Подводя итоги, можно сказать, что неформальные сообщества не были гомогенными. Несмотря на попытки исследователей очертить их контуры, очевидно, что эти объединения не были замкнутыми и литераторы перемещались из одного творческого круга в другой. На рубеже 1950–1960-х гг. появляются студенческие объединения при вузах, так называемые ЛИТО. Нельзя сказать, что такие сообщества носили сугубо «неофициальный» характер – они контролировались властью. Идейное несогласие или конфликт с нею подталкивали молодых авторов к культурной сепарации. В 1960–1980-е гг. появляются сообщества, связанные с привязанностью творческой молодежи к определенному наставнику (впрочем, то же можно сказать и о ЛИТО) – ярким примером тому стали «ахматовские сироты». Общение с духовными и творческими наставниками стало импульсом в литературной и интеллектуальной деятельности поэтов и писателей, которые причисляли себя ко «второй культуре». Несмотря на антирелигиозную пропаганду, в кругах творческой интеллигенции возрастает интерес к религии, религиозной философии и вопросам веры. В 1970-е гг. активно развивается самиздат, а из-за границы проникает «тамиздат». Литературные сообщества формируются и вокруг популярных журналов. На рубеже 1970–1980-х гг. власть начинает признавать опасность «андеграундного» движения, набирающего широту и силу. Поэтому «сверху» санкционируется создание «Клуба-81». С этого момента начинается процесс соединения официальных и неофициальных начал в культуре.

Таким образом, здесь прослежены основные этапы социального развития ленинградской культуры «эпохи Бронзового века» и отмечены наиболее авторитетные и известные в интеллектуальной среде объединения. Однако перечисленными сообществами и их характеристиками проблема не исчерпывается.

Акцентируемая рядом исследователей дихотомия «официальности» и «неофициальности» искусства препятствует объективному рассмотрению данной эпохи в ее «цветущей сложности» и противоречивом единстве. Изучение феномена литературных объединений дает возможность увидеть, что многие литераторы контактировали друг с другом на основе идейных предпочтений и схожести творческих ориентиров. Одни имели доступ к читателю (Г.Я. Горбовский, А.С. Куш-

нер, В.А. Соснора), другие – нет, однако все они были представителями одной культурно-исторической эпохи, которая в современной гуманитарной науке все чаще называется «Бронзовым веком». И важно подчеркнуть, что многие его представители воспринимали себя как одно поколение, для которого характерны интерес к прошлому и его художественному осмыслению, определенный нонконформизм, а также усиление и углубление духовных поисков. Появившиеся на основе неформального творческого общения и обмена опытом сообщества сформировали своеобразный и неповторимый культурный облик Ленинграда позднесоветского периода.

Список литературы

1. Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. – СПб. : Академический проект, 2005. – 296 с.
2. Бобышев Д.В. Зияния. – Париж : Ymca-Press, 1979. – 236 с.
3. Горичева Т.М. Опасно говорить о Боге. – М. : Экологическая палата, 2021. – 132 с.
4. Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты: Ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения. 1953–1991. – СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2003. – 136 с.
5. Иванов Б.И. История Клуба-81. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. – 496 с.
6. Купман Е.А. Ближний подступ к Легенде. – СПб. : Звезда, 2016. – 432 с.
7. Кривулин В.Б. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сб. ст. / сост. Б.И. Иванов, Б.А. Рогинский; ред. Б.И. Иванов. – СПб. : Деан, 2000. – С. 99–109.
8. Луцевич Л.Ф. Ленинградский религиозно-мистический круг 1970-х годов (к проблеме культурной памяти) // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2010. – № 2. – С. 68–85.
9. Митаев А. Морально – на первом месте. Литературные объединения Ленинграда 50–60-х годов XX века // Слово/Word. – 2005. – № 48. – С. 34–37.

10. Павлова М.А. Генеалогия публичной сферы в позднесоветском обществе: Клуб-81 и Группа спасения памятников архитектуры как примеры общественной самоорганизации в Ленинграде // Нов. лит. обозрение. – 2020. – № 4. – С. 65–78.

11. Панкратова Е.В. Литературная стратегия самиздатского журнала «Часы»: концепция независимой литературы: дис. … канд. филол. наук. – Смоленск, 2019. – 521 с.

12. Петербургская поэзия в лицах : очерки / сост. Б.И. Иванов. – М. : Нов. лит. обозрение, 2011. – 392 с.

13. Савицкий С.А. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. – М. : Нов. лит. обозрение, 2002. – 224 с.

14. Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина ; авт.-сост. В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. – М. : Нов. лит. обозрение, 2003. – 622 с.

15. Сокурова О.Б. Встреча в пути // История и культура. – 2006. – № 7. – С. 325–336.

16. Сумерки Сайгона / сост. Ю.М. Валиева. – СПб. : Zamizdat, 2009. – 832 с.

17. Сухих И.Н. Три урока самиздата // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сб. ст. / сост. Б.И. Иванов, Б.А. Рогинский ; ред. Б.И. Иванов. – СПб. : Деан, 2000. – С. 154–158.

18. «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. – М. : Летний сад, 2005. – 680 с.

Источник

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.).

УДК 94(47).084.9:75.04

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО, ИЛИ НЕОРОМАНТИЗМ ПО-СОВЕТСКИ: НА ПРИМЕРЕ ГРАФИЧЕСКИХ И ЖИВОПИСНЫХ РАБОТ БОРИСА СВЕШНИКОВА

Казанцева Елена Дмитриевна
заведующая экспозиционно-выставочным отделом Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», г. Пермь
helenakazantseva@mail.ru

Подледнов Денис Дмитриевич
преподаватель департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург,
научный сотрудник Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», г. Пермь
denis.podliodnov@gmail.com

Аннотация. Анализируется творчество советского художника, графика Бориса Свешникова, одного из самых ярких представителей советского нонконформизма. Наибольшую известность художнику принесли лагерные графические работы, впервые опубликованные в 1977 г. под авторским названием «Лагерная сюита». В 1953 г. Борис Свешников, еще находясь в Ухто-Ижемском исправительно-трудовом лагере (Ухтижемлаг, Коми АССР), создает графическую работу «Смерть Сталина», синтезируя в визуальном языке элементы бытовой лагерной сцены и аллюзии на западноевропейское искусство. В 1954 г. художник был освобожден из лагеря, а в 1956 г. – реабилитирован. В зрелый период творчества художник тяготеет к традиционным и реалистическим сюжетам, например, изображениям провинциального пейзажа («Таруса», 1954), однако к 1960-м гг. гораздо чаще отдает предпочтение художественным работам в стиле неоромантизма, создавая индивидуальный узнаваемый визуальный язык, экспериментируя с «текстурностью» изображений и работая в технике пуантилизма («Мертвый город», 1961, «Танец ведьм», 1973 и др.). В ходе проведенного исследования, авторы выявляют основные стилистические

© Казанцева Е.Д., Подледнов Д.Д., 2024

особенности работ Бориса Свешникова, а также тенденции изменения эстетики: от графических зарисовок, созданных в раннем периоде творчества – во время заключения в лагере и отсылающих к искусству Средневековья и Северного Возрождения, до изображения фантастических сюжетов и трансгрессивных образов в 1950–1970-х годах, созданных в перспективе неоромантизма.

Изменение визуального языка произведений Бориса Свешникова может быть интерпретировано не только как преодоление собственного травматического лагерного опыта художника, но и как обусловленное социальными, культурными и идеологическими изменениями эпохи конца 1950–1960-х гг.: критикой политики И.В. Сталина, ослаблением цензуры, либерализацией общественной жизни, давшими возможность для совершенно новых для советского искусства художественных высказываний.

Ключевые слова: искусство «оттепели», советское неофициальное искусство, нонконформизм.

UNOFFICIAL ART, OR NEO-ROMANTICISM IN THE SOVIET WAY: ON THE EXAMPLE OF GRAPHIC AND PAINTINGS BY BORIS SVESHNIKOV

Kazantseva Elena D.
Head of the Exposition and Exhibition Department of the Memorial Museum-Reserve of the History of Political Repression 'Perm-36', Perm
helenakazantseva@mail.ru

Podlednov Denis D.
Lecturer at the Department of Media Studies of the Higher School of Economics, St. Petersburg
Researcher of the Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression 'Perm-36', Perm
denis.podliodnov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work of the Soviet artist, graphic artist Boris Sveshnikov, who is one of the brightest representatives of Soviet nonconformism. The greatest fame to the artist was brought by the GULAG camp graphic works, first published in 1977 under the author's title 'Camp Suite'. In 1953 Boris Sveshnikov created a graphic drawing 'The Death of Stalin', synthesizing in visuality elements of the everyday GULAG camp scene and allusions to Western European art,

while he was still in the Ukhto-Izhma correctional labor camp (Ukhtizhemlag, Komi ASSR). In 1954 he was released from the labor camp, and in 1956 he was rehabilitated and reinstated in rights. In the mature period of his creativity, the artist tends to traditional and realistic subjects, for example, images of a provincial landscape (‘Tarusa’, 1954), but by the 1960s much more often he prefers the creation of works of art in the style of neo-romanticism, creating an individual recognizable visual language, experimenting with the ‘texture’ of images and working in the technique of pointillism (‘Dead City’, 1961, ‘Dance of the Witches’, 1973, etc.). As a result, the authors identify the main stylistic features of Boris Sveshnikov's works, as well as trends in aesthetics: from graphic sketches created in the early period of creativity – during imprisonment in the labor camp and referring to the art of the Middle Ages and the Northern Renaissance, to the depiction of fantastic plots and transgressive images in the 1950–1970s, created in the perspective of neo-romanticism.

The change in the visual language of Boris Sveshnikov's works can be interpreted not only as overcoming the artist's own traumatic GULAG experience, but also due to the social, cultural and ideological changes of the era of ‘thaw’ in the late 1950s and 1960s: criticism of the politics of I. V. Stalin, the weakening of censorship, the liberalization of public life, all this made it possible for completely new artistic messages of Soviet art.

Key words: Soviet unofficial art, nonconformism, ‘thaw’ art.

Разделение советского искусства на «официальное» и «неофициальное» началось в 1932 г., когда было принято постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», согласно которому в СССР должны появиться Союзы советских писателей, музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и других организаций. Тем самым советское государство пыталось контролировать экспериментальные устремления творцов искусства, одновременно стимулируя создание «запретных» творческих объединений и новых визуальных высказываний.

Первые проявления советского неофициального и неинституционального искусства исследователи относят к концу 1940-х гг., когда на фоне общности интересов рождаются творческое объединение поставангардистов во главе с Евгением Кропивницким (впоследствии «выросшее» в Лианозовскую школу) и «Орден нищенствующих жи-

вописцев», возникший из учеников Средней художественной школы при Академии художеств (г. Ленинград) [10].

В 1950-е гг. на волне политических и идеологических, социальных и культурных изменений творческие устремления и эстетические эксперименты художников совпадают с запросом публики на «другое» искусство – художники новой волны экспонируют свои работы на «квартирных» выставках. «Все это время окружено романтикой, бескорыстием. Эпоха была очень живая, настоящее братство. Сейчас – эпоха коммерческая, галерейная. А первые выставки Яковлева и Кропивницкого были у меня на квартире. Мне подал пример Рихтер – он первый сделал домашнюю выставку», – так описывает эпоху композитор Андрей Волконский [1, с. 7].

На институциональном уровне также происходило расширение границ привычного, легитимация новых визуальных приемов, в том числе на примере зарубежного искусства: ярким примером служит организованная в 1956 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина выставка Пабло Пикассо, ставшая, по выражению И.А. Антоновой[1], «неожиданным ударом по консерваторам через три года после смерти Сталина» [4, с. 9]. В 1963 г., также в ГМИИ, экспонировалась выставка работ Фернана Леже, в 1969 г. – выставка Анри Матисса. С начала 1960-х успешно проводятся выставки художников «Левого МОСХа», произведений Эрнста Неизвестного, Владимира Яковлева, Владимира Янкилевского и других, что было обусловлено трансформацией художественных интересов советской интеллигенции.

Однако в то же время в общественном дискурсе превалирует критика нового типа искусства: в прессе выходит множество разгромных публикаций, особенно после знаменитой выставки в Манеже в 1962 г. Позиция власти выражается в необходимости борьбы с «буржуазными» проявлениями в искусстве и отступлениями от социалистического реализма. Организация публичных показов произведений художников новой волны категорически пресекается, а с августа 1969 г. вводится обязательная цензура на проведение художественных выставок в Москве [7, с. 514].

[1] Ирина Александровна Антонова (1922–2020) – доктор искусствоведения, в 1961–2013 гг. – директор, в 2013–2020 гг. – президент Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Впервые термин «нонконформизм» в отношении советского неофициального искусства был применен писателем и коллекционером Александром Глезером в 1977 г. в парижском альманахе «Аполлон-77», и с этого момента начинается концептуализация данного феномена [8]. Именно в «Аполлоне-77» были впервые опубликованы лагерные рисунки Свешникова под авторским названием «Лагерная сюита», они сопровождались эссе «Белый эпос» писателя Андрея Синявского.

Борис Свешников родился в 1927 г. в Москве, в семье дворянского происхождения. В 1944 г. он поступил в Московский институт прикладного и декоративного искусства. 9 февраля 1946 г. девятнадцатилетний художник был арестован, вместе с группой студентов ему было инкриминировано участие в террористической группе, якобы готовившей покушение на Сталина [2, с. 3]. Одним из участников этой группы был художник Лев Кропивницкий, вместе с которым Свешников учился. Известно, что на допросах Свешников смело высказывал свою позицию: «В СССР хорошие художники не могут применять и развивать свои таланты... Художники у нас не свободны... они рисуют не то, что хотят, а то, что им скажут...» [5, с. 6].

Свешников был осужден на 8 лет лагерей, после чего вместе с другими заключенными этапирован в Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь (Ухтижемлаг) в республике Коми. В лагере Борис Свешников работал на раскопе траншеи, но после изнуряющих работ всецело посвящал себя творчеству и тайно передавал свои рисунки на волю. Его солагерник Лев Кропивницкий вспоминал: «Целый год, пока нас не разъединили, мы работали в одной бригаде от темна до темна в Ухтинской тайге, а придя после работы в убогий барак, Боря садился у тусклой коптилки и покрывал куски желтой оберточной бумаги удивительными сценами своих фантастических видений» [4, с. 136].

Через два года лагерного труда Борис Свешников от крайнего истощения оказался на грани смерти. Осенью 1948 г. художник был переведен в инвалидный лагерь Ветлосян и назначен на работу ночным сторожем при деревообрабатывающем заводе. Здесь он оставался до конца своего лагерного срока и мог заниматься творчеством, так как при заводе была художественная мастерская.

Первая работа Свешникова, символизирующая начало периода «оттепели», «Смерть Сталина» (1953) (рис. 1), выполнена в типичной для лагерного периода творчества манере: тушью на бумаге. Художник обращается к многофигурной композиции, на дальнем плане изображает архитектурные сооружения: башни, жилые дома. Место действия отсылает к Красной площади: толпа людей несет гроб вождя в сторону Спасской башни, на вершине которой возвышается изображение серпа и молота. На площади, слева от башни, видна плоская крыша здания Мавзолея В.И. Ленина, куда 10 марта 1953 г. положили тело И.В. Сталина. Почти во всех лагерных рисунках, и этот не является исключением, художник соединяет несколько исторических модальностей: советская повседневность и средневековый город зачастую с фантастическими элементами. На фасадах зданий художник помещает знамена и парадный портрет Сталина, изображенный крайне схематично.

Рис. 1. Б.П. Свешников. «Смерть Сталина». 1953 г.

На переднем плане справа, на крыльце здания, напоминающего барак, изображена толпа люде; стоит отметить, что их лица не выражают скорби. Один человек читает книгу «Рыцарь и смерть», название которой отсылает к известной гравюре Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и Дьявол» (1513). Главным героем является рыцарь на коне,

метафорический смысл гравюры заключается в преодолении «христианским воином» трудностей и соблазнов на пути постижения веры.

Освободившись в 1954 г., Борис Свешников не мог проживать в столице, как и другие бывшие заключенные, поэтому обосновался в г. Тарусе (Калужская область). По воспоминаниям композитора Андрея Волконского, именно в Тарусе в этот период была «высокая концентрация интеллигентов». На организованной в городе выставке были представлены «удивительные» картины Бориса Свешникова [1, с. 10].

В работе «Таруса» (1954) (рис. 2) художник обращается к жанру провинциального камерного пейзажа. Перед зрителем предстает не идеализированное изображение, а реалистичная картина с покосившимся забором и размытыми дорогами. Художник приподнимает линию горизонта таким образом, что наибольшую часть полотна занимает то, что находится на земле, «заземляя» этот сюжет не только тематически, но и композиционно. Бытовая составляющая и даже некоторая неухоженность этого пейзажа при этом не несет отрицательной коннотации, а становится визуальным свидетельством простой будничной жизни города.

Рис. 2. Б.П. Свешников. «Таруса». 1954 г.

В 1956 г. Борис Петрович Свешников был реабилитирован и вернулся в Москву. В 1958 г. он вступил в Союз художников СССР и впервые экспонировал свои работы на выставке «ЭКСПО-58» в Бельгии. В 1960-е гг. Свешников много и плодотворно сотрудничал с Гослитиздатом, создавая иллюстрации к произведениям И.В. Гете, Э.Т. Гофмана, Г.Х. Андерсена, братьев Гримм, М. Метерлинка, К.Г. Паустовского и других авторов. Художник принимал участие в выставках, проходивших в Австрии, Германии, США, Италии.

В истории советского искусства выделяют две волны романтизма, на период «оттепели» приходится вторая волна, наступившая в середине 1950-х гг. и продолжавшаяся приблизительно до начала 1980-х. В поздний период творчества Борис Свешников обращается к эстетике неоромантизма, для которой характерны мистичность, таинственность, символизм, иррациональность, уход от реальности. Многие художественные работы он выполняет в холодных голубых, бирюзовых, изумрудно-зеленых и глубоких синих тонах. Отличительной особенностью картин этого периода становится то, что художник словно покрывает поверхность холста тонкой паутинкой, из-за чего изображение становится мозаичным, напоминающим текстуру разбитого на очень мелкие осколки стекла. Зачастую художник работает в технике пуантилизма – посредством раздельных точечных мазков.

Работа «Мертвый город» (1961) представляет мрачный ирреальный пейзаж: на дальнем плане изображено полуразрушенное здание с утрированно уменьшенными окнами, разными по размеру и форме дверными проемами, чересчур узкой лестницей и аркой, опутанной паутиной. На переднем плане поверхность земли покрыта рассыпанными осколками, разбросанными веревками или проволокой и камнями. В левой части картины на земле расположен объект, напоминающий неузнаваемое мертвое животное или крупный камень причудливой окраски. Дополняет этот мрачный сюрреалистический пейзаж своеобразный «символ жизни» в правом углу картины – стеклянная ваза с водой и засохшими ветвями.

Для полотна «Танец ведьм» (1973) (рис. 3) художник выбирает своеобразный ракурс – сверху вниз, в глубину. На переднем плане изображены в полете над городом две обнаженные ведьмы, на их лицах играют злорадные ухмылки. Несмотря на отсутствие одежды, ведьмы изображены в изящных туфлях на каблуках и в шляпках. Одеяние героев картины наводит на ассоциации с «Балом Сатаны» из ро-

мана «Мастер и Маргарита»: дамы изображены обнаженными, а кавалеры – во фраках. Ниже на картине изображены также летящие обнаженные ведьмы в объятиях мужчин, мирные горожане, шагающие по улицам, кто-то, заглядывающий в окна и падающий вниз головой с высоты. При помощи ракурса и расположения в пространстве героев художник создает ощущение беспорядочного движения, что усиливает мистическую составляющую сюжета. Вся плоскость картины заполнена угловатыми линиями, словно покрыта трещинами, усиливая атмосферу нереальности, иллюзорности происходящего.

Рис. 3. Б.П. Свешников. «Танец ведьм». 1973 г.

Уникальность художественных произведений Бориса Петровича Свешникова заключена в том, что в его работах органично переплетаются узнаваемые сюжеты советской действительности и сюрреалистические элементы. Андрей Синявский назвал эту особенность работ Свешникова «обратимым смыслом»: «Кто не знает, что это лагерь, так и не догадается. Пускай. Пусть так и будет. Пусть останется неузнанным. Это лучше: искусство. Знающий (я чуть было не сказал – посвященный), присмотревшись, различит кое-где частокол, помойки, бараки, тюрьму: кто-то уже повесился, а кто-то просто сидит и ждет своего срока. Этих локальных (лагерных) ассоциаций до странности мало. Это не зарисовки с натуры, а сновидения вечности, скользящие

по стеклу природы или истории» [8, с. 282]. В фантастических сюжетах лагерных картин Свешникова воплощена рефлексивная работа на темы инаковости, изоляции от привычной жизни, наказания, греха, прощения, ощущения близости смерти. Лагерное искусство для художника-заключенного не только служит инструментом эскапизма, но и транслирует индивидуальные переживания о травмирующих событиях на основе его глубоких познаний в истории искусства, культуры и большого художественно-эстетического опыта. В период заключения визуальный язык Бориса Свешникова тяготеет к графическим зарисовкам тушью и пером в штриховой технике. После освобождения из лагеря он приходит к собственному узнаваемому визуальному языку, обращаясь к технике пуантилизма и экспериментируя с «текстурой» и мозаичностью полотна.

На протяжении всего творческого пути Свешникова центральной темой становится тема смерти и ухода в инобытие через трансгрессивные образы и фантастические элементы. Если в рисунках, созданных в период заключения, художник обращается напрямую к персонифицированному образу «Смерти в саване», то поздние работы тяготеют к иносказательным образам: реке Стикс, аллюзиям на известные сцены инфернального мира из классических литературных произведений, помещению образа Смерти вербально в само название картин и т. д. Эстетическая составляющая его картин и рисунков отсылает к средневековому искусству и работам великих мастеров Северного Возрождения: Иеронима Босха, Маттиаса Грюневальда, Питера Брейгеля.

Сегодня произведения Бориса Свешникова входят в коллекцию Московского музея современного искусства, Екатеринбургского музея изобразительных искусств, Приморской государственной картинной галереи, а также Художественного музея Зиммерли (США). В 2020 г. Музеем современного искусства «Гараж» был приобретен личный фонд Бориса Петровича Свешникова, куда вошли автобиографические записи, списки выставок и книжных иллюстраций, документальные фотографии, печатные издания, архивные документы и корреспонденция, адресованная художнику и его жене Ольге [2]. Множество картин и рисунков Бориса Свешникова хранится в частных собраниях, а интерес современных коллекционеров к работам художника продолжает оставаться на высоком уровне, о чем свидетельствуют успешные продажи на аукционах.

Список литературы

1. Алексеев В.Б. Идеально другие: художники о шестидесятых / под ред. А. Сергиенко. – М. : Нов. лит. обозрение, 2022. – 552 с.

2. Архив Бориса Свешникова [Электронный ресурс] // Сеть архивов российского искусства. – Режим доступа: https://russianartar chive.net/ru/catalogue/collection/boris-sveshnikov-ar chive (дата обращения: 28.11.2023).

3. Голомшток И.Н. Лагерные рисунки Бориса Свешникова // Борис Свешников. Лагерные рисунки / сост. И. Голомшток, И. Осипова. – М. : Звенья, 2000. – 158 с.

4. Другое искусство. Москва 1956–76. К хронике художественной жизни / сост. Л. Талочкин, И. Алпатова : в 2 т. – Т. 1. – М. : Московская коллекция : Интербук, 1991. – 342 с.

5. Дудаков В.А. Борис Свешников. Свободный в мире несвободы. – М. : Галарт. 2009. – 96 с.

6. Кизевальтер Г.Д. Время надежд, время иллюзий: проблемы советского неофициального искусства: 1950–1960 годы : ст. и материалы. – М. : Нов. лит. обозрение, 2018. – 554 с.

7. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций : учебное пособие для вузов. – 4-е изд. – Брянск : Курсив, 2000. – 539 с.

8. Синявский А.Д. Белый эпос: О лагерных рисунках Свешникова // Аполлон-77. – Париж, 1977. – С. 281–284.

9. Скиперских А.В. Неофициальное искусство в СССР: политическая история концептуализации [Электронный ресурс] // PolitBook. – 2019. – № 1. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ neofitsialnoe-iskusstvo-v-sssr-politicheskaya-istoriya-kontseptualizatsii (дата обращения: 27.11.2023).

10. Турицын И.В., Давыдов С.Г. Неинституциональное изобразительное искусство в культурном пространстве советского союза в 1950-х – первой половине 1980-х гг. [Электронный ресурс] // Современная научная мысль. – 2019. – № 6. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neinstitutsionalnoe-izobrazitelnoe-iskusstvo-v-kulturnom-prostranstve-sovetskogo-soyuza-v-1950-h-pervoy-polovine-1980-h-gg (дата обращения: 27.11.2023).

УДК 930.1

«БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА»: СЛУЖИТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СОВЕТСКОМ ТЕЛЕЭКРАНЕ

Аликин Павел Сергеевич
младший научный сотрудник Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», магистрант факультета культурологии и социально-культурных технологий Пермского государственного института культуры, г. Пермь
alikin-pavel.sergeevich@yandex.ru

Аннотация. Анализируются отдельные стороны советской исторической науки на примере популярного телевизионного фильма «Большая перемена». Это один из немногих советских фильмов, показывающих духовный мир историка. Фильм также может быть рассмотрен как пример умеренной критики преподавания общественных наук, свидетельствующей о начале кризиса идеологии в СССР в 1970-е гг.

Ключевые слова: СССР, историческая наука, историки, образование, сценарий, комедия, застой.

‘BIG CHANGE’: HISTORICAL FIGURES ON THE SOVIET TV SCREEN

Alikin Pavel S.
Junior Researcher of the Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression ‘Perm-36’, Master's Student at the Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies of the Perm State Institute of Culture, Perm
alikin-pavel.sergeevich@yandex.ru

Abstract. The article analyzes certain aspects of Soviet historical science using the example of the popular television film ‘Big Change’. This is one of the few Soviet films showing the spiritual world of a historian. The film can also be seen as an example of moderate criticism of the teach-

© Аликин П.С., 2024

ing of social sciences, indicating the beginning of an ideological crisis in the USSR in the 1970s.

Key words: USSR, historical science, historians, education, script, comedy, stagnation.

Образы советской исторической науки (персоны, институции, социальные практики) могут рассматриваться не только на собственно историографическом материале, но и на примерах своей репрезентации в культуре. Произведений, непосредственно посвященных историкам, не так уж и много, обычно они становились второстепенными персонажами других художественных сюжетов. Редким исключением явилась «интеллигентская» драма Виталия Мельникова «Две строчки мелким шрифтом» («Ленфильм», 1981).

Интересующую нас проблематику можно рассмотреть на примере телевизионного фильма «Большая перемена» (творческое объединение «Телефильм» киностудии «Мосфильм», 1972–1973), поставленного Алексеем Кореневым по повести Георгия Садовникова «Иду к людям». Этот мини-сериал о вечерней школе обычно не относят к вершинным достижениям советского кинематографа на «педагогическую» тему, сопоставимым с «Весной на Заречной улице» Марлена Хуциева (1956) или «Доживем до понедельника» Станислава Ростоцкого (1968). Однако картина, безусловно, репрезентативна как исторический источник о проблемах исторического образования и в целом образования взрослых в Советском Союзе.

Написать сценарий фильма о жизни учащихся вечерней школы, используя свою повесть «Иду к людям», Садовникову, в молодости самому преподававшему в вечерней школе, предложили в конце 1969 г. Сразу было поставлено условие, что соавтором будет режиссер фильма. Два года писатель трудился над сценарием, было перепробовано много вариантов, многое потом пришлось менять во время съемок, перед самым их началом вместо двухсерийного было решено делать трехсерийный, а затем и четырехсерийный фильм. Конечный вариант сценария сильно отличался от первоисточника [2].

Первоначально на главную роль планировался Андрей Мягков, но он поставил условием съемки в роли Светланы Афанасьевны своей жены, Анастасии Вознесенской, что не устроило авторов картины. На роль пробовались также Константин Райкин и Евгений Карельских. Съемки фильма производились в Ярославле, в том числе на террито-

рии Ярославского шинного завода, Ярославского нефтеперерабатывающего завода, на Стрелке, набережной Которосли и берегу Волги, стадионе «Спартаковец», острове Даманский (карусели, танцплощадка). Отдельные сцены фильма снимались в Москве и МГПИ им. Ленина. Премьера картины состоялась на Центральном ТВ 29 апреля – 2 мая 1973 г.

Актер и режиссер Николай Бурляев отмечал, что «никогда не был в восторге от этого фильма... ориентированного на Тарковского и Германа, сериал с высосанным из пальца сюжетом казался несерьезным». Но, несмотря на критические отзывы, комедия считается культовой и до сих пор нередко демонстрируется по телевидению [1].

«Большая перемена» – один из немногих советских фильмов, «препарирующих» духовный мир историка – несостоявшегося аспиранта, показанного на фоне преподавателей высшей школы. Главный герой – учитель истории Нестор Петрович Северов – ищет себя и раскрывается с разных сторон в сценарии, прихотливо соединяющем мелодраму с элементами социальной сатиры. Исполнитель роли Михаил Кононов скептически относился к фильму. В при жизни не опубликованных мемуарах он писал: «В многосерийке “Большая перемена“ был собран весь цвет четырех поколений актеров, начиная от популярных народных до только что закончивших театральные училища. Мне приходилось оправдывать фантасмагорические ситуации и несуразный текст. О “Большой перемене“ много писали, и с успехом она прошла за рубежом. Вот такой силы таланты были в то время в России. Любой бред в их исполнении выглядел милым и обаятельным, а главное – искренним».

Фильм может быть рассмотрен как пример «официального» сдержанно-критического взгляда на преподавание общественных наук в Советском Союзе, свидетельствующего о предпосылках идеологического кризиса, исподволь назревающего в «благополучные» 1970-е гг. Данный вопрос неоднократно рассматривался в работах о культурной социологии советского кино [1].

Говоря о художественном воплощении замысла создателей картины, можно отметить влияние фильмов Элема Климова 1960-х, эстетику фильмов Георгия Данелии и особенно – популярной комедии

[1] См. публикации Е.А. Добренко или К.А. Богданова.

«Джентльмены удачи» (где образ археолога-чудака создан Эрастом Гариным). По сравнению с фильмами Данелии и Эльдара Рязанова обращает на себя внимание достаточно острая «социальная» тематика картины, освещение фундаментальных проблем системы образования взрослых, сложившейся к 1970-м гг. [1]

Рис. 1. М.М. Яншин в роли профессора Волосюка, т/ф «Большая перемена»

Рис. 2. Обложка книги С.Д. Сказкина

Особо следует сказать об образе профессора Виктора Ивановича Волосюка (исполнитель – народный артист СССР Михаил Яншин) (рис. 1), ярко проявившемся в эпизодах экзамена и сценке «Где тут дверь в аспирантуру» с участием героя Савелия Крамарова. Этот собирательный образ «дуайена» старой академической среды внешне поразительно напоминает Героя Социалистического Труда, академика Сергея Даниловича Сказкина (1890–1973), по чьим учебникам в Советском Союзе долгие годы изучали Средние века (рис. 2).

Список литературы

1. Новицкий Е.И. Георгий Данелия. – М. : Молодая гвардия, 2020.

2. Прототипы «Большой перемены»: о Г.М. Садовникове, авторе сценария фильма «Большая перемена» // 222 факта. Екатеринодар-Краснодар / сост. О.О. Карслидис. – Краснодар : Традиция, 2015. – С. 170.

[1] См. новейшие работы Г.М. Ивановой, В.В. Тихонова и др.

УДК 94(47).084.9:791.43

ВОЙНА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ИНДИВИДА НА ПРИМЕРЕ ИГРОВОГО КИНО ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»

Хафизова Дана Дмитриевна
студентка 3-го курса
Института философии человека (культурология)
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
dacatyu@mail.ru

Аннотация. Рассматривается война как экзистенциальное переживание индивида в кинолентах эпохи «оттепели» (1953–1964). Предмет исследования – переживание индивида, наиболее полно раскрывающееся с помощью сюжетов и нарративов, а также визуального ряда и используемых технических приемов. Анализируется, как операторские приемы помогают передать переживание героя и его эмоциональное состояние. Методы исследования: дискурс-анализ, семиотический и формальный анализ. Материалом исследования стали фильмы «Летят журавли» (1957, реж. Михаил Калатозов), «Иваново детство» (1962, реж. Андрей Тарковский) и «Я шагаю по Москве» (1964, реж. Георгий Данелия).

Ключевые слова: война, экзистенция, индивид, советское кино, «оттепель», Георгий Данелия, Михаил Калатозов, Сергей Урусевский, Андрей Тарковскоий, Вадим Юсов.

WAR AS AN EXISTENTIAL EXPERIENCE OF AN INDIVIDUAL ON THE EXAMPLE OF A FEATURE FILM OF THE ‘THAW’ ERA

Hafizova Dana D.
3rd Year Student
of the Institute of Human Philosophy (Culturology)
The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
dacatyu@mail.ru

Abstract. The article considers war as an existential experience of an individual in the films of the thaw era (1953–1964). The subject of research

© Хафизова Д.Д., 2024

in the article is the experience of an individual, which is most fully revealed with the help of plots and narratives, as well as the visual series and the techniques used. The article analyzes how camerawork techniques help to convey the experience of the hero and his emotional state. Research methods: discourse analysis, semiotic and formal analysis. The material of the study was the films ‘Cranes are Flying’ (1957, dir. Mikhail Kalatozov), ‘Ivanovo childhood’ (1962, dir. Andrey Tarkovsky) and ‘I'm walking through Moscow’ (1964, dir. George Danelia).

Key words: war, existence, individual, Soviet cinema, ‘thaw’, Georgy Danelia, Mikhail Kalatozov, Sergey Urusevsky, Andrey Tarkovsky, Vadim Yusov.

«Оттепель» – короткий период в истории страны, во время которого произошли колоссальные изменения на всех уровнях жизни, внешней и внутренней политики. Стоит обозначить, какие изменения и процессы, повлиявшие на культуру эпохи, происходили в обществе.

Н.С. Хрущев разворачивает реформы, связанные с десталинизацией, изменяется политический климат, Советский Союз стремится к сотрудничеству с Западом, преодолевается тотальная изоляция СССР. На XX съезде партии обозначаются новые векторы развития страны. Хрущев провозглашает курс на мирное сосуществование, отказываясь от войны как метода решения спорных вопросов, начинается активный процесс проверки дел осужденных, реабилитации. Появилось осознание того, что войну выиграл не один человек, а советский народ. Цензура ослабла, и на экраны стали выходить фильмы, показывающие не только положительные аспекты жизни советского человека. В игровом кино эпохи «оттепели» впервые на экранах показали происходящее за пределами фронта, заострили внимание на личных переживаниях. Посредством кинематографа зритель проникал в категорию частного, наблюдая скрытое, что каждый человек переживает индивидуально. Внутренние переживания индивида послевоенного времени, его борьба с жизненными трудностями стали фокусом внимания. Кинематограф «оттепели» повысил актуальность темы войны как экзистенциального переживания человека.

Сара Хуссин выделяет основной нарратив периода «оттепели» в кинематографе, определяя его в качестве изображения войны как трагедии: фильмы не про командиров и крупные военные операции, а про

рядовых бойцов, гражданское население и военнопленных. Формируется новый взгляд на человека на войне: человек как объект исторического действия, в котором он должен сделать решающий выбор, и история – через личность [5, с. 2].

Один из главных фильмов «оттепели» – **«Летят журавли»** (1957) Михаила Калатозова. Л.А. Зайцева в работе «Тема войны в кинематографе второй половины 50-х годов XX века» проанализировала индивидуальные переживания личности на примере главной героини этого фильма Вероники. В центре фильма не рассказ о ее жизни, изменяющейся от одного события к другому, а трагичность противостояния отдельного человека катастрофе войны [1, с. 5]. Исследователь выделяет последовательность разрушения личности героини посредством войны. От эпизода к эпизоду она сталкивается с ужасами войны, которые бесповоротно влияют на нее [1, с. 6]. Зайцева отмечает то, как технически сделана картина, пишет о том, что камера кинооператора наделяется взволнованной интонацией рассказчика, его присутствие дает понять, что за Вероникой неотступно следует автор [1, с. 8]. С. Урусевский предложил игровому экрану раскрепощение съемочной камеры. Зайцева обращает внимание на ритмы поведения камеры, отмечая, что они играют колоссальную роль в трактовке внутрикадрового действия, передают переживание героини [1, с. 9]. Зайцева на примере фильма «Летят журавли» рассуждает об изменениях в кинематографе, которые приводят к новой трактовке войны, и о том, как она передается с помощью операторских приемов и технических новшеств.

А. Прохоров в книге «Наследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе “оттепели”» исследует семиотические системы культуры, а также анализирует ключевые слова, вокруг определения которых развернулись основные конфликты эпохи «оттепели». Среди таких ключевых слов-конфликтов – «оттепель», «социалистический реализм», «мужественность» и «мелодрама». Во второй части четвертой главы исследователь анализирует фильм «Летят журавли». Прохоров говорит о том, что этот фильм переосмыслил тропы семьи и войны в квазихристианской истории падения и искупления. При этом героиня фильма становится аллегорической фигурой, символизирующей судьбу страны. Эта индивидуальная

судьба противостоит монументальному и патриархальному эпосу сталинской культуры [2, с. 8]. Из этого следует, что кино отражает попытку переосмысления старых тропов посредством внедрения новых, отражающих новые ценности.

Многие фильмы, созданные в период «оттепели» на тему Великой Отечественной войны, не только показывают героизм и подвиги советских войск, но и обращают внимание на человеческий аспект военных событий.

Фильм «Летят журавли» М. Калатозова повествует частную историю личности, погружая зрителя в горестные подробности жизни в тылу. Эта история не о масштабных государственных потерях, а о том, как ужас войны влияет на конкретного человека. Фильм раскрывает столкновение частного бытия, надежды на счастливое будущее – и войны. Эта картина – драма совести. Кино оперирует образом, погружая зрителя в гущу событий. Центр восприятия реальности – индивид. Настоящая трагедия, показанная авторами фильма, заключается в разрушении судьбы главной героини, но не столько посредством войны, сколько безжалостным отношением к ней ее близких.

На примере Вероники авторы смогли наиболее полно передать экзистенциальные переживания индивида. Зритель от эпизода к эпизоду наблюдает разрушение личности героини. Потрясения, которые происходят с ней по ходу сюжета: уход на фронт возлюбленного, смерть родителей и брак с нелюбимым человеком, – разрушают личность героини, делая ее заложницей обстоятельств. Зритель осознает, что война идет не только там, на линии фронта, но и внутри нашей героини, внутри каждого, для которого человеческая жизнь ценна и не измеряется в размерах обездоленной армии.

Кинокамера в руках С. Урусевского стала инструментом авторского рассказа, субъективного видения того, что происходит, глазами лирического героя, проекции во внешний мир, на экран душевного смятения героини [1, с. 30].

Операторская работа С. Урусевского позволяет зрителю не просто погрузиться в картину и сопереживать персонажам, а полностью поставить себя на место главных героев. Съемка и монтаж передают те чувства, которые человек может пережить только индивидуально, выявляют их. С. Урусевский использует разрешающие возможности

оптики, влияя на динамику сцен, предлагая внутрикадровые сочетания общих и крупных планов [1, с. 28]. С самого начала фильма зритель наблюдает кадры счастливых лиц влюбленных. Ближний ракурс лиц и общий план монтируются вместе, развитие происходит от частного к общему – одной стороны, как будто бы с точки зрения Бога, а с другой – вплотную к героям. Съемка лиц снизу показывает героев уязвимыми. Зритель проникает в интимную зону героев. Впоследствии получается, что судьбы героев уже известны. Поэтому, когда мы видим, как эти планы соотносятся, мы понимаем, какую идею они в себе несут.

Опоздав на проводы Бориса, Вероника идет по преобразившимся улицам одна. Те же места, где утром они только что прощались, режиссер и оператор предлагают нам теперь увидеть по-новому: вместо солнечных зайчиков – противотанковые ежи. М. Калатозов делает упор на таких трансформациях пространственных повторов, соотнося воздействие экранного приема со сценическими композициями древних трагедий [1, с. 25].

Свет в кинокартине играет определяющую роль, расставляет акценты. Уникальное световое решение зрители наблюдают в эпизоде разговора с Борисом, световые линии выделяют глаза главной героини, усиливают внимание на эмоциях. Свет пятнами добавляет динамики и объема кадру.

Сцена ухода на фронт Бориса снималась не только с рук, но и при помощи крана, что позволяет авторам передать смысл данного эпизода наиболее полно. Огромные человеческие толпы и одинокая частичка, которая, идя против толпы, рассинхронизирована с этими социальными массами. Вероника идет против толпы, внося новые нарративы. Взгляд Вероники, ее голос отчаянно пробиваются сквозь массу толпящихся, что-то кричащих людей. Крупные планы героини оператор доверяет снять самой актрисе, укрепив камеру на груди Т. Самойловой. Затерявшись в толпе, она снимает несколько крупных планов, изображая угасающую надежду, нарастающее отчаяние [1, с. 27].

В сцене смерти родителей Вероники кинокамера повторяет порывистый пробег Т. Самойловой, стремительно взлетающей наверх, чтобы отчаянно замереть перед зияющим провалом на месте бывшей

квартиры. Ритмы поведения камеры играют колоссальную роль в трактовке внутрикадрового действия [1, с. 28]. Свет выделяет лицо героини, акцентируя внимание на ее переживаниях, ее отчаянии. Марк, как отрицательный персонаж, всегда освещен темнее, чем остальные герои. В сцене принуждения лицо Марка почти не подсвечивается, выделяется только силуэт, подчеркивая «темную» сторону персонажа, в отличие от главной героини: светом выделяется ее лицо, акцентируется внимание на ее переживаниях.

Теперь меняется круг персонажей. Ушли те, в чьем кольце Веронике было предсказуемо комфортно. Нет вестей от Бориса, погибли родители, разрушен дом. Вероника становится безвольной, испуганной жертвой, а затем и женой брата Бориса [1, с. 25]. Она неспособна словесно оформить свои страдания, она болезненно ищет другие каналы самовыражения [2, с. 178]. Когда Вероника говорит с другими персонажами, они не понимают ее и либо просят успокоиться (ее соседка Анна Михайловна), либо обвиняют в хулиганстве (Марк) [2, с. 179].

Круговая съемка лестницы в каждом эпизоде несет определенный смысл. Лестничная клетка приобретает смысл очень важного промежуточного, переходного пространства, наделяемого глубоким метафорическим и метафизическим значением [2, с. 172]. В момент смерти Бориса кадры с лестницей накладываются на свадьбу главных героев, что говорит нам о символизме картины. Какие бы ни происходили процессы, на фронте ничего существенного не произошло. После смерти Бориса ситуация на войне не меняется, но для героини это – точка невозврата.

Эпизод в госпитале становится конечной точкой для Вероники. Она решает покончить с собой. Внутрикадровый монтаж Урусевского позволяет зрителю полностью погрузиться в эмоциональное состояние героини в момент самоубийства. Сцена решена очень экспрессивно. Изображение пугает и в то же время завораживает зрителя. Свою пробежку главная героиня снимала сама «с рук», что позволило наиболее полно показать все эмоции, которые испытывала Вероника в этот момент. Ракурс выбран нижний, что также иллюстрирует нам пик отчаяния героини, делая ее беззащитной. Быстрая нарезка кадров с деталями создает напряжение в сцене. Урусевский грамотно работает

с количеством кадров в секунду, тем самым ускоряя время для зрителя. По мере нагнетания ритма ракурс становится резким, монтаж – более частым, а крупность планов возрастает. Единственное, что останавливает ее, – это ребенок, которого она спасает из-под машины. Мальчик Борька дает ей новый смысл жизни, напоминая о возлюбленном.

В конце фильма зритель наблюдает изменения в Веронике, то, как от эгоистичного переживания счастья героиня приходит к альтруистическому дарению себя и своей любви окружающим. После слов «…мы победили и остались жить не во имя разрушений, а во имя созидания новой жизни!» Вероника обретает новый смысл жизни, избавляясь от бремени выбора, тяготившего ее весь фильм. А. Шпагин говорит, что «в финале фильма героиня Вероника уже выше своей трагедии и в ее душе как в капле воды отражаются все смыслы бытия, она превращается в совершенно иного человека» [3, с. 45].

Вторым фильмом, иллюстрирующим ужасы войны, стала кинокартина **«Иваново детство»** (1962) Андрея Тарковского, в которой война показана сквозь призму изломанного детского сознания [3, с. 50]. «Тарковский сделал содержанием фильма Иваново состояние, – пишет в своей книге о шестидесятниках Лев Аннинский, – его сорванный с оси характер, его исказившийся внутренний мир». Он распахнул эту обугленную душу четырьмя снами, составляющими суть сюжета. Предмет фильма – не война глазами Ивана, а исказившаяся душа Ивана глазами человека, для которого война осталась всеобщей катастрофой, перевернувшей систему ценностей [3, с. 50].

На протяжении фильма зритель видит разрушенную, покалеченную судьбу мальчика. Главный герой – сирота, он полностью порабощен желанием мести. Иван является и орудием войны, и ее жертвой. Зритель наблюдает уже повзрослевшего героя, чья судьба сжата в руках войны, действовать вне ее правил он не может. Кинокартина показывает несовместимость двух миров: мира детства, наивного, радостного и беззаботного, и мира войны – ужасного, холодного и мрачного.

Для Ивана весь мир – галлюцинация, а сам он, мученик, галлюцинация для других, окружающих его в этом мире. Уже первый эпизод вводит нас в реальный и одновременно фантастический мир, мир

ребенка и войны [4, с. 236]. С первых сцен фильма зритель замечает эту колоссальную разницу между кадрами. Сны Ивана, его детство контрастируют с кадрами войны. Во снах много воздуха, полеты и природа. Много света. Картинка ровная и спокойная. После пробуждения главного героя мы видим мир войны и то, как он решен визуально. В. Юсов характерно решает кадры с изображением войны – заваленный ракурс и острые диагонали. Зритель сразу осознает, чувствует тьму, агрессивную и пугающую. Если в кадрах сна мы наблюдаем биение жизни, то в последующих сценах все вокруг мертвое.

Сцена с колодцем олицетворяет портал в мир без войны, в некий рай для мальчика. Внизу колодца мы видим войну. Панорамная съемка снизу вверх имитирует движение головы главного героя, как будто Иван смотрит на самого себя. Мальчик пытается дотянуться до дна колодца и остается внизу. Этот эпизод как бы говорит зрителю, что Иван поглощен миром войны и ему не выбраться из этого колодца. Его опустошенная душа хранит детскую нежность, которую он, однако, уже не чувствует и тем более не может выразить. А если нежность обволакивает его сны, можно быть уверенным, что эти сны неизбежно обратятся в кошмары [4, с. 237].

В конце фильма мы узнаем о смерти мальчика и наблюдаем последний сон его детства. Пафос «Иванова детства» трагичен: смерть мальчика изображена как человеческая катастрофа [4, с. 146].

В киноленте **«Я шагаю по Москве»** (1964) Георгий Данелия изобразил молодежь, ищущую смысл жизни. Большое место в картине занимают московские городские пейзажи и бытовые детали 1960-х гг. [3, с. 59]. Перед зрителем раскрывается мир, в котором все хорошо. Визуальная составляющая фильма внушает зрителю легкость и комфорт: образ отлакированной Москвы, красивые улицы и доброжелательные люди, пелена красиво встроенных фантазий. Композиция фильма закольцована, диалог из начала фильма повторятся в конце: «И у вас все хорошо? – Очень! – А ведь так не бывает. – А вот бывает. Да! Бывает!» В процессе просмотра фильма эти слова раскрывают свой изначальный смысл, проблема, кроющаяся в них, обличается. Люди в фильме стараются быть счастливыми, не обращая внимания на гнетущее прошлое, на травму, которая постоянно напоминает о себе. Проблема существует, но люди убеждают себя в том, что все хорошо. Желанное выдается за действительное. Главные герои – сироты,

дети погибших отцов. Страшные жертвы скрываются за их спинами. Это осознание проходит красной нитью через весь фильм, лакирующий действительность, создающий миф, склеенный из отдельных эпизодов.

Зритель наблюдает бытийность персонажей, их обычное проживание реальности и то, как это их существование пронизано последствиями войны. Главный герой кинокартины Коля, «продуманный» молодой человек, предстает перед нами как уже взрослый, состоявшийся юноша. Его раннее взросление обусловлено отсутствием отца. В эпизоде, когда Володя рассматривает фотографии на стене, бабушка Коли говорит о смерти всех ее сыновей. Это показывает влияние войны на жизни людей и то, как она рушит судьбы. Володя тоже самостоятельный и серьезный молодой человек. В эпизоде с уборщиком он четко отстаивает свои взгляды и ценности.

Операторская работа В. Юсова погружает в спроектированный авторами образ столицы. Киногеничность визуального ряда пленит и обманывает зрителя, который так же, как и герои картины, старается не замечать всех горестей и просто проживать момент, плавно перетекая от одного эпизода своей жизни к другому.

Период «оттепели» был в Советском Союзе временем социальной и культурной изменчивости. Именно тогда кинематограф обратился к теме войны. Война начала восприниматься как экзистенциальное переживание, затрагивающее каждого индивида. Главным фильмом эпохи стала кинокартина «Летят журавли» М. Калатозова. Главная героиня Вероника вызвала неоднозначную реакцию у зрителей, но ее образ отразил главный посыл фильмов такого толка – внимание к личности и ее переживаниям. Оператор С. Урусевский выполнил роль посредника между кинокартиной и зрителем, его камера являлась продолжением тела, становясь подвижной. Ракурс, план выполняли роль киноязыка. Картина «Иваново детство» также поднимает классическую тему внимания к чувствам «маленького человека». Главные герои фильма «Я шагаю по Москве» стали свидетелями последствий войны; несмотря на то что война уже закончилась, ее отголоски все еще слышны в квартирах мирных жителей. «Оттепельное» кино о войне громко заявило о ценности личного, индивидуального. Кинематограф смог наиболее полно отразить общественные изменения, про-

возгласил новые ценности и оставил след не только в головах советских зрителей, но и зрителей всего мира.

Список литературы

1. Зайцева Л.А. Тема войны в кинематографе второй половины 50-х годов XX века // Вестник ВГИК. – 2012. – Т. 4, № 2-3. – С. 20–30.

2. Прохоров А. Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели» / пер. с англ. Л.Г. Семеновой и М.А. Шерешевской. – СПб. : Академ. проект : ДНК, 2007.

3. Русина Ю.А. История советского кино : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.

4. Фрейлих С.И. Теория кино: От Эйзенштейна до Тарковского : учебник для вузов. – 2-е изд. – М. : Академ. проект, 2002. – 512 с. – (Gaudeamus).

5. Хуссин С.И. Великая Отечественная война в «зеркале» советского кинематографа периода «оттепели» / Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т // СтРИЖ. – 2023. – № 3 (50). – С. 181–184.

УДК 94(47).084.9:791.43

МАРГИНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ЭПОХИ «ЗАСТОЯ»[1]

Исакова Елена Евгеньевна
студентка 3-го курса Института философии (культурология)
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
fox.isakova.2003@list.ru

Аннотация. Исследован маргинальный герой в советском кинематографе позднего «застоя» (1975–1985). Для выявления культурной маргинальности применяется принцип вненаходимости, теоретически разработанный применительно к советской культуре данного периода Алексеем Юрчаком. Материалом исследования стали стратегии главных героев фильмов «Влюблен по собственному желанию» (1982, реж. Сергей Микаэлян), «Отпуск в сентябре» (1979, реж. Виталий Мельников) и «Полеты во сне и наяву» (1982, реж. Роман Балаян), воплощающие противоречия эпохи позднего «застоя».

Ключевые слова: маргинальный герой, советская культура, советский кинематограф, маргинальная личность, культурная маргинальность, дискурс, вненаходимость.

A MARGINAL HERO IN SOVIET CINEMATOGRAPHY OF THE ERA OF ‘STAGNATION’

Isakova Elena Ev.
3rd Year Student of the Institute of Philosophy (Cultural Studies)
The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
fox.isakova.2003@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the marginal hero in the Soviet cinematography of late stagnation (1975–1985). To identify cultural marginality, the principle of outsideness is applied, which was theoret-

© Исакова Е.Е., 2024

[1] Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 5ВГ).

ically developed by Alexei Yurchak to characterize the Soviet culture of this period. The material of the study was the strategies of the main characters of the films 'In love of their own free will' (1982, dir. Sergey Mikaelyan), 'Vacation in September' (1979, dir. Vitaly Melnikov) and 'Flying in a dream and in reality' (1982, dir. Roman Balayan), embodying the contradictions of the era of late stagnation.

Key words: marginal hero, Soviet culture, Soviet cinematography, marginal personality, cultural marginality, discourse, outsideness.

Проблемы маргинального человека и культурной маргинальности активно рассматриваются в различных гуманитарных науках [3]. Кинематограф и художественная литература не просто представляют набор определенных характеристик маргинальной личности, но отражают изменения норм и ценностей общества. Маргинальный герой является воплощением противоречий времени, символом преобразований, проявляющихся в профессиональных, бытовых, ролевых и эмоциональных аспектах. Данного героя могут отличать ролевые несоответствия, материальные трудности, радикальные взгляды, культурный уровень, отклонение от соблюдения законов и обязанностей. Главный признак, на котором строится драматургия маргинального героя, – это разрыв социальных связей, но при погружении маргинала в новую среду эти социальные и духовные связи восстанавливаются [2, с. 48]. Так, Т.А. Пономарева проанализировала такого героя на примере маргинальной личности в романе Р. Сенчина «Ёлтышевы». В основе сюжета – распад дома и семьи, личности, маргинализация самой человеческой жизни значительной части общества [4]. Исследователь выделяет нравственную деградацию, неспособность сохранить традиции деревни как признаки маргинальных героев. Данную характеристику Пономарева аргументирует социальными обстоятельствами постсоветской России, разломом производственных и социальных структур на селе в результате радикального реформирования сельского хозяйства [4]. Не сохранилась социальная и культурная среда, которая укрепляла отношения деревни с городом. Пономарева на примере прозы Р. Сенчина пытается объяснить маргинализацию российского общества.

Мир маргинального человека раскрывается и в образах киногероев. В данном исследовании мы анализируем маргинального героя в

кинолентах эпохи позднего «застоя» (1975–1985). Именно в данный период в художественной литературе и массовом кинематографе часто появляется образ неоднозначного, сложного персонажа, который, не будучи отрицательным героем, следует нормам и правилам, отличным от авторитетного дискурса.

Для начала рассмотрим культуру «застоя» и процессы, которые происходили в обществе. Алексей Юрчак, описывая культуру «застоя», вводит понятие «перформативный сдвиг». Перформативный сдвиг образовался в результате стандартизации и копирования формы идеологического языка, в результате чего соблюдение правил и норм идеологического дискурса подразумевало только констатацию факта их соблюдения, а сам смысл и трактовка действий менялись. Перформативный сдвиг авторитетного дискурса открыл возможность для возникновения в советской повседневности новых, неожиданных смыслов, способов существования, видов субъектности, форм социальности и типов отношений [5, с. 77].

Человек четко повторял формы авторитетных высказываний и ритуалов, но, не задумываясь об их буквальном смысле, свободно выстраивал свою жизнь. Советские люди получили возможность формировать сложное и дифференцированное отношение к различным идеологическим тезисам, нормам и ценностям системы [5, с. 78]. Это означало не апатию или отвержение идеологического дискурса, а, наоборот, принятие его на уровне формы [5, с. 263]. Алексей Юрчак описывает образ жизни советского человека по принципу «вненаходимости» [5, с. 266]. В дискурсивном пространстве доминировал авторитетный дискурс, но состояние вненаходимости позволяло по-своему интерпретировать идеологические тезисы, связывая с ним социальные практики и отношения, смысл которых не обязательно совпадал с буквальным смыслом авторитетных высказываний [5, с. 269].

Сообщества *своих* формировались не по социальной принадлежности, а по единству восприятия авторитетного дискурса [5, с. 249].

Первым пространством вненаходимости можно обозначить Дворцы пионеров, обучение в которых подразумевало разностороннюю социализацию личности. Благодаря анализу культуры, откровенности дискуссий, отличающихся от общепринятых, деятельность в

Дворцах пионеров преобразовалась в сплоченную общность, построенную на осознании своей исключительности [5, с. 274].

Другой группой были физики-теоретики [5, с. 278], которые, соблюдая форму авторитетного дискурса, обладали свободой выбора исследований. Среда физиков-теоретиков создавалась благодаря тесному интеллектуальному и культурному общению, которое способствовало совместному поиску «глубоких истин» [5, с. 279].

Общение являлось одним из феноменов, формирующих отношения вненаходимости. Алексей Юрчак характеризует общение как «пространство аффекта, возникающее в этом процессе, в котором личность каждого субъекта становится частью единой интерсубъектной общности» [5, с. 296]. Неофициальный авторитет был более значим, чем официальный, и добиться его было труднее. Появилась «необычная, квазиродственная близость» [5, с. 299], которая характеризует близкие душевные отношения.

Вненаходимость проявлялась также и в профессиональной среде, когда начали преобладать низкооплачиваемые профессии, гарантировавшие свободный график работы. Закон об обязательном трудоустройстве исполнялся исключительно на уровне формы. Происходили легальная минимизация занятости и появление новых сообществ [5, с. 303].

Таким образом, мы можем выделить следующие стратегии вненаходимости: обсуждение и критика советской культуры без политического подтекста, смежное изучение научных дисциплин, деление общества на *своих* и *чужих*, преобладание «кухонных разговоров», минимизация занятости ради личных интересов.

В киноленте Сергея Микаэляна «Влюблен по собственному желанию» (1982) Игорь Брагин обладает характеристиками маргинальной личности. В прошлом спортсмен, в сюжете фильма Игорь – алкоголик. При этом работает на заводе, точит детали на станке. Его работа подразумевает механический труд и по накладной в месяц он выполняет 102 процента плана. В реальной жизни герой таких показателей не имеет, работает медленно, он не мотивирован преуспеть в работе за станком. Игорь ведет образ жизни по принципу вненаходимости, минимизировав занятость, он тратит все свое время на выпивку.

Герой не имеет увлечения, не заинтересован в общественном благоустройстве. Несостоявшийся спортсмен чувствует себя потерянным и бесполезным. Именно оскорбление «неудачник» вызывает у Игоря больше эмоций.

Жизнь главного героя меняется с появлением Веры. Она намеревается с помощью аутотренинга поменять отношение Игоря к жизни. В первую очередь герои обсуждают ценность жизни и своей работы, находят для Игоря хобби и общественную работу. К концу фильма главный герой, преодолевая внешние противоречия, становится частью нескольких социальных структур. Герой Олега Янковского переживает кризис и переходный период в своей жизни, к финалу обретая гармонию с самим собой.

У главных героев кинолент «Отпуск в сентябре» (1979) и «Полеты во сне и наяву» (1982) не получается прийти к внутреннему равновесию.

Олег Янковский в фильме Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву» исполнил роль неуверенного, потерянного человека. Сергея Макарова сложно назвать примерным гражданином. В отделе он работает формально, нам не представлена ни одна сцена, где герой выполняет свои профессиональные обязанности, зато есть понимание того, что он постоянно берет отгулы. Сергей вроде как семьянин с ребенком и женой, но это не мешает ему иметь любовницу: «Вот… две женщины, одинаково для меня близкие, одинаково дорогие. Только с одной меня не связывает ничего, кроме долга, с другой – все, кроме долга». Главный герой относится к жизни, как ребенок к игре [1]. Он посещает молодежные вечеринки с Алисой, где чувствует себя чужим. В конторе он требует к себе уважения, но обижается на комментарий молодой сотрудницы. Ключевым становится его розыгрыш на юбилее, когда он прыгает с тарзанки и окружающие его друзья бегут его спасать. Внешне Сергей Макаров ведет нормальный образ жизни. Но его отношение к нормальному образу жизни говорит о том, что герой не принимает реальность, воспринимает ее как игру.

«Отпуск в сентябре» Виталия Мельникова снят по пьесе Александра Вампилова «Утиная охота». Сам автор пьесы в драматургии стал первооткрывателем драматизма социально-психологического состояния, которое оставляет надежду героев на лучшую жизнь [2].

Главный герой находится в кризисном состоянии, его не радуют работа в конторе и личная жизнь. Он придерживается принципа вненаходимости на уровне жизненных ориентиров. Виктора Зилова считают своим в конторе, где отношения между начальством и подчиненными больше дружеские, чем формальные. Все повествование фильма строится на том, что Виктор собирается на охоту. Только главного героя с трудом можно назвать охотником. Как отмечает его друг Дмитрий, «утки только на воду сели, а ты уже вскочил». Виктор Зилов только делает вид, что разбирается в этом деле. Герой выбирает утиную охоту, чтобы убежать от своей реальности, от общепринятых радостей советского человека: стабильная работа, новая квартира, красивая жена и любовница. Главному герою к концу истории не удается влиться в социальную среду и стать своим, поэтому он совершает попытку самоубийства. В конечном итоге Виктор Зилов едет на утиную охоту, уже полностью теряя социальные и духовные связи с женой и друзьями.

Восстановить социальные и духовные связи удается только Игорю Брагину в киноленте «Влюблен по собственному желанию» – персонажу, переживающему конфликт с внешним миром. Виктор Зилов и Сергей Макаров не выпадают из общественной среды, даже преуспевают в ней. Они соблюдают нормы и правила авторитетного дискурса, но не могут осознать смыслы и символы в таком образе жизни. Героев отличают эмоциональная нестабильность, профессиональный кризис. В первом фильме мы слышим внутренний голос героя и понимаем его мотивацию, наблюдаем его изменения изнутри. В двух других фильмах герои молчаливые, замкнутые и потерянные. Они воплощают в себе противоречия эпохи, когда форма авторитетного дискурса не меняется, но сил на трактовку идеологического языка и адаптацию новых смыслов уже нет.

Список литературы

1. Безенкова М.В. Критические точки личности в советском кино: от «Заставы Ильича» до «Полетов во сне и наяву» [Электронный ресурс] // Киноведение. Вестник ВГИК. – 2012. – № 12-13. – Режим

доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_17996594_69031960.pdf (дата обращения: 19.08.2023).

2. Белоконь Н.А. Особенности художественного мира А. Вампилова [Электронный ресурс] // Литературоведение. – 2018. – № 6 / Горлов. ин-т иностр. яз. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47212364_73393533.pdf (дата обращения: 19.08.2023).

3. Воробьева Е.С. Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сев. (Арктический) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2016. – 18 с.

4. Пономарева Т. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. – 2017. – № 2. – Режим доступа: https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/16747/14855 (дата обращения: 19.08.2023).

5. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М. : Нов. лит. обозрение, 2014. – 664 с.

Научное издание

12+

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА: трансформация общественного сознания в 1953–1985 гг.

Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научной конференции

(19–21 октября 2023 г., г. Пермь, Россия)

Редактор *М.Г. Коровушкина, Е.М. Сторожева*
Технический редактор *О.В. Вязова*
Верстка, оформление обложки *Д.Г. Григорьев*

Подписано в печать 02.07.2024. Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 24. Тираж 200 экз. Заказ № 154/2024

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Пушкина, 44, каб. 310
Тел. (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Новопринт»,
614016, г. Пермь, ул. Седова, 7, оф. 110,
тел. (342) 204 5 992

12+

ИСКУССТВО
ПРИНАДЛЕЖИТ
НАРОДУ
НАША ЗЕМЛЯ,
ВОЗДУХ – НАШ,
НАШИ
ЗВЕЗД
АЛМАЗНЫЕ КОПИ.
И МЫ НИКОГДА,
НИКОГДА,
НИКОМУ,
НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛИМ
ЗЕМЛЮ НАШУ
ВОЗДУХ НАШ
РАЗДИРАТЬ

